

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Arheology
and Ethnography
of the Caucasus*

т. 16
№ 3. 2020

Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 16
№ 3. 2020

Ф

Махачкала, 2020

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издаётся по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацуздато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мунчаев Рауф Магомедович, Институт археологии РАН, Россия
Мусеибли Наджиф Алескер оглы, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджа-
на, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной акаде-
мии наук Азербайджана, Азербайджан
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США
Ченсинер Роберт, Оксфордский университет, Великобритания

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Adamczewski Przemyslaw, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Польша
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республи-
ки Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерально-
го исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашивили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зилибинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия

Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буняярова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабай Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрэилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлик Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Ответственный секретарь

*Капланова Лейла Шамильевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия*

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020
© Все авторы, Т. 16. №3. 2020

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Cheif
Khizri A. Amirkhanov
The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Cheif
Elmira M. Dalgat
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief
Maysarat K. Musaeva
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RASS

Editorial council

Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS
Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Rauf M. Munchaev, Institute of Archaeology RAS, Russian Federation
Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaev, Z. Buniyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States
Robert Chenciner, University of Oxford, United Kingdom

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhabova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Przemyslaw Adamczewski, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Poland
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian - Armenian University, Armenia
Bakhtiyor M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France

Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H., Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
© All authors, V. 16. № 3, 2020

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala, M. Yarakskogo St., 75

Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ Т. 16. № 3 КАВКАЗА 2020

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Закарияев З.Ш.	СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПИГРАФИКА СЕЛЕНИЯ ХНОВ (XI–XV ВВ.): НОВЫЕ ДАННЫЕ	502
Тимохин Д.М.	ОБ ЭПИЗОДЕ ИЗ БИОГРАФИИ СУФИЙСКОГО ШЕЙХА МАДЖД АД-ДИНА АЛ-БАГДАДИ И ХОРЕЗМИЙСКОЙ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ТЕРКЕН-ХАТУН	549
Блохин В.С.	РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СОВЕРШЕНИЯ ТАИНСТВА КРЕЩЕНИЯ И ЦЕРКОВНЫХ ТРЕБ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-АРМЯНСКИХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ (1828–1905 гг.)	565
Далгат Э.М., Абдулаева М.И., Аяган Б.Г.	ВЛАСТЬ И ДАГЕСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ	581
Абзолов Л.Ф.	О ПРАКТИКЕ ВОДОЛЕЧЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКУЮ ЭПОХУ	598
Халаев З.А.	ПРИМЕЧЕТСКИЕ ШКОЛЫ И ТАРИКАТСКИЕ ОБИТЕЛИ ДЖАРСКОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)	608
Темуев А.И.	ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НARRATIVНЫХ ИСТОЧНИКАХ	620

АРХЕОЛОГИЯ

Суханов Е.В.	КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЗДАНИЯ ФОРМ КУВШИНОВ У ДОНСКИХ АЛАН	639
Маммаев М.М.	НОВЫЕ КАМЕННЫЕ РЕЛЬЕФЫ – АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ XIV–XV ВВ. ИЗ СЕЛ. КУБАЧИ С ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМИ СЮЖЕТАМИ	661
Нарожный Е.И., Тищенко И.Б.	ДВА ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА XIII–XV ВВ. ПОСЕЛЕНИЯ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ-2» (КРЫМСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)	682
Кузеева З.	КЛАССИФИКАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ДЕРБЕНТА КОНЦА VIII–X ВВ. (на примере материалов из раскопов XXVII и XXXIII)	714

ЭТНОГРАФИЯ

Рамазанова З.Б., Сулайманова С.А.	ВСПМОГАТЕЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ У НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧ. XX ВВ. (ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	760
Магомедханов М.М., Р.Ченснер, М.Ченснер, Мусаева М.К., Гарунова С.М.,	ДАГЕСТАН. ГОРНО-ДОЛИННОЕ САДОВОДСТВО: ДЕФИНИЦИИ «АГРОКУЛЬТУРА», «ХОРТИКУЛЬТУРА», «САДОВОДСТВО»	770
Басирова К.К.	НАРОДНАЯ МУЗЫКА И ТАНЦЫ КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ДЕТЕЙ	797

ЭКСПЕДИЦИИ

Кадзаева З.П., Кацукова М.М.	РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ГУСАРА I В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	811
------------------------------	---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Гаджиева У.Ш.	О КРИТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ИСТОЧНИКУ	830
---------------	---	-----

ХРОНИКА

Алибекова П.М., Тикаев Г.Г.	ПАМЯТИ УЧЕНОГО-ВОСТОКОВЕДА ГАСАНХАНА МИРЗАМАГОМЕДОВИЧА МИРЗАМАГОМЕДОВА	842
-----------------------------	--	-----

Daghestan Federal Research Centre of RAS

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY Vol. 16. № 3 OF THE CAUCASUS 2020

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

Zamir Sh. Zakariyaev	MEDIEVAL EPIGRAPHS OF KHNOV VILLAGE (11th–15th CENTURIES): NEW DATA	502
Dmitry M. Timokhin	AN EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF THE SUFI SHEIKH MAJD AD-DIN AL-BAGHDADI AND THE KHWAREZMIAN RULER TERKEN-HATUN	549
Vladimir S. Blokhin	THE REGULATION OF ISSUES OF PERFORMING BAPTISM AND OCCASIONAL CHURCH RITUALS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-ARMENIA INTERFAITH RELATIONS (1828–1905)	565
Elmira M. Dalgat, Madina I. Abdulaeva, Burkutbai G. Ayagan	GOVERNMENT AND THE DAGESTAN SOCIETY IN THE PERIOD OF THE WORLD WAR I: DAILY EXPERIENCE	581
Lenar F. Abzalov	THE PRACTICE OF HYDROTHERAPY IN THE NORTH CAUCASUS OF THE GOLDEN HORDE AGE	598
Zahid A. Khalaev	MOSQUE AFFILIATED SCHOOLS AND TARIQA ABODES OF DZHAR MUNICIPALITY (ACCORDING TO FIELD MATERIAL)	608
Alim I. Tetuev	HISTORICAL MEMORIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN NARRATIVE SOURCES	620

ARCHAEOLOGY

Evgennyi V. Sukhanov	CULTURAL TRADITIONS OF JUG SHAPES AMONG DON ALANS	639
Misrikhan M. Mammaev	NEW STONE RELIEFS FROM KUBACHI – ARCHITECTURAL DETAILS OF THE 14TH–15TH CENTURIES WITH GRAPHIC SUBJECTS	661
Yevgenyi I. Narozhnyi, Igor B. Tishchenko	TWO BURIALS OF THE BURIAL GROUND OF THE XIII–XV CENTURY SETTLEMENT «RAILWAY-2» (KRYMSKY DISTRICT OF KRASNODAR TERRITORY)	682
		714

ETHNOGRAPHY

Zoya B. Ramazanova, Sevda A. Suleimanova	UTILITY BUILDINGS AMONG THE PEOPLES OF SOUTH DAGESTAN IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (ETHNOLOGICAL ASPECT)	760
Magomedhan M. Magomedhanov, Robert Chenciner, Marian Chenciner, Maysarat K. Musaeva, Saida M. Garunova,	DAGESTAN. MOUNTAIN-VALLEY HORTICULTURE: DEFINING AGRICULTURE, HORTICULTURE AND GARDENING	770
Karina K. Basirova	TRADITIONAL MUSIC AND DANCES AS MEANS OF EDUCATION OF DAGESTAN CHILDREN	797

EXPEDITION

Zalina P. Kadzaeva, Maria M. Kanukova	EARLY MEDIEVAL BURIAL GROUND GUSARA I IN NORTH OSSETIA	811
--	--	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Hacijeva Ulvia Sh.	ABOUT THE CRITICAL APPROACH TO THE HISTORICAL SOURCE	830
--------------------	--	-----

CHRONICLE

Patimat M. Alibekova, Guseyn G. Tikaev	IN THE MEMORY OF THE SCHOLAR-ORIENTALIST GASANKHAN MIRZAMAGOMEDOVICH MIRZAMAGOMEDOV	842
---	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163502-548>

Закарияев Замир Шахбанович,
д.и.н., проф. кафедры востоковедения,
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия;
зав. кафедрой иностранных языков,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия
zzakariyaev@yandex.ru

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПИГРАФИКА СЕЛЕНИЯ ХНОВ (XI–XV ВВ.): НОВЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. История изучения богатого эпиграфического наследия древнего дагестанского селения Хнов насчитывает уже более полувека. Подавляющее большинство эпиграфических памятников селения составлено на арабском языке. Наша работа по сплошному исследованию хновских надписей привела к выявлению множества неизвестных прежде памятников. Целью статьи является представление результатов изучения автором средневековых надписей Хнова XI–XV вв. Они охватывают разные жанры эпиграфики: строительные, религиозные и назидательные тексты, надписи-эпитафии. Выявлены и впервые вводятся в научный оборот неизвестные прежде куфические надписи, датируемые по палеографическим признакам в пределах XI–XII вв. С полным основанием их можно считать древнейшими памятниками куфической письменности из Хнова. О раннем существовании в Хнове минарета свидетельствует новооткрытая надпись XIV–XV вв. Кроме того, мы предлагаем новое прочтение, интерпретацию или альтернативную датировку ряда уже известных науке хновских надписей XII–XV вв. В их числе известная надпись от 1401 г. о строительстве минарета, куфические надписи эпиграфического фриза мечети Западного квартала, эпитафии надмогильных памятников XIV–XV вв. Установлено, что стиль письма куфических надписей фриза отличается друг от друга, что может говорить как о разновременном характере их создания, так и о работе разных резчиков-каллиграфов. Впервые прочитаны надписи эпиграфических лент некоторых надмогильных памятников. Предлагаемая новая датировка одной из эпитафий делает ее старейшей из сохранившихся в Хнове датированных эпитафий (1355 г.). В статье использованы результаты просопографического исследования всего комплекса хновских надписей, включая эпиграфику, не представленную в данной работе. Приведенные в статье новые данные о средневековой эпиграфике селения Хнов расширяют источниковую базу исследований истории и культуры региона и могут послужить основой для будущих исторических реконструкций.

Ключевые слова: Дагестан; селение Хнов; эпиграфика; Средневековье; строительные надписи; эпитафии; амир; куфи; насх.

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163502-548>

Zamir Sh. Zakariyaev,
D.Sc. (History), Professor of the Department of Oriental Studies
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
Head of the Department of Foreign Languages
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
zzakariyaev@yandex.ru

MEDIEVAL EPIGRAPHS OF KHNOV VILLAGE (11th–15th CENTURIES): NEW DATA

Abstract. The history of studying rich epigraphic heritage of the ancient Dagestan village of Khnov spans over half a century. The overwhelming majority of the village's epigraphic monuments are written in Arabic. Our all-round study of Khnov inscriptions revealed a number of previously undocumented monuments. The aim of the paper is to present the results of studying Khnov inscriptions of the 11th–15th centuries. They cover various genres of epigraphy: construction, religious and didactic texts, inscriptions–epitaphs. Newly revealed Kufic inscriptions are introduced into science, dating back according to paleographic indicators to the 11th–12th centuries. With good reason they can be considered the most ancient monuments of Kufic writing from Khnov. The early existence of the minaret in Khnov is evidenced by the newly discovered inscription of the 14th–15th centuries. In addition, we propose a new reading, interpretation or alternative dating of a number of Khnov inscriptions already known to science from the 12th–15th centuries. Among them are a well-known inscription of 1401 about the construction of a minaret, Kufic inscriptions of epigraphic frieze of the mosque of the Western quarter, epitaphs on tombstones of the 14th–15th centuries. It has been established that the writing style of the Kufic inscriptions of the frieze differs from each other, which may indicate both the different time nature of their creation and the work of different calligraphers. The inscriptions of the epigraphic strips of some gravestones were read for the first time. The proposed new dating of one of the epitaphs makes it the oldest surviving dated epitaph in Khnov (1355). The paper contains results of the prosopographic study of the whole set of Khnov inscriptions, including epigraphy, not mentioned in the study. The new data on the medieval epigraphy of the village of Khnov, presented in the paper, expand the source base for research on the history and culture of the region and can serve as the basis for future historical reconstructions.

Keywords: Dagestan; Khnov village; epigraphy; Middle Ages; construction inscriptions; epitaphs; amir; Kufi; Naskh.

Высокогорное селение Хнов (Рис. 1) Ахтынского района Республики Дагестан расположено недалеко от Главного Кавказского хребта в верховьях реки Ахты-чай (лезг. *Ахцегъ-вацI*), на высоте почти 2000 м над уровнем моря. Это одно из исторически крупных и древнихселений Самурского региона Дагестана. Ныне население Хнова в результате миграционных процессов сильно сократилось. Хновцы говорят на особом хновско-борчинском диалекте рутульского языка, который входит в лезгинскую группу нахско-дагестанских языков.

Впервые о хновских надписях сообщил М.М. Ихилов, посетивший селение в 1957 г. Однако его сведения о якобы существующих в Хнове куфических эпитафиях XI–XIII вв. не подтвердились, а надписи так и не были опубликованы, за исключением одной эпитафии (почерком *насх*), которую М.М. Ихилов ошибочно датировал VII в. вместо XV в. [1, с. 277]. Датировка этой надписи уже XVII в. была предложена Л.И. Лавровым [2, с. 162, 215], но это предположение также не подтвердилось.

Научное изучение эпиграфических памятников Хнова связано с именем видного российского историка-востоковеда проф. А.Р. Шихсаидова, который в 1974 г. издал комментированные переводы 13 средневековых надписей Хнова, среди которых и памятники куфической письменности от XII в. [3, с. 262–276]. Впоследствии, в 1984 г. А.Р. Шихсаидов переиздал переводы большинства этих надписей с некоторыми существенными изменениями и дополнениями [4, с. 148–156, 211–226, 232–242]. Тогда же были впервые опубликованы арабские тексты и фотографии ряда хновских памятников.

Исследования А.Р. Шихсаидова и связанные с ними исторические реконструкции способствовали привлечению научного интереса к эпиграфическим памятникам Хнова и истории селения. Однако затем в течение нескольких десятилетий работы по выявлению и изучению богатого эпиграфического наследия Хнова фактически не проводились. В ходе недавних полевых исследований, имевших целью сплошное исследование эпиграфики Хнова, нам удалось выявить множество неизвестных прежде надписей разных эпох. Датированным хновским строительным надписям второй половины XVII – первой половины XVIII в., в которых сообщается о возведении мусульманских культовых сооружений, посвящена наша отдельная публикация¹.

В настоящей статье представлены результаты изучения автором арабских надписей селения Хнов эпохи Средневековья. Основные исследования проводились в августе 2016 г.² Интенсивные работы по выявлению эпиграфических памятников позволили обнаружить в селении неизвестные прежде средневековые надписи, включая памятники куфической письменности от XI–XII вв. Кроме того, мы предлагаем новое прочтение, интерпретацию или альтернатив-

¹ Закарияев З.Ш. Арабоязычные надписи XVII – XVIII вв. из селения Хнов о строительстве минаретов и мечети // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 72–82.

² Автор выражает благодарность жителям с. Хнов Джейфуну Нуралиеву и Роберту Махмудову за гостеприимство и содействие в работе.

ную датировку ряда уже известных науке хновских надписей XII–XV вв. Надписи приводятся в статье в соответствии с территориально-хронологическим принципом. Они охватывают разные жанры эпиграфики: строительные, религиозные и назидательные тексты, надписи-эпитафии. Переводы надписей сопровождаются научными комментариями. Орфография приводимых арабских текстов сохранена.

В южной стене одного из старых заброшенных домов в Хнове обнаружена квадратная плита 20x20 см. Левый край плиты отколот. Внутри врезной рамки строгим угловатым почерком *куфи* глубоко врезана надпись из четырех строк (Рис. 2). Текст начинается с традиционной мусульманской вступительной формулы *басмала*, а завершается формулой единобожия (*шахада*). Имеются орфографические ошибки. Смысл окончания второй строки и начала третьей строки остался неясен.

- (١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ [من]
- (٢) الرَّحِيمُ مِنْ كَ...
- (٣) لَبْنَ بَالْقَى لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ ...
- (٤) إِلَّا لِلَّهِ مُحَمَّدٌ ...

Перевод:

- «1) Во имя Аллаха, Милостивого,
- 2) Милосердного. ...
- 3) ... Нет бога,
- 4) кроме Аллаха, Мухаммад [посланник Аллаха]».

Надпись почти лишена диакритики. Лишь в двух случаях буквы снабжены точками. Буквы *мим* и *ха* имеют форму треугольника, а *каф* – ромба. *Нун* открыт слева. Зубцы *сина* резко теряют в высоте. Основания ламов на строке под прямым углом. Строгий архаичный стиль куфического письма надписи резко отличается от изысканного стиля каллиграфических куфических надписей, выявленных А.Р. Шихсаидовым в западной стене мечети Западного квартала Хнова [4, с. 150–155]. По совокупности палеографических признаков надпись может быть датирована в пределах XI–XII вв.

Небольшая квартальная мечеть Западного квартала Хнова³, в здании которой долгие годы размещалась сельская больница, известна своими ценными средневековыми надписями, которые хорошо сохранились. В западной стене А.Р. Шихсаидовым выявлено сразу семь надписей XII – начала XV в. Ныне выяснилось, что эпиграфика мечети отнюдь не исчерпывается лишь надписями западной стены. Под слоем старой осыпающейся штукатурки южной стены также обнаружены каменные плиты с надписями. В частности, в правой части южной стены обнаружена врезная куфическая надпись – возможно, старейшая надпись мечети (Рис. 3). Правый край плиты 32x25 см

³ Эта квартальная мечеть именуется «мечетью западной [части] хновской общины» (*масджид ал-джама‘а ал-магрибиййа ал-хинавиййа*) в строительной надписи 1253/1837–38 г. Самая поздняя надпись о ремонте мечети датирована 1314/1896–97 г.

отколот, поэтому начало строк не сохранилось. Надпись представляет собой краткую трафаретную фразу, которая характерна для эпиграфики раннего этапа распространения ислама в Дагестане. В основе фразы лежит отрывок из аята суры Корана «Прощающий» (40:16).

(۱) [إِلَّا مَلْكُ اللهُ الْوَ

(۲) [إِنَّهُدَ الْقَهَّارَ

Перевод:

- «1) Владычество принадлежит Аллаху Единому, Всеизвестному».

Палеография надписи отличается от куфических надписей западной стены. Во-первых, письмо здесь носит более строгий и простой характер. Во-вторых, у букв отсутствуют декоративные отростки, характерные для двух куфических надписей западной стены. В третьих, в надписи южной стены верхушки стволов букв имеют не клинья, а левосторонние стрелки. Основания алифов слегка отогнуты вправо и вниз. Основания ламов повернуты влево под прямым углом. Каф трактован в виде ромба на высокой ножке и снабжен точками. Конечная буква ха имеет форму треугольника, а срединная буква ха – в форме наклоненной влево трапеции с поперечной косой чертой. Буква ра высечена в форме полукруга, уходящего под строку. Верхняя часть буквы вав имеет треугольную форму, а ее нижняя часть параллельна строке. Все эти особенности письма позволяют датировать надпись в пределах XI–XII вв.

В южной стене мечети, слева от плиты с надписью 1080/1669–70 г. о строительстве минарета, впритык к ней установлена плита 35x29 см с отколотыми правыми краями. Врезная надпись из трех строк сохранилась не полностью и читается частично (Рис. 4).

(۱) این منار ر

(۲) ... جنة شد در د و

(۳) ... میز عرب بن عل

Перевод:

- «1) ... минарет ...
- 2) ...
- 3) ... ‘Араб, сын ‘Али».

Надпись врезана почерком, который встречается в надписях XIV–XV вв. из Южного Дагестана. Характерна манера письма буквы ба, открытой слева. Вероятно, надпись была составлена по случаю строительства минарета.

В состав уникального эпиграфического фриза западной стены мечети Западного квартала входят шесть плит с врезными надписями, пять из которых нанесены куфическим письмом, а одна – почерком *насх*. В двух местах эпиграфический пояс прерывается камнями без надписей. Все шесть надписей выявлены и введены в научный оборот А.Р. Шихсаидовым, который опубликовал и их фотографии. Арабские тексты этих надписей не публиковались. Следует отметить, что стиль письма куфических надписей фриза отличается друг от дру-

га, что может говорить как о разновременном характере их создания, так и о работе разных резчиков-каллиграфов (*катибов*). Сходные черты имеет почерк первых двух (справа) надписей. Практически идентичен стиль письма третьей и четвертой надписей, выполненных, вероятно, одним каллиграфом. Наконец, особняком выглядит манера письма пятой справа куфической надписи, которая лишена каллиграфических изысков других куфических текстов фриза. Четвертая справа надпись (Рис. 5) переведена А.Р. Шихсаидовым следующим образом:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосерд-²⁾ ного. Благословение Аллаха
3) справедливому и тому, кто вой-⁴⁾ дет в него (в здание ?). Написал(и) ‘Умар,
5) ‘А.х.с. и Мухаммад» [4, с. 152].

Мы предлагаем альтернативное прочтение благопожелания, которое следует после вступительной формулы *басмала*. Речь идет о третьей строке, начальную фразу которой А.Р. Шихсаидов прочел как *صاحب العدل* (صاحب العدل), т.е. «справедливый». Л.И. Лавров предлагает несколько иной перевод этой фразы: «справедливый хозяин [дома]» [5, с. 37]. Мы же убеждены, что в надписи начертано *صاحب العمل* (صاحب العمل) – «сделавший», т.е. речь идет о заказчике строительства или мастере-строителе здания, по всей видимости, мечети. Следовательно, надпись следует читать так⁴:

- (١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
- (٢) حَمَدٌ بِرَبِّكَةٍ مِّنَ اللَّهِ
- (٣) لِصَاحِبِ الْعَمَلِ وَمَنْ دَلَّ
- (٤) خَلَ فِيهَا وَكَتَبَ عُمَرٌ
- (٥) وَعَصْنَى وَمُحَمَّدٌ

Перевод:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосерд-
2) ного. Благословение Аллаха
3) тому, кто сделал и тем, кто вой-
4) дет в него⁵. Написали ‘Умар,
5) ‘А.х.с.⁶ и Мухаммад».

Мы согласны с датировкой А.Р. Шихсаидовым надписи в пределах XII в.⁷

Пятая справа надпись эпиграфического фриза западной стены нанесена на камень 33x30 см (Рис. 6). Врезной куфический текст состоит из пяти строк. Перевод надписи опубликован А.Р. Шихсаидовым, который признает, что «в ряде мест текст труден для чтения»:

«1) Построил (это) здание Хамма сын 2) Мухаммада и его сына (?)... 3)
хим. Почек И.к.ба. Жизнь 4) портится (?), а время [всегда 5) как] новое» [4,
с. 153].

⁴ Арабский текст надписи публикуется впервые.

⁵ Речь идет о местных мусульманах, для которых было построено здание мечети.

⁶ Возможны и другие варианты чтения этого местного доисламского имени, например, ‘Аджус.

⁷ Л.И. Лавров датирует надпись «не позже XIV в.» [5, с. 37].

Л.И. Лавровым предложено иное, «неуверенное» чтение, которое имеет мало общего с реальным содержанием надписи:

«1) Это здание решил построить 2) Мухаммад, но он погиб. Через некоторое 3) время невестка и тестя 4) ... и [известное] время 5) работали в поте лица» [5, с. 35].

Мы предлагаем новое прочтение этой надписи, в которой встречаются грамматические и орфографические ошибки. Прежде всего, изучение текста привело нас к убеждению, что он начинается не с глагола *бана* («строить»), а с указательного местоимения *хаза* («это»). Поэтому надпись в жанровом отношении может считаться больше владельческой, нежели строительной.

- (١) هذَا عَمَارَةُ حَمَى بْنِ
- (٢) مُحَمَّدٍ وَالْيَدِ يَقْنَى بَعْدَ
- (٣) خَيْرٍ الْخَطِ يَبْقَى وَالْعَمَرُ
- (٤) يَنْفَسُ وَزَمَانٌ
- (٥) جَدِيدٌ

Перевод:

- «1) Это дом (*'имара*) Хумайа, сына
- 2) Мухаммада. Рука приобретает после [совершения]
- 3) добра. Написанное остается, жизнь
- 4) уходит, а время
- 5) обновляется».

Мужское имя владельца дома мы предлагаем читать в форме «Хумай» (у А.Р. Шихсаидова: «Хамма»), рассматривая последнюю букву < ى > как *йа*, а не *алиф-максура*. На это указывают следующие обстоятельства. Во-первых, в эпиграфике региона в словах неарабского происхождения обозначение долготы после *фатхи* посредством *алифа-максура* не является характерным. Для этой цели использовался, как правило, *алиф-мамдуда*. Более того, даже в арабских словах, например, в глаголе *бана* («строить») для выражения долготы в конце слова вместо *алифа-максура* в старых надписях нередко мы видим употребление *алифа-мамдуда*. Во-вторых, мужские имена с суффиксом *ай* поныне часто встречаются среди жителей региона. В Хнове нами зафиксированы такие мужские имена как Мазай, Сутай, Ибай, Кайтай, Бай, Карнай, Исхай, Шамай и ряд других. Имя Хумай встречается трижды в хновской надписи от 1401 г. о сооружении минарета, которая находится в той же стене (см. ниже). В-третьих, редкое имя Хумай имело хождение в Хнове⁸ и других дагестанских селениях.

Во владельческой надписи содержится фраза, в которой глагол настояще-будущего времени *йанкусу* (بنقص) ошибочно приводится с буквой *син*, вместо *сад* (بنفس). А.Р. Шихсаидов полагает, что в тексте вместо *йанкусу* употреблен глагол *йафсуду* («портиться, быть испорченным»). Мы твердо убеждены, что

⁸ Посемейный список с. Хнов. 1850 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2.

это, все же, глагол *йанкусу* («уменьшаться, сокращаться»), начертанный с орфографической ошибкой в конце слова. Выражение «Жизнь уходит, а время обновляется» встречается в куфической надписи от 625/1228 г. из селения Рутул⁹ [2, с. 79], а также в надписи от 683/1284 г. из того же селения [6, с. 142; 4, с. 53]. Что касается начала фразы из хновского текста – «Написанное (надпись) остается», то она зафиксирована нами в надписи первой четверти XV в. из цахурского селения Мишлеш в составе философской сентенции «Надпись (*хатт*) остается на камне, а руки [высекшего надпись] истлевают под землей» [7, с. 35; 8, с. 218]. Другую редакцию этого же назидания мы выявили в средневековой эпитафии из заброшенного селения Вруш¹⁰: «Надпись остается в камне (*фи-льхаджар*), а пальцы [высекшего надпись] истлевают в недрах земли (*фи батн ал-ард*)» [8, с. 218.].

Последняя строка состоит из одного слова – прилагательного «новый» (*джадид*). Для заполнения строки *катиб* надписи намеренно вывел очень широкими две последние буквы – *йа* и *дал*. А.Р. Шихсаидов датировал надпись по палеографии в пределах XII в. [4, с. 153, 156], а Л.И. Лавров – «не позже XIV в.» [5, с. 35]. При датировке памятника мы исходим из того, что куфическое письмо надписи сохраняет угловатость. Влияние *насха* выражено слабо и проявляется, в основном, в начертании букв *ра*, *за* и *вав*. Поэтому мы склоняемся к датировке надписи в пределах XII–XIII вв.

Левый край эпиграфического фриза замыкается камнем 39x27 см с врезной надписью из пяти строк (Рис. 7). Это единственная надпись фриза, выполненная почерком *насх* с некоторыми элементами *куфи*. Буквы *син* и *шин* начертаны без зубцов. Другой отличительной особенностью манеры письма является написание лигатур <*ڻ*> в форме <*ۼ*>. Первые две строки, в которых заключена мусульманская формула единобожия (*шахада*), прочитал и опубликовал А.Р. Шихсаидов [3, с. 267]. Нам удалось разобрать содержание и остальных строк, за исключением окончания последней, пятой строки. Надпись гласит:

- (١) اشهد ان لا اله الا الله وَا
- (٢) شهد ان محمد رسول الله
- (٣) يَا ابْنَ آدَمْ لَا تَامِنْ مَكْرَ
- (٤) اللَّهُ وَ لَا تَقْنَطْ مِنْ رَحْمَتِ
- (٥) اللَّهِ وَ...

Перевод:

- «1) Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и
- 2) свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха.
- 3) О, сын Адама! Не надейся обмануть
- 4) Аллаха! И не теряй надежды на милость
- 5) Аллаха!...».

⁹ Рутул – ныне райцентр Рутульского района Дагестана.

¹⁰ Рутульское селение Вруш расположено в Рутульском районе.

Предположительно, надпись составлена в XIII–XIV вв.¹¹

В верхней левой части западной стены мечети Западного квартала имеется еще одна врезная куфическая надпись на камне 33x26 см (Рис. 8). Она прежде никем не публиковалась. Надпись не является частью эпиграфического пояса западной стены. Отличительной особенностью стиля письма надписи являются высокие стволы букв *алиф* и *lam*, увенчанные клиньями. Наибольшее сходство манера письма имеет с первыми двумя надписями фриза. Чтение надписи затруднено. Складывается впечатление, что она была высечена с орфографическими ошибками и по этой причине не помещена в кладку эпиграфического пояса. Предположительно, в надписи содержится фраза «Власть принадлежит Аллаху» (*السلطان لله*). По палеографии надпись может быть датирована XII в.

В основании правого угла западной стены мечети Западного квартала вмонтирован камень 35x26 см с известной надписью 1401 г. о строительстве минарета (Рис. 9). Безусловно, эта надпись входит в число наиболее ценных и интересных эпиграфических памятников средневекового Дагестана. Надпись выявлена А.Р. Шихсаидовым и опубликована им в 1974 г. [3, с. 267–270]. Вторично издана А.Р. Шихсаидовым в 1984 г. с дополнениями и уточнениями [4, с. 232–239]. Тогда же был впервые опубликован и арабский текст. Врезная надпись из семи строк выполнена красивым убористым почерком *насх*. В нижних строках текст заметно плотнее. Предлагаемая нами редакция чтения и перевода надписи выглядит следующим образом:

(١) صاحب هذه المنارة وعامرها حمى بن ابكر بن چكوك

(٢) بن بذکوح بن حمى بن ممى بن حمى وزوجته فطمة

(٣) بنت عرب بنبيها لاجل الله تعالى خوفا من النار و

(٤) طمعا الى الجنة وعاملها استاذ خرسان بن خليفة

(٥) وابنه ممى الزاخوري وكاتب الخط سليمان بن محمد

(٦) وكانت الواقعة فى شهر شوال سنة ثلث وثمانينية هجرية

(٧) وفي هذه السنة وهب كوركى ملك قرية كيش للخناوى

Перевод:

«1) Владелец (сахиб) этого минарета и его строитель ('амир) Хумай¹², сын Абакара¹³, сына Чакука¹⁴,

2) сына Базкуха, сына Хумайа, сына Мамайя¹⁵, сына Хумайа, и его жена Фатима¹⁶,

3) дочь 'Араба. Они построили этот минарет ради Всевышнего Аллаха, в страхе перед адом и¹⁷

¹¹ А.Р. Шихсаидов ориентировочно датирует надпись XIII в.

¹² У А.Р. Шихсаидова: Хамма.

¹³ Возможны и другие варианты чтения имени: Абакур, Абукар.

¹⁴ Для передачи буквы «ч», отсутствующей в арабском языке, использована аджамная графема с дополнительными точками, на персидский манер.

¹⁵ У А.Р. Шихсаидова: Мамма.

¹⁶ Имя Фатима начертано без *алифа* долготы. В публикации арабского текста А.Р. Шихсаидова *алиф* присутствует.

¹⁷ В публикации арабского текста А.Р. Шихсаидова соединительный союз *ва* (و) пропущен.

4) желая рая. А¹⁸ зодчий ('амил) минарета – мастер (*устаз*) Хурсан¹⁹, сын Халифа

5) и его сын Мамай²⁰ из Цахура²¹ (*аз-Захури*). Писец (*катиб*) этих строк – Сулайман, сын Мухаммада.

6) Это событие имело место в месяце *шаввал* восемьсот третьего года хиджры.

7) В этом году Курки²² подарил (*вахаба*) мулк селения Киш (*карыйат Киш*) [селению] Хнов (*ли-л-Хинави*)».

Месяц *шаввал* 803 г. хиджры начался 23 мая 1401 г.

Наше чтение мужских имен в форме «Хумай» и «Мамай» (вместо «Хамма» и «Мамма» по А.Р. Шихсаидову) обусловлено соображениями, о которых мы уже упоминали выше. Кроме того, имя сына Хурсана начертано именно как «Мамай»²³ в других строительных надписях начала XV в. (об этом ниже).

А.Р. Шихсаидов в обстоятельных комментариях к переводу надписи 1401 г. справедливо отмечает, что в лице «владельца» (*сахиб*) минарета и его «строителя» ('амир) следует понимать не профессионального мастера, а богатого покровителя, финансировавшего строительство, представителя состоятельной верхушки Хнова. Более того, мы пришли к выводу, что «владелец» минарета Хумай принадлежал к местной феодальной аристократии. На это указывает обстоятельство, на которое прежде не обращалось внимания. Дело в том, что на стариинном Западном кладбище Хнова имеется богато декорированная надмогильная стела с пышной эпитафией отца Хумая – Абакара (см. ниже). В этой эпитафии Абакар, сын Чакука назван *амиром*, т.е. правителем. Он наделен и многими другими эпитетами, среди которых: «краса благородных» (*зайн ал-аишраф*), «глава всадников» (*ра'с ал-фурсан*), «звезда войск» (*наджм ал-'асакир*). Следовательно, его можно считать также и военным предводителем. Анализ содержания двух надписей подтверждает вывод А.Р. Шихсаидова о том, что термин *сахиб* («владелец») в средневековых строительных надписях Южного Дагестана применялся в отношении представителей феодальной знати, ибо Абакар, сын Чакука – отец «владельца» Хумая, прямо назван в эпитафии *амиром*, т.е. правителем.

А.Р. Шихсаидов пишет, что сочетание «владелец минарета», помимо надписи 1401 г., отмечено еще лишь в надписи от 1239 г. из Цахура, а после XV в. неизвестны случаи, когда бы в надписях Дагестана упоминался «владелец минарета» [4, с. 236]. Ныне о таких случаях уже известно. В частности, в южной стене той же мечети Западного квартала Хнова нами выявлена строительная надпись от 1080/1669–70 г., где приводится имя «владельца минарета»²⁴.

18 В публикации арабского текста А.Р. Шихсаидова союз *ва* пропущен.

19 У А.Р. Шихсаидова: Х.заз (Х.зсан, Х.нсан).

20 У А.Р. Шихсаидова: Мамма.

21 Селение Цахур расположено в верховьях реки Самур, в Рутульском районе Дагестана.

22 Так в тексте обозначено имя Гургি – Георгий.

23 В формах *مامي* и *ماماي*.

24 См.: Закарияев З.Ш. Арабоязычные надписи XVII–XVIII вв. из селения Хнов о строительстве минаретов и мечети // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 73.

Имя ‘Араб, по мнению А.Р. Шихсаидова, носит отголоски этнической (арабской) принадлежности его обладателя [4, с. 239]. Не исключено, что супруга Хумая по имени Фатима была дочерью правителя (*амир*) Абакура (по А.Р. Шихсаидову: Абакара), сына Тахсурмана, чья надмогильная стела также расположена на Западном кладбище (см. ниже).

А.Р. Шихсаидов допускает двоякое толкование нисбы *аз-Захури*, считая возможным ее отнесение как к обоим мастерам, так и лишь ко второму – Мамаю, имея в виду, что его отец мог быть жителем Хнова, в то время как сын обосновался в Цахуре [4, с. 237]. Мы однозначно считаем, что нисба относится к обоим мастерам (отцу и сыну), следовательно, они оба по происхождению из Цахура. Имя главного мастера-строителя минарета следует читать как «Хурсан»²⁵, поскольку он упоминается и в других строительных надписях региона²⁶. Чтение имени цахурского мастера в форме «Хурсан» впервые предложил А.Е. Криштопа [9, с. 192]. Хурсан, сын Халифа и его сын Мамай, сын Хурсана были представителями ремесленной династии средневекового Цахура. Профессиональная деятельность, как минимум, трех поколений этой семьи в последней трети XIV – первой трети XV в. прослеживается по данным арабоязычных строительных надписей из разных высокогорных селений Самурского региона Дагестана. Впервые на это обстоятельство обратил внимание А.Е. Криштопа [9, с. 143]. Например, Мамай, сын Хурсана упоминается в надписи начала XV в. в стене минарета селения Мишлеш²⁷ [11, с. 21; 7, с. 35; 8, с. 217–218]. Наши эпиграфические исследования позволили существенно расширить круг строительных объектов, в возведении которых принимали участие представители этой ремесленной династии. В частности, упоминаемый в хновской надписи Мамай, сын Хурсана в 1408 г. был одним из мастеров-строителей минарета в цахурском селении Микик²⁸ [11, с. 22]. Он же упоминается в строительной надписи 813/1410–11 г. на михрабе мечети цахурского селения Хиях²⁹ [11, с. 22]. А.Е. Криштопа обоснованно полагает, что ‘Иса, сын Мамая аз-Захури, резчик-каллиграф (*катиб*) известной надписи от 1432–33 г. из Цахура [2, с. 133–134, 204–205; 4, с. 269–272], мог быть сыном Мамая, сына Хурсана и внуком Хурсана, сына Халифа [9, с. 143].

А.Р. Шихсаидов отмечает, что в хновской надписи 1401 г. самое раннее свидетельствование термина *мулк* в эпиграфике Дагестана. Этим термином в Дагестане обозначали частновладельческие, свободно отчуждаемые земли, которые считались безусловной собственностью независимо от их величины и социального положения собственника [4, с. 238]. А.Р. Шихсаидов считает, что

²⁵ У А.Р. Шихсаидова: Х.зас (Х.зсан, Х.нсан). Ввиду отсутствия огласовок, возможными вариантами чтения имени может быть также «Хурсан» или «Хирсан». Отметим, что на среднеперсидском языке *хирс* означает «медведь». Известно, что правители раннесредневекового государства Лакз, ядро которого находилось в долине реки Самур, носили титул *хирсан-шах* («медвежий шах» или «шах медведей») [10, с. 94].

²⁶ В формах <خرسان> и <خرسان>.

²⁷ Цахурское селение Мишлеш расположено в Рутульском районе.

²⁸ Цахурское селение Микик расположено в Рутульском районе.

²⁹ Цахурское селение Хиях расположено в Рутульском районе.

дарение *мулка* произошло по случаю строительства минарета [4, с. 407], хотя в самой надписи нет прямого указания на то, что этот акт был специально приурочен к строительству. Нам представляется, что оба события просто совпали по времени, имея в виду, что дарение *мулка* произошло незадолго до окончания строительных работ, поэтому составитель надписи счел важным зафиксировать этот акт в памятном тексте.

Отдельного рассмотрения заслуживает содержание последней строки. А.Р. Шихсаидов последнюю строку надписи переводит так: «В этом же году подарили Курки (Гурги) мулк селению Киш ал-Хинав», читая окончание предложения как *карйат Киш ал-Хинав*, т.е. «селение Киш ал-Хинав». Эта трактовка фразы прежде никем не подвергалась сомнению, включая Л.И. Лаврова, который перепечатал перевод А.Р. Шихсаидова с незначительными изменениями [5, с. 43]. Таким образом, выражение *карйат Киш ал-Хинав* А.Р. Шихсаидов безоговорочно относит к селению Хнов, считая его названием селения. При этом, как признает исследователь, «само сочетание Киш ал-Хинав в обозначении названия селения остается не полностью понятным – селение названо «Киш ал-Хинав» – старожилы не помнят, чтобы раньше Хнов (местное – Хинав) так именно и назывался» [4, с. 235]. Сознавая тот факт, что в эпиграфических памятниках Дагестана нормы грамматики и орфографии арабского языка далеко не всегда соблюдаются в полной мере, все же отметим, что при традиционном (по А.Р. Шихсаидову) толковании текста последней строки слово *мулк* (ملك), как прямое дополнение, должно было быть в винительном падеже (ملک). При этом каллиграф данной надписи Сулайман, сын Мухаммада, который был, по всей видимости, жителем Хнова, практически безупречен в соблюдении правил арабской грамматики.

Вышеуказанное грамматическое обстоятельство привело нас к мысли о необходимости переосмысления синтаксической связи в предложении и принципиально иного прочтения окончания надписи, что кардинально меняет смысл всей последней строки. Окончательно прояснило смысл фразы и развеяло сомнения еще одно важное обстоятельство. Изучение текста привело нас к убеждению, что перед названием селения Хнов (*ал-Хинави*) начертан предлог *ли* (ل). Отметим, что для глагола *вахаба* («дарить») характерно частое употребление с предлогом *ли*. Отсюда вытекает совсем другое толкование последней строки, а именно: «В этом году Курки подарили *мулк* селению Киш (*карйат Киш*) [селению] Хнов», т.е. Хнову (*ли-л-Хинави*). Наше прочтение полностью согласуется с грамматическими правилами арабской *идафы* (изофтонной конструкции), которая представляет собой аналогию *status constructus* в европейских языках, а также с реалиями исторической географии региона. Дело в том, что к юго-западу от Хнова, на смежной с землями Хнова территории южного склона Главного Кавказского хребта, в 6 км к северу от г. Шеки (ныне в Азербайджанской Республике) расположено древнее селение под названием Киш (Гиш) – один из ближайших к Хнову населенных пунктов в Закавказье. На этот факт прежде не обращалось внимания. Хновцы и другие

горцы Самурского региона поддерживали тесные связи с Восточным Закавказьем через перевалы Главного Кавказского хребта, прежде всего Салаватский перевал – один из наиболее значимых пунктов коммуникации Дагестана с Ширваном. На сопредельной территории Закавказья на рубеже XIV–XV вв. проживало значительное христианское население, включая христианскую народность удин³⁰. Поныне главной достопримечательностью селения Киш, где раньше имелась мощная крепость, является древний христианский храм XII в. В памятной записи грузинского Евангелия от 1310 г. упоминается храм Богородицы в Киш-Нухе [12, с. 237]. Таким образом, в хновской надписи 1401 г. зафиксировано самое раннее в эпиграфике упоминание селения Киш, которое некогда считалось удинским.

Согласно надписи 1401 г., дарителем *мулка* выступает человек с христианским именем Курки (Гурги), т.е. Георгий, которого А.Р. Шихсаидов считает бывшим христианином. Безусловно, носитель этого христианского по происхождению имени вполне мог быть мусульманином. Однако новое прочтение надписи позволяет считать Георгия христианским жителем селения Киш, который подарил хновской общине принадлежащую ему земельную собственность в Кише. Следовательно, уже в начале XV в. Хнову принадлежали земельные угодия на сопредельной территории Закавказья. По всей видимости, речь идет об общественной собственности всей общины Хнова на эту землю. Надпись ничего не сообщает о мотивах акта дарения *мулка* и социальном статусе Георгия, однако можно предположить, что он был состоятельным человеком. Не исключено, что речь идет о дарении всех земельных угодий Киша. В любом случае, размер подаренного *мулка* был значительным, иначе ему не было бы уделено внимания при составлении памятной строительной надписи. Новое прочтение надписи актуализирует вопрос о политических взаимоотношениях Хнова с государством *ширван-шахов* и Шекинским владением на рубеже XIV–XV вв. Интерес представляет также личность Георгия – дарителя *мулка*. Возможно, изучение арабоязычных, персоязычных, армянских и грузинских источников даст ответы на эти вопросы.

Имя Гурги (Георгий) бытовало и среди жителей Дагестана, в том числе в его южной части. В Посемейном списке 1865 г. соседнего с Хновом лезгинского селения Фий³¹ упоминается житель по имени «Гёрги»³².

Не исключено, что под «Хновом» в надписи следует понимать не столько крупную сельскую общину, сколько довольно влиятельную политическую единицу. Надписи XIV–XV в. из Хнова дали повод А.Р. Шихсаидову выделить это селение и ряд близких ему селений в особую, самостоятельную политическую силу и предположить, что «хинавская рать», о которой в конце XVI в. казикумухский шамхал пишет русскому царю Федору Ивановичу в одном ряду с

³⁰ Язык удин, поныне исповедующих христианство, относится к лезгинской группе.

³¹ Селение Фий расположено в Ахтынском районе Дагестана, к юго-востоку от Хнова.

³² Посемейный список с. Фий. 1865 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.

«горской ратью, да рутульской ратью ... да табасаранской ратью, да исминской ратью, да куринской ратью, да казикумухской ратью» [13, с. 27] – имела свою длительную историю [4, с. 358–359]³³.

Однозначно ответить на вопрос о том, идет ли речь в надписи 1401 г. о строительстве минарета Джума-мечети, либо минарета квартальной мечети, довольно сложно. Поскольку надпись находится в стене квартальной мечети, можно предположить, что и минарет был построен при мечети Западного квартала³⁴. Уже упомянутая нами надпись в южной стене о строительстве минарета в 1080/1669–70 г. заставляет полагать, что минарет, построенный в 1401 г., был разрушен во время мощного землетрясения в январе 1668 г.

Следует отметить, что строительный текст надписи 1401 г. окаймляет эпиграфическая лента, о которой прежде ничего не сообщалось. Полукуфические надписи ленты нанесены в низком рельефе. Эти надписи пока не прочитаны.

Рядом с восточной стеной мечети Западного квартала, в стене забора дома Суфи Сулейманова обнаружена квадратная плита 25x25 см с врезной куфической надписью – мусульманской формулой единобожия (*шахада*). Надпись сохранилась частично (Рис.10).

- (١) لا إله إلا الله
- (٢) الله محمد
- (٣) رسول الله

Перевод:

- «1) Нет бога, [кроме]
- 2) Аллаха, Мухаммад
- 3) посланник [Аллаха]».

Куфическое письмо несколько смягчено влиянием *насха*. Надпись может быть датирована XIII в.

Несколько кратких куфических надписей или их фрагментов обнаружено нами в стенах Джума-мечети Хнова. Как и мечеть Западного квартала, Джума-мечеть многократно перестраивалась и ремонтировалась. О ее строительстве в 1080/1669–70 г., т.е. вскоре после разрушительного землетрясения января 1668 г., сообщает строительная надпись 1237/1821–22 г. в южной стене. Организаторами строительства Джума-мечети в 1080/1669–70 г. надпись называет двух братьев по именам Бугмай (Багмай) и Малик, которые были сыновьями Ибрахим-Халила из рода (*кабила*) «Йагмай».

В восточной стене Джума-мечети вмонтирована плита 40x30 см с врезной куфической надписью из двух строк (Рис. 11). Плита установлена на левый бок. Края плиты отколоты.

³³ В XVII – первой половине XIX в. Хнов входил в состав союза сельских общин Ахты-пара во главе с селением Ахты.

³⁴ В западной стене Джума-мечети Хнова имеется надпись о строительстве минарета в 1715 г. [см.: Закарияев З.Ш. Арабоязычные надписи XVII – XVIII вв. из селения Хнов о строительстве минаретов и мечети // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 75].

(١) العظمة لله الله ...
 (٢) لا الله يا ...

Перевод:

- «1) Аллах. Величие [принадлежит Аллаху].
- 2) ... О, Аллах! Нет ...».

Отличительной особенностью манеры письма являются высокие стволы букв, увенчанные левосторонними клиньями. Буква ‘айн трактована в форме треугольника на высокой «ножке». Также треугольную форму имеют буквы *мим* и *ха*. Стиль письма, как и других куфических надписей Джума-мечети, имеет сходство с первыми двумя (справа) куфическими надписями эпиграфического фриза мечети Западного квартала, которые датируются А.Р. Шихсаидовым в пределах XII в. [4, с. 154–156]. Данная надпись также может быть датирована XII в.

В южной стене Джума-мечети на камне 30x20 см врезана трафаретная куфическая надпись (Рис. 12). Левый и нижний края камня отбиты, поэтому надпись сохранилась частично.

الله العظمة لله [الله]

Перевод:

- «Владычество принадлежит Аллаху. Величие [принадлежит Аллаху]».

По палеографии надпись датируется в пределах XII в.

В западной стене Джума-мечети установлена в перевернутом виде плита 20x18 см с фрагментом врезной куфической надписи (Рис. 13).

الله العظمة لله [الله] ...

Перевод:

- «Владычество принадлежит Аллаху ...».

Угловатая манера письма, высокие сплетенные стволы букв, наличие клиньев сильно напоминают стиль двух куфических надписей эпиграфического фриза мечети Западного квартала, что позволяет датировать надпись в пределах XII в.

В южной стене дома Тажидина Нурмамедова вертикально установлена плита 25x10 см с фрагментом врезной куфической надписи из двух строк (Рис. 14). Смысл ее пока неясен. Возможно, что надпись на персидском языке. Буквы имеют угловатые формы. *Ба* и *каф* снабжены точками. Палеографические особенности надписи дают основания для ее датировки в пределах XII–XIII вв.

На западной окраине селения расположено старое кладбище, которое местные жители называют *Угъларишид сырьбы*, т.е. «могилы западной части [села]». Надмогильные памятники кладбища впервые выявлены А.Р. Шихсаидовым, который в 1974 г. опубликовал переводы пяти эпитафий кладбища [3, с. 271–275]. В 1984 г. А.Р. Шихсаидов переиздал эти эпитафии с дополнениями и уточнениями, а также опубликовал тексты и переводы других эпитафий кладбища [4, с. 210–226]. Большинство надмогильных стел создано во

второй половине XIV – первой половине XV в., а три стелы датируются по палеографии полукуфических эпитафий в пределах XIII–XIV вв. Самая ранняя из дат эпитафий кладбища – месяц *раджаб* 784 г. хиджры (начался 17 сентября 1382 г.³⁵). Одной из отличительных особенностей письма хновских эпитафий является отсутствие долготы в конце указательного местоимения *хаза*.

Нами предлагается новое прочтение, либо альтернативная датировка шести эпитафий надмогильных памятников кладбища, которые находятся рядом. Одна из ранних надмогильных стел имеет размеры 65x45x8 см (Рис. 15). Центральное прямоугольное поле с врезной эпитафией из семи строк окаймляет эпиграфическая лента с надписями в плоском рельефе. Эпитафия высечена полукуфическим стилем, представляющим собой синтез почерков *насх* и *куфи*. Эпитафия частично переведена А.Р. Шихсаидовым:

«Владелец этой могилы покойный Хусайн, сын Мухаммада. Милость Аллаха... Он скончался в месяце *мухаррам*...» [4, с. 156]. Арабский текст надписи не опубликовался. Ниже приводится арабский текст и полный перевод эпитафии.

- (١) صاحب هاذ القبر
- (٢) مرحوم حسين بن
- (٣) محمد رحمة الله عليهما
- (٤) هو رجل شيخ مليح يصلح
- (٥) لدین الدنيا وقع وفا
- (٦) ته فی شهر مبارک
- (٧) محرم

Перевод:

- «1) Владелец этой могилы
- 2) покойный Хусайн, сын
- 3) Мухаммада – да смируется над ними Аллах!
- 4) Он [был] старым человеком (*раджул шайх*), красивым, улучшавшим
- 5) [дела] религии и этого мира [*дунайа*]. Произошла его смерть в благословенный месяц
- 6) *мухаррам*».

В ряде средневековых эпитафий Хнова присутствует указание на возраст покойного. Как правило, это делалось тогда, когда владелец эпитафии был молодого или пожилого возраста. По всей видимости, возраст не указывался, если покойный был среднего возраста. Приведенная выше хновская эпитафия – единственная, где подчеркивается почтенный возраст покойного (*раджул шайх*). В трех других эпитафиях говорится о том, что покойные скончались в молодом возрасте (*раджул шабб*).

Нами впервые прочитаны полукуфические надписи эпиграфической ленты, которая содержит аят суры Корана «Корова» (2:281):

³⁵ В публикации А.Р. Шихсаидова 1984 г. датой эпитафии указан 1383 г. [4, с. 211–212], однако в статье 1974 г. дата приводится верно – 1382 г. [3, с. 272].

وَاتْقُوا يَوْمًا تَرْجِعُونَ فِيهِ إِلَى اللَّهِ ثُمَّ تَوْفَى كُلُّ نَفْسٍ مَا كَسَبَتْ وَهُمْ لَا يُظْلَمُونَ

Перевод:

«Страшитесь того дня, когда будете возвращены вы к Аллаху. Тогда воздается по заслугам человеку каждому. И никто не будет наказан [незаслуженно]»³⁶.

Мы согласны с мнением А.Р. Шихсаидова, который относил эпитафию «примерно к XIV в.».

Рядом расположен надмогильный памятник 72x50 см с закругленным верхом (Рис.16). Небольшое прямоугольное поле в нижней части памятника заполнено врезной эпитафией из 10 строк. Почерк *насх*. Поле обведено двумя лентами. Внутренняя лента – эпиграфическая с растительными мотивами, а внешняя составлена из мотива «плетенка». Над эпитафией имеется квадратное поле с медальоном, внутри которого крупным *куфи* высечено слово «Аллах». Медальон также сопровождает куфическая надпись. Всю композицию венчает еще один медальон со словом «Аллах». В целом, оформление плиты выполнено в типологическом стиле, характерном для многих надмогильных памятников XIV–XV вв. из горных районов Южного Дагестана. Отличительными особенностями тектоники этих памятников является наличие медальонов со словом «Аллах» в верхней части стел, широких эпиграфических лент с рельефными надписями «цветущим» *куфи*, а также сравнительно небольших полей с врезными эпитафиями, нанесенными, как правило, почерком *насх*. Наибольшее число памятников этого стиля зафиксировано нами на территории современных Курахского и Агульского районов Дагестана. Наш вариант чтения эпитафии гласит:

- (١) صاحب هذ القبر المرحوم المغفور
- (٢) امير ابکور بن تخسرمان بن بغال
- (٣) بن سيف الدين بن قرنين رضوان الله
- (٤) عليهم اجمعین هو رجل نقی و
- (٥) نقی وصفی وسخی ومحبوب العلما
- (٦) والغربا ومرحوم الایتمام والمسا
- (٧) کین واتفاق وفاته في يوم الخميس
- (٨) من شهر المبارك شوال في سنة
- (٩) ست وخمسين وثمانمائة سنة
- (١٠) من هجرة النبي عليه السلام

Перевод:

- «1) Владелец этой могилы покойный, прощенный [Аллахом]
- 2) амир Абакур, сын Тахсурмана, сына Бугала,
- 3) сына Сайф ад-Дина, сына Карнайна – да будет доволен Аллах
- 4) ими всеми! Он [был] мужчиной чистым,
- 5) праведным, искренним, щедрым, любимым учеными

³⁶ Здесь и далее Коран цитируется в переводе М.-Н.О. Османова (Издание третье, переработанное и дополненное). – СПб.: «Диля», 2010.

- 6) и чужеземцами, милостивым к сиротам и бед-
- 7) ным. Произошла его смерть в четверг
- 8) благословенного месяца *шаввал*, в
- 9) восемьсот пятьдесят шестом году
- 10) от хиджры пророка – мир ему».

А.Р. Шихсаидов допускает двоякое чтение даты: 853 или 856 г. *хиджры*. В дате уверенно читается числительное «шесть», следовательно, это 856 г. *хиджры*. Месяц *шаввал* этого года начался 24 октября 1452 г. К датировке памятника мы еще вернемся ниже.

Имя владельца эпитафии мы предлагаем читать в форме Абакур (у А.Р. Шихсаидова: Абкур). Имя Абакур зафиксировано нами в Посемейном списке от 1865 г. соседнего с Хновом селения Фий³⁷. Мы пришли также к убеждению, что имя отца владельца эпитафии следует читать как Тахсурман (по А.Р. Шихсаидову: Т.х.с.ман или Т.хсмаз). Имя Тахсурман зафиксировано нами также в строительной куфической надписи XIII в. из агульского селения Рича [4, с. 170]. В хновских эпитафиях имя Тахсурман приводится с буквой *син*, а в ричинской надписи – с буквой *сад*. Редкое в Дагестане имя Тахсурман поныне еще встречается среди даргинцев.

Окончание шестой строки и начало седьмой А.Р. Шихсаидов читает так: «милостивый к сиротам, бедным и нуждающимся». Однако слова «нуждающиеся» (*Fukara*) в тексте нет. В седьмой строке нет и глагола *вака'а* (وَقَعْ – «происходить»). Вместо него в выражении «произошла его смерть» употреблен глагол *иттафака* (اتّفَقَ) со сходным значением.

Содержание эпитафии *амира* Абакура имеет много общего с эпитафией 854/1450 г. надмогильного памятника святилища *Дапгъад уджа* на восточной окраине Хнова (см. ниже). Обе эпитафии имеют по 10 строк. Весьма схожен и внешний облик двух стел. Родословная Мухаммада, владельца эпитафии святилища, насчитывает 9 имен. А.Р. Шихсаидов обратил внимание на то, что начиная с имени Абакур (Абкур) имена в обоих текстах полностью совпадают, из чего следует, что надмогильный памятник святилища *Дапгъад уджа* принадлежит пр правнуку *амира* Абакура [4, с. 393]. Непонятным остается только одно обстоятельство – эпитафии *амира* Абакура и его пр правнука Мухаммада, судя по датам, составлены почти одновременно. Сложно представить, чтобы они скончались с разницей всего в два года. Причем, согласно датам, чтение которых не вызывает сомнений, выходит, что *амир* Абакур скончался даже позже своего пр правнука. А.Р. Шихсаидов никак не объясняет это противоречие. Между тем, единственным возможным объяснением несоответствия дат друг другу может быть предположение, что резчик-калиграф эпитафии *амира* Абакура допустил ошибку при написании даты, начертав числительное «восемьсот» вместо «семьсот». В этом

³⁷ Посемейный список с. Фий. 1865 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3.

случае все становится на свои места. Таким образом, мы предлагаем считать датой эпитафии *амира Абакура* не 1452 г., а 1355 г. (месяц *шаввал* 756 г. *хиджры* начался 16 октября 1355 г.), что делает ее старейшей датированной эпитафией всего кладбища, поскольку прежде таковой считалась эпитафия 1382 г. Кадая (Гадая), сына Дивана [4, с. 211–213] (Рис. 17).

Богато декорированный надмогильный памятник 90x37x28 см расположена на краю кладбища, у дороги (Рис. 18). Нижнюю половину памятника занимает прямоугольно-вертикальное поле, которое обведено широкой лентой с зигзагообразным «плетеным» орнаментом. В верхней части, выше орнаментального фриза вертикально нанесены три высокие симметричные полосы, которые сложены из оригинального плетеного мотива и увенчаны остроконечными «шиполями». Врезная эпитафия прямоугольного поля (Рис. 19) выполнена убористым почерком *насх* с некоторым влиянием почерка *куфи*, особенно заметном в манере написания начальных и обособленных форм буквы *каф*, конечных *нунов*, букв *фа*. Текст начинается с вступительной формулы *басмала*, которая красиво выведена крупными буквами. Эпитафия состоит из 19 строк. Это самая объемная эпитафия Западного кладбища Хнова. Более того, она относится к числу самых больших эпитафий во всей средневековой эпиграфике Дагестана. Почекрк нижних строк заметно мельче и плотнее. А.Р. Шихсаидов, выявивший этот памятник, «уверенно» прочитал, по его собственному признанию, первые 8 строк эпитафии [4, с. 219–221]. Ниже приводится арабский текст и полный перевод эпитафии с уточнениями. Оказалось, что в 9–18 строках содержатся стихи, автором которых является средневековый арабский поэт ‘аббасидской эпохи Абу-л-Касим Наср ибн Ахмад ал-Хубз Урзи (ум. в 939 г.)³⁸. Поэзия ал-Хубз Урзи впервые выявлена в эпиграфике Дагестана. Окончания строф отмечены в тексте специальными круглыми значками. Эпитафия завершается отрывком из аята суры Корана «История жизни» (28:88).

- (١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
- (٢) الْبَقَا لِلَّهِ هَذَا قَبْرُ امِيرٍ أَبْكَرٍ ابْنَ چَكَّ
- (٣) رَحْمَةُ اللَّهِ عَلَيْهِ هُوَ رَجُلٌ شَابٌ جَمِيلٌ
- (٤) قَوْيٌ سَخِيٌّ شَفِيقٌ زَيْنُ الْاَشْرَافِ وَ
- (٥) رَاسُ الْفَرَسَانِ وَنَجْمُ الْعَسَاكِيرِ وَ
- (٦) صَاحِبُ الرَّأْيِ وَالْتَّدْبِيرِ وَمَحْبُّ الْفَقْرِ
- (٧) وَالسَّفَلَةُ وَزِينُ الْمَسْجَدِ وَالْجَمَاعَةِ
- (٨) وَرَاجِيُّ الْرِّضَا لِلَّهِ وَغَفَارَانِهِ غَفَرَ اللَّهُ لَهُ ذُنُوبَهُ
- (٩) مَا بَثَلَ اللَّهُ أَحَدًا بِالْفَرَاقِ إِنْ طَعَمَ الْفَرَّ
- (١٠) اَقْ مِنَ الْمَزَاقِ لَا يَذَابِ الْفَؤَادُ غَيْرُ الْفَرَاقِ
- (١١) غَصَصَ الْمَوْتُ سَاعَةً ثُمَّ تَفَنَّى وَفَرَاقُ الْحَبِيبِ
- (١٢) فِي الصُّدُرِ بَاقِ فِيهَا فَرَاقُ الْأَحْبَابِ قَطَعْتُمْ قُلُوبِيِّ
- (١٣) فِيهَا لَيْتَنِي مَتَ قَبْلَ يَوْمِ الْفَرَاقِ ذَكَرْتُ لَكُمْ
- (١٤) بِالْخَيْرِ وَاللَّهُ دَائِمٌ وَشَوْقِي إِلَيْهِ كَمْ لَا يَزَالْ يَزِيدُ

³⁸ Любопытно, что ал-Хубз Урзи, который работал в пекарне, не владел грамотой.

- (١٥) فانی لارجوا قربکم ووصالکم ولكنی عما اريد بعيد
 (١٦) قضا الدهر بتغريق بينی وبينکم فيا ليت شعری ما
 (١٧) القضا يزيد سلام الله عليکم لاسلام مودعاً و
 (١٨) لكن السلام لا يزال جديداً كل شيء هالك الا وجهه له الحكم واليه
 (١٩) ترجعون

Перевод:

- «1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.
 2) Вечность принадлежит Аллаху. Это могила правителя (*амир*) Абакара³⁹, сына Чакука⁴⁰
 3) – да будет проявлена к нему милость⁴¹ Аллаха! Он [был] мужчиной молодым⁴², красивым,
 4) сильным, щедрым, сострадательным, красой благородных (*зайн ал-ашраф*),
 5) главой всадников (*ра'с ал-фурсан*), звездой войск (*наджм ал-'асакир*),
 6) разумным, предусмотрительным, любящим бедных
 7) и низких [по положению] (*мухибб ал-фукара*⁴³ *ва-с-сафала*), украшением мечети и общины (*зайн ал-масджид ва-л-джама'a*),
 8) добивающимся благосклонности Аллаха и Его прощения – да простит Аллах ему его грехи!
 9) Аллах никого не испытал разлукой. Воистину, вкус разлуки горький. Сердце не растопить, кроме как разлукой.
 11) Смертные муки – лишь час, а затем исчезнут. А разлука с любимым
 12) останется в груди. О, разлука с любимыми! Вы разорвали мое сердце.
 13) Уж лучше бы я умер до дня разлуки. Я буду помнить о вас
 14) с теплотой. Ведь Аллах вечен и любовь к Нему все крепнет.
 15) Я надеюсь оказаться рядом с вами, однако я далек от моих желаний.
 16) Судьба решила разлучить меня с вами. Ах, если бы
 17) судьба ничего не решала! Приветствуя вас, я не прощаюсь с вами.
 18) Ведь приветствие [Аллаха] постоянно. Все сущее тленно, кроме Самого Аллаха. За Ним – решение [окончательное], и к Нему
 19) возвращены вы будете».

Имя владельца этой пышной эпитафии, *амира* Абакара (Абукара, Абакура), сына Чакука упоминается в строительном тексте 1401 г. в стене мечети Западного квартала (см. выше), где он назван отцом «владельца» минарета Хумая. При этом его титул правителя (*амир*) в строительной надписи не приводится. Местное немусульманское имя Чакук в строительном тексте приводится

39 Возможны и другие варианты чтения имени: Абакур, Абукар.

40 Неарабское имя Чакук начертано без буквы *вав* долготы (چکوك). У А.Р. Шихсаидова – с долготой (چکوك). Для обозначения звука «ч» использована буква с дополнительными точками снизу.

41 В тексте начертано существительное «милость» (رحمه). У А.Р. Шихсаидова – глагол *راخيم* со слитным местоимением (رحمه).

42 Словосочетание *раджул шабб* мы переводим как «молодой мужчина». У А.Р. Шихсаидова: «юноша».

43 Последняя буква слова *ал-фукара* (алиф долготы) перенесена на следующую строку.

с долготой (چکوک), в то время как в эпитафии – без долготы (چک). Мы пришли к выводу, что это же имя упоминается в историческом сочинении Махмуда из Хиналуга, которое составлено в 861/1456–57 г. Согласно этой хронике, *амир* Мухаммад-бек, сын кайтагского феодала Илчав-Ахмада, управлял крепостью Ихир⁴⁴ в Докуз-паре⁴⁵. Внук Мухаммад-бека по имени Байджкум-бек «построил в стороне крепости Ихир селение для невольников, из которых одного назначил *ра'исом*⁴⁶ [над остальными] невольниками. А этот *ра'ис* по имени Джакук был умным и красивым» [14, с. 53]. Не исключено, что «Чакук», дважды упоминаемый в хновских надписях, и «Джакук» хроники Махмуда из Хиналуга – одно и то же лицо. В пользу этого предположения говорит также время составления хроники и хновских надписей. Безусловно, более близким к оригиналу следует считать вариант имени, приводимый в хновских надписях (Чакук), поскольку при его написании использованы дополнительные знаки.

«Селение для невольников» упоминается и далее в хронике Махмуда из Хиналуга. По нашему мнению, это селение Джигджиг⁴⁷, расположенное по соседству с Ихиром. В списке Б хроники Махмуда из Хиналуга оно приводится в форме *Джикаджик*, а в опубликованном списке АКАК – *Хаджик* [14, с. 54]. Селения Хнов, Ихир и Джигджиг расположены в южной части современного Ахтынского района Дагестана. Наличие имени Чакук в хронике Махмуда из Хиналуга способно пролить свет на историю формирования привилегированного сословия в Хнове. Не исключено, что процесс выделения правителей (*амиров*) и «всадников» в Хнове, о котором пишет А.Р. Шихсаидов, был напрямую связан с деятельностью в регионе потомков кайтагского феодала Илчав-Ахмада. Возможно также, что этот процесс происходил в ходе замены старой элиты на новую при появлении в регионе потомков Илчав-Ахмада. В тексте сочинения Махмуда из Хиналуга прямо говорится о том, что Махмуд-бек, сын ‘Али-бека, сына Мухаммад-бека, сына Илчав-Ахмада отправился в селение Хнов (*Хина*) и стал правителем (*амир*) этого селения [14, с. 52]. Появление Махмуд-бека в Хнове А.Е. Криштопа относит к первой четверти XV в. [9, с. 147].

Мы считаем, что словосочетание *раджул шабб* в эпитафии корректнее перевodить как «молодой мужчина» вместо «юноша» (по А.Р. Шихсаидову), поскольку сложно представить, чтобы правитель, наделенный столькими эпитетами, был «звездой войск» и военным предводителем хновской кавалерии в юношеском возрасте. Термин *фукара* (от *фукара*) в надписи может также означать «нищенствующие», т.е. под этим термином могут скрываться нищенствующие суфии – *дарвиши*. В таком случае, в лице правителя Абакара можно видеть покровителя местных и странствующих суфиев-аскетов.

А.Р. Шихсаидов датировал надпись, как и другие недатированные эпитафии кладбища, выполненные почерком *насх*, довольно широкими хроноло-

44 Ихир (*Игъир*) – ныне заброшенное лезгинское селение Ахтынского района Дагестана.

45 Докуз-пара – союз сельских общин, включавший девять высокогорных лезгинских селений ныне восточной части Ахтынского района.

46 *Ра'ис* – глава, начальник.

47 Джигджиг (*Чихъискар*) – ныне заброшенное лезгинское селение Ахтынского района.

гическими рамками, охватывающими вторую половину XIV – середину XV в. [4, с. 211], поскольку самые поздние датированные эпитафии кладбища, выполненные аналогичным почерком, созданы в 1450-х гг. Между тем, сравнительный анализ хновских надписей дает возможность для более точной датировки данной эпитафии. Прежде на это не было обращено внимания. Речь идет о рассмотренной выше строительной надписи от 1401 г. У нас нет сомнений в том, что «владелец» минарета Хумай приходится сыном владельцу рассматриваемой эпитафии – амиру Абакару, сыну Чакука. Поскольку строительная надпись датирована 1401 г., создание эпитафии амира Абакара следует уверенно отнести ко второй половине XIV в.

Надмогильный памятник 93x38x17 см из речного камня с усеченным верхом (Рис. 20). Вытянутое прямоугольное поле с врезной эпитафией почерком насх окаймляет широкая эпиграфическая лента с надписями *полукуфи*. В верхней части плиты в треугольном поле крупными буквами высечено «О, Аллах!». Памятник обнаружен и введен в научный оборот А.Р. Шихсаидовым, который частично прочитал и перевел эпитафию, состоящую из 9 строк [4, с. 218–219]. Две строки (4-ю и 9-ю), как пишет А.Р. Шихсаидов, «уже невозможно было разобрать». Перевод А.Р. Шихсаидова гласит:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. 2) Владелец этой могилы прощеный 3) эмир Сайф ад-Дин, сын ‘Аджуджа 4) ... 5) Юноша красивый, прекрасный, разумный, 6) предусмотрительный, ... удачный, 7) искусный всадник ... 8) Он скончался в месяце *мухаррам* 9) ...».

Основываясь на том, что пять надмогильных памятников находятся рядом, учитывая сходство почерков, а также тематическое и стилистическое родство эпитафий, А.Р. Шихсаидов относит данную эпитафию ко второй половине XIV – середине XV в. [4, с. 211].

Тщательная очистка поверхности плиты, а также анализ и текстологическая работа по сопоставлению содержания надписи с другими эпитафиями кладбища способствовали тому, что нам удалось полностью разобрать содержание текста. Впервые прочтена дата надписи. Кроме того, мы предлагаем альтернативное чтение ряда слов, включая имя отца владельца эпитафии. Наше чтение надписи выглядит следующим образом:

- (١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
- (٢) صَاحِبُ هَذِ الْقَبْرِ الْمَرْحُومُ
- (٣) امِير سَيْفُ الدِّينِ بْنُ عَجْوَخٍ
- (٤) رَحْمَةُ اللَّهِ عَلَيْهِمَا هُوَ رَجُلٌ
- (٥) شَابٌ جَمِيلٌ مُلِيقٌ ذُو رَأْيٍ
- (٦) وَتَدِبِّيرٌ وَذُو سَخَاءٍ وَشَفَقَةٌ
- (٧) فَارِسٌ مُهِبِّبٌ وَصُورَةُ مَزِينٍ
- (٨) وَقَعَ وَفَاتَهُ فِي شَهْرِ الْحَرَمِ
- (٩) ذُو القَعْدَةِ سَنَةُ سِبْعٍ وَتَسْعِينَ وَسِبْعِمَائَةٍ

Перевод:

«1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

- 2) Владелец этой могилы, получивший прощение [Аллаха]
- 3) правитель (*амир*) Сайф ад-Дин, сын ‘Аджуха
- 4) – да помилует их обоих Аллах! Он [был] мужчиной
- 5) молодым, красивым, прекрасным, разумным,
- 6) предусмотрительным, щедрым, сострадательным,
- 7) устрашающим всадником (*фарис мухаййиб*) и украшенным образом (*сурат музайян*).
- 8) Его смерть произошла в запретный (*харам*⁴⁸) месяц
- 9) *зу-л-ка‘да*⁴⁹ семьсот девяносто седьмого года».

Месяц *зу-л-ка‘да* 797 г. хиджры начался 25 августа 1395 г.

Имя отца правителя мы читаем в форме ‘Аджух (У А.Р. Шихсаидова: ‘Аджудж). Имя ‘Аджух впервые встречается в эпиграфике Дагестана. По нашему мнению, слово *шабб*, в данном случае, корректнее переводить как «молодой мужчина», вместо «юноша» по А.Р. Шихсаидову, поскольку владелец эпитафии представлен в надписи не только как мудрый правитель, но и как грозный воин, о чем свидетельствует яркая характеристика «устрашающий всадник» (в чтении А.Р. Шихсаидова – «искусный всадник»). Характеристика «устрашающий всадник» (*фарис мухаййиб*), подчеркивающая высокий статус конного воина средневековой эпохи, зафиксирована в эпиграфике Дагестана впервые. Имя Сайф ад-Дин (араб. «меч религии») упоминается в родословной двух эпитафий Хнова, однако предком *амира* Абакура был Сайф ад-Дин, сын Карнайна, в то время как в данной эпитафии *амир* Сайф ад-Дин является сыном ‘Аджуха.

Пышная титулatura владельца эпитафии однозначно указывает на то, что он принадлежал к феодальной элите Хнова. А.Р. Шихсаидов пишет, что титул *амир* (эмир) в хновских эпитафиях характеризует его обладателя как носителя высшей власти в селении, причем власти гражданской. Всадники составляли влиятельную общественную группу и представляли собой привилегированную категорию хновского общества [4, с. 225].

Мы также частично расшифровали полукуфические надписи эпиграфической ленты, которая начинается со слов > *هذه الحق* – «Это истина», а завершается отрывком из аята суры Корана «История жизни» (28:88):

كل شيء هالك الا وجهه له الحكم واليه ترجعون

Перевод:

«Все сущее тленно, кроме Самого Аллаха. За Ним – решение [окончательное], и к Нему возвращены вы будете».

Надмогильный памятник 90x35x17 см со скошенным верхом (Рис. 21). Оформление памятника, который датирован 808/1405–06 г., аналогично стеле

48 Слово *харам* А.Р. Шихсаидов читает как название месяца *мухаррам*.

49 Месяц *зу-л-ка‘да* – одиннадцатый месяц исламского лунного календаря. Его название происходит от глагола со значением «находиться на месте, сидеть». В этот священный «месяц оседлости» арабы прекращали кочевать. В месяц *зу-л-ка‘да*, как и в другие «запретные» месяцы, мусульманам запрещается начинать первыми военные действия.

от 1395 г., что дает возможность говорить об особой типологии хновских надмогильных стел рубежа XIV–XV вв. Здесь также имеется вытянутое прямоугольно-вертикальное поле с врезной эпитафией почерком *насх*. Эпитафию окаймляет широкая эпиграфическая лента с рельефными полукуфическими надписями, которые прежде не были прочитаны. Всю композицию венчает треугольное поле с высеченной внутри крупными буквами фразой «О, Аллах!». Арабский текст эпитафии и ее перевод опубликованы А.Р. Шихсаидовым [4, с. 214–215]. Ниже приводится уточненный вариант чтения и перевода эпитафии:

- (١) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
- (٢) صَاحِبُ هَذِهِ الْقَبْرِ
- (٣) الْمَرْحُومُ الْمَغْفُورُ فِيهِ
- (٤) رَخْوَنْ بْنُ مُحَمَّدٍ
- (٥) رَحْمُ اللَّهِ عَلَيْهِمَا
- (٦) كَانَ هُوَ الرَّاجِي إِلَى
- (٧) عَفْوِ اللَّهِ وَغَفْرَانِهِ
- (٨) وَقَعَ وَفَاتَهُ فِي
- (٩) شَهْرِ الْحَرَمِ سَنَةٌ
- (١٠) ثَمَانَ وَثَمَانِمِائَةٍ
- (١١) مِنَ الْهِجْرَةِ

Перевод:

- «1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.
- 2) Владелец этой могилы
- 3) покойный, прощенный [Аллахом] законовед (*факих*)⁵⁰
- 4) Раху-хан⁵¹, сын Мухаммада
- 5) – да помилует⁵² их обоих Аллах!
- 6) Он был ищущим⁵³
- 7) прощения⁵⁴ Аллаха и Его снисхождения.
- 8) Произошла его смерть в
- 9) запретном (*харам*)⁵⁵ месяце года
- 10) восемьсот восьмого
- 11) от хиджры».

Не исключено, что имя владельца эпитафии содержит название титула *хан*, что может указывать на его принадлежность к феодальной элите. В этом случае становится возможным говорить о самой ранней фиксации термина *хан*

⁵⁰ Термин *факих* указывает, что владелец эпитафии был знатоком мусульманского права.

⁵¹ У А.Р. Шихсаидова: *Р.хұхни* (رَحْوَنْي). Однако конечной буквой имени является *нун*, а не *йа*. Кроме того, в имени дважды встречается буква <خ>, а не <ح>. Помимо предложенного нами, возможны и другие варианты чтения имени, например, *Рухвахан*.

⁵² Глагол *рахима* (رَحِيمٌ) приводится в тексте без слитного местоимения (у А.Р. Шихсаидова: *рахи-маху*).

⁵³ У А.Р. Шихсаидова в публикации арабского текста после слова «ишущий» пропущен предлог *ила* (إِلَى).

⁵⁴ В тексте использовано слово ‘*ағф*’ (عَفْوٌ). У А.Р. Шихсаидова: *гафр* (غَفْرٌ), со сходным значением.

⁵⁵ А.Р. Шихсаидов вместо слова *харам* читает название месяца *мухаррам*.

в эпиграфике Дагестана. В девятой строке сообщается, что смерть владельца эпитафии произошла в «запретный» (*харам*) месяц мусульманского лунного календаря, но не указано название месяца. Всего так называемых «запретных» месяцев четыре: *мухаррам*, *раджаб*, *зу-л-ка'да* и *зу-л-хиджжа*. *Мухаррам* является первым месяцем мусульманского года, а *зу-л-хиджжа* – последним. Следовательно, владелец эпитафии скончался между 7 июля 1405 г. и 25 июня 1406 г.

Нами впервые прочитана эпиграфическая лента стелы, содержащая аят суры Корана «Корова» (2:281):

وَاتَّقُوا يَوْمًا تُرْجَعُونَ فِيهِ إِلَى اللَّهِ ثُمَّ تُوفَى كُلُّ نَفْسٍ مَا كَسَبَتْ وَهُمْ لَا يَظْلَمُونَ

Перевод:

«Страшитесь того дня, когда будете возвращены вы к Аллаху. Тогда воздается по заслугам человеку каждому. И никто не будет наказан [незаслуженно]».

В окрестностях Хнова, к востоку от селения, на обочине дороги расположено почитаемое каменное святилище (пир) *Дапъад уджа* («Святилище под навесом»), представляющее собой небольшое однокамерное сооружение со скатной крышей (Рис. 22). Внутри святилища, в западной стене вмонтирована надмогильная плита 98x45 см с закругленным верхом (Рис. 23). В верхней части плиты имеется крупный медальон, внутри которого стилем «цветущего» *куфи* высечено слово «Аллах». Прямоугольное поле в центре плиты заполнено врезной эпиграфией почерком *насх* (Рис. 24). Поле окаймляет широкая эпиграфическая лента с рельефными надписями «цветущим» *куфи*. В центре небольшого фриза над эпиграфией внутри небольшого медальона также высечено слово «Аллах». Этот медальон сопровождает куфическая надпись «Владычество принадлежит Аллаху».

Эпиграфия стелы, состоящая из 10 строк, впервые была частично прочтена и издана И.И. Ихиловым, который датировал памятник 54 г. *хиджры* (начался 18 декабря 673 г.). Текст эпиграфии издан И.И. Ихиловым с многочисленными ошибками [1, с. 276]. Л.И. Лавров, хотя и не видел этой эпиграфии, небезосновательно высказал сомнение в верности прочтения столь ранней даты надписи и предложил другую дату – 1054 г. *хиджры*, т.е. 1644–45 г., предположив, что слово «тысяча» в дате опущено [2, с. 162, 215]. А.Р. Шихсаидов, который впервые ознакомился с надписью в 1970 г., установил, что и эта дата неточна, ибо в ней читается числительное «восемьсот». А.Р. Шихсаидов опубликовал эпиграфию дважды – в 1974 г. [3, с. 275], а затем, с некоторыми уточнениями и дополнениями, в 1984 г., причем в последней публикации приводится также и арабский текст надписи [4, с. 240–242].

Владелец эпиграфии носит имя Мухаммад, а далее перечисляются имена восьми поколений его предков. Имя працардеда Мухаммада А.Р. Шихсаидов читает как «Абакар» ('Араб Абакар). Мы предлагаем чтение «Абакур», поскольку именно в такой форме (ابکور) имя этого человека приводится в его собственной эпиграфии на Западном кладбище Хнова (см. выше). Имя отца Абакура в родословной А.Р. Шихсаидовым прочтено как «Тахсман». Мы предлагаем чтение «Тахсурман». Ниже приводится полный текст эпиграфии:

- (١) هذ القبر المرحوم المغفور محمد
- (٢) ابن اسد ابن مقلقن ابن قرنين
- (٣) ابن عرب ابكر بن تخسرمان ا
- (٤) بن بغل بن سيف الدين بن
- (٥) قرنين وسيف الدين و مقلقن
- (٦) هما ابناء لقرندين و اتفق و
- (٧) فاته فى سنة اربع و خمسين
- (٨) وثمانمائة
- (٩) سنة من هجرة النبي صلى
- (١٠) الله عليه وسلم

Перевод:

- «1) Это могила покойного, прощенного [Аллахом] Мухаммада,
 2) сына Асада, сына М.к.л.к.н.⁵⁶, сына Карнайна,
 3) сына ‘Араб Абакура, сына Тахсурмана, сы-
 4) на Бугала, сына Сайф ад-Дина, сына
 5) Карнайна. А Сайф ад-Дин и М.к.л.к.н.
 6) – они оба сыновья Карнайна. Произошла
 7) его смерть в год: пятьдесят четыре
 8) и восемьсот (т.е. в восемьсот пятьдесят четвертом году – 3.3.)
 9) от хиджры пророка – да благословит
 10) его Аллах и приветствует!».

854 г. хиджры начался 22 февраля 1450 г. В родословной Мухаммада, которая прослеживается примерно до начала XIII в., дважды упоминается имя Карнайн, поэтому фраза «Сайф ад-Дин и М.к.л.к.н. – они оба сыновья Карнайна» требует разъяснения. Мы считаем, что речь идет как о прадеде владельца эпитафии, так и о его далеком предке восьмом поколении, которые носили одинаковое имя – Карнайн. Составитель эпитафии как бы подчеркивает, что у двух представителей разных поколений предков владельца эпитафии, как у Сайф ад-Дина, так и у М.к.л.к.н. отцы носили одинаковое имя.

Мы полагаем, что владелец эпитафии Мухаммад, несмотря на отсутствие в его эпитафии каких-либо титулов или сословных терминов, принадлежал к привилегированному сословию Хнова, ибо его пррапрадед Абакур (‘Араб Абакур) в его собственной эпитафии, которую мы передатировали на 1355 г., назван амиром, т.е. правителем. Поскольку могила Мухаммада стала пиром, т.е. святынищем, почитаемым местными мусульманами, А.Е. Криштопа считает вероятными его религиозные заслуги и даже принадлежность к мусульманскому духовенству [9, с. 144]. В Хнове распространено предание, согласно которому захороненный в святынище был сподвижником пророка Мухаммада. Примечательно, в этой связи, что в самом низу стелы, под эпиграфической лентой, нами обнаружена врезная надпись, на которую прежде никем не было обращено внимания (Рис. 25):

56 Возможны разные варианты чтения этого имени: Муклакан, Маклакан, Мукалкан.

وكان مذكور المقلن مع نبئ صلى الله عليه وسلم كاتبه ملا نظر

Перевод:

«Упомянутый ал-М.к.л.к.н. был с пророком – да благословит его Аллах и приветствует! Написал это *малла Назар*».

Из этой надписи следует, что не сам владелец эпитафии Мухаммад, а упоминаемый в его родословной дед по имени М.к.л.к.н., согласно народному поверью, был сподвижником пророка Мухаммада, что, конечно, никак не согласуется хронологически, поскольку дед владельца эпитафии жил не ранее второй половины XIV в. Объяснение зафиксированного в надписи предания может скрываться в области сугубо духовной. Речь идет о мистической, духовной связи с пророком, доступной в суфизме лишь посвященным суфиям высокого ранга. Именно так, на наш взгляд, следует понимать фразу «был с пророком». Таким образом, в лице Муклакана/Мукалкана мы склонны видеть одного из ранних дагестанских суфиев, вероятно, тариката Халватийа. Самурский регион, где находится Хнов, был одним из основных и наиболее ранних очагов распространения суфизма в средневековом Дагестане⁵⁷. Широкому распространению здесь суфийских идей способствовала также географическая близость соседнего Ширвана.

Почерк этой записи (мелкий каллиграфический *сулс*) отличается от почерка эпитафии, что указывает на ее составление в более позднее время уже другим каллиграфом, который был представителем хновской мусульманской элиты (*малла*). Стиль письма записи характерен для эпиграфики региона XVII–XVIII вв. Окончательно проясняет вопрос о датировке записи, как нам представляется, имя каллиграфа. Дело в том, что в обнаруженной нами надписи от 1159/1746 г. в стене хновской Джума-мечети упоминается *малла Назар-‘Али*, который был одним из заказчиков и организаторов строительства этой мечети⁵⁸. Строительная надпись содержит и его родословную, восходящую примерно к началу XVII в. Мы считаем, что «*малла Назар*» и «*малла Назар-‘Али*» двух надписей – одно лицо. Следовательно, составление упомянутой записи на стеле и письменную фиксацию предания следует отнести к первой половине XVIII в.

По всей видимости, владелец эпитафии и его предки возводили свое происхождение от арабов, что не редкость в Дагестане, где многие представители словной и духовной элиты стремились привязать свою генеалогию к реальным или мнимым арабским предкам. А.Р. Шихсаидов полагает, что имя ‘Араб Абакур (по А.Р. Шихсаидову: ‘Араб Абакар) отражает арабское происхождение его обладателя, который мог прибыть в Дагестан со стороны [4, с. 239, 242]. Имеется, однако, обстоятельство, ставящее под сомнение это предположение. Дело в том, что отец и дед ‘Араб Абакура носят неарабские имена: Тахсурман и Бугал соответственно. Весьма сомнительно, что и имя самого Абакура – арабского

⁵⁷ Подробней об этом см.: Закарияев З.Ш. Пир суфия Раджаба и место хранения хирки пророка Мухаммада в лезгинском селении Хрюг (Арабская эпиграфика средневековых мусульманских святыни) // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 3. С. 318.

⁵⁸ См.: Закарияев З.Ш. Арабоязычные надписи XVII – XVIII вв. из селения Хнов о строительстве минаретов и мечети // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 77.

происхождения. Таким образом, слово «‘Араб» могло быть просто прозвищем, без какой-либо привязки к этническим корням. «‘Араб» упоминается также в строительном тексте 1401 г. и новооткрытой строительной надписи XIV–XV вв. (см. выше).

Мы уже говорили выше об одинаковых родословных эпитафий *амира Абакура* на Западном кладбище и святилища *Дапъад уджа*, и связанной с этим коллизии относительно их дат. Предложенное нами решение этой проблемы при помощи новой датировки эпитафии *амира Абакура* основывается, прежде всего, на логике построения двух родословных. Однако есть еще одна причина, по которой мы считаем дату 854/1450 г. эпитафии Мухаммада в святилище *Дапъад уджа* правильной, а эпитафию *амира Абакура* удревнем на столетие – с 856/1452 г. на 756/1355 г. Теоретическая возможность датировки эпитафии святилища более поздним временем, т.е. XVI в., исключена, поскольку в оформлении стелы (эпиграфическая лента, медальоны) широко представлен стиль *куфи*, который уже практически не применялся в регионе в XVI в. Примерно с конца XV в. почерк *куфи* выходит из употребления не только в Южном Дагестане, но и в других районах Дагестана. Таким образом, данные палеографии также указывают на правильность даты эпитафии святилища.

Изучение эпиграфических памятников селения Хнов способствовало не только выявлению неизвестных прежде средневековых надписей, но и уточнению перевода ряда уже известных текстов. Предложена их новая датировка и интерпретация. Использование различных стилей арабского письма, фиксация в надписях социальной номенклатуры, историко-правовой характер отдельных текстов, наличие ценных генеалогий придают хновской эпиграфике дополнительную научную значимость. Приведенные в статье новые данные о средневековой эпиграфике селения Хнов расширяют источниковую базу исследований истории и культуры региона и могут послужить основой для будущих исторических реконструкций.

Рис. 1. Селение Хнов

Fig. 1. Khnov settlement

Рис. 2. Куфическая надпись XI–XII вв. в стене дома

Fig. 2. Kufic inscription of the 11-12th centuries in the wall of the house

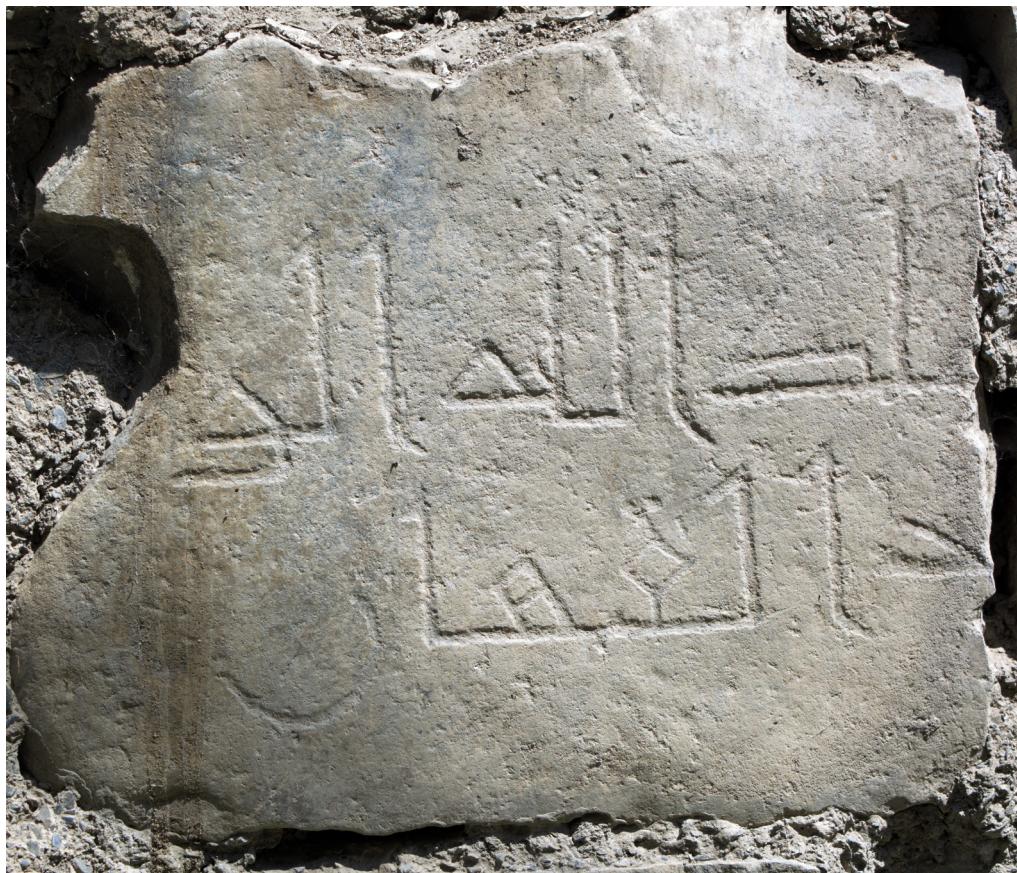

Рис. 3. Куфическая надпись XI–XII вв. в южной стене мечети Западного квартала

Fig. 3. Kufic inscription of the 11-12th centuries in the south wall of the mosque of the west quarter

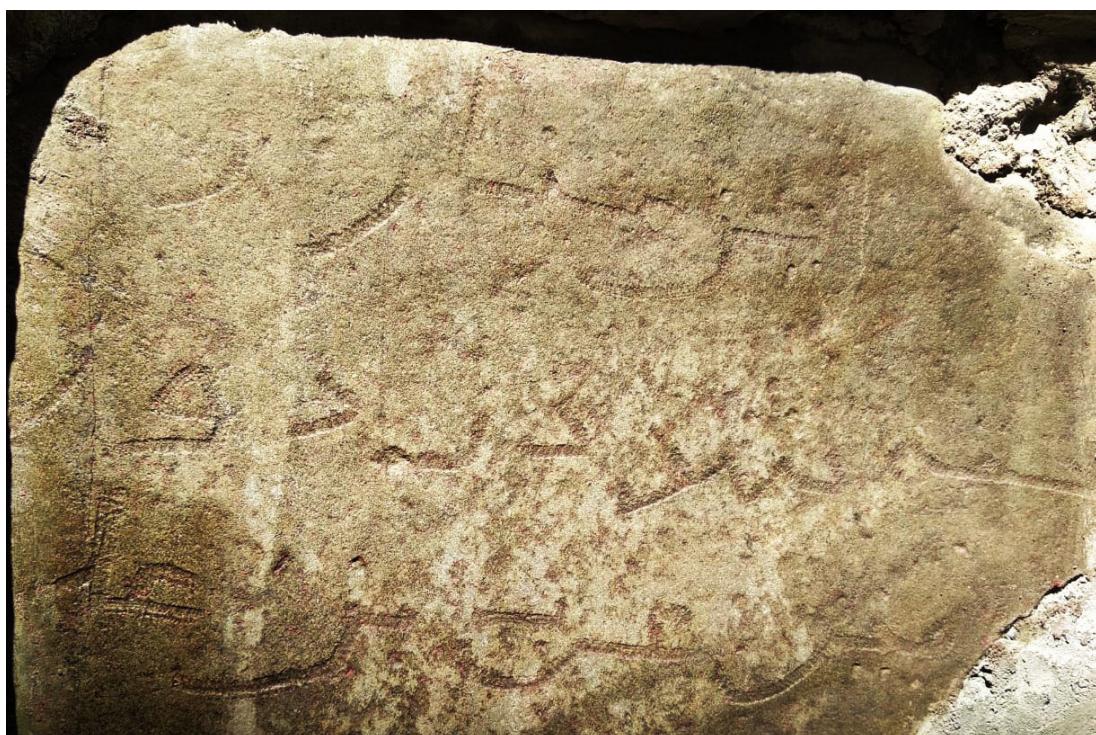

Рис. 4. Надпись XIV–XV вв. с упоминанием минарета

Fig. 4. Inscription of the 14-15th centuries with the mention of the minaret

Рис. 5. Куфическая надпись XII в. эпиграфического фриза квартальной мечети

Fig. 5. Kufic inscription of the 12th century on the epigraphic frieze of the quarter mosque

Рис. 6. Владельческая надпись XII–XIII вв. эпиграфического фриза квартальной мечети

Fig. 6. Owner's inscription of the 12-13th centuries on the epigraphic frieze of the quarter mosque

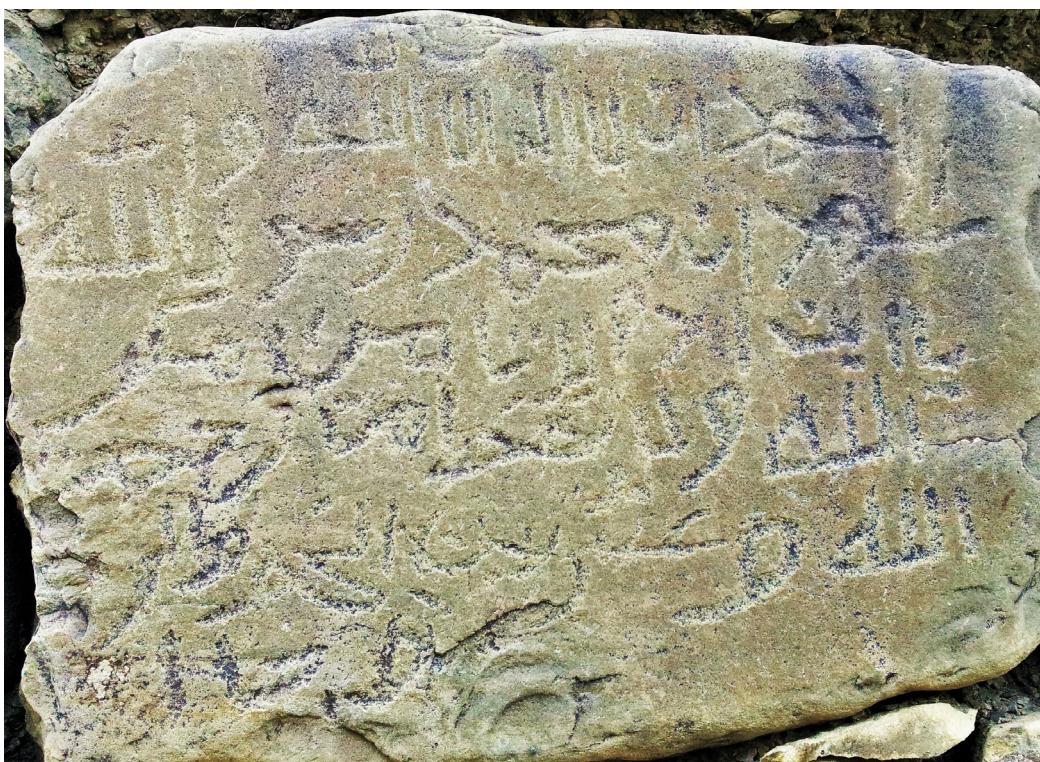

Рис. 7. Религиозно-назидательная надпись XIII–XIV вв.
эпиграфического фриза квартальной мечети

Fig. 7. Religious and didactic inscription of the 13-14th centuries
on the epigraphic frieze of the quarter mosque

Рис. 8. Надпись XII в. в западной стене мечети Западного квартала

Fig. 8. Inscription of the 12th century in the western wall of the mosque of the west quarter

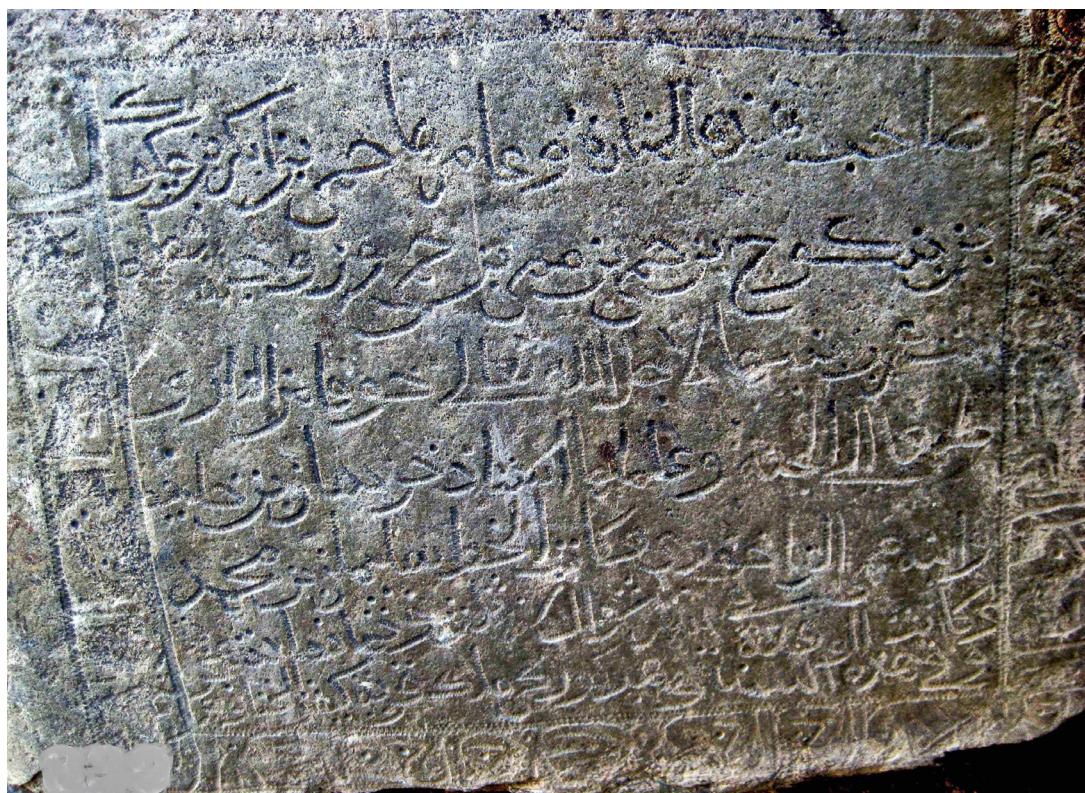

Рис. 9. Надпись 1401 г. о строительстве минарета

Fig. 9. Inscription of 1401 about the construction of the minaret.

Рис. 10. Куфическая надпись-шахада XIII в.

Fig. 10. Kufic inscription-shahada of the 13th century

Рис. 11. Куфическая надпись XII в. в восточной стене Джума-мечети

Fig. 11. Kufic inscription of the 12th century in the eastern wall of the Juma mosque

Рис. 12. Фрагмент куфической надписи XII в. в южной стене Джума-мечети

Fig. 12. Fragment of a Kufic inscription of the 12th century in the southern wall of the Juma mosque

Рис. 13. Фрагмент куфической надписи XII в. в западной стене Джума-мечети

Fig. 13. Fragment of a Kufic inscription of the 12th century in the western wall of the Juma Mosque.

Рис. 14. Куфическая надпись XII–XIII вв. в стене дома

Fig. 14. Kufic inscription of the 12-13th centuries in the wall of the house

Рис. 15. Эпитафия Хусайна, сына Мухаммада. XIV в.

Fig. 15. Epitaph of Husayn, son of Muhammad. 14th century

Рис. 16. Надмогильный памятник 1355 г. амира Абакура, сына Тахсурмана

Fig. 16. The grave monument of 1355 of the Amir Abakur, the son of Takhsurman

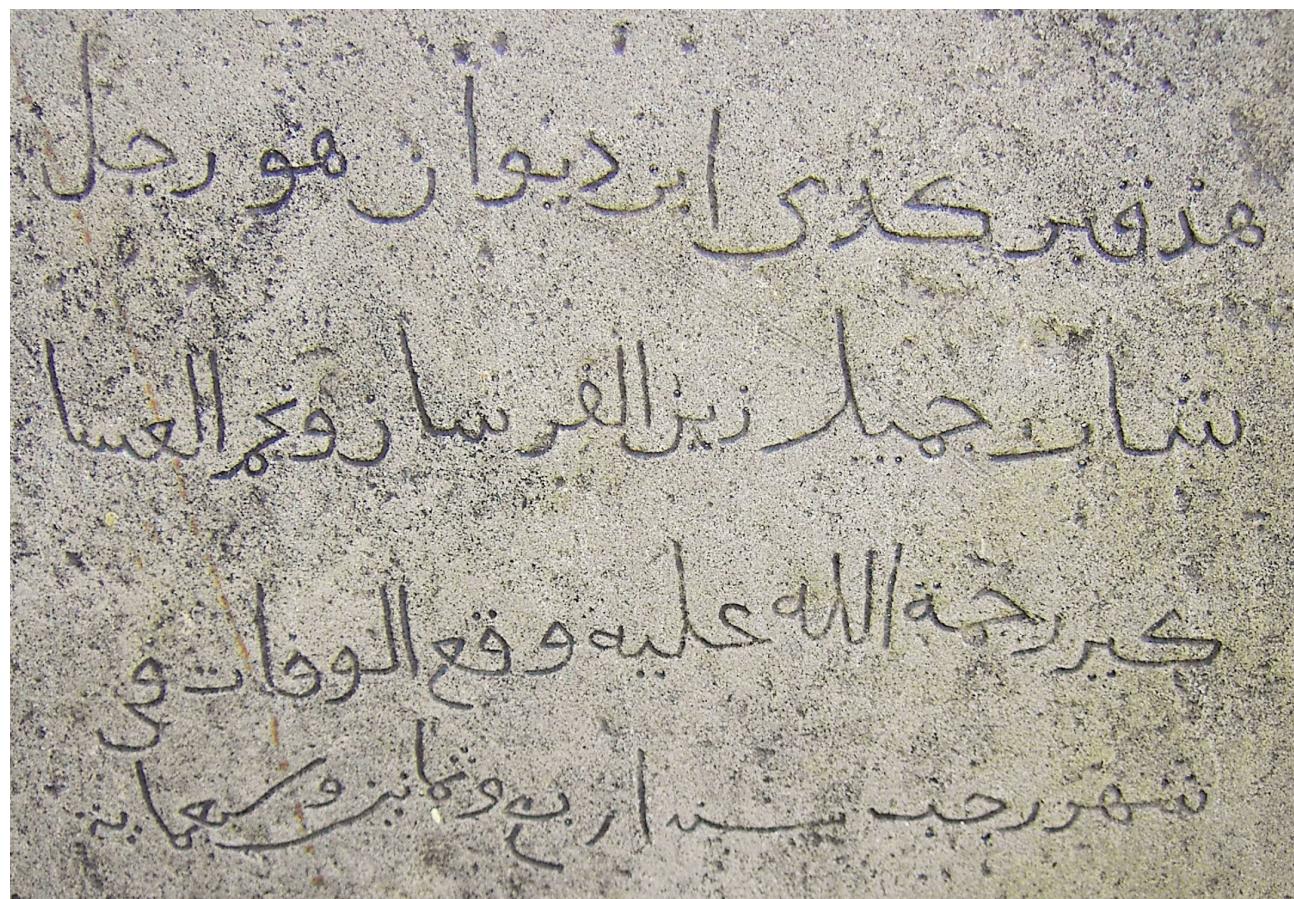

Рис. 17. Центральная часть эпитафии 1382 г.

Fig. 17. Central part of the epitaph of 1382

Рис. 18. Надмогильный памятник 2-й пол. XIV в. амира Абакара, сына Чакука

Fig. 18. Grave monument of the second half of the 14th century of the Amir Abakar, son of Chakuk.

Рис. 19. Эпитафия амира Абакара, сына Чакука. 2-я пол. XIV в.

Fig. 19. Epitaph of Amir Abakar, son of Chakuk. Second half of the 14th century

Рис. 20. Стела с эпитафией амира Сайф ад-Дина. 1395 г.

Fig. 20. Stele with the epitaph of Amir Saif ad-Din. 1395

Рис. 21. Стела 1405-06 г. факиха Раху-хана, сына Мухаммада

Fig. 21. Stele of 1405-06 of the fakikh Rahu Khan, son of Muhammad

Рис. 22. Святилище Дапгъад уджа к востоку от Хнова

Fig. 22. Sanctuary of Dapgad udja to the east of Khnov

Рис. 23. Стела 1450 г. святилища Дапгъад уджа

Fig. 23. Stele of 1450 of the sanctuary of Dapgad udja

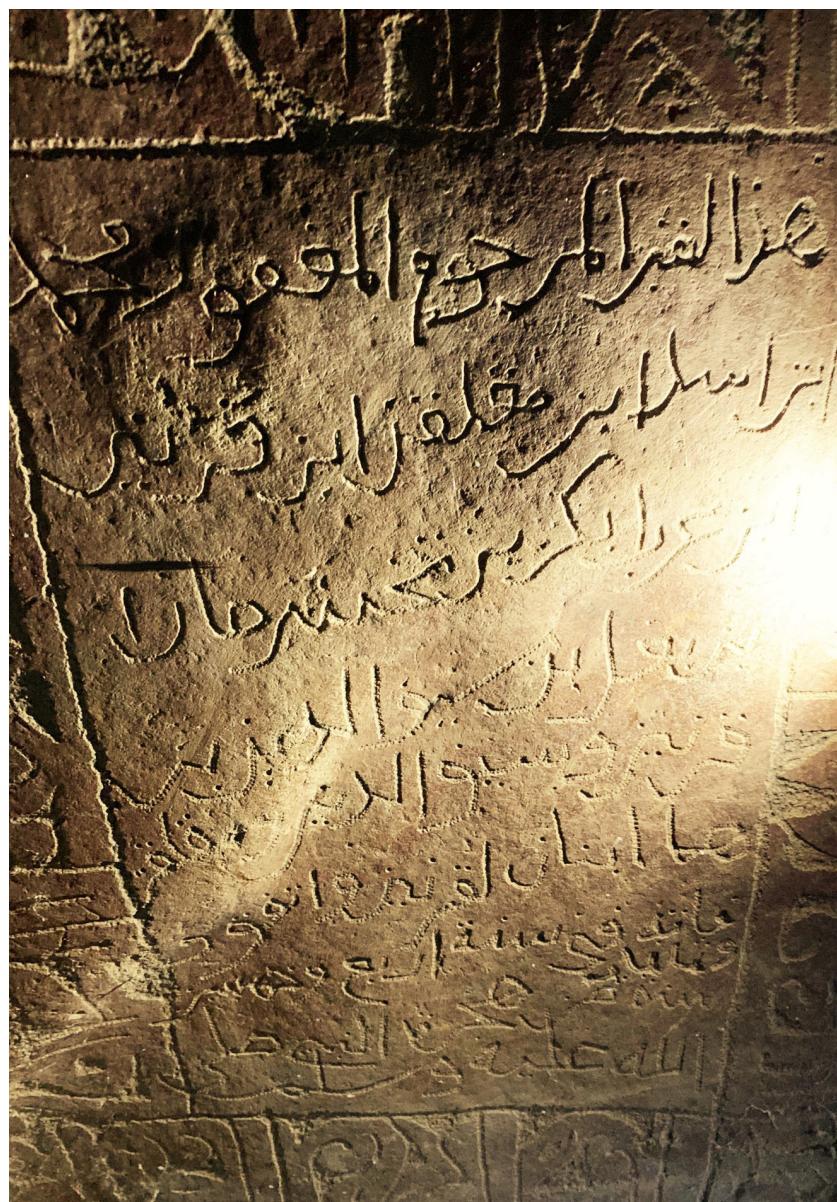

Рис. 24. Эпитафия Мухаммада, сына Асада. 1450 г.

Fig. 24. Epitaph of Muhammad, son of Assad. 1450

Рис. 25. Надпись в нижней части стелы Мухаммада, сына Асада

Fig. 25. Inscription at the bottom of the stele of Muhammad, son of Assad

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ихилов М.М. Хновцы // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. VI. – Махачкала, 1959. С. 275–287.
2. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., коммент., введ. и прил. Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – 300 с.
3. Шихсаидов А.Р. Надписи из Хнова // Древности Дагестана (материалы по археологии Дагестана). Т. 5. Махачкала, 1974. С. 262–276.
4. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. – М.: Наука, 1984. – 463 с.
5. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи X–XX вв. Новые находки. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. М., 1980. – 168 с.
6. Шихсаидов А.Р. Новые эпиграфические памятники Дагестана // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. С. 121–165.
7. Закариев З.Ш. Средневековая строительная эпиграфика селения Мишлеш // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. № 2. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 2011. С. 34–49.
8. Закариев З.Ш. Соборные мечети в Хрюге и Мишлеше как выдающиеся памятники истории и культуры Дагестана // Дагестанские святыни. Книга III. Сост. и отв. ред. А.Р. Шихсаидов. Махачкала, 2013. С. 192–242.
9. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. М.: Мамонт, 2007. – 227 с.
10. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака’ик» (XI–XII вв.). М., 2003. – 847 с.
11. Закариев З.Ш. Династия профессиональных строителей в средневековом Цахуре (по данным арабоязычных строительных надписей XIV–XV вв.) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. № 3. 2010. С. 19–23.

REFERENCES

1. Ichilov MM. Khnovs [Khnovtsy] *Proceedings of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences [Uchenyye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR]*. Vol. VI. Makhachkala, 1959: 275–287.
2. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of the 10th–17th centuries [Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Ch. 1. Nadpisi X–XVII vv.] / Texts, trans., comments, preface and appendix by L.I. Lavrov. Moscow: Nauka, 1966.
3. Shikhsaidov AR. Inscriptions from Khnov [Nadpisi iz Khnova] *Antiquities of Dagestan (materials on the archeology of Dagestan) [Drevnosti Dagestana (materialy po arkeologii Dagestana)]*. Vol. 5. Makhachkala, 1974: 262–276.
4. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the X–XVII centuries as a historical source [Epigraficheskiye pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik]*. Moscow: Nauka, 1984.
5. Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 3. Inscriptions of the X–XX centuries. New findings [Epigraficheskiye pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 3. Nadpisi X–XX vv. Novyye nakhodki]. Publishing of texts, translations, comments, article and appendix by L.I. Lavrov. M., 1980.
6. Shikhsaidov AR. New epigraphic monuments of Dagestan [Novyye epigraficheskiye pamyatniki Dagestana] *Questions of the history of Dagestan (pre-Soviet period) [Voprosy istorii Dagestana (dosovetskiy period)]*. Makhachkala, 1974: 121–165.
7. Zakariyaev ZSh. Medieval building epigraphy of the village of Mishlesh [Srednevekovaya stroitel'naya epigrafika seleniya Mishlesh] *Dagestan Oriental Collection [Dagestanskiy vostokovedcheskiy sbornik]*. Issue № 2. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011: 34–49.
8. Zakariyaev ZSh. Cathedral mosques in Khryug and Mishlesh as outstanding monuments of the history and culture of Dagestan [Sobornyye mecheti v Khryuge i Mishleshe kak vydayushchiyesya pamyatniki istorii i

12. *Мурадян П.М.* Христианские древности грузино-армяно-дагестанской контактной зоны в начале XIV в. // *Albania Caucasia: Сб. статей.* – Вып. I / предисл., подгот. А.К. Алиберов, М.С. Гаджиев. М., 2015. С. 236–237.
13. Памятники дипломатических и торговых сношений Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 2. – Спб., 1892.
14. *Махмуд из Хиналуга.* События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. Пер. с араб., сост., предисл., comment. и прил. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. – 206 с.
- kul'tury Dagestana] *Dagestan shrines. Book III [Dagestanskiye svyatyni. Kniga III].* Comp. and ed. by AR. Shikhsaidov. Makhachkala, 2013: 192–242.
9. Krishtopa AE. *Dagestan in the XIII – early XV centuries. An outline of political history [Dagestan v XIII - nachale XV vv. Ocherk politicheskoy istorii].* M.: Mammoth, 2007.
10. Alikberov AK. *The era of classical Islam in the Caucasus: Abu Bakr al-Darbandi and his Sufi encyclopedia “Raikhan al-haqa’ik” (XI–XII centuries) [Epokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i yego sufiyskaya entsiklopediya «Raykhan al-khaka’ik» (XI–XII vv.)].* Moscow, 2003.
11. Zakariyaev ZSh. A dynasty of professional builders in medieval Tsakhur (according to the Arabic-language construction inscriptions of the XIV–XV centuries) [Dinastiya professional’nykh stroiteley v srednevekovom Tsakhure (po dannym arabyazichnykh stroitel’nykh nadpisey XIV–XV vv.)] *News of the Dagestan State Pedagogical University. Social and human sciences [Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki].* № 3. 2010: 19–23.
12. Muradyan PM. Christian antiquities of the Georgian-Armenian-Dagestan contact zone at the beginning of the XIV century [Khristianskiye drevnosti gruzino-armiano-dagestanskoy kontaktnoy zony v nachale XIV v.] *Albania Caucasia: Collected articles [Albania Caucasia: Sb. stately].* Issue I / foreword by AK. Alikberov, MS. Gadzhiev. Moscow, 2015: 236–237.
13. *Monuments of diplomatic and trade relations between Russia and Persia [Pamyatniki diplomaticeskikh i torgovykh snosheniy Rusi s Persiyey]* / Ed. N.I. Veselovsky. Vol. II. Saint Petersburg, 1892.
14. Mahmoud from Khinalug. *Events in Dagestan and Shirvan of the XIV–XV centuries [Makhmud iz Khinaluga. Sobytiya v Dagestane i Shirvane XIV–XV vv.]*. Transl. from Arabic, comp., foreword, comment. and appendix by A.R. Shikhsaidova. Makhachkala, 1997.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163549-564>

Тимохин Дмитрий Михайлович,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
hohorezm83@mail.ru rurezm83@mail.ru

ОБ ЭПИЗОДЕ ИЗ БИОГРАФИИ СУФИЙСКОГО ШЕЙХА МАДЖД АД-ДИНА АЛ-БАГДАДИ И ХОРЕЗМИЙСКОЙ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ТЕРКЕН-ХАТУН

Шейх Маджид ад-Дин ал-Багдади являлся важной фигурой в составе суфийского братства Кубравийя и при жизни обладал не только религиозным авторитетом, но и определенным политическим влиянием. На фоне стремительного усиления Хорезмийского государства, которое к началу XIII в. становится крупнейшим политическим образованием исламского Востока, Маджид ад-Дин ал-Багдади сближается с Теркен-хатун, матерью хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада. С учетом борьбы между придворными группировками, которая развернулась в Хорезме накануне монгольского нашествия, союз между суфийским шейхом и Теркен-хатун был воспринят одной из них как угроза. В результате, Маджид ад-Дин ал-Багдади был обвинен правителем Хорезма в любовных связях с матерью хорезмшаха и казнен. Уже современники этого события рассматривали монгольское вторжение и гибель Хорезма, как расплату за данный поступок 'Ала' ад-Дина Мухаммада. В этой статье мы не пытаемся детально разобрать всю биографию Маджид ад-Дина ал-Багдади, а обращаем особое внимание на обстоятельства его смерти и ее описание в средневековых арабо-персидских исторических сочинениях. Отметим, что подробный рассказ об этом содержится в анонимном персидском источнике XIV века, который до сих пор не был опубликован в полном объеме, а только лишь отдельных фрагментах его оригинального текста. В этой статье предпринята попытка не только попытаться проанализировать рассказ анонимного автора, но и сравнить его со сведениями из других арабо-персидских исторических сочинений. Мы так же постараемся учесть существующие мнения по данному вопросу в рамках российской и зарубежной историографии, как в отношении самого анонимного персидского исторического сочинения XIV в., так и содержащейся в нем информации относительно биографии суфийского шейха Маджид ад-Дина ал-Багдади. Надеемся, что наша статья привлечет новый интерес коллег к этому памятнику, который, несомненно, необходимо опубликовать в полном объеме.

Ключевые слова: Маджид ад-Дин ал-Багдади; Теркен-хатун; арабо-персидские источники; Хорезм; 'Ала' ад-Дин Мухаммад.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163549-564>

Dmitry M. Timokhin,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of the Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
horezm83@mail.ru

AN EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF THE SUFI SHEIKH MAJD AD-DIN AL-BAGHDADI AND THE KHWAREZMIAN RULER TERKEN-HATUN

Abstract. Sheikh Majd ad-Din al-Baghdadi was a prominent figure of the Kubrawiya Sufi order, and possessed not only religious authority, but also certain political influence. Amidst the rapid strengthening of Khwarezm, which by the beginning of the 13th century becomes the largest political formation in the Islamic East, Majd ad-Din al-Baghdadi gets close to Terken-Khatun, the mother of the Khwarezmshah ‘Ala’ al-Din Muhammad. Given the struggle between the court groups that unfolded in Khwarezm on the eve of the Mongol invasion, the alliance between the Sufi sheikh and Terken-Khatun was regarded a threat. As a result, the ruler of Khwarezm accused Majd ad-Din al-Baghdadi of romantic relations with the mother of Khwarezmshah, and ordered the sheikh to be executed. The contemporaries of this event considered the Mongol invasion and the fall of Khwarezm as retribution of ‘Ala’ ad-Din Muhammad for this act. The present paper does not aim to analyze the entire biography of Majd ad-Din al-Baghdadi, but pays special attention to the circumstances of his death and its description in medieval Arab-Persian historical sources. It is worth noting that a detailed account of it is mentioned in an anonymous Persian work of the 14th century, which has not yet been published fully, but only in separate fragments of its original text. In this paper we attempt not only to analyze the account of an anonymous author, but also to compare it with the information from other Arabic-Persian historical works. The existing views on this issue in the framework of Russian and foreign historiography, both in relation to the anonymous Persian historical work of the 14th century, and the information contained in it regarding the biography of the Sufi sheikh Majd ad-Din al-Baghdadi are also taken into account. The article may attract attention of our colleagues to this written monument, which undoubtedly needs to be published fully.

Keywords: Majd al-Din al-Baghdadi; Terken-Khatun; Arabic-Persian sources; Khwarezm; ‘Ala’ ad-Din Muhammad.

О Теркен-хатун

В истории исламского Востока одним из ярких примеров женщин, сумевших стать правительницами крупных государственных образований, является Теркен-хатун, мать хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада. О ее могуществе писали уже современники, подчеркивая, что она отдавала приказы наравне с собственным сыном и ее решения по тем или иным вопросам были не менее значимы, чем приказы правителя Хорезма. «Если от нее и от султана поступали два различных предписания по одному и тому же вопросу, то внимание обращалось лишь на дату и действовали по последнему во всех странах» [12, с. 87; 31, с. 58–59]. Теркен-хатун не только вмешивалась в дела государства, но также обладала собственными землями и огромными финансовыми возможностями, о чем так же сообщают современники этих событий. «Когда власть перешла к султану Мухаммаду по наследству от его отца Такиша, к нему примикули племена Еmek и соседние с ними. Благодаря им умножились силы султана, а он возвысил их положение. По этой причине Теркен-хатун и хозяйничала в государстве, и как только султан захватывал какую-нибудь страну, обязательно выделял там для ее приближенных важную область» [1, с. 87; 2, с. 58–59]. Накануне монгольского нашествия столица Хорезмийского государства, город Гургандж, являлся резиденцией Теркен-хатун, в то время как сам ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад осуществлял свою власть, преимущественно, из Самарканда. Причина, по которой мать хорезмшаха обладала столь широкими политическими, административными и финансовыми возможностями, поясняется все тем же ан-Насави. «А султан никогда не противоречил, когда она приказывала – ни в малых делах, ни в больших, ни в значительных, ни в незначительных – по двум причинам: во-первых, из-за родительской любви, которую она уделила ему, и, во-вторых, из-за того, что большинство эмиров государства была из ее рода, и вместе с ними он боролся против хитай и отнял у них государство» [1, с. 73]. Отметим, что, помимо данных ан-Насави, существуют и иные сведения в исторических источниках относительно принадлежности данной правительницы к конкретному тюркскому племени [3, р. 465; 4, vol. I, р. 240–241, 254], что стало объектом давних и не утихающих до сих пор научных споров [5, с. 252; 6, с. 206, 235–236; 7, с. 61, 202, прим. 157; 8, с. 65, 82; 9, р. 144; 10, р. 23, note 78; 11, с. 171, Anm. 1]. Не вдаваясь в детали дискуссии вокруг племенной принадлежности Теркен-хатун, о чём нами уже было написано специальное исследование [12, с. 83–103], отметим лишь, что большинство специалистов единодушны: именно с Теркен-хатун связано существенное усиление тюркского присутствия на ключевых военных и политических постах Хорезмийской державы по сравнению со второй половиной XII века [См.: 5, с. 252; 7, с. 128].

Биография этой правительницы до сих пор не была предметом специального изучения, несмотря на то, что исследователи истории Хорезмийского государства и монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии не могли обойти ее вниманием в своих работах и подчеркивали значение Теркен-хатун

в политической системе Хорезма начала XIII в. [13, с. 444]. «Абсолютным владыкой считался хорезмшах и султан ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад, но в действительности ‘Ала’ ад-Дин оказался в полном подчинении у своей матери Теркен-хатун, которая во внутренних и во внешнеполитических делах государства была, можно сказать, вторым государем, а в некоторых вопросах противостояла своему сыну» [7, с. 128]. При этом в арабо-персидских исторических источниках, начиная с наиболее ранних трудов Ибн ал-Асира и ан-Насави, биография Теркен-хатун излагается достаточно подробно вплоть до таких деталей, как официальный титул этой правительницы или особенности ее почерка. «Тугра ее указов (таваки)» была такова: «Зашитница мира и веры Улуг-Теркен, царица женщин обоих миров». Девиз ее: «Ищу защиты только у Аллаха». Она писала его толстым каламом, превосходным почерком, так что ее знак было трудно подделать» [1, с. 87; 2, с. 58–59]. Помимо указанных нами ранних арабо-персидских источников, биография Теркен-хатун была достаточно подробно освещена и в более поздних памятниках: речь идет как о сочинениях с ярко выраженной антимонгольской направленностью [4, vol. I, р. 240–241, 254], так и в текстах, принадлежащих к кругу придворной монгольской историографии [3, р. 465–468].

Анонимное персидское сочинение второй половины XIV в.

В этой статье хотелось бы обратить внимание на исторический источник, который относительно редко привлекался исследователями для реконструкции биографии хорезмийской правительницы. Речь пойдет об анонимном персидском памятнике¹, упомянутом Э. Сашо и Э. Эте в издании «Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian library» («Каталог персидских, тюркских, индийских и пуштунских рукописей в Бодлианской библиотеке»), где предлагается краткое описание рукописи, ее содержания и структуры [14, No. 144, р. 83]. Авторы каталога пишут, в частности, следующее об этом источнике: «Большой фрагмент подробной истории Монголов, особенно эпохи Чингиз-хана, его предков и ближайших наследников. Он написан очень возвышенным слогом, перемежающимся с большим количеством поэтических вставок...» [14, No. 144, р. 83]. Анонимный автор описывает в данном тексте исторические события, начиная с библейских времен, упомянутая Йафета сына Ноя, и заканчивает свое повествование смертью хана Угэдэя в 1239 г. [14, No. 144, р. 83]. Кроме данной информации составители каталога приводят подробные сведения также о структуре этого анонимного сочинения [14, No. 144, р. 83]. Об этом тексте упоминает В.В. Бартольд в своей классической работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»: «это сочинение написано не раньше XIV в., так как автор ссылается на Яфи’и (л. 116)» [15, с. 56, прим. 2; 16, с. 104, прим. 2].

¹ Здесь хотелось бы выразить отдельную благодарность Р.В. Хаутале и В.В. Тишину, которые обратили мое внимание на данный источник и существующую историографию вокруг него. Прим. Д.Т.

Среди современных исследований отметим статью Питера Джексона «*Jalāl al-Dīn, the Mongols, and the Khwarazmian Conquest of the Panjab and Sind*» («Джалал ад-Дин, Монголы и хорезмийское завоевание Панджаба и Синда»), в которой уделил большое внимание, в том числе, и интересующему нас памятнику [17, р. 47]. Известный ученый вслед за В.В. Бартольдом попытался разобраться с датировкой данного сочинения. «Дату сочинения определить трудно. Бартольд поместил его не ранее восьмого-четырнадцатого века, поскольку автор цитирует *Mir'at al-djihān* Йафи'и (768/1367). Но есть еще один ключ к разгадке датировки» [17, р. 47]. Сам Питер Джексон, на основании анализа текста источника и сопоставления его данных с историческим контекстом и данными других арабо-персидских памятников, приходит к выводу, что это анонимное сочинение не могло быть составлено позднее 1395 г. [17, р. 47]. Кроме того, в представленной статье можно найти сведения о содержании памятника: «Что касается содержания рукописи, то оно, по-видимому, является частью подробной истории монголов, поскольку начинается с Йафита (Иафета), сына Нуха (Ноя), и продолжается вплоть до 642/1244 года во время междуусобицы после смерти кагана Угэдэя» [17, р. 47]. Питер Джексон видит заметное сходство между этим анонимным памятником и сочинением Джувейни, «*Tarikh-e džahān gošay*» («История Миропокорителя») [18; 19; 3], однако составитель первого текста, по мнению исследователя, более последователен в изложении материала и его рассказ менее запутан, нежели мы видим в тексте Джувейни [17, р. 47]. Указанное анонимное персидское сочинение второй половины XIV в. не только обладает сравнительно небольшой историографией, но и до сих остается неопубликованным, что делает его труднодоступным для широкого круга исследователей. Однако уже В.В. Бартольд издал небольшой кусок из этого исторического сочинения в составе первого издания «Туркестана...», где вся первая часть представляет собой хрестоматию из различных арабо-персидских источников.

Рассказ об убийстве шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади

Опубликованный В.В. Бартольдом фрагмент анонимного сочинения посвящен одному из эпизодов биографии Теркен-хатун [См.: 20, с. 156]. В нем анонимный автор с самого начала заявляет, что данный рассказ включен в состав сочинения «по причине убийства шейха Маджд ад-Дина, чьему мнению Теркен-хатун, мать Султана, безоговорочно доверяла, и в большинстве случаев он был включен в свиту этой государыни, а по причине его нравственного величия благополучие [шейха] увеличивалось» [20, с. 156]. Именно это высокое положение шейха при дворе Теркен-хатун становится причиной того, что доносы в ее адрес и шейха Маджд ад-Дина достигли самого ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада. «Когда между шейхом и хатун союз и изумительная привязанность достигли своего совершенства, завистники из всех углов и щелей открыли язык злословия

[в их адрес], и занимались распространением бессмыслицы и хулы. И рассказы эти дошли [до ушей] султана и в отношении положения своей матери [он решил] плохо поступить, а шейха Маджд ад-Дина [решил] недостойно убить, для чего устроил западню, ожидая подходящего случая, чтобы отомстить шейху, убив его» [20, с. 156]. Далее, согласно источнику, когда однажды ночью Теркен-хатун вызвала шейха Маджд ад-Дина в свои покои, об этом донесли ‘Ала’ ад-Дину Мухаммаду. Окончательно поверив, по мнению анонимного автора, слухам и сплетням, хорезмшах, тем не менее, публично помиловал шейха, однако при этом тайно «отдал приказ, чтобы военачальники немедленно отправились и грубо вломились в комнату для молитвы этого шейха, и те с оскорблением и упреками внутрь [комнаты для молитвы] вошли, и заставили его вкусить мед мучничества» [20, с. 156].

Несмотря на то, что, по мнению Питера Джексона, важной основой для рассматриваемого нами анонимного источника стало сочинение Джувейни, «Тарих-е джахан гошай», опубликованный В.В. Бартольдом фрагмент, о котором мы говорили выше, не имеет отношения к труду упомянутого персидского историка. При внимательном рассмотрении текста «Тарих-е джахан гошай» ни в специальной главе, посвященной биографии Теркен-хатун [3, р. 465–468], ни в других разделах этого источника мы не находим подобного эпизода [3, р. 79, 124, 339, 349, 358, 394]. Более того, данные о подобном шейхе, который действовал при хорезмийском дворе, в сочинении Джувейни также отсутствуют: подобное имя упоминается в тексте лишь дважды, однако в обоих случаях это не касается истории Хорезма и его правителей [3, р. 272, 521]. Обратившись к синхронному с «Тарих-е джахан гошай» персидскому сочинению, принадлежавшему перу Минхадж ад-Дина Абу Умара Усмана Бен Сирадж ад-Дина Джузджани, «Табакат-и Насири» («Насировы таблицы») [21; 22; 4], можно отметить следующие моменты. В отличие от труда Джувейни в тексте Джузджани нет отдельной главы, посвященной биографии Теркен-хатун, а ее имя не упоминается автором вовсе, хотя из контекста описываемых им событий можно сделать вывод о том, что в том или ином случае речь идет именно об этой правительнице [4, vol. I, р. 240–241, 254]. При этом объем сведений о ней в данном источнике существенно меньше в сравнении с «Тарих-е джахан гошай», но и здесь также не содержится эпизодов, схожих с фрагментом из анонимного памятника второй половины XIV в.

Подобный рассказ мог быть перерепнут анонимным автором из более ранних исторических сочинений, нежели труды Джузджани и Джувейни, однако в даже в составе наиболее раннего арабо-персидского текста, повествующего о событиях эпохи монгольского нашествия, а именно в «ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод по истории») [23, р. 447–502; 24] Ибн ал-Асира о подобном событии не сказано ни слова [24, с. 287–358]. Справедливости ради следует признать, что у этого арабского историка в принципе мало сведений относительно биографии Теркен-хатун. Гораздо более удивительным в данном случае будет молчание по данному поводу уже упомянутого нами ан-Насави: несмотря

на то, что биография Теркен-хатун представлена им весьма подробно, как ее часть, которая касается домонгольского периода, так и та, которая связана со временем вторжения в пределы Хорезмийской державы войск Чингиз-хана [1, с. 63, 68, 70, 75, 76, 82-87, 100, 197, 232]. Наконец, в достаточно часто используемом для реконструкции биографии шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади труде Мухаммада ‘Ауфи, «Лубаб ал-албаб» («Сердцевина сердцевин»), не указано никаких подробностей его смерти, а лишь указано, что он погиб смертью мученика. «Не было никого в Хорезме, кто бы обладал таким могуществом, как он. И после этого ему посчастливилось окончить свои дни шахидом, и в Хорезме о нем я слышал только добрые воспоминания» [25, с. ۲۳].

Нельзя не отметить, что отсутствие сведений в ранних источниках об убийстве шейха Маджд ад-Дина по приказу хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада отметил уже В.В. Бартольд [15, с. 404; 16, с. 441]. При этом выдающийся российский востоковед указал на то, что, помимо анонимного персидского сочинения второй половины XIV в., рассказ об этом убийстве встречается у более раннего персидского историка – Хамдаллаха Казвини. В данном случае В.В. Бартольд имел в виду принадлежащий этому автору исторический текст, «Тарих-и Гузиде» («Избранные истории») [26; 27, vol. 1–2], а не его географическое сочинение – «Нузхат ал-Кулуб» («Услада сердец») [28; 29]. Отметим, что «Тарих-и Гузиде» представляет собой «всеобщую историю» и был закончен в период с 1330/1331 по 1334/1335 гг., то есть ранее составления интересующего нас анонимного сочинения [30, р. 81]. Сразу хотелось бы отметить, что значимый для нас фрагмент из «Тарих-и Гузиде» приводит в оригинале сам В.В. Бартольд в рамках первого издания «Туркестана...» [20, с. ۱۵۳]. В свою очередь, известный ученый Эдварт Браун в своей публикации этого источника предлагает следующий перевод этой части текста из раздела «Шейхи» «Тарих-и Гузиде». «Маджду’д-Дин Багдади, предан смерти по подозрению в интриге с матерью Хорезмшаха. После его смерти Хорезмшах раскаялся в том, что он сделал, и обратился к Шейху Наджму’д-Дину Кубра и спросил, какого искупления будет достаточно, чтобы загладить это деяние, на что Шейх ответил, что их жизни и жизни других людей вряд ли искупят его [жизнь – прим. Д.Т.]; [это] высказывание [шейха Наджму’д-Дина Кубра – прим. Д.Т.], по-видимому, следует считать пророческим намеком на фатальные последствия надвигающейся катастрофы [в виде] Монгольского нашествия» [27, vol. 2, р. 215].

В свою очередь, фрагмент оригинального персидского текста, который приводит В.В. Бартольд, содержит в себе следующие сведения: «Шейх Маджд ад-Дин Багдади, происходил из округа Багдад, название предместья Хорезма, и Баха ад-Дин Багдади, который занимал должность составителя писем в качестве мунши при хорезмшахе, являлся его братом» [20, с. ۱۵۳]. Здесь хотелось бы отметить два важных момента: первый касается места рождения шейха, которое указывает Хамдаллах Казвини, поскольку упоминание Багдада, как предместья Хорезма, может вызвать у читателя определенные вопросы. Уже В.В. Бартольд в «Туркестане...» пишет об этом населенном пункте следующее:

«...Бугайдид, в других источниках Багдад или Багдадек ('Малый Багдад'), между Джендом и Хорезмом, родина знаменитого шейха Меджд ад-Дина и его брата, автора известного сборника официальных документов...» [16, с. 208–209]. В исторических источниках сведения об этом населенном пункте можно найти в географическом сочинении «Му‘джам ал-булдан» («Словарь стран») Шихаб ад-Дина Абу Абдаллаха Йакута ибн Абдуллаха ал-Хамави [См.: 31, р. ۷۸۱], а также в более поздних текстах [16, с. 209. Прим. 1]. В современных исследованиях, вслед за В.В. Бартольдом, также отмечается, что шейх Маджд ад-Дин Багдади «родился в 1149 в городке Багдадак недалеко от Хорезма...» [32; См. также – 33, р. 298]. Другим важным моментом, на который указал Казвини, следует признать родство шейха Маджд ад-Дин Багдади с Баха ад-Дином Мухаммадом ал-Багдади, который являлся составителем сочинения «ат-Тавассул ила ат-Тарассул» («Книга искания доступа к деловой переписке») [34], написанного в конце XII в. Именно о нем писал В.В. Бартольд в приведенном выше отрывке из «Туркестана...» [16, с. 209]. Баха ад-Дин ал-Багдади сделал карьеру чиновника при дворе хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Текиша, предшественника 'Ала' ад-Дина Мухаммада, и даже сумел стать главой «диван-и инша». Его «ат-Тавассул ила ат-Тарассул» представляет собой сборник текстов, указов и жалованных грамот хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Текиша, в которых его титул приводится так – «поглавитель мира Великий султан Текиш хорезмшах Ил-Арслан от Аллаха Все-вышнего поддержка» [34, с. ۱۴۴].

Возвращаясь интересующему нас отрывку из сочинения Хамдаллаха Казвини, мы видим указание на то, что убийство шейха Маджд ад-Дин Багдади произошло в годы правления халифа ан-Насира, заклятого врага 'Ала' ад-Дина Мухаммада [20, с. ۱۵۳]. Казвини настаивает на том, что шейх «был оклеветан в том, что имел любовную связь с матерью хорезмшаха. По приказу султана он был предан смерти (сделался шахидом). После этого султан раскаялся в содеянном и отправился к шейху Наджм ад-Дину Кубра и спросил его: «Как исправить мою ошибку? Что будет выкупом за его кровь или как еще это можно исправить?». Шейх ответил: «Твоя и моя жизнь, равно как и жизни людей всего мира, вряд ли искупят его [убийство] и смогут исправить то, что сделано [тобой]» [20, с. ۱۵۳]. Итак, Хамдаллах Казвини указывает: после убийства шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади хорезмшах раскаялся в содеянном и обратился за советом к шейху Наджм ад-Дину Кубра, о жизни и деятельности которого существует обширная научная литература [См. например: 35, с. 219–220; 36, с. 324–325; 37, р. 55]. Любопытно, что его ответ на вопрос хорезмшаха впоследствии расценивался, как предсказание будущего монгольского нашествия и его последствий. Однако для нас гораздо важнее отметить, что в рамках анонимного персидского сочинения второй половины XIV в. раскаяния 'Ала' ад-Дина Мухаммада и последующее его обращение за советом к Наджм ад-Дину Кубра и даже имени этого шейха не упоминается. Справедливости ради следует отметить, что определенная логика в рассказе Казвини есть: предав смерти одного из представителей суфийского ордена Кубравийя [38], Маджд ад-Дин

ал-Багдади, хорезмшах обращается к лидеру этого братства, надеясь получить прощение или как-то искупить вину.

Приведенные нами выдержки из «Тарих-и Гузиде» наглядно демонстрируют, что текст Хамдаллаха Казвини не содержит в себе многих подробностей, которые есть в анонимном персидском источнике второй половины XIV в. В связи с этим можно осторожно предположить, что его автор черпал информацию по данному поводу из какого-то другого сочинения. Для того, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к специальной литературе, посвященной биографии шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади, где были произведены попытки структурирования всех исторических источников, содержащих сведения о жизни и смерти этого шейха [39, р. 29–31]. «Большая часть информации об ал-Багдади содержится в биографических и агиографических источниках. Последние считаются более обширными, в то время как первые, как правило, включают в себя более краткие сведения. Тем не менее, биографические труды, такие как Мухаммада ‘Ауфи и Хамдаллаха ал-Мустауфи ал-Казвини важны для описания конкретных встреч между ал-Багдади и другими видными деятелями» [39, р. 29–30]. Из других арабо-персидских источников, повествующих о биографии Маджд ад-Дина ал-Багдади можно отметить как литературные памятники, например поэтическое сочинение Фахр ад-Дина ал-Ираки [39, р. 30], написанное во второй половине XIII в., но не содержащее интересующих нас сведений. Среди памятников агиографического характера стоит выделить сочинение ‘Абд ар-Рахмана Джами «Нафахат ал-унс мин хазарат ал-кудс» («Ароматные веяния духовной близости с вершин святости») [40], представляющее собой сборник биографий суфийских шейхов. «В нем содержатся подробные сведения о происхождении семьи ал-Багдади, о том, как он встал на путь суфизма, о его влиянии на ‘Ала’ ал-Доула ал-Симнани, о его временной размолвке с орденом Кубра и об обстоятельствах его смерти. Несмотря на то, что важность этих агиографических записей для построения биографии ал-Багдади не следует сбрасывать со счетов, существует необходимость подвергнуть сомнению повествование в этом памятнике о смерти ал-Багдади. Эти более поздние рассказы приукрашивают смерть ал-Багдади информацией, которую не удалось найти в более ранних материалах. Они возникают в контексте различных суфийских общин и орденов в борьбе за социальное и политическое влияние» [39, р. 31]. Стоит добавить, что сочинение Джами было написано в 1478–1479 гг., то есть гораздо позднее анонимного персидского сочинения. Таким образом, вопрос о том, из какого источника анонимный автор мог заимствовать свой рассказ о смерти Маджд ад-Дина ал-Багдади на данный момент остается без исчерпывающего ответа.

Брак Маджуд ад-Дина ал-Багдади и Теркен-хатун

Уже В.В. Бартольд предлагает достаточно подробную реконструкцию биографии шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади, которого он называет «учеником шейха Неджм ад-Дина Кубра, основателя суфийского ордена кубреви,

существующего и до сих пор» [15, с. 403; 16, с. 440]. В отличие от последующих исследователей истории Хорезмийского государства [См. например: 7], он не обошел своим вниманием не только убийство Маджд ад-Дина ал-Багдади по приказу ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, но критически рассмотрел саму возможность брака суфийского шейха и Теркен-хатун. «Часто упоминаемый у Джувейни и Несеви имам Шихаб ад-Дин Хиваки, занимавший в то время должность векиля при хорезмийском дворе, написал шейху письмо, в котором выражал надежду с помощью него «из мрака мирских дел найти путь к свету повиновения и разбить отряды забот мечом раскаяния и усердия». Шейх дал понять векилю, что в царской службе нет греха, что он имеет возможность помочь обиженным, утешать опечаленных и таким путем достигнуть как земного счастья, так и небесного блаженства гораздо вернее, чем посредством поста и молитвы. Тем труднее объяснить причины столкновения между шейхом и хорезмийским правительством. Авторы XIII в. совершенно не упоминают об этом событии; более поздние источники, начиная с Хамдаллаха Казвини, все уверяют, что шейх был убит по подозрению в любовной связи с матерью султана. Едва ли это возможно, так как царица в то время имела уже правнука; известие о близости между царицей и шейхом, вероятно, должно быть понято в том смысле, что и здесь, как в других случаях, военное сословие в борьбе с престолом имело духовенство на своей стороне» [15, с. 404; 16, с. 441].

Не все современные исследователи согласны с В.В. Бартольдом относительно невозможности подобного брака между Маджд ад-Дином ал-Багдади и Теркен-хатун, так что дискуссия вокруг этого события существует до сих пор. «Фриц Майер утверждает, что ал-Багдади женился на матери Хорезмшаха втайне и основывается на письме, которое он написал Лале, однако при ближайшем рассмотрении — это маловероятно, так как в письме упоминается только брак с женщиной, называемую им Хатун, и не указывает никаких имен. В письме также говорится, что брак состоялся по просьбе королевы-матери Теркен-Хатун, что выглядело бы странным, если бы она сама выходила за него замуж» [39, р. 36; См.: 41, р. 247]. При этом сам факт брака, который отмечен в письмах самого шейха, должен был усилить, прежде всего, союз между суфийским братством и частью политической элиты Хорезма, которую возглавляла Теркен-хатун. Вряд ли может серьезно рассматриваться возможность брака между ней самой и шейхом, но упомянутая в письмах невеста шейха могла быть близка к Теркен-хатун, то есть быть как минимум ее родственницей. Эту же мысль можно найти в классической работе Е.Э. Бертельса «Суфизм и суфийская литература»: «История смерти Маджд ад-Дина почти всеми источниками рассказывается одинаково. Он был казнен по приказу хорезмшаха Мухаммада, причем внешним поводом называют ложный донос о связи его с матерью шаха. Только чагатайский роман о шейхе Наджм ад-Дине вместо матери называет дочь, чтоказалось бы значительно более правдоподобным. Во всяком случае, сомнений относительно его казни не возникает» [36, с. 336].

Современные исследователи отмечают также, что причина убийства Маджд ад-Дина ал-Багдади могла быть связана с политической борьбой внутри Хорезмийского государства. «Хотя из его письма ясно, что ал-Багдади тайно женился на принцессе, поскольку иначе против него могли быть выдвинуты обвинения в непристойном поведении, однако, скорее всего, к этому подталкивало и существующее политическое соперничество. В своем письме Лале, защищаясь от этих обвинений, ал-Багдади намекает на близкое знакомство и доверительные отношения с «Улуг Теркен-Хатун Владычицей мира». Похоже, что его брак был в интересах королевы-матери, и такой союз действительно был бы ей выгоден. Именно это внесло свой вклад во враждебность по отношению к ал-Багдади со стороны политической элиты Хорезма, ориентирующейся на ‘Ала’ ад-Дина. Из этого можно сделать несколько важных выводов. Похоже, что отношения между религиозным истеблишментом и государством Хорезмшахов портятся после смерти Текиша. Это совпадает с большим внутренним конфликтом внутри правящей элиты между королевой-матерью и ‘Ала’ ад-Дином Мухаммадом, которые оспаривали друг у друга контроль над государством. Такая ситуация, вероятно, создала конкурирующие сети патронажных отношений, которые разрушили бы религиозные институты. Это важно иметь в виду для оценки смерти ал-Багдади» [39, р. 37]. Со своей стороны отметим, что, безотносительно того действительно ли шейх был женат на ком-то из окружения Теркен-хатун, его казнь однозначно связана с противостоянием внутри политической элиты Хорезма. Оказавшись, вероятно, заложником данной ситуации и примкнув к одной из борющихся сторон, Маджд ад-Дин ал-Багдади сделал шаг навстречу собственной гибели. Справедливости ради отметим, что это же противостояние погубило не только суфийского лидера, но и само Хорезмийское государство, которое не сумело устоять перед лицом монгольской угрозы, во многом именно из-за этого внутреннего конфликта.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что рассказ о смерти Маджд ад-Дина ал-Багдади в составе упомянутого нами анонимного персидского сочинения, несомненно, требует дополнительного изучения. На данный момент можно сказать лишь о том, что пока не удается найти его связь с более ранними историческими сочинениями ‘Ауфи и Казвии, поскольку рассказ анонимного автора отличается и того, и от другого. Можно весьма осторожно предположить, что в данном отношении сведения из анонимного персидского сочинения второй половины XIV в. могут носить вполне самостоятельный характер пока не будет доказан тот факт, что автор все-таки позаимствовал свой рассказ о Теркен-хатун и шейхе Маджд ад-Дине ал-Багдади из какого-то более раннего сочинения. Было бы наивным утверждать, что в данном отношении анонимное сочинение может быть первоисточником, поскольку для такого заявления требовалось бы разобрать гораздо больший массив арабо-персидских сочинений, не только исторического

характера. Возможно, анонимный автор использовал сведения из каких-либо ранних агиографических памятников или сочинений духовного характера, в которых могли быть данные о смерти шейха Маджд ад-Дина ал-Багдади [См.: 42]. Однако даже в специальных исследованиях биографии этого суфийского лидера реконструкция обстоятельств его гибели производится преимущественно на основании данных Казвини и существенно более позднего Джами [См.: 39]. В дальнейшем, при анализе более широкого круга источников, появится возможность более точно ответить на все оставшиеся, несмотря на проделанную нами работу, вопросы. Этому же должно способствовать издание полного текста источника, который стал объектом нашего внимания в этой статье.

В отношении описываемого в анонимном источнике эпизода из биографии Маджд ад-Дина ал-Багдади и Теркен-хатун хотелось бы отметить, что, с нашей точки зрения, брак шейха с этой правительницей выглядит маловероятным. О подобном факте должны были знать современники, как минимум хорошо осведомленный ан-Насави: этот историк формировал в своем труде очевидно негативный образ Теркен-хатун, поэтому слухи об ее связи с шейхом и о казни последнего по приказу хорезмшаха должны были найти свое отражение в его сочинении [1, с. 83, 87]. Молчание по данному поводу всех ранних и большей части поздних арабо-персидских исторических памятников лишь подтверждает нашу точку зрения. С другой стороны, мнение отдельных современных исследователей о том, что данный брак мог быть заключен между шейхом и некоей родственницей Теркен-хатун выглядит куда более вероятным, принимая во внимание письма самого Маджд ад-Дина ал-Багдади. Если придерживаться данной точки зрения, то брак шейха и родственницы Теркен-хатун позволяют констатировать, что политическая ситуация в Хорезме накануне монгольского вторжения была еще сложнее, чем казалось исследователям: помимо борьбы внутри политической элиты в этот процесс было втянуто также и духовенство. При этом последующее за этим убийство шейха свидетельствует в пользу того, что могущество Теркен-хатун было не столь уж безграничным, и в определенной ситуации хорезмшах сумел уничтожить ее фаворита без какого-либо существенного противодействия со стороны матери и ее эмиров. Однако на фоне молчания ранних источников и определенных противоречий, о которых мы говорили в этой статье, делать далеко идущие выводы кажется нам преждевременным. В связи с этим, приведенные нами данные, хоть и весьма любопытны, вряд ли могут существенно изменить представление о Теркен-хатун, как о могущественной правительнице Хорезма, по крайней мере, пока не будут найдены дополнительные сведения в арабо-персидских исторических текстах, написанных ранее первой половины XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *ан-Насави*. Жизнеописание султана Джала ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буняитов. Баку: Элм, 1973.
2. *an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary*. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali*. Tr.: Mohammad Ali Naseh. Tehran: Katabforushy M.A. Elmy, 1945.
3. *Juveini*. Gengis Khan. The History of the World-conqueror / Tr.: J.A. Boyle. Manchester: University Press, 1997.
4. *Tabakāt-i-Nāṣirī*: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Ed. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. London: Gilbert and Rivington, 1881. Vol. I-II.
5. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.
6. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995.
7. Буняитов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
8. *ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад*. Сират ас-султан Джала ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буняитов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
9. Biran M. The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
10. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986 [1988]. T. VI. P. 5–29.
11. Marquart J. Über das Volkstum der Komamen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). S. 25–238.
12. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме

REFERENCES

1. *an-Nasawi*. *Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburna [an-Nasavi. Zhizneopisanie sultana Dzhala ad-Dina Mankburny]* / Transl.: Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1973.
2. *an-Nasawi Nur ad-Din Muhammad Zeydary*. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali*. Transl.: Mohammad Ali Naseh. Tehran: Katabforushy M.A. Elmy, 1945.
3. *Juveini*. *Gengis Khan. The History of the World-conqueror* / Transl.: J.A. Boyle. Manchester: University Press, 1997.
4. *Tabakāt-i-Nāṣirī*: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Ed. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. London: Gilbert and Rivington, 1881. Vol. I-II.
5. Agadjanov SG. *Studies on the history of the Oghuz and Turkmens of Central Asia in the 9th – 13th centuries [Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.]*. Ashgabat: Ylym, 1969.
6. Akhinzhanov SM. *Kypchaks in the history of medieval Kazakhstan [Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana]*. Almaty: Gylym, 1995.
7. Buniyatov ZM. *State of Khwarezmshahs-Anushteginids, 1097-1231 [Gosudarstvo Khorezmshakhov-Anushteginidov, 1097–1231]*. Moscow: “Nauka”, 1986.
8. al-Nasawi, Shihab ad-Din Muhammad. *Sirat al-Sultan Jalal ad-Din Mankburny* / Transl.: ZM. Buniyatov. M.: “Vostochnaya literatura” Publ., RAS, 1996.
9. Biran M. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: between China and the Islamic World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
10. Golden PB. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988]. Vol. VI: 5–29.
11. Marquart J. Über das Volkstum der Komamen // Bang W., Marquart J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). S. 25–238.

соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103.

13. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963.

14. Sachau E., Ethé H. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian library. Part I. Persian manuscripts. Oxford: Clarendon Press, 1889.

15. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900.

16. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963.

17. Jackson P. Jalāl al-Dīn, the Mongols, and the Khwarazmian Conquest of the Panjāb and Sind // Iran. Vol. 28 (1990). Р. 45–54.

18. Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. с текста Мизры Мухаммеда Казвини на англ. яз. Дж.Э. Бойла; пер. с англ. Е.Е. Харитонова; предисл. и библиогр. Д.О. Моргана. М.: Магистр-пресс, 2004.

19. Juveini. The History of the World-conqueror / Tr.: J.A. Boyle. Manchester: University Press, 1958. Vol. 1–2.

20. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть 1. Тексты. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898. С. 153, 157.

21. Джузджани. Насировы разряды. Пер. под ред. А.А. Ромаскевича. М.: Директ-Медиа, 2010.

22. The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees, LL.D. and Mawlawis Khadim Hosain Abd Al-Hai. Calcutta, 1864.

23. al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarikh // Journal Asiatique. Т. XIV. Paris: Société asiatique, 1849. Р. 447–502.

24. ал-Асир, ибн. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Ташкент: Узбекистан, 2006.

25. Lubabu ‘l-Albab of Muhammad ‘Awfi / edited in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu ‘l-Wah-hab-i-Qazwini. Leyden: E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1906.

12. Timokhin DM., Tishin VV. The origin of Terken-Hatun, the mother of the Khorezmshah Ala ad-Din Muhammad: on the issue of the correlation of ethnonyms in the eastern Desht-i Kypchak in the 12th – early 13th centuries in historical sources [Proiskhozhdeniye Terken-khatun, materi khorezmshakha Ala ad-Dina Mukhammada: k probleme sootnosheniya etnonimov v vostochnom Desht-i Kypchake v XII – nachale XIII vv. v istoricheskikh istochnikakh] Proceedings of the II scientific conference of the medieval history of Desht-i Kypchak [Materialy II nauchnoy konferentsii srednevekovoy istorii Desht-i Kypchaka]. Pavlodar: LLP NPF “EKO”, 2018: 83–103.

13. Bartold VV. Turkestan in the era of the Mongol invasion [Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya]. Bartold V.V. Works. Vol. I. M.: Nauka, 1963.

14. Sachau E., Ethé H. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian library. Part I. Persian manuscripts. Oxford: Clarendon Press, 1889.

15. Bartold VV. Turkestan in the era of the Mongol invasion. Part 2. Studies [Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. Ch. 2. Issledovaniye]. Saint-Petersburg: V. Kirshbaum Press, 1900.

16. Bartold VV. Turkestan in the era of the Mongol invasion [Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya] Bartold VV. Works [Bartol'd V.V. Sochineniya]. Vol. I. M.: Nauka, 1963.

17. Jackson P. Jalāl al-Dīn, the Mongols, and the Khwarazmian Conquest of the Panjāb and Sind Iran. Vol. 28 (1990). R. 45–54.

18. Juveini. Genghis Khan. The history of the world conqueror [Chingiz-khan. Istorya zavoyevatelya mira] / Transl. from the text of Mizra Mohammed Qazvini in English by J.E. Boyle; transl. from English by E.E. Kharitonova; preface and bibliography D.O. Morgan. M.: Magistr-press, 2004.

19. Juveini. The History of the World-conqueror / Transl.: J.A. Boyle. Manchester: University Press, 1958. Vol. 1–2.

20. Bartold VV. Turkestan in the era of the Mongol invasion. Part 1. Texts [Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. Chast' 1. Teksty]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1898: 153, 156.

21. Juzjani. Nasirov's categories [Nasirovy razryady]. Transl. under ed. A.A. Romaskevich. M.: Direct-Media, 2010.

26. *Qazvini Hamdallah*. *Tarihi Guzide* / Tr.: Y. Le Strange. Paris: J. Maisonneuve, 1903. Vol. I.
27. The *Ta’rīkh-i-guzida*: or, “Select history” of Hamdulláh Mustawfí-i-Qazwíní, compiled in A.H. 730 (A.D. 1330), and now reproduced in facsimile from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) / With an introduction by Edward G. Browne. Leyden: E.J. Brill; London, Luzac & Co. 1910-1913. Vol. 2.
28. *Qazvini Hamdallah*. *Nuzhat al-Kulub* / Tr.: E.G. Browne. London: Gibb Memorial, 1915-1918. Vol. XXIII. № 1-2.
29. *Qazvini Hamdallah*. *Nuzhat al-Kulub*. Tehran: Kitābfurūshī-i Khayyám, 1958.
30. Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Ed. by C.A. Storey. London: Luzac, 1935-1939. Pt.1, Sect.2: history.
31. Yacut’s geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wustenfeld. Leipzig: In Commission bei F.A. Brockhaus, 1866. Bd I.
32. *Algar H. Kobrawiya*. The Order // Encyclopædia Iranica. 2009. Доступ свободный: <http://wwwiranicaonline.org/articles/kobrawiya-ii-the-order>
33. The Cambridge History of Iran / Red.: J.A. Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Vol. 5.
34. *Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi*. at-Tavassul ila at-Tarassul. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937.
35. Акимушкин О.Ф. ал-Кубра, Ахмад б. ‘Умар Наджм ад-дин шайх Абу-л-Джанна // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров; науч. конс.: О.Ф. Акимушкин, В.О. Бобровников, А.Б. Халидов; указ. А.А. Хисматулин. М.: Восточная литература, 2006. Т. I. С. 219-220.
36. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Том 3. Суфизм и суфийская литература. М.: Hayka, 1965.
37. Trimingham J. Spencer. The Sufi Orders in Islam. Oxford: Clarendon Press, 1971.
38. *Abuali E. al-Baghdaðī*, Majd al-Dīn // Encyclopaedia of Islam, Three / Edited by: Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, Everett Rowson. 2019. Доступ свободный: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-3/al-baghdaðī-majd-al-din-COM_25114?lang=en
22. *The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Min-haj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Jawzjani*. Ed. by W. Nassau Lees, LL.D. and Mawlawis Khadim Hosain Abd Al-Hai. Calcutta, 1864.
23. al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih *Journal Asiatique*. Vol. XIV. Paris: Société asiatique, 1849: 447-502.
24. al-Athir, ibn. “*Al-Kamil fi-t-tarikh*” “Complete set of history.” Selected excerpts [al-Asir, ibn. «*Al-Kamil fi-t-tarikh*» «*Polnyy svod po istorii*». *Izbrannyye otryvki*] / Transl.: P.G. Bulgakov, Sh.S. Kamoliddin. Tashkent: Uzbekistan, 2006.
25. *Lubabu l-Albab of Muhammad’ Awfi* / edited in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu’ l-Wah-hab-i-Qazwini. Leyden: E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1906.
26. *Qazvini Hamdallah. Tarihi Guzide* / Transl.: Y. Le Strange. Paris: J. Maisonneuve, 1903. Vol. I.
27. The *Ta’rīkh-i-guzida*: or, “Select history” of Hamdulláh Mustawfí-i-Qazwíní, compiled in A.H. 730 (A.D. 1330), and now reproduced in facsimile from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) / With an introduction by Edward G. Browne. Leyden: E.J. Brill; London, Luzac & Co. 1910-1913. Vol. 2.
28. *Qazvini Hamdallah. Nuzhat al-Kulub* / Transl.: E.G. Browne. London: Gibb Memorial, 1915-1918. Vol. XXIII. № 1-2.
29. *Qazvini Hamdallah. Nuzhat al-Kulub*. Tehran: Kitābfurūshī-i Khayyám, 1958.
30. Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Ed. by C.A. Storey. London: Luzac, 1935-1939. Pt. 1, Sect. 2: history.
31. Yacut’s geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wustenfeld. Leipzig: In Commission bei F.A. Brockhaus, 1866. Bd I.
32. *Algar H. Kobrawiya*. The Order // Encyclopædia Iranica. 2009. Free access: <http://wwwiranicaonline.org/articles/kobrawiya-ii-the-order>
33. The Cambridge History of Iran / Red.: J.A. Boyle. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Vol. 5.
34. *Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi*. at-Tavassul ila at-Tarassul. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937.

39. Abuali E. *The genesis of Kubrawi Sufism: a study of Majd al-Din al-Baghdadi*. PhD thesis. SOAS University of London. London: SOAS University of London, 2017.
40. 'Abd-al-Rahmān Jāmi. *Nafahāt al-ons* / ed. Maḥmud Ābedi, Tehran: Ettelaat, 1991.
41. Meier F. An Exchange of Letters between Sharaf al-Dīn al-Balkhī and Majd al-Dīn al-Baghdādī // Essays on Islamic Piety and Mysticism / Edited by Ulrich Haarmann and Wadad Kadi. Translated by John O'Kane. Leiden and Boston: Brill, 1999. P. 245-282.
42. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. М.: Энигма, 1999.
35. Akimushkin OF. al-Kubra, Ahmad b. 'Umar Najm ad-din shaikh Abu-l-Janna [al-Kubra, Akhmad b. 'Umar Nadzham ad-din shaykh Abu-l-Dzhanna] *Islam in the territory of the former Russian Empire: Encyclopedic Dictionary Islam na territorii byushey Rossiyskoy imperii: Entsiklopedicheskiy slovar'*] Comp. and ed. C.M. Prozorov; scientific. cons.: OF. Akimushkin, VO. Bobrovnikov, AB. Khalidov; decree. AA. Khismatulin. M.: Vostochnaya literatura, 2006. Vol. I: 219-220.
36. Bertels EE. *Selected Works. Vol. 3. Sufism and Sufi Literature [Izbrannyye trudy. Tom 3. Sufizm i sufiyskaya literatura]*. Moscow: Nauka, 1965.
37. Trimingham J. Spencer. *The Sufi Orders in Islam*. Oxford: Clarendon Press, 1971.
38. Abuali E. al-Baghdādī, Majd al-Dīn *Encyclopaedia of Islam, Three* / Edited by: Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas, Everett Rowson. 2019. Free access: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-3/al-baghdadi-majd-al-din-COM_25114?lang=en
39. Abuali E. *The genesis of Kubrawi Sufism: a study of Majd al-Din al-Baghdadi*. PhD thesis. SOAS University of London. London: SOAS University of London, 2017.
40. 'Abd-al-Rahmān Jāmi. *Nafahāt al-ons* / ed. Maḥmud Ābedi, Tehran: Ettelaat, 1991.
41. Meier F. An Exchange of Letters between Sharaf al-Dīn al-Balkhī and Majd al-Dīn al-Baghdādī *Essays on Islamic Piety and Mysticism* / Edited by Ulrich Haarmann and Wadad Kadi. Translated by John O'Kane. Leiden and Boston: Brill 1999: 245-282.
42. Shimmel A. *The World of Islamic Mysticism [Mir islamskogo mistitsizma]* / Transl.: N.I. Prigarina, A.S. Rappoport. Moscow: Enigma, 1999.

Статья поступила в редакцию 18.07.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163565-580>

Блохин Владимир Сергеевич

к.пед.н., доцент

Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Россия

Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

vladiblok@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СОВЕРШЕНИЯ ТАИНСТВА КРЕЩЕНИЯ И ЦЕРКОВНЫХ ТРЕБ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-АРМЯНСКИХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ (1828–1905 гг.)

Аннотация: В статье предпринята попытка анализа регулирования ситуаций, в ходе которых для совершения таинства крещения и других церковных треб лица православного исповедания обращались к священникам Армянской апостольской церкви, а лица армянского исповедания – к православным священникам. При этом речь не шла о перемене религиозной принадлежности. Установлено, что такие ситуации происходили из-за вынужденных обстоятельств, однако они влекли за собой негативные последствия государственно-правового, церковно-канонического, бытового характера и приводили к разделению семей по конфессиональному признаку. Например, факт крещения армянским священником ребенка, родившегося у православных супругов, расценивался как «сограние из православия», даже если он был вызван опасной болезнью новорожденного. Если же ребенок-армянин был крещен по православному чину, то формально он становился членом Православной церкви, в то время как его родители продолжали принадлежать Армянской церкви.

Источниковой базой исследования послужили законодательные источники и материалы делопроизводства из фондов Национального архива Армении и Российского государственного исторического архива. Методологически статья построена на систематизации, классификации и анализе указанных документов. Для сопоставления фактов и событий, выявления процесса регулирования церковно-практических ситуаций и определения их роли в истории русско-армянских конфессиональных связей был применен принятый в отечественной науке сравнительно-исторический метод. Сделаны выводы о том, что, во-первых, вхождение Восточной Армении и Армянской апостольской церкви в состав России привело к возникновению ситуаций церковно-практического характера, которые необходимо было регулировать на основе российского законодательства органами управления обеих церквей. Во-вторых, указ Эчмиадзинского синода 1854 г., действовавший до 1899 г., предоставил армянским священникам право совершения всех церковных таинств в отношении армянских детей, крещенных в младенческом возрасте по православному обряду, при условии, что родители, будучи армянского вероисповедания, не давали письменного обязательства воспитывать их в православной вере. В-третьих, покровительственная политика империи в отношении православия и господствующее положение Русской церкви приводили к осложнению взаимоотношений православного духовенства со священнослужителями Армянской церкви. В случаях, когда представители обеих церквей имели исходные равные права на совершение публичных церковных действий (например, чина водоосвящения в праздник Крещения Господня в пределах одного города), первенство, а в отдельных случаях (как, например, в 1858 г. в Астрахани) – исключительное право, предоставлялось Русской церкви.

Ключевые слова: Армянская апостольская церковь; Русская православная церковь; русско-армянские межконфессиональные связи; Святейший правительственный синод; церковные таинства; Эчмиадзинский синод.

© Блохин В.С., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163565-580>

Vladimir S. Blokhin,
PhD (Pedagogics), Assistant Professor
Ekaterinburg seminary, Ekaterinburg, Russia
Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia
vladiblok@yandex.ru

THE REGULATION OF ISSUES OF PERFORMING BAPTISM AND OCCASIONAL CHURCH RITUALS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-ARMENIA INTERFAITH RELATIONS (1828–1905)

Abstract. The paper attempts to analyze the regulation of cases, in which Orthodox people would ask to perform baptism and other religious rituals priests of the Armenian Apostol Church, while followers of the Armenian faith – priest of the Orthodox Church, without changing one's religious affiliation. It has been determined that such situations occurred due to compelling reasons, which entailed negative consequences of the state-legal, church-canonical, everyday nature and led to the separation of families on a confessional basis. For instance, the fact that a child born to an Orthodox spouse was baptized by an Armenian priest was regarded as “leading astray from Orthodoxy”, even if a newborn was seriously ill. If an Armenian child was baptized according to the Orthodox order, then formally he became a member of the Orthodox Church, while his parents continued to belong to the Armenian Apostol Church.

The study uses legislative sources and materials of record-keeping of the National Archive of Armenia and the Russian State Historical Archive. Methodologically, the article is based on systematization, classification and analysis of these documents. The comparative-historical method has been applied to compare facts and events, identify the process of regulating church practical situations and determine their role in the history of Russian-Armenian confessional relations. It has been concluded that, firstly, the incorporation of Eastern Armenia and the Armenian Apostolic Church into Russia led to the emergence of issues of a church-practical nature, which should have been regulated on the basis of the Russian legislation by the governing bodies of the both churches. Secondly, the decree of the Echmiadzin Synod of 1854, which was in force until 1899, granted Armenian priests the right to perform all church sacraments in relation to Armenian children baptized in infancy according to the Orthodox order, provided that the parents, being of Armenian religion, did not give a written commitment to educate them in the Orthodox faith. Thirdly, the patronizing policy of the empire in relation to Orthodoxy and the dominant position of the Russian Church led to complications in the relationship between the Orthodox clergy and the clergy of the Armenian Church. In cases where representatives of the both churches had the initial equal rights to perform public church rituals (for example, the rite of consecration of water on the feast of the Epiphany of our Lord within one city), priority – and, in some cases (as, for example, in 1858 in Astrakhan) – the exclusive right, – was granted to the Russian Orthodox Church.

Keywords: Armenian Apostol Church; Russian Orthodox Church; Russia-Armenia interfaith relations; The Most Holy Governing Synod; church rituals; Echmiadzin Synod.

В настоящей статье под русско-армянскими межконфессиональными связями понимаются связи между Русской православной и Армянской апостольской¹ церквами, истоки формирования которых уходят еще в эпоху Киевской Руси.

Значимым процессом, повлиявшим на укрепление данных связей, стало возникновение на территории России двух армянских епархий – Астраханской (1717 г.) и Бессарабской (1809 г.) – и первых армянских храмов². Многонациональный и поликонфессиональный состав населения России обусловил тот факт, что еще в начале XVIII в. были сформулированы официальные правила относительно приема иноверцев в православие [2, 3].

После вхождения Восточной Армении в состав Российской империи (1828 г.) армянские общины и епархии получили еще больший импульс к распространению в российских землях. Статус, права и привилегии Армянской апостольской церкви (далее – ААЦ) в империи нашли свое официальное закрепление в «Положении об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России», принятом 11 марта 1836 г.³ За армянскими священнослужителями были закреплены права на совершение богослужений и решение прочих церковных вопросов в рамках канонических норм ААЦ.

Вместе с тем, упомянутые события послужили причиной появления проблемных ситуаций церковно-практического характера. Часть армян, проживавших в местах, где по каким-либо причинам отсутствовал армянский храм, стали испытывать трудности с крещением детей и отпеванием умерших. С аналогичными проблемами столкнулись и лица православного исповедания, оказавшиеся в разных уголках Восточной Армении, где процесс появления православных храмов растянулся на десятилетия. Таким образом, перед российским законодательством и органами управления Русской и Армянской церквей (Святейшим правительствующим синодом и Эчмиадзинским синодом) встал вопрос о правомерности осуществления таинств (в первую очередь – крещения) и треб православными священниками в отношении армян, с одной стороны, и армянскими священниками в отношении лиц православного исповедания – с другой, а также о необходимости регулирования этих действий.

Цель статьи – анализ регулирования ситуаций, не связанных с переменой религиозной принадлежности, однако в ходе которых для совершения таинства крещения и других церковных треб лица православного исповедания

¹ Справедливо заметить, что еще в XV в. после унии Армянской апостольской церкви с Римским престолом часть армян и армянского духовенства оформились в Армянскую католическую церковь, которая не является объектом нашего исследования.

² В первой четверти XIX в. на территории Российской империи насчитывалось 48 армянских церковных общин, в т. ч. 43 храма, 2 часовни и 3 монастыря. Данные цифры не учитывают храмы и монастыри, находившиеся на территории Восточной Армении. Данные приводятся на основе документальных материалов, опубликованных в энциклопедическом издании «Армянские церкви Российской империи (1717–1917)» [1].

³ Несмотря на то, что в Положении и других нормативных правовых актах Российской империи второй четверти XIX – начала XX в. Армянская Апостольская Церковь именовалась «Армяно-Григорианской» (или «Армяно-Грегорианской»), для самой Армянской Апостольской Церкви оно является неприемлемым.

обращались к священникам ААЦ, а лица армянского исповедания – к православным священникам.

Следует сказать об историографии темы. Интерес к истории Армянской церкви в России сформировался уже в середине XIX столетия [см., напр.: 4–6]. В советский период церковная тематика не приветствовалась, однако историки того времени внесли немалый вклад в изучение политических, экономических и культурных русско-армянских отношений, в исследование истории армянских колоний в российских землях [7–9]. В настоящее время отдельные стороны русско-армянских межконфессиональных связей синодального периода, анализ российского законодательства об Армянской церкви, вопросов национальной политики империи XIX в. отражены в работах как российских, так и армянских историков [10–19]⁴. Из работ европейских авторов стоит выделить исследования П. Верта и Дж. Гуайты [20–21]. Имеется достаточно большой массив исследований, посвященных анализу российского законодательства в отношении Русской церкви и неправославных исповеданий. В работах И.В. Амбарцумова и А. В. Ведяева раскрыт процесс правового регулирования религиозно смешанных браков (включая браки между лицами православного и армянского исповеданий) и крещения детей, рожденных в результате таких браков [22]⁵.

Наиболее близкими к рассматриваемой нами проблематике выступают статьи И.В. Долженко и А. Айрапетяна, посвященные отдельным сторонам миссионерской деятельности Русской Православной церкви среди армянского населения Восточной Армении [23–24]. Между тем процесс регулирования ситуаций, связанных с обращением православных семей к армянским священникам, а армянских семей к православным, вызванных отнюдь не желанием перемен вероисповедания, но необходимостью получения пастырской помощи, по-прежнему остается малоизученным явлением в истории русско-армянских межконфессиональных связей.

Хронологические рамки исследования: 1828–1905 гг. Начальная дата связана с вхождением Восточной Армении, включая Эчмиадзин – административный центр ААЦ и резиденцию католикоса всех армян, – в состав Российской империи. Конечная дата определяется принятием ряда нормативно-правовых актов о веротерпимости в Российской империи, которые стали основанием для пересмотра действующего законодательства по делам вероисповеданий и изменения государственной политики в сфере религии.

Источниковой основой исследования послужили неопубликованные ранее документы из фонда 56 Национального архива Республики Армения (НАА) и фонда 821 Российского государственного исторического архива (РГИА),

⁴ См. также: Августин (Никитин), архим. Армянская христианская община в Петербурге [дата обращения: 05.05.2020. Доступ по ссылке: <https://spbda.ru/publications/arkhimandrit-avgustin-nikitin-armyanskaya-hristianskaya-obschina-v-peterburge>; Мовсесян К., диак. Армянские епархии в России: Дис. ... канд. богословия. – Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. – 174 с.]

⁵ См. также: Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2014. – 256 с.

а также материалы отечественного законодательства. Методологически статья построена на систематизации, классификации и анализе указанных документов. Для сопоставления фактов и событий, выявления процесса регулирования церковно-практических ситуаций и определения их роли в истории русско-армянских конфессиональных связей был применен принятый в отечественной науке сравнительно-исторический метод.

Итак, после 1828 г. на территории Восточной Армении появилось русское население, представленное в первую очередь военными и гражданскими служащими, а также членами их семей. Необходимость крещения детей, родившихся в семье православных супругов, привела к возникновению первых проблемных ситуаций церковно-практического характера.

Известно, что 7 октября 1837 г. смотритель госпиталя города Нахичевани Акимов письменно попросил священников из местного армянского храма о крещении младенца, родившегося в семье служителя госпиталя Ивана Пискунова, православного исповедания. Просьба была вызвана двумя причинами: отсутствием в Нахичевани православного священника и «опасной болезнью» родившегося ребенка⁶. В ответ на просьбу смотрителя армянские священники костили новорожденного⁷.

Спустя месяц, Нахичеванское армянское духовноеправление уведомило членов Эриванской епархиальной консистории (ААЦ) о том, что в связи с отсутствием в городе «греко-российского» (т.е. православного) священника чиновники православного исповедания «обращаются к армянскому духовенству для исполнения по обряду сей церкви разных духовных треб как-то: крещения, погребения и проч.»⁸. Таким образом, можно констатировать, что случаи обращения православных лиц к армянским священникам Нахичевани были не единичными.

Нахичеванское духовноеправление просило также Эриванскую консисторию разъяснить, могут ли лица православного вероисповедания в исключительных случаях обращаться к армянским священникам для совершения церковных таинств и треб над младенцами (например, при угрозе жизни младенца или необходимости крещения внебрачных детей, родившихся у лиц православного и армянского вероисповеданий)?⁹ Для разрешения этого вопроса члены Эриванской епархиальной консистории ААЦ обратились к Российскому Святейшему правительству синоду.

Опираясь на действующие нормы брачного (ст. 52–54 тома X Свода Законов Российской империи (далее – СЗРИ) 1832 г.) и уголовного законодательства (ст. 81, 82, п. 5 90 и 93 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г.), Святейший синод в июне 1838 г. вынес определение: «закон воспрещает иноверческому духовенству преподавать православным

⁶ Дело по рапорту Эриванской Консистории с испрошением разрешения, как должно поступать в случаях когда по неимению священника греко-российского исповедания лица того же исповедания обращаются к армянскому духовенству о преподавании им духовных треб // Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 214. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Там же. Л. 10.

духовные требы, или, что одно и тоже, совращать православных в иноверие, и сорватителя, каким бы образом и под каким предлогом совращение не было, преследует строгостию суда». Синод также просил министра внутренних дел вынести постановление о том, чтобы «...армянские священники отнюдь не были допускаемы к совершению у православных треб, особенно крещения; и чтобы дети, прижитые в незаконной связи лиц господствующей греко-российской веры с лицами всякого другого исповедания, крещаемы и воспитываемы были в правилах веры греко-российской»¹⁰.

Поскольку закон запрещал католическому и протестантскому духовенству осуществлять церковные таинства и требы в отношении лиц православного исповедания (ст. 81 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г.), то данная норма была распространена на аналогичные действия армянских священников. За нарушение подобных действий на основании п. 1 ст. 93 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г., армянских священников Нахичевани следовало «удалить от ... прихода и от приходской службы во всяком другом месте», т.е. запретить в священослужении¹¹. Однако, учитывая, что «нарушение ими правила ... произошло от неведения законов, в стране, вновь присоединенной к Российской империи, еще неизвестных», Святейший синод предписал «ограничиться на сей раз сделать им строгое замечание со внушением им сих правил, и того, что за подобное впредь действие они подвергнуты будут взысканию законами определенному»¹². Об этом извещались члены Эриванской епархиальной консистории ААЦ и главы других армянских епархий¹³.

8 декабря 1838 г. главноуправляющий Грузии, Кавказской области и Закавказского края Е.А. Головин направил в Эчмиадзинский синод уведомление «о сделании строгого внушения армянским священникам, совершившим св. крещение над младенцем греко-российского исповедания»¹⁴. Подтверждался запрет священникам ААЦ на совершение духовных треб в отношении лиц православного исповедания, аналогичных действиям армянского духовенства Нахичевани.

Тем временем, 18 сентября 1838 г. настоятель Акулисского армянского монастыря во имя св. апостола Фомы иеромонах Погос совершил погребение «чиновника особых поручений Эриванского областного правления губернского секретаря Казаченко в ограде того монастыря»¹⁵. Руководствуясь нормой п. 2 ст. 93 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г., Эчмиадзинский синод 28 ноября 1838 г. предписал отстранить иеромонаха Погоса от должности настоятеля монастыря¹⁶.

10 Там же. Л.13–13об.

11 Там же. Л. 2 об.

12 Там же. Л. 2 об.

13 Там же. Л. 2 об.

14 Там же. Л. 22–22 об.

15 Там же. Л. 41. Село Акулисы на тот момент находилось в Ордубатском округе Армянской области.

16 Там же. Л. 42.

Факт проживания в городе Нахичевани служащих православного вероисповедания и отсутствия в городе православного храма привел к появлению еще одного спорного вопроса межконфессионального характера. Приступая к управлению Нахичеванским уездом, его начальник 31 октября 1840 г. сделал запрос на имя прокурора Эчмиадзинского синода Корсанова о том, могут ли армянские священники приводить к присяге лиц православного исповедания?¹⁷ В ответе прокурора от 9 ноября 1840 г. значилось следующее: «...лица православного исповедания присягают пред Св. Евангелием по чиновной книге, а лица других вероисповеданий – по их закону (том X Свода гражданских законов ст. 1848 и 2297)»¹⁸. Таким образом, православных лиц могли приводить к присяге лишь православные священники.

Приведенные ситуации свидетельствуют, что действия, выражавшиеся в совершении таинств и треб армянскими священнослужителями по отношению к лицам православного исповедания, расценивались как «совращение из православия» и влекли уголовные санкции. Впоследствии ответственность за подобные действия была закреплена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) и Новом уголовном уложении (1903 г.).

Теперь обратимся к ответу на вопрос: насколько правомерными являлись факты крещения армянских детей православными священниками, и каким образом воспринимали данные факты представители ААЦ?

Согласно ст. 76 тома XIV Устава о предупреждении и пресечении преступлений СЗРИ 1832 г., духовенству православного исповедания вменялось в обязанность «крестить детей родителей какого-либо из иноверных христианских исповеданий не иначе, как по отобрании от родителей письменного обязательства, что они будут воспитывать сих детей в правилах православного исповедания». Следуя этому правилу, православный священник мог крестить ребенка из армянской семьи при условии, что родители письменно брали на себя обязательство воспитывать такого ребенка в православной вере.

Весьма интересно, что 30 июля 1854 г. Эчмиадзинский синод издал указ, согласно которому армянские священники получали право совершать все церковные таинства в отношении лиц, которые в силу крайней необходимости были крещены в младенческом возрасте по чину Православной церкви, при условии, что их родители, будучи армянского вероисповедания, не давали письменного обязательства воспитывать детей в православном вероисповедании¹⁹. После проведения специального дознания, в результате которого выяснялось, что письменного обязательства не предоставлялось, армянские епархиальные консистории вносили таких детей в список лиц армянского исповедания и выдавали их родителям метрические свидетельства о рождении и крещении с

¹⁷ Дело по отношению исправляющего должность Нахичеванского уездного начальника о том, что: могут ли священники армяно-григорианского исповедания приводить к присяге лиц православного исповедания? // НАА. Ф. 56. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–10б.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Дело об отпадении от православия в армянскую веру // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 13. Л. 53.

предписанием, что обряд крещения совершен таким-то православным священником²⁰.

Логика эчмиадзинских духовных властей строилась на том основании, что крещение детей из армянских семей по православному чину допускалось исключительно в силу вынужденных обстоятельств – в первую очередь, из-за невозможности добраться до ближайшего армянского храма или болезни, представляющей опасность для жизни новорожденного ребенка. Данное обстоятельство вовсе не было вызвано желанием родителей-армян воспитывать своих детей в православной вере.

Большинство таких крещений происходило в пределах Бессарабской и Ново-Нахичеванской епархии ААЦ, юрисдикция которой распространялась на армянские общины, проживавшие на территории центральной России до низовьев Дона и Бессарабской области (с 1873 г. – губернии), а также в Екатеринославской, Таврической и Николаевской губерниях. Действительно, что в ряде городов, имевших армянское население (в частности, Таганроге, Ялте, Киеве, Харькове и др.), армянские храмы или молитвенные дома появились лишь к концу XIX – началу XX в. [1. С. 111–112, 307 –308, 338–339, 279–281]. Кстати сказать, факты подобных крещений свидетельствовали о нарушении православными священниками действующего законодательства, что выражалось в опущении обязанности потребовать перед крещением у родителей-армян письменного обязательства о воспитании своего ребенка в православной вере.

Указанный выше порядок выдачи армянскими епархиальными консисториями метрических свидетельств о рождении и крещении сохранялся практически до конца XIX столетия. Лишь спустя почти полвека, министерство внутренних дел посчитало данную процедуру выдачи метрических свидетельств незаконной. На основании указа Эчмиадзинского синода от 24 декабря 1899 г. Нахичеванско-Бессарабская армянская консистория была вынуждена прекратить выдачу таких свидетельств²¹. Однако данное решение мгновенно привело к сложной религиозной ситуации в среде армянских общин.

В частности, материалы дела 13 (ф. 821, оп. 7) РГИА содержат сведения об армянских семьях города Николаева. Часть армянских детей была крещена приезжавшим один раз в год армянским священником²²; другая – в местном православном храме, при этом родители не давали письменных обязательств воспитывать детей в православном вероучении²³. На запрос армян о конфессиональной принадлежности их детей, принявших крещение по православному чину, Департамент духовных дел иностранных исповеданий отвечал, что по закону дети отныне являются членами Православной церкви²⁴. Тем не менее, в апреле 1902 г. армяне Николаева вновь обратились в Департамент

²⁰ Там же. Л. 58 об.

²¹ Там же. Л. 58 об.

²² Армянский храм в Николаеве начал функционировать лишь в наши дни – с 2012 г.

²³ Дело об отпадении от православия в армянскую веру // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 13. Л. 53.

²⁴ Там же. Л. 53.

с просьбой разрешить сложившуюся ситуацию, т.к. совершение таинства крещения по православному чину в отношении их детей объяснялось не вероучительными доводами, а лишь ситуацией крайней необходимости.

Дело было передано на рассмотрение в Святейший правительственный синод. Составление ответа было поручено члену синода – архиепископу Алексию (Опцкому), который в 1901–1905 гг. возглавлял Грузинский экзархат Русской православной церкви, охватывавший православные приходы на территории Закавказья.

Архиепископ Алексий писал, что закавказские армяне не видели особой разницы между армянской верой и православием и свободно посещали православные богослужения и почитаемые Православной церковью святые места. В качестве примера экзарх приводил факты посещения армянами православного Сионского собора в Тифлисе и Марткопского монастыря. Более того, «некоторые православные монастыри и церкви армяне даже больше поддерживают пожертвованиями, чем православные грузины», – отмечал экзарх²⁵.

В отношении армянских детей, крещенных по православному обряду, экзарх формулировал следующий вывод: «То обстоятельство, что с просителем армян, крестивших детей по православному обряду, не взято установленной подписки в том, что они будут воспитывать детей в православии, относится к вине священников, совершивших крещение, а самим просителям не дает никаких прав в выборе веры для детей ввиду ясного указания закона, по которому крестившийся в православии не может уйти из Православной церкви»²⁶. Если же родители-армяне не будут воспитывать ребенка в православии, то такую задачу «успешно совершил школа и сама жизнь», – был уверен владыка Алексий²⁷.

Таким образом, мнение архиепископа Алексия основывалось на нормах действующего законодательства и целиком отвечало интересам господствующей Православной церкви. Примечательно, что после 1905 г., когда переход из православия в другое христианское исповедание более не подлежал преследованию, появились случаи перехода из православия в армянское исповедание на том основании, что в детстве ребенок-армянин был крещен православным священником исключительно в силу вынужденных обстоятельств²⁸.

Заметим, что с данными переходами связано следующее интересное явление. В результате миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Восточной Армении еще с 1860-х гг. начался довольно активный процесс целенаправленного и добровольного принятия православия армянами из числа сельского населения, что во многом обуславливалось экономическими нуждами. Однако устойчивость позиций Армянской церкви в регионе, ее объединяющая роль в истории армянского народа и поверхностный характер приобщения

²⁵ Там же. Л. 64.

²⁶ Там же. Л. 64 об.

²⁷ Там же. Л. 64 об.

²⁸ Об этом, например, удачно свидетельствует содержание дела о переходе из православия в армянскую веру армянки Тамары Гамазаспьянц: НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3572. Л. 11.

армян к православию повлияли на то, что после принятия нормативных правовых актов о веротерпимости в 1905 г. большая часть армян вернулась в армянское исповедание [23. С. 76–82]. Справедливо полагать, что мотивы возврата в лоно Армянской церкви (армян, крещенных в православии в младенчестве, и армянских крестьян, принявших православие сознательно) были усилены в то время проводимой российским правительством на рубеже XIX–XX вв. в Закавказье русификаторской политикой, одним из инструментов которой выступала Русская Православная церковь.

На протяжении XIX столетия проблемный характер приобрели не только вопросы, затрагивавшие религиозные права отдельных лиц православного и армянского исповеданий, но и ситуации, в ходе которых столкновение интересов и прав православных и армянских священнослужителей происходило при совершении ими публичных церковных действий.

Иллюстрацией служат документы, повествующие о порядке совершения чина водоосвящения в праздник Крещения Господня, который как в Российской, так и в Армянской церкви отмечается по юлианскому календарю 6 января.

Любопытным по содержанию выступает дело 1233 (ф. 56, оп. 1) Национального архива Армении. За три недели до наступления праздника Крещения Господня, 14 декабря 1842 г. Грузино-Имеретинский губернатор вынес предписание, чтобы в Эривани «армянское духовенство в день крещения Спасителя выходило на Иордан после духовенства православного исповедания, и чтобы армянский Иордан поставить ниже русского – в расстоянии на 50 сажен по течению реки Занки»²⁹. Следует заметить, что «выходом на Иордан» традиционно назывался торжественный выход духовенства на освящение воды в реке в праздник Крещения.

За неделю до праздника Грузино-Имеретинский губернатор сообщал в Эчмиадзинский синод о том, что «по соглашению с высокопреосвященным экзархом Грузии сделано распоряжение, дабы как православное, так и армяно-григорианское духовенство совершили водоосвящение в день Св. Крещения каждое по обрядам своей религии, не препятствуя ни в чем одному другому, подобно как это делалось прежде»³⁰. Прокурору Эчмиадзинского синода Матинову было указано, чтобы Эчмиадзинским синодом «были сделаны все распоряжения к устраниению могущих родиться причин к неудовольствию между духовными православными и армяно-григорианскими»³¹, что и было впоследствии исполнено.

Если в Эривани право публичного водоосвящения было отдано в равной степени как православной, так и армянской стороне, при условии предоставления

²⁹ Дело по рапорту Эриванской консистории с донесением о воспоследовавшем в оную консисторию требования Эриванского уездного начальника, основанном на предписании Грузино-Имеретинского гражданского губернатора, дабы армянское духовенство в день крещения Спасителя выходило на Иордан после духовенства православного исповедания, и чтобы армянский Иордан поставить ниже русского – в расстоянии на 50 сажен по течению реки Занки // НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1233. Занку (Зангу) – второе армянское название реки Раздан, левого притока Аракса.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Там же. Л. 7.

первенства освящения православному духовенству, то спустя почти десять лет в Астрахани ситуация приобрела совершенно иной характер.

В 1851 г. глава Астраханской епархии ААЦ епископ Барсег предложил совершить публичный чин водоосвящения в праздник Крещения Господня на Варвариевском канале между Армянским и Троицкими мостами³². Астраханский губернатор Г.Г. Басаргин ответил епископу Барсегу, что его предложение невозможно выполнить ввиду двух обстоятельств. Во-первых, в этот день на том же самом канале должно было совершиться водоосвящение по православному чину. Во-вторых, ранее водоосвящение у астраханских армян происходило обычно внутри их собственных храмов, и не существовало прецедента одновременного освящения воды православным и армянским духовенством на оном и том же водном источнике³³.

В ответ владыка Барсег заявил, что данные обстоятельства могли бы быть разрешены: водоосвящение по армянскому обряду могло быть совершено часом позже православного и на другом водном источнике Астрахани – реке Кутуме. Тогда астраханский губернатор заявил, что «обстоятельство это представлено будет через кого следует ... для руководства на будущее время»³⁴.

Вопрос решался долго. Лишь 25 февраля 1858 г. свое суждение по нему выразил глава православной Астраханской епархии – епископ Астраханский и Енотаевский Афанасий (Дроздов), указав на следующие черты религиозной ситуации в Астрахани:

- большая часть православного населения Астрахани смешивала понятие «армяне» с «арианами» – последователями еретического учения Ария (IV в.)³⁵;

- армянские обряды (речь шла не только об освящении воды в праздник Крещения Господня) служили поводом для соблазна православных людей, поскольку церковный календарь ААЦ в целом отличался от календаря праздников, принятого в Русской церкви;

- раскольники, проживавшие в Астрахани, «по грубости и невежеству» даже не считали армян христианами;

- среди приезжающих в Астрахань торговцев были как православные, так и сектанты, которые в свою очередь «еще более чуждались армян, чем коренные жители астраханские»³⁶.

Заключение владыки Афанасия сводилось к следующему: «Армяне не гнушаются Православной церкви, ходят во многие храмы для молитвы, молятся с особым усердием и принимают от православных священников благословение и окропление освященной водой, поэтому и нет уважительной причины совершать армянскому духовенству по своему обряду открытое на реке водоосвящение и тем более, что оно как прежде совершалось, так и ныне совершается при их церквях»³⁷.

³² Дело по донесению начальника Астраханской губернии о водоосвящении по обряду армяно-григорианской церкви // РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 47. Л. 1.

³³ Там же. Л. 1–1 об.

³⁴ Там же. Л. 1 об. – 2.

³⁵ Там же. Л. 2 об.

³⁶ Там же. Л. 2 об. – 3.

³⁷ Там же. Л. 3–3 об.

Окончательное решение вынесла Астраханская православная епархиальная консистория: допущение водоосвящения по армянскому обряду «не принесет армянам никакой пользы и может еще усилиться к ним неприязнь от простонародия, а для Православной церкви могут быть и печальные следствия от ее сынов или в охлаждении рассеянии, молвы между православными в других губерниях, или в тайном нерасположении и даже уклонении от Церкви, не говоря уже о раскольниках, которые изыскивают подобные случаи, чтобы порицать Православную церковь в соединении с еретиками, хотя в мнимом, и тем поколебать простодушный, легковерный и необразованный класс народа»³⁸.

Уведомление о недопустимости армянского водоосвящения, сделанного на основе высочайшего повеления, запрещавшего иностранным исповеданиям проведение публичных ходов и процессий, было официально подтверждено отношением министра внутренних дел С. С. Ланского на имя астраханского губернатора от 29 октября 1858 г.³⁹

Подводя итоги, остановимся на следующих выводах.

Вхождение Восточной Армении в состав России, приток лиц православного исповедания на присоединенные земли Восточной Армении и увеличение армянского населения в российских городах привели к возникновению ряда проблемных ситуаций церковно-практического и канонического характера. Проанализированные в настоящей статье ситуации можно классифицировать по двум группам:

- ситуации, связанные с необходимостью осуществления таинства крещения и других церковных треб, для совершения которых лица православного исповедания обращались к армянским священнослужителям, а армяне – к священникам Православной церкви; при этом вопрос о целенаправленной перемене религиозной принадлежности не ставился;
- ситуации, связанные с реализацией прав православными и армянскими священнослужителями на совершение публичных церковных действий (в частности, водоосвящения в праздник Крещения Господня) в пределах одного города.

Регулирование указанных ситуаций происходило силами российского законодательства и органами управления Русской и Армянской церквей.

К возникновению ситуаций первой группы приводили вынужденные условия: чаще всего – отсутствие храма или священнослужителей соответствующего исповедания. Оберегая интересы Русской православной церкви, нормы российского законодательства запрещали католическому и протестантскому духовенству осуществление таинств и треб по отношению к лицам православного исповедания. После 1828 г. запрет аналогичных действий был распространен и на армянское духовенство. Исследование показало, что факты совершения армянскими священнослужителями таинства крещения и чина отпевания в отношении православных лиц хотя и происходили, но были весьма

38 Там же. Л. 3 об.

39 Там же. Л. 7.

немногочисленны и наблюдались лишь в течение первых лет после вхождения Восточной Армении в состав России.

Руководствуясь указами Эчмиадзинского синода, с 1854 до 1899 гг. армянские епархиальные власти выдавали собственные метрические свидетельства детям, которые были крещены в младенческом возрасте по православному чину в силу крайней необходимости, при этом их родители не брали на себя письменных обязательств воспитания детей в православной вере. Признание российскими чиновниками и представителями Русской церкви неправомерности данной практики на рубеже XIX–XX вв. усложнило религиозную жизнь тем армянским семьям, которые столкнулись с подобными ситуациями, и вызывало недовольство в армянской среде. Данный фактор усугублялся событиями конца XIX столетия: закрытием в 1885 г. армянских церковно-приходских школ, проведением русификаторской политики и укреплением Православной церкви в Закавказье. Поэтому закономерно, что после 1905 г. наметилась тенденция перехода армян, крещенных в православии в детском возрасте, в лоно Армянской церкви. Похожее явление распространилось и среди армян, проживавших в Восточной Армении: приняв православие сознательно под влиянием священников-миссионеров, они постепенно стали возвращаться в родное армянское исповедание.

Ситуации, относящиеся ко второй группе, свидетельствуют о том, что покровительственная политика империи в отношении православия и господствующее положение Русской церкви приводили к осложнению контактов православного духовенства со священнослужителями ААЦ. В случаях, когда представители обеих церквей имели исходные равные права на совершение публичных церковных действий (например, чина водоосвящения в праздник Крещения Господня в пределах одного города), первенство, а в отдельных случаях (как, например, в Астрахани) – исключительное право, предоставлялось Русской церкви.

Как показало исследование, процесс регулирования ситуаций, связанных с совершением таинств и треб, вполне можно рассматривать как отдельное направление в сфере русско-армянских межконфессиональных связей, которое связано с практическими пастырскими и богословскими вопросами, обсуждаемыми поныне в процессе двустороннего диалога между Русской и Армянской церквами⁴⁰.

⁴⁰ Совместная декларация Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Гарегина II, 18 марта 2010 г. [дата обращения: 05.05.2020]. Доступ по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1116984.html> (Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского патриархата).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). – Ереван: Тигран Мец, 2009. – 412 с.
2. Грамота государю Петру I от Константинопольского патриарха Иеремии «О некрещении вновь приступающих к благочестивой греческой вере лютеран и кальвинов и о помазании их святым миром», 31 августа 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Т. V: 1713–1719. – СПб.: Тип. II Отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1830. – С. 586.
3. О соблюдении греко-российскими священниками церковных правил при крещении и брака армян, 3 июля 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Т. V: 1713–1719. – СПб.: Тип. II Отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1830. – С. 721.
4. Надеждин Н.И. Армяно-григорианская Церковь. СПб., 1843. 51 с.
5. Краткий очерк истории Армянской Восточной церкви / со вступ. от Н. Эмина. – М.: Православ. обозрение, 1872. – 44 с.
6. Мхитарянц А. История Армянской церкви. – Вагаршапат: Тип. Св. Эчмиадзина, 1874.
7. Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. – М.: «Мысль», 1976. – 456 с.
8. Ананян Ж.А. Армянская колония Григориополь. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969. – 276 с.
9. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. – 181 с.
10. Акопян В.З. История прихода Армянской Апостольской Церкви города Пятигорска. – Пятигорск: 2005. – 178 с.
11. Вартанян В.Г. Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фирма «Ирбис», 1999. – 74 с.
12. Вартанян В.Г., Казаров С.С. Армянская Апостольская Церковь на Дону. – Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2008. – 124 с.
13. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: Лисс, 1998. – С. 779.
14. Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. – Астрахань: ГП АО «Издательско-полиграфический комплекс «Волга», 2007. – 287 с.

REFERENCES

1. Armenian churches of the Russian Empire, 1717–1917 [Armyanskie tserkvi Rossiyskoy imperii (1717–1917)]. Yerevan: Tigran Metz, 2009. (In Russ.).
2. A letter to the Emperor Peter I from the Patriarch of Jeremiah of Constantinople “On the non-baptism of the Lutherans and Calvinists embarking on the pious Greek faith and on their anointing with the holy world”, August 31, 1718 [Gramota gosudaryu Petru I ot Konstantinopol'skogo patriarkha Ieremii «O nekreshhenii vnov' pristupayushikh k blagochestivoy grecheskoy vere lyuteran i kal'vinov i o pomazanii ikh svyaty m mirom», 31 augusta 1718 g.]. Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Vol. V: 1713–1719. St. Petersburg: 2nd Section of His Imperial Majesty Own Chancellery, 1830:586. (In Russ.).
3. On the observance by the Greek-Russian priests of church rules during baptism and marriage of Armenians, July 3, 1719 [O soblyude-nii greko-rossiyskimi svyashhennikami cerkovnykh pravil pri kreshchenii i braka armyan, 3 iyulya 1719 g.]. Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Vol. V: 1713–1719. St. Petersburg: 2nd Section of His Imperial Majesty Own Chancellery, 1830:721. (In Russ.).
4. Nadezhdin NI. The Armenian-Gregorian Church [Armyano-Grigorianskaya tserkov']. St. Petersburg, 1843. (In Russ.).
5. A brief study on the history of the Armenian Eastern Church [Kratkiy ocherk istorii Armyanskoy Vostochnoy tserkvi]. Moscow: Pravoslav, 1872. (In Russ.).
6. Mkhitarianz A. History of the Armenian Church [Istoriya Armyanskoy tserkvi]. Vagharshapat: St. Echmiadzin Press, 1874. (In Russ.).
7. Galoyan GA. Russia and the peoples of Transcaucasia [Rossiya i narody Zakavkazyia]. Moscow: Mysl, 1976. (In Russ.).
8. Ananyan JA. An Armenian colony of Grigoriopol [Armyanskaya koloniya Grigoriopol']. Yerevan: AN ArmSSR, 1969. (In Russ.).
9. Poghosyan LA. An Armenian colony of Armavir [Armyanskaya koloniya Armavira]. Yerevan: AN ArmSSR, 1981. (In Russ.).
10. Akopyan VZ. The history of the congregation of the Armenian Apostolic Church in Pyatigorsk [Istoriya prikhoda Armyanskoi Apostolskoi Tserkvi goroda Pyatigorska]. Pyatigorsk, 2005:178. (In Russ.).

15. Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Государственно-правовое регулирование деятельности Армяно-Григорианской Церкви в Российской империи // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 12 (54). – Ч. 4. – С. 166–170.
16. Ованесов Б.Т. Армянская община города Ставрополя. – Ставрополь: ГУП СК «Ставропольская краевая типография», 2005. – 280+72 с.
17. Степанянц С.М. К истории деятельности Русской Православной Церкви в Армении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 2 (42). – Вып. 6. – С. 42–47.
18. Тунян В.Г. Армяно-русские отношения в церковной сфере, 1836–1917 гг. // Ակունք. – 2013. – № 2 (8). – С. 3–23.
19. Тунян В.Г. Армянская Церковь и самодержавие России в XVIII – начале XIX в.: концепции и реалии // Տարեգիրք: Գիտական հոդվածների ժողովածու. ԺՈ. – Երևան: ԵՊՀ հրատարակչություն, 2016. – Էջ. 344–359. (Ежегодник. Сборник научных статей. Т. XI. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2016. С. 344–359).
20. Верт П. Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестках внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 гг. // Ab Imperio. – 2006. – № 3. – С. 99–138.
21. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. 2-е изд. М.: ЮНИСТРОЙ СК, 2005. – С. 141–150.
22. Ведяев А.В. Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // Христиансское чтение. – 2017. – № 6. – С. 203–219.
23. Долженко И.В. Православные приходы Эриванской губернии. Миссионерская деятельность (XIX – начало XX в.) // Традиции и современность. – 2003. – № 2. – С. 72–82.
24. Айрапетян А. Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // Բանքեր Հայագիտության=Вестник Арменоведения=Journal of Armenian Studies. – 2016. – № 2. – С. 83–94.
11. Vartanyan VG. The Armenian-Gregorian Church in the politics of Emperor Nicholas I [Armyano-Grigorianskaya tserkov' v politike imperatora Nikolay I]. Rostov-on-Don: Irbis Firm, 1999. (In Russ.).
12. Vartanyan VG., Kazarov SS. Armenian Apostolic Church on the Don [Armyanskaya Apostol'skaya Tserkov' na Donu]. Taganrog, 2008. (In Russ.)
13. Dyakin VS. The national question in the internal politics of tsarism (XIX – beginning of XX centuries) [Nacional'nyi vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.)]. Saint Petersburg: Liss, 1998:779. (In Russ.).
14. Kugrysheva EV. History of Armenians in Astrakhan [Istoriya armenyan v Astrakhani]. Astrakhan, GP AO “Volga” Publ., 2007. (In Russ.).
15. Lukyanov SA., Udodov AG. State-legal regulation of the activity of the Armenian-Gregorian Church in the Russian Empire. International Scientific Journal [Gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye deyatel'nosti Armyano-Grigorianskoy Tserkvi v Rossiyskoy imperii // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal], Yekaterinburg, 2016;12(54:4):166-170. (In Russ.).
16. Ovanesov BT. The Armenian community of the city of Stavropol [Armyanskaya obshchina goroda Stavropolya]. Stavropol, GUP SK “Stavropolskaya local press”, 2005. (In Russ.).
17. Stepanyants SM. On the history of the Russian Orthodox Church in Armenia [K istorii deyatel'nosti Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Armenii]. Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya]. 2008;2(42:6):42-47. (In Russ.).
18. Tunyan VG. Armenian-Russian Relations in the Church Sphere 1836–1917 [Armyano-russkie otnosheniya v tserkovnoi sfere 1836–1917 gg.]. Ակունք (Akunk) [Akunk], 2013; 2(8):3-23. (In Russ.).
19. Tunyan VG. The Armenian Church and the autocracy of Russia in the 18th – early 19 centuries: concepts and realities // Տարեգիրք: Գիտական հոդվածների ժողովածու. ԺՈ. – Երևան: ԵՊՀ հրատարակչություն [Armyanskaya Tserkov' i samoderzhavie Rossii v XVIII – nachale XIX v.: kontseptsii i realii]. Yearbook. Collection of Scientific Articles, Yerevan, 2016: XI: 344-359. (In Russ.).

20. Vert P. Head of the Church, subject to the emperor: Armenian Catholicos at the crossroads of the empire's domestic and foreign policy, 1828–1914 [Glava Tserkvi, poddannyy imperatora: Armyanskiy katolikos na perekrestkakh vnutrenney i vnesheyny politiki imperii]. Ab Imperio. 2006;3:99-138. (In Russ.).

21. Guita J. 1700 years of loyalty. History of Armenia and its Church. [1700 let vernosti. Istorya Armenii i ee Tserkvi]. Moscow: UNISTROY SK, 2005: 141-150. (In Russ.).

22. Vedyayev AV. Mixed marriages in the Russian Orthodox Church in the Synodal period [Smeshanny e braki v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v Sinodal'ny y period]. Christian reading [Khristianskoe chtenie], 2017;6:203-219. (In Russ.).

23. Dolzhenko IV. Orthodox congregations of the Yerevan province. Missionary activity (XIX – beginning of XX century) [Pravoslavnye prikhody Yerivanskoy gubernii. Missionerskaya deyatel`nost` (XIX – nachalo XX v.)]. Traditions and modernity [Traditsii i souvremennost`], 2003;2:72-82. (In Russ.).

24. Ayrapetyan A. The demographic policy of Russia in Eastern Armenia in the 19th century and early 20th century (on the example of the Aleksandropol district) // Բանբեր Հայագիւղության [Demograficheskaya politika Rossii v Vostochnoy Armenii v XIX v. i nachale XX v. (na primere Aleksandropol'skogo uezda) // Vestnik Armenovedeniya], 2006;2:83-94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.05.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163581-597>

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
д.и.н., профессор, зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
elmira.dalbat@yandex.ru

Абдулаева Мадина Изамутдинова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mady.62@mail.ru

Аяган Буркутбай Гелманович,
д.и.н., директор
Институт истории государства Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан
b.ayagan@mail.ru

ВЛАСТЬ И ДАГЕСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются малоисследованные проблемы взаимоотношений и взаимодействия региональной власти и дагестанского социума на фоне событий Первой мировой войны, внесшей свои суровые корректизы в повседневную жизнь региона.

Актуальность темы очевидна в свете современных реалий, когда кризис власти и общества в ряде стран привел к так называемым «цветным революциям». Исторический опыт социальных катаклизмов даёт возможность моделировать и прогнозировать будущее. Междисциплинарный подход в исследовании социального, политического, экономического аспектов мировоззрения различных слоев населения, их психологическое восприятие войны и отношение к власти позволил показать реальную историческую действительность. Отказ от идеологии, которая рассматривала Первую мировую войну исключительно как предтечу революции, привлечение мемуарной литературы, работ зарубежных исследователей, выявление и показ личностного фактора сделали основной акцент исследования в пользу социальной антропологии.

Повседневная жизнь населения Дагестанской области, как одной из окраин царской России, в годы Первой мировой войны несла в себе общеимперские черты, но в то же время имела и свою специфику. Законы военного времени накладывали отпечаток на повседневную жизнь населения всей России. Однако, как показывает имеющийся материал, кризисные явления, охватившие прифронтовую территорию, в Дагестанской области проявились только к 1916 г. Анализ соотношения характерных аспектов региональной и общероссийской текущей ситуации позволил выявить и другие отличительные особенности повседневной жизни дагестанского общества. К концу 1916 г. экономический и политический кризис коснулся и Дагестанской области, вызвав у населения разочарование и недоверие к власти.

Авторы прослеживают изменения в отношениях власти и общества, показывают успехи и, в особенности, промахи региональной и центральной власти в исследуемый период, приведшие к негативным последствиям.

Ключевые слова: власть; общество; Дагестанская область; Первая мировая война; повседневная жизнь.

© Далгат Э.М., Абдулаева М.И., Аяган Б.Г., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163581-597>

Elmira M. Dalgat,

D.Sc. (History), Prof., Head of Dept. of Modern and Recent History of Daghestan Institute of History, Archeology and Ethnography
Daghestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@yandex.ru

Madina I. Abdulaeva,

Ph.D. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Daghestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mady.62@mail.ru

Burkutbai G. Ayagan,

D.Sc. (History), Director
Institute of State History of Scientific Committee
Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan
b.ayagan@mail.ru

GOVERNMENT AND THE DAGESTAN SOCIETY IN THE PERIOD OF THE WORLD WAR I: DAILY EXPERIENCE

Abstract. The article examines poorly studied issues of relations and interactions between the regional authorities and the Dagestan society during the events of the World War I, which impacted greatly the everyday lives of the inhabitants of the region.

The relevance of the topic is quite evident in the light of modern events, when the crisis of power and society in a number of countries led to the so-called "color revolutions". The historical lessons of social cataclysms give us an opportunity to model and anticipate certain events. Interdisciplinary approach to studying social, political, economic aspects of world-view of various strata of the population and their psychological perception of war and relations with authorities allow us to show the historical reality. The rejection of the ideology, which considered the First World War exclusively as a forerunner of the revolution, the introduction of memoirs, works of foreign researchers, the identification and display of the personal factor put more emphasis in favor of social anthropology.

During the war, the daily life of the Dagestan region, as one of the remote areas of the Czarist Russia, bore common imperial features, while at the same time had its own peculiarities. However, as factual material reveals, the events, which affected the front-line territories, took place in Dagestan only in 1916. The analysis of the ratio of the characteristic aspects of the regional and all-Russian current situation has made it possible to identify other distinctive characteristics of the daily life of the Dagestan society. By the end of 1916, the economic and political crisis also came to the Dagestan region, causing people's frustration and distrust towards the authorities.

The authors trace the changes in relations between the power and the people, reveal achievements and, in particular, mistakes of the regional and central government in the given period, which led to adverse consequences.

Keywords: authority; society; Dagestan region; World War I; everyday life.

Наметившийся в последнее время интерес исследователей, политиков, психологов, аналитиков и журналистов к истории Первой мировой войны во многом обусловлен реалиями сегодняшнего дня. Глубокий анализ этого глобального события, отдельных его аспектов, бесспорно, актуален и не в последнюю очередь продиктован свойством истории повторяться. И в этом смысле абсолютно правы авторы, утверждающие, что изучение войны становится «своебразным методом познания политических трендов развития современного мира» [1, с. 15].

Слабо, если не сказать фрагментарно, исследован и региональный контент, от полноты которого зависит воссоздание достоверного и целостного исторического полотна в масштабах всей Российской империи.

Появление исследований, посвященных повседневной жизни населения различных регионов России в годы Первой мировой войны позволяет показать реальную жизнь людей в переломную эпоху. Настоящая статья призвана, в некотором роде, восполнить этот пробел, поскольку повседневная жизнь дагестанского общества в годы Первой мировой войны не являлась предметом специального изучения.

Целью исследования является выявление и освещение на основе документального материала повседневного взаимодействия региональной власти и различных слоев дагестанского общества в условиях военного времени.

Структура управления империи, так называемая «вертикаль власти», в горских регионах, а в Дагестане в особенности, имела свою специфику. После окончания Кавказской войны и образования Дагестанской области здесь было установлено военно-народное управление¹.

Реформы, проводимые властью в России в 80-е годы XIX в., коснулись и Кавказа. Должность кавказского наместника, имевшего большие полномочия, была упразднена и введена должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, которому подчинялся и военный губернатор Дагестанской области.

В Дагестане, ставшем частью Российской империи, постепенно происходил процесс интеграции дагестанцев в ее экономическое, политическое и культурное пространство. Это был процесс длительный и не простой. Но, со временем, горцы стали осознавать преимущества, которые давала им жизнь в большом сильном государстве. В Дагестане были построены колесные дороги, стал функционировать морской порт в Петровске, а в 90-е годы XIX в. через территорию области была проведена железная дорога, соединившая центральные губернии России с Баку. Все это оказало большое влияние на социально-экономическое и культурное развитие Дагестана. Товарный характер стали приобретать земледелие и животноводство, появились фабрично-заводские предприятия, формировалась светская интеллигенция. Статус городов получили военные укрепления Петровск и Темир-Хан-Шура. Наряду с древним Дербентом, они постепенно становились торговыми и экономическими центрами Дагестанской области.

¹ Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом // Российский государственный военно-исторический архив Ф. 400. Оп. Азиатская часть. 261/911. Д. 82. Л. 2.

Дагестан стал неотъемлемой частью империи, и дагестанцы стали воспринимать Россию как свою большую родину.

В феврале 1905 г., в связи с обострением социально-политической обстановки на Кавказе, имперские власти решили возродить институт наместничества, упраздненный в 1883 г. На эту должность был назначен приближенный Александра III генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, управлявший краем с 1905 по 1915 гг. Он хорошо знал Кавказ и нравы его жителей. Это был опытный и умный администратор.

Непосредственно наместнику Его Императорского Величества подчинялся военный губернатор Дагестанской области. С 1908 по 1915 гг. эту должность исполнял генерал-лейтенант Сигизмунд Викторович Вольский², а с 1915 года – полковник князь Георгий Тенгизович Дадешкелиани. Последним губернатором Дагестана в 1917 г. стал генерал-майор Владимир Викторович Ермолов.

Аппарат военного губернатора состоял из канцелярии во главе с правителем, двух помощников губернатора, бухгалтерии и др. Председателем Народного суда был действительный статский советник А.С. Кривенко, Дагестанское областное по поселянским делам Присутствие возглавлял действительный статский советник Усачев, члены Присутствия – статский советник П. Эмиров и полковник А.П. Каффка, секретарь Присутствия – Заикин.

Правителями канцелярии губернатора были поочередно – действительный статский советник Лазарев, полковник А.П. Каффка и капитан Е.В. Бейдеман. Секретарь статистического комитета и одновременно секретарь областного по городским делам Присутствия, а также хранитель кустарного музея – статский советник Ю.А. Роменский.

В структуру управления Дагестанской областью также входили начальники округов со штатом чиновников. Вопросами медицинского обслуживания населения и санитарного состояния занимался областной врач – статский советник П. Янкелевич.

В штате управления был областной инженер – статский советник З. Темирханов. В городах области существовал штат полицмейстеров, городовых (низшие чины полиции). При губернаторе состояли чиновники для особых поручений и переводчики.

В систему власти входили депутаты и кадии народного и окружного словесных судов, всадники постоянной милиции, в функции которых входило сопровождение почты, поимка разбойничих шаек и т.п.

К началу Первой мировой войны все эти люди олицетворяли власть в Дагестанской области. Военный губернатор осуществлял руководство всеми административными структурами посредством приказов и постановлений. Большая часть их публиковалась на страницах официального печатного органа области – «Дагестанских областных ведомостей». В связи с началом войны здесь были растиражированы царские указы и манифести, воззвания наместника, приказы губернатора, касающиеся различных сторон жизни населения области.

² Весной 1915 г. он был назначен на должность Главного начальника Кавказского военного округа.

Взаимодействие власти и общества нашло свое отражение в начавшейся в связи с войной мобилизации. Существовавший в Российской империи мобилизационный план, по мнению некоторых зарубежных исследователей, был «самым сложным, поскольку охватывал огромные территории» [2, с. 81]. Призывникам приходилось добираться до места назначения, преодолевая тысячи километров, но плохо развитой, в сравнении с европейскими странами, железнодорожной сетью. Мусульманское население Северного Кавказа по законам Российской империи не призывалось на действительную военную службу, но принимало участие в военных действиях в составе добровольческих полков. Призывалось христианское и иудейское население, согласно плану ежегодного призыва. Мобилизацией населения занималось Дагестанское областное по воинским делам присутствие, в чьем ведении находились средства перевозки людей, лошадей, различных грузов, а также отпуск средств для семейств нижних чинов и ратников ополчения.

Все органы власти, начиная с низшего звена и заканчивая начальниками округов, были задействованы в мобилизационных мероприятиях. В каждом округе, в соответствии с планом мобилизации, было определено число нижних чинов для отправки на фронт, а также количество подвод, сена, дров и т.д. На специальных пунктах шла сортировка лошадей для нужд фронта, которые поставлялись населением по высочайшему императорскому повелению. Полицмейстеры занимались оповещением населения о начавшейся мобилизации, kleили объявления на улицах и площадях, базарах и т.д.

В годы войны на население Дагестанской области, так же как и на всё население Российской империи в целом, распространялось действие судов и законов военного времени. Перечень правонарушений включал в себя: бунт против военной власти и государственная измена, умышленный поджог, приведение в негодность предметов воинского снаряжения, запасов продовольствия и фуража, умышленное повреждение водопроводов, мостов, плотин, дорог, телеграфного, телефонного сообщения, железнодорожного пути и т.д.

Для домовладельцев, арендаторов домов, содержателей гостиниц, постоянных дворов и т.п. были установлены специальные правила учета населения и передачи данных в органы полиции.

Было запрещено устройство каких-либо сборищ, несанкционированных собраний, а также ношение, без особого на то разрешения, оружия, на что чувствительной, порою, бывала реакция кавказцев.

Особое внимание уделялось вопросам регулирования цен на продукты питания. Запрещалось повышение цен на предметы первой необходимости, равно на лекарства и медикаменты. Строгие санкции распространялись на скрытие предметов продовольствия, фуража, а также материалов для освещения и отопления, на порчу и уничтожение средств передвижения и т.п.³

Под запретом было и спиртное. Фактически с началом Первой мировой войны был введен «сухой» закон. В случае его нарушения предусматривался штраф

³ Объявление о местностях, состоящих на военном положении от 27 августа 1914 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА). Ф. 7 Оп. 1. Д. 106. Л. 4.

до 3 тыс. руб., или заключение в тюрьму. Соответствующий нормативный документ был подписан наместником Кавказа графом Воронцовым-Дашковым⁴.

Таким образом, жизнь населения Дагестанской области, несмотря на отдаленность от линии фронта, регламентировалась законами военного времени. Местные власти строго следили за их исполнением. Вот как видный общественный деятель Дагестана и современник событий А. Далгат описывает ситуацию с ношением оружия горцами в ауле Урахи: «Старшина первый приветствовал кадия и, присев на корточки, стал оглядывать кучки прибывших на базар людей. Острым взглядом щупал он талии крестьян – не спрятано ли у кого под шубой недозволенное оружие – пятизарядный «бульдог» или, чего доброго, длинноствольный «смитвессон» ... Эти новые пистолеты стали появляться в последнее время у рабочих отходников. Они сильно беспокоят старшину, наиб приказал установить за их владельцами особую слежку» [3, с. 29]. Как видно из этого отрывка, у горцев уже появились новые, современные образцы огнестрельного оружия, которое по мнению старшины они просто так не отдадут, поскольку стоят их владельцам «дороже жизни». «Другое дело заткнутые за пояс кремневые пистолеты. Легко, также как и кинжалы срывает их старшина с провинившихся в залог штрафа» [3, с. 29].

Практика обезоруживания горцев, для которых кинжал испокон веков являлся важным атрибутом национального костюма, воспринималась ими крайне негативно. Однако противостоять этим мерам не имело смысла. Военное время необратимо диктовало свои законы.

На рынках Дагестанской области действовали специальные правила торговли. Например, на базаре в селе Дженгутай Темирханшуринского округа существовал особый внутренний распорядок, в соответствии с которым оптовым скупщикам строго запрещалось закупать какие-либо товары ранее 12 ч.⁵.

Это была одна из мер по сдерживанию цен на продукты питания. Ежемесячно на страницах «Дагестанских областных ведомостей» публиковался перечень справочных цен на продукты питания в гг. Темир-Хан-Шура, Петровск и Дербент. Он был довольно обширный и включал в себя таксы на хлеб различных сортов, муку, крупы, мясо, масло, сахар, чай, картофель, горох, фасоль, яйца и т.д., также на такие предметы первой необходимости, как спички, мыло, свечи и др.

Цены на продукты питания в указанных трех городах были примерно одинаковыми.

Предельные цены в сфере розничной продажи были установлены также на обувь «механического и ручного производства» и некоторые другие предметы⁶.

В течение 1914 г. власти строго контролировали соблюдение установленных цен, особенно на продукты питания и предметы первой необходимости.

С открытием военных действий на Кавказском фронте, после вступления в войну Турции, Дагестан стал играть роль важного стратегического региона.

4 Там же. Л. 4.

5 Обязательное постановление военного губернатора Дагестанской области № 21580 от 15 октября «О внутреннем распорядке на базаре в сел. Дженгутай Темир-Хан-Шуринского округа» // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 10.

6 Предельные цены для розничной продажи обуви механического и ручного производства // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 144. Л. 7.

«На возможное ослабление протурецкого влияния на горцев, – как считает А.И. Османов, – была направлена акция, предпринятая на высшем государственном уровне» [4, с. 165]. Речь идет о поездке Николая II на Кавказ. 24 ноября 1914 г. император прибыл в Екатеринодар, куда съехались тысячи казаков для встречи с ним. Император был в кубанской черкеске [5, с. 104].

Из Екатеринодара на следующий день императорский поезд по пути в Тифлис сделал небольшую остановку в Дербенте. Представители местной власти и общественность торжественно встречали Николая II. «От города Дербента преподнесли хлеб-соль и двадцать тысяч рублей на нужды войны, которые Его Величество передал наместнику для раненых и семейств, призванных на войну из Дагестанской области» [6, с. 11]. На обратном пути, после посещения крепости Карс, Николай II 3 декабря 1914 г. вновь сделал остановку в Дербенте. Для встречи царя собрались военный губернатор, духовенство, служащие, почетные лица города, все учебные заведения, многотысячная толпа. Звучала музыка, учащиеся пели «Боже, царя храни!», толпа скандировала «ура» и приветствовала царя, который, не выходя из вагона, у окна раскланивался с народом. Через 10 мин. поезд тронулся. Поравнявшись с домиком Петра I, поезд вновь остановился. Николай II вышел, осмотрел домик и вернулся в вагон. Толпа провожала состав восторженными криками⁷.

Приезд царя в действующую армию, на Кавказский фронт, несомненно, поднял боевой дух армии. Но и для населения Кавказа это была серьезная акция, которая была призвана «сцепментировать» власть и общество. И на первых порах так и происходило. Патриотические настроения с началом войны были повсеместны в империи. Подавляющая часть населения, особенно в центре, верила в справедливый характер войны и ратовала за единение всех слоев общества.

В декабре 1914 г. в Дагестанской области была разыграна благотворительная лотерея. Доход был направлен раненым и больным военнослужащим, а также семьям фронтовиков и пострадавшим от военных действий⁸.

Газета «Дагестанские областные ведомости» в разделе «Областная жизнь» сообщала, что супругой военного губернатора А.В. Вольской учрежден комитет для сбора пожертвований с целью оказания помощи семействам фронтовиков. При этом пособия выдавались после обследования членами комитета жилищных условий и степени нужды каждой семьи⁹.

К концу 1914 г. Дагестанское областное по воинским делам присутствие объявило о том, что в 1915 г. «предложено произвести досрочный призыв новобранцев на действительную военную службу»¹⁰.

Канцелярия военного губернатора перешла на новый режим работы, о чём было извещено население. «Дневные занятия ... начинать с 9 ч. утра и заканчивать в 3 дня, а вечерние с 7 до 9 ч. вечера»¹¹.

⁷ Сведения о проезде императора Николая II через Дагестан во время возвращения из театра военных действий // ЦГА РД Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

⁸ О благотворительной лотерее в пользу раненых и больных воинов // Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 19-20.

⁹ Дагестанские областные ведомости. 1914. 3 августа. № 31.

¹⁰ Объявление дагестанского областного по воинским делам Присутствия о досрочном призывае новобранцев // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

¹¹ Приказы военного губернатора Дагестанской области № 150, п. 1. От 22 декабря 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68. Л. 17.

В декабре 1914 г. население Дагестанской области было взбудоражено упорными слухами о переводе местных средних учебных заведений в Ставрополь. В связи с этим губернатору пришлось давать разъяснения. В специальном объявлении говорилось, что обстоятельства военного характера диктуют необходимость освободить помещения, занимаемые этими учебными заведениями. Однако вскоре выяснилось, что они не подходят для решения возникших задач. Поэтому территориальное перемещение учебных заведений не состоялось.

Серьёзное наказание в виде штрафа размером 3000 руб. или заключения в тюрьму до 3-х месяцев грозило распространителям дезинформации.

К концу 1914 г. появилась информация о первых военных жертвах из числа дагестанского населения: убитых и раненых на полях сражений. Военный губернатор через областную газету извещал население о том, что за справками на этот счет необходимо обращаться в управление начальников округов, полицейские и городские управления, куда стекается вся информация из Главного штаба¹².

Пополнение воинского контингента, в частности конных полков, каждый раз осуществлялось за счёт жителей сельских обществ. И если первое время проблем не возникало, то уже в четвертое пополнение в конные полки горцы шли с большой неохотой, в результате чего удалось набрать всего 250 человек, несмотря на активную агитацию всадников-односельчан.

В условиях военного времени заметно изменились публикации в «Дагестанских областных ведомостях». Теперь их информации зачастую отражали веяние войны.

Одна из них – «Темир-Хан-Шура как курорт» подписана доктором «Я.П.». Автор отмечает, что в ряде статей под тем же заголовком, написанных им в 1911 г., изложены некоторые умозаключения, на основании которых «живописный и уютный городок Темир-Хан-Шура мог быть превращен в прекрасный курорт для отдыха и лечения тем многочисленным русским гражданам, которые ежегодно увозят за границу и оставляют там миллионы рублей. Если принять во внимание грабительские поползновения ... содержателей ... немецких и австро-венгерских курортов», а также незнание языка, обычаев и нравов чужой страны и многое другое, то, по мнению доктора Я.П., – «теперь, когда беспощадная война возгорелась между нашей могучей родиной и варварами XX века, – настал как нельзя удобный момент вспомнить мой проект ... и приложить все усилия, чтобы превратить чудесные уголки наших областей Кавказа и Крыма в благоустроенные курорты». В этом случае, заключает автор, – «масса ежегодно вывозимого золота будет оставаться в стране»¹³. Далее рассуждения автора становятся еще более патриотичными и прагматичными. Он вполне логично утверждает, что если сократить расходы на приобретение заграничных изделий, то мы «дадим возможность расцвести и преуспевать нашей отечественной

¹² Объявление временного генерал-губернатора Дагестанской области от 10 декабря 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

¹³ Приказы и объявления военного губернатора Дагестанской области по военному ведомству. Темир-Хан-Шура как курорт // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

промышленности». Будучи совершенно уверенным в триумфе России и в благополучном её будущем, с ее «несметными богатствами сырья и быстроразвивающейся своей промышленностью», доктор Я.П. выражает надежду, что тогда власти обратят внимание на Темир-Хан-Шуру, «которая кроме своего легкого климата и живописного местоположения имеет в своих окрестностях также массу серных источников для ванн»¹⁴.

Сказать определённо, что этот проект, озвученный в разгар войны, заинтересовал губернатора и другие структуры власти Дагестанской области, не представляется возможным. Однако очевидно, что повседневная практика дагестанского общества была насыщена не только повесткой военных будней, но и разнообразными ремарками мирной жизни.

Весной 1915 г. военный губернатор Дагестанской области С.В. Вольский был переведен на должность Главного начальника Кавказского военного округа. Назначение было осуществлено стремительно. Высокопоставленный чиновник, как он сам об этом говорил, даже «был лишен возможности попрощаться с бывшими сослуживцами и поблагодарить их за службу»¹⁵. Поэтому 2 марта 1915 г. он издал приказ, в котором выразил благодарность своим помощникам, всему аппарату канцелярии, всем чиновникам, каждому лично, отмечая их заслуги и вклад в общее дело.

Говоря о начальниках округов, С.В. Вольский подчеркивал, что «проживая вдали от культурных центров, лицом к лицу с народом, лишенные удобств жизни начальники округов принуждены вести крайне однообразную и тяжелую жизнь, на которую не всякий способен»¹⁶.

Глубокую признательность бывший губернатор выразил областному врачу – ст. сов. Янкелевичу «за его неусыпный труд на пользу населения области», учреждение больницы в Гунибе и психиатрического отделения в Темир-Хан-Шуре¹⁷. Сердечную благодарность С.В. Вольский выразил областному инженеру – ст. сов. З. Темирханову «за его выдающийся труд по строительно-дорожному делу области, а также за деятельность по ... постройке обществами водопроводов. Как на выдающиеся труды инженера З. Темирханова укажу на постройку школ, весьма важного для населения железно-бетонного моста через реку Салмур и Араканская дороги»¹⁸.

С.В. Вольский не оставил без внимания ветеринарных врачей, инспекторов, фельдшеров, письмоводителей и переводчиков, полицмейстеров, депутатов и кадиев и др.

«Старшины и их помощники в Дагестане, – отмечает губернатор, – служат ради почета, не получая ни копейки жалованья. Большинство из них – почетные старики, имеющие вместе с кадиями большое влияние на население. К чести их следует сказать, что они отлично направляют население и руководят им»¹⁹.

14 Там же. Л. 21.

15 Приказ по Дагестанской области № 44 П. I от 2 марта 1915 г.// ЦГА РД. Ф. 2.Оп. 7. Д. 26. Л. 86.

16 Там же. Л. 40 об.

17 Там же. Л. 40 об.

18 Там же. Л. 40.

19 Там же. Л. 40 об.

За безвозвездную и преданную службу губернатор выразил свою благодарность всем сельским должностным лицам, а также податным инспекторам.

В заключение, бывший губернатор обратился к населению Дагестана, с которым за своё семилетнее управление областью успел основательно познакомиться. Интересна его оценка, данная дагестанцам в следующих словах: «Жители Дагестана, в общем бедны, но религиозны, трудолюбивы и свято сохраняют вкоренившиеся в них понятия о чести. При таких задатках они могут в будущем достигнуть счастливого благосостояния ... к такому благосостоянию ведет только один путь – путь спокойного, мирного и упорного труда»²⁰. С пожеланием сохранить все эти достойные качества и с помощью Аллаха упрочить свое благосостояние, губернатор заканчивает свое обращение к горцам. Полный текст прощального послания С.В. Вольского к своим подчиненным и дагестанскому народу был опубликован в «Дагестанских областных ведомостях» 2 апреля 1915 г.

На наш взгляд, это важный исторический документ, который подводит итоги семилетней работы официального института власти Дагестанской области и лично военного губернатора, немало сделавшего на этом поприще.

1915 г. отмечен судьбоносным событием в жизни дагестанского общества – открытием Темирханшуринской ветки Владикавказской железной дороги, связавшей административный центр края с сетью русских железных дорог. Этого события давно ждали. Как писал Б. Гаджиев: «Первый поезд в столицу Дагестанской области Темир-Хан-Шуру прибыл 6 июля 1915 года. Он состоял из двух небольших классных вагонов, остальные вагоны были товарными. Паровоз был украшен полевыми цветами и зелеными ветками. Встречающие заполнили не только перрон, возвышенности по обе стороны дороги, но и мост через железную дорогу на подходе к городу. Играли военный духовой оркестр. Только поздно вечером, когда уже смеркалось, разошлась публика, остались только служащие» [6, с. 229].

Строительство железной дороги было мощным толчком для развития экономики и культуры Дагестана. Соединив Дагестанскую область с Россией, дорога способствовала быстрому развитию сельского хозяйства, массовому притоку рабочей силы и созданию очагов промышленности [7, с. 18].

После доведения железной дороги до Темир-Хан-Шуры, такое занятие населения, как извозный промысел приходит в упадок [8, с. 137]. Население предпочитает более комфортно ездить поездом. То же самое относится и к перевозке грузов, почты на данном участке.

Война требовала больших расходов. Они постоянно росли. Жизнь населения обременялась новыми налогами, удорожанием продуктов питания и предметов первой необходимости. Меры, предпринимаемые официальными инстанциями Дагестанской области, эффекта, ожидаемого населением, не давали. Обуздать цены на продукты становилось невозможным.

Таксы на основные продукты питания вырабатывались Дагестанским областным продовольственным совещанием на основании постановления министра земледелия. Например, в феврале 1916 г. сахар-песок в Петровске стоил 6

²⁰ Там же. Л. 41 об.

р. 30 коп. за пуд (фунт – 17 коп.), рафинад-головка – 7 р. 80 коп. (20,5), рафинад колотый – 8 р. 05 коп. (21 коп.), рафинад пиленный – 8 р. 15 коп. (21 коп.)²¹.

6 июля 1916 г. в «Дагестанских областных ведомостях» было опубликовано обращение Г.Т. Дадешкелиани, в котором он в качестве временного генерал губернатора взывал к «патриотическому чувству лиц, занимающихся производством и поставкой предметов продовольствия»²². Он настойчиво призывал их «довольствоваться достаточно высокими», по его словам, ценами на продукты первой необходимости для населения, которые установила администрация. Однако торговцы, «ожиженные преступной жаждой наживы, остались глухи». Губернатор напомнил, что в то время, когда их братья проливают кровь на войне, мирные граждане трудятся в тылу, а «эти жадные акулы, забыв совесть и стыд, путем непомерного взвинчивания цен ... обирают несчастных вдов и сирот, лишившихся своих единственных кормильцев». Поскольку, по мнению чиновника, объективных причин для роста цен не наблюдается, то подорожание является исключительно спекулятивным. Очередной раз призывая торговцев довольствоваться «умеренными барышами», губернатор делает предупреждение, что виновные будут наказываться в административном порядке, а именно денежным штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением до 3-х месяцев. Кроме того, будут «возбуждаться ходатайства о высылке таких лиц из края, торговые помещения их будут закрываться»²³.

Административным взысканиям, согласно постановлениям губернатора Г.Т. Дадешкелиани в декабре 1915 г. подверглись многие дагестанцы.

Например, темирханшуринский мясоторговец Шамсутдин Асадула-оглы за убой на городской скотобойне двух бычков, забракованных ветеринарным врачом, как истощенных и совершенно негодных к убою на мясо, оштрафован на 50 руб., с заменой тюремным заключением на 2 недели.

За тайную торговлю виноградным вином оштрафован житель Темир-Хан-Шуры С. Шебетов на 50 руб., с заменой тюремным заключением на 2 недели²⁴.

За появление в буфете курорта в г. Петровске в нетрезвом виде, управляющий грязелечебницы Семен Семендеров и кондуктор Владикавказской железной дороги Гази-Ахмед Гаджиев подвергнуты тюремному заключению на 1 неделю каждый²⁵.

Житель Дербента Исах Игала Якубов за неоказание должного уважения и почтения Временному генерал-губернатору при проезде его через сел. Карабудахкент был подвергнут тюремному заключению на 1 месяц²⁶.

Как уже отмечалось, цены на продукты питания, несмотря на сдерживающую политику властей, продолжали расти и это видно по увеличению

²¹ Справочные цены (таксы) на предметы первой необходимости в городах Дагестанской области на февраль 1916 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 136. Л. 12.

²² Объявления от военного губернатора Дагестанской области от 6 июня 1916 г. № 13836 // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ О наложении административных взысканий военным губернатором Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Л. 11.

²⁵ Постановление военного губернатора Дагестанской области о наложении в административном порядке взысканий // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 159. Л. 15.

²⁶ Там же. Л. 14.

административных взысканий в 1916 г. Так, житель сел. Леваши Раджаб Кади Мирза-оглы за недобросовестное и искусственное повышение цен на продаваемые им в своей лавке материалы, был подвергнут аресту при окружной гауптвахте на 1 месяц²⁷. География подобных нарушений охватила весь Дагестан.

Февраль 1916 г. был ознаменован успехами на «турецком», или говоря иначе, на «кавказском» фронте. Русские войска взяли Эрзерум. Как сообщалось в «Дагестанских областных ведомостях», «4-го февраля, по слухам взятия русскими войсками турецкой твердыни – крепости Эрзерума, город с утра расцвел национальными флагами и принял праздничный вид»²⁸. Столичные власти во главе с губернатором, общественность Темир-Хан-Шуры, учащиеся с педагогами собрались в военном соборе, где священник Моралевич отслужил молебен по слухам победы, после чего состоялся торжественный парад местного гарнизона²⁹.

В специальной рубрике в областных ведомостях публиковались Высочайшие приказы о наградах. Один из таковых от 25 декабря 1915 г., опубликованный в очередном номере ведомостей, гласил, что «Государь император соизволил пожаловать орден Св. Анны 3-й степени, числящемуся по армейской пехоте Темир-Хан-Шуринскому полицмейстеру подполковнику Евгению Кононову».

Также был опубликован Высочайший приказ по гражданскому ведомству от 1 января 1916 г. № 1: «По главному тюремному управлению награждается орденом Св. Анны 3-й степени помощник начальника Петровского исправительного арестантского отделения коллежский асессор Хидиров бек Ягъя бек-оглы Агасибек»³⁰.

Население Дагестанской области, различные общественные организации и частные лица оказывали благотворительную помощь, которая шла на нужды армии и семьям-фронтовиков. Известный нефтепромышленник, действительный статский советник Гаджи Зейнал Абидин Тагиев передал 10 тыс. рублей военному губернатору Г.Т. Дадешкелиани³¹.

В своём сопроводительном письме З. Тагиев писал: «Горячо отклинулись дагестанцы на призыв Отечества. Немало подвигов совершила ... Кавказская туземная дивизия. Немало воинов из состава этой дивизии запечатлели кровью, пролитой на полях сражений, свою преданность Государю и России». Далее в письме З.А. Тагиев просит губернатора при распределении средств, в первую очередь, выделить самим воинам, а затем из оставшихся денег семьям, которые нуждаются³².

Дагестанское отделение Кавказского комитета помощи пострадавшим от войны, согласно годовому отчету на 1 января 1915 г. располагало суммой 19573 р. 36 коп.³³.

27 Там же. Д. 149. Л. 7.

28 Дагестанские областные ведомости. 1916. 7 февраля. Приложение № 6.

29 Там же. Приложение № 6.

30 Объявления о высочайших наградах // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Л. 5.

31 Письмо военному губернатору Дагестанской области полковнику князю Дадешкелиани от действительного статского советника Гаджи Зейнал Абидин Тагиева // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 152. Л. 36.

32 Там же. Л. 36.

33 Отчет Дагестанского отделения Кавказского комитета помощи пострадавшим от войны за 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 120. Л. 30.

В результате пожертвований частных лиц, сельских и городских обществ, служащих, налога на игры, кружечного сбора, различных обществ и лиц на подарки нижним чинам была собрана сумма 34 тыс. 191 р. 33 коп.³⁴.

Вся непростая общественно-политическая ситуация, связанная с войной, а также извечные внутренние проблемы широко обсуждались населением на сельских годеканах, учарах в свободное от повседневной работы время. Зажиточное население собиралось отдельно. Колоритную картину таких посиделок в даргинском селе Урахи встречаем у А. Далгат. «Дом Магомед-кадия был своеобразным клубом урахинской верхушки. Часто собираются они сюда, чтобы подвести итоги дня, рассказать и выслушать новости об ученых, о начальстве, о войне и мире, о князьях и уцмиях, о купцах и коммерсантах. Более мелкие темы, серую жизнь крестьян, с их радостями и горем здесь мало затрагивают, а если и говорят о них, то больше, чтобы посмеяться. Здесь же сочиняют и рассказывают разные анекдоты, высмеивают неугодных им людей, читают религиозные предания о пророке Магомеде и его апостолах – асхабах...» [3, с. 28]. Подобные «клубы» бытовали в большинстве селений Дагестанской области.

Горожане также обсуждали важные новости, часть из которых узнавали из газет, другие – из «сарафанного радио». В областной столице – Темир-Хан-Шуре – на Соборной площади в длинном одноэтажном доме с навесом собиралась шуринская публика. «Это своеобразный открытый клуб на воздухе городской верхушки, городской учар, созданный здесь по образу сельских. Носит этот шуринский учар название «Брехаловка» [3, с. 106]. По информации А. Далгат, учившегося в реальном училище, «Собирались на “брехаловке”, все городские бездельники: купцы, аристократы, беки, чанки, авантюристы, представители власти имущих с мест, из округов, видные арабисты, чиновники, адвокаты, врачи и так далее. Здесь обсуждались все злободневные вопросы, политические дела, завязывались различные интриги, сделки» [3, с. 106]. Даже простой перечень всех, кто собирался на «брехаловке» позволяет судить о многообразии сословно-профессионального мира столицы.

Главным источником новостей для людей читающих была газета «Дагестанские областные ведомости», где кроме официоза публиковались заметки на самые разнообразные темы. После некоторых, особенно критических материалов, «включался» принцип обратной связи, т.е. реакция чиновников на недостатки в работе своих ведомств, с непременными разъяснениями для населения. Так, в одном из номеров газеты от 24 января 1916 г. была помещена корреспонденция из Маджалиса об отсутствии шоссейной дороги между селением и станцией Мамед-кала. Статья заканчивалась словами: «Будем надеяться, что сроки эти не останутся гласом вопиющего в пустыне, и что к исправлению этой злополучной дороги будет приступлено в возможно скором времени»³⁵. На эту заметку дал ответ областной инженер З. Темирханов, доложивший, что часть работ подрядчик выполнил, и засыпан гравий. Загвоздка заключается, по мнению инженера в том, что местное население отказывается принимать

34 Там же. Л. 30.

35 Дагестанские областные ведомости. 1916 г. 24 января.

участие в работах на шоссе и подрядчик вынужден «организовывать артели рабочих и аробщиков из других округов – Казикумухского, Даргинского и Темир-Хан-Шуринского, которые работают на плоскости лишь осенью и весной, а летом болеют малярией и ни за какие деньги не остаются на плоскости»³⁶. Именно поэтому полгода пропадает, а организовать артель из горцев трудно и по той причине, что они уходили в отход, в другие губернии, где заработка рабочего был выше. Вот такое разъяснение было дано областным инженером на статью с критикой в адрес строительного ведомства. Подобная практика характеризует работу системы «власть-общество», в данном конкретном случае – положительно. Однако далеко не всегда власть так мобильно реагировала на нужды населения.

«Платиновая» лихорадка охватила в октябре 1916 г. даргинское село Цудахар. Здесь были обнаружены залежи селитры и какого-то блестящего металла белого цвета. Жители решили, что это белое золото (платина). «Кому не известно, – пишет корреспондент «Ведомостей» Э. Шанаев, – какое магическое действие заключает в себе слово «золото». Спокойствие населения потеряно, началась золотая горячка³⁷. ... Толпы мужчин и женщин грусят «драгоценный» материал на ослов и возят домой, надеясь превратиться в одночасье из бедняка в миллионера. Идут бесконечные споры о том, кто хозяин горы. Земельная неразбериха не позволяет это выяснить. Разные общества и частные лица предъявляют свои права на землю. «Трудно сказать что-либо о наличии платины, – заключает автор статьи, – но залежи селитры, несомненно, есть и не в малом количестве. Кажется селитра в настоящее время ценный материал. Может это обстоятельство обратит внимание кого следует и кстати укажет выход из возможной неопределенности»³⁸.

Вот такой курьезный случай из жизни цудахарцев.

Необходимо учитывать, что жизнь населения Дагестанской области в исследуемый период была во многих сферах регламентирована нормами ислама, имевшего в Дагестане глубокие традиции. Рождение и смерть, брак и развод, имущественные и некоторые другие правовые вопросы решались по шариату. О некоторых новшествах, появившихся в это время в области религиозной жизни, повествует А. Далгат. Он писал: «Широкое распространение получило богослужение на дому у крестьян – мавлиды, сопровождающиеся обильными угощениями духовенства. Количество мутаалимов при соборных мечетях возросло. В мечетях, на базарах, площадях стали устраиваться открытые диспуты на религиозные темы. Заново, на новой основе «махрадж» переучивали Коран, более торжественно обставлялись похороны, для чтения «хутба» – проповеди в пятничный день – подбирались лучшие голоса. Всякое запоздание дождя использовали для организации массовых молений с жертвоприношениями и выходом всего общества в поле» [3, с. 46]. Интересные изменения произошли и по отношению к женщинам, с целью большего вовлечения их в религиозную

36 Там же.

37 О залежах селитры в Цудахаре // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 115. Л. 25.

38 Там же. Л. 26.

жизнь. «В большой мечети впервые занавесили и отвели на нарах специальное место для женщин. Новшество это должно было способствовать усилению влияния религии на женщин. Среди них появились своего рода шейхи, «избранницы», получившие «освящение» какого-либо устаза на руководство товарками при исполнении религиозных обрядов» [3, с. 46].

Вместе с тем, тот же автор говорит и о наличии противоположной тенденции в ауле Урахи, где многие перестают ходить по пятницам в мечеть, есть такие, которые вообще перестали молиться, а некоторые представители духовенства находят себе легкий заработок: одни открывают торговлю мануфактурой, другие перепродают скот, а третьи сдают деньги в рост. Последний факт вызывает удивление, т.к. по нормам ислама ростовщичество считается большим грехом.

Положение населения по мере продолжения войны заметно ухудшается. В 1916 г. был увеличен штат полиции во всех городах области. Особое внимание власти уделяли портовым городам³⁹. Был введен запрет на вывоз продуктов. Нарастает и число беженцев. В начале войны их количество не выходило за рамки внутренних миграций мирного времени. В 1915 г. в российских губерниях было около 750 тыс. вынужденных переселенцев, к 1916 г. маршрутными поездами было эвакуировано на восток свыше 2 млн. чел. Общее количество перемещенных лиц составило в годы Первой мировой войны около 5 млн. чел. [10, с. 136].

Беженцы двигались на юг, в «хлебные» регионы. Часть из них проходила транзитом, некоторые оседали в Дагестане. Имперские власти пытались решать проблемы, связанные с учетом и размещением, а также возможным трудоустройством беженцев. Канцелярия военного губернатора области направляла данные о беженцах Главноуполномоченному по устройству беженцев Кавказского фронта ежемесячно. На 15 января 1917 г. в г. Петровск-Порт было 85 человек беженцев. По национальному составу это были русские, поляки, латыши. В Темир-Хан-Шуре было 7 человек русских и 8 поляков, в Дербенте – 11 русских, 9 поляков, 4 армян⁴⁰.

Некоторое их количество расселилось в Темирханшуринском (4 чел.) и Кайтаго-Табасаранском округах (30 чел.). Часть из них была трудоустроена и получала зарплату⁴¹.

К концу войны отмечается рост криминальных деяний, краж имущества и других правонарушений. Как пишет современный исследователь В.П. Булдаков: «Чем меньше люди понимали логику кризиса империи, тем острее прорывались наружу наиболее архаичные компоненты их сознания» [11, с. 267].

Серьезно дестабилизировало общество возвращение потока солдат с фронтов Первой мировой. Это были дезертиры, разного рода деклассированные элементы, которые вселяли страх. Вот как описывает случайную встречу с ними известный дагестанский художник Халил-бек Мусаясул: «Прохаживаясь временами по поезду, я видел опустившихся солдат, они возвращались с турецкого фронта и наводняли все вокруг.

39 Об усилении штата полиции в портовых городах области // ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 145. Л. 133

40 О количестве беженцев, находящихся в Дагестанской области // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 88. Л. 8.

41 Там же. Л. 8.

Выглядели они как разбойники и убийцы, кем они вероятно и стали, почувствовав полную свободу» [12, с. 195].

Все это вносило свою лепту в процесс маргинализации общества, который на Кавказе, в отличие от других областей России, заметно сдерживался нормами горского права, ценностями религии, наличия у горцев оружия.

15 января 1917 г. «Дагестанские областные ведомости» сообщали о приезде в Дагестан нового губернатора. К приходу поезда на вокзал собирались начальствующие лица, депутация от городского общественного управления и от мусульманского общества, а также масса публики. «Депутация со словами приветствия преподнесла генералу Ермолову хлеб-соль. Поблагодарив депутатов и приняв хлеб-соль, Его Превосходительство с супругой в автомобиле отъехали к губернаторскому дому»⁴². Править новому губернатору пришлось всего несколько месяцев. Революционные события 1917 г. открывают новую эпоху в истории дагестанского общества.

Взаимоотношения власти и общества в Дагестане в годы Первой мировой войны (так же как и по всей стране в целом) были предопределены трагизмом этого глобального конфликта, задачами мобилизации людских и материальных ресурсов, а также ожиданиями исхода этой самой войны. Изначально война воспринималась основной частью населения как нечто отстраненное, происходившее где-то далеко. Однако со временем стали ощущаться такие издержки, как рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости, которые к 1916 г. власть не смогла удерживать. Рост налогов, военные потери, принудительные работы в тылу, а также реквизиции скота, в том числе лошадей – вызывали открытое противостояние власти и общества (как это было в вооруженном восстании в сел. Аксай в 1916 г.) Крестьянство, рабочие, бедный люд к концу войны испытывали разочарование, озлобленность в связи с дальнейшим ухудшением жизни, что генерировало будущие конфликты и привело к негативным последствиям.

Предпринятая попытка реконструкции повседневности в годы войны, на примере отдельно взятого региона, коснулась важного, на наш взгляд, аспекта – взаимодействия власти и общества. Надеемся, что эта проблема откроет широкий горизонт для исследований других сторон повседневной жизни дагестанского общества, оставшихся за рамками данной статьи.

⁴² Дагестанские областные ведомости. 1917. 15 января. № 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия в войне // Материалы международного общественно-научного форума «Великая война. Уроки истории». – М., 2014.
2. Хейтинг М. Мировая война. Катастрофа 1914 г. (пер. с англ.). 3-е изд. – М., 2017.
3. Далгат А. В огне революции. 2-е изд. – Махачкала, 2017.
4. Османов А.И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. – Махачкала, 2011.
5. Воеиков В.Н. С царем и без царя. – М., 2016.
6. Кавказский календарь на 1915 г. – Тифлис, 1914.
7. Гаджиев Б. Темир-Хан-Шура. – Махачкала, 2014.
8. Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владимирской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (конец XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. – Махачкала, 1998.
9. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. – Махачкала, 2016.
10. Курцев А.И. Беженство // Курцев А.И. Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. – СПб., 1999.
11. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.
12. Халил-бек Мусаясул. Страна последних рыцарей. – Махачкала, 1999.

Статья поступила в редакцию 07.04.2020 г.

REFERENCES

1. Russia in the war [Rossiya v voyno] *Proceedings of the international social and scientific forum “The Great War. History lessons” [Materialy mezhdunarodnogo obshchestvenno-nauchnogo foruma «Velikaya voyna. Uroki istorii»]*. Moscow, 2014. (In Russ.)
2. Heytsing M. World War. *The catastrophe of 1914 (translated from English) [Mirovaya voyna. Katastrofa 1914 g.]*. 3rd ed. Moscow, 2017. (In Russ.)
3. Dalgat A. *In the fire of the revolution [V ogne revolyutsii]*. 2nd ed. Makhachkala, 2017.
4. Osmanov AI. *The population of Dagestan from ancient times to the end of the twentieth century [Naseleniye Dagestana s drevneyshikh vremen do kontsa 20 veka]*. Makhachkala, 2011. (In Russ.)
5. Voeiykov VN. *With a king and without a king [S tsarem i bez tsarya]*. Moscow, 2016. (In Russ.)
6. *Caucasian calendar for 1915 [Kavkazskiy kalendar’ na 1915 g.]*. Tiflis, 1914. (In Russ.)
7. Gadzhiev B. *Temir-Khan-Shura*. Makhachkala, 2014. (In Russ.)
8. Asvarov NA. *The history of the construction of the Dagestan section of the Vladimir railway and its role in the economic and social development of Dagestan (late 19th - early 20th centuries) [Istoriya stroitel’stva Dagestanskogo uchastka Vladimirskej zheleznnoy dorogi i yego rol’ v ekonomicheskem i sotsial’nem razvitiu Dagestana (konets XIX – nachalo XX vv.)]*. Dissertation abstract. – Makhachkala, 1998. (In Russ.)
9. Dalgat EM. *City and urban life in Dagestan in the second half of the 19th – early 20th centuries [Gorod i gorodskaya zhizn’ v Dagestane vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.]*. Makhachkala, 2016. (In Russ.)
10. Kurtsev AI. Refuge seeking [Bezhenstvo] *Kurtsev A.I. Russia and the First World War: Proceedings of the international scientific colloquium [Kurtsev A.I. Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma]*. Saint Petersburg, 1999. (In Russ.)
11. Buldakov VP. *The Red Distemper. The nature and consequences of revolutionary violence [Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya]*. Moscow, 2010. (In Russ.)
12. Khalil-bek Musayasul. *The land of the last knights [Strana poslednikh rytssarey]*. Makhachkala, 1999. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163598-607>

Абзалов Ленар Фиргатович
к.и.н., доцент,
Институт международных отношений
Казанский федеральный университет, Казань, Россия
len_afzal@mail.ru

О ПРАКТИКЕ ВОДОЛЕЧЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В данной статье, опираясь на краткие сведения арабских источников, автор предпринимает попытку анализа практики водолечения на территории современных Кавказских Минеральных Вод, входивших в рассматриваемый в статье исторический период в границы Золотой Орды. Целью данной статьи является характеристика практики водолечения в регионе Кавказских Минеральных Вод представителями золотоординской элиты. Методология исследования опирается на историко-сравнительный метод, метод ретроспективного анализа, применяемого на основе междисциплинарного подхода. Анализ кратких сообщений Ибн Баттуты позволяет сделать вывод о том, что в Золотой Орде практиковалось водолечение, активно использовались целебные свойства минеральных вод Северного Кавказа. Водолечебные процедуры осуществлялись в соответствии с определенными нормами, которые могли быть выработаны как эмпирически, так и теоретически на основе трудов знаменитых врачей. В Золотой Орде были не только известны, но и активно практиковались водные процедуры для лечения различных заболеваний и, вполне возможно, что они были более распространены, чем это было принято считать. Следует указать и на то, что практически в каждом регионе Золотой Орды были свои целебные и минеральные источники, и у каждого народа были свои представления о водной стихии, здоровье и здоровом образе жизни, что и определяло особые приемы водолечения, но в силу ряда объективных факторов гидро- и бальнеотерапия нашла свое наибольшее распространение именно в регионе Кавказских Минеральных Вод.

Ключевые слова: Золотая Орда; Пятигорье; Кавказские Минеральные Воды; водолечение; гидротерапия; бальнеология; минеральные воды.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163598-607>

Lenar F. Abzalov,
PhD (History), Associate Professor
Institute of International Relations
Kazan Federal University, Kazan, Russia
len_afzal@mail.ru

THE PRACTICE OF HYDROTHERAPY IN THE NORTH CAUCASUS OF THE GOLDEN HORDE AGE

Abstract. Basing on brief information of Arabic sources, the author attempts to analyze the practice of hydrotherapy in the territory of the modern Caucasian Mineralnye Vody, which was part of the Golden Horde during the period under consideration. The aim of the article is the characteristic of the practice of hydrotherapy in the said region by the figures of the Golden Horde elite. The research methodology is based on the historical-comparative method, the method of retrospective analysis, applied on the basis of an interdisciplinary approach. The analysis of brief messages of Ibn Battuta allows for conclusion that hydrotherapy was practiced in the Golden Horde, and the healing properties of mineral waters of the North Caucasus were widely used. Hydrotherapeutic procedures were carried out according to certain regulations, which had been designed both empirically and theoretically on the basis of works of prominent physicians. Water procedures in the Golden Horde were not only known, but also actively practiced to treat various diseases and quite possibly being more common than it was generally believed. It is worth noting that almost every region of the Golden Horde had its own healing and mineral springs, and every nation had its own views on water, health and healthy lifestyle, which in turn determined the special methods of hydrotherapy; however, for a number of objective reasons, hydro- and balneotherapy were widely spread mostly in the Caucasian region of Mineralnye Vody.

Keywords: Golden Horde; Pyatigorye; Caucasian Mineralnye Vody; hydrotherapy; balneology; mineral waters.

Как известно, Северный Кавказ славится своими минеральными водами. Местные жители знали о целебных свойствах воды на протяжении многих столетий, если не сказать тысячелетий. Лечебные свойства местных источников не могли остаться без внимания могущественных правителей Улуса Джучидов, об этом могут свидетельствовать аутентичные исторические источники.

В историографии Золотой Орды медико-социальные аспекты жизни золотоордынского общества изучены недостаточно [1, 2], что во многом объясняется скучной источниковской базой и слабой разработанностью методологии. Наибольший интерес современные исследователи проявляют к влиянию эпидемического фактора на социально-политическое развитие улуса Джучидов, здесь, прежде всего, следует указать на исследования Юлай Шамильоглу и Тимура Хайдарова [3, 4, 5, 6].

Арабские авторы, освещдающие золотоордынскую историю, среди прочего свидетельствуют об использовании воды как особом средстве лечения, т.е. по существу о гидро- и бальнеотерапии¹. Среди этих авторов следует выделить Ибн Фадлаллаха ал-‘Умари (1301–1349), ал-Калкашанди (1355–1418), а также Ибн Баттуту (1304–1377).

Данные ал-‘Умари и ал-Калкашанди относятся к другому региону Золотой Орды, а именно к Хорезму: «Есть там гора, называемая «Горою добра из Хорезма»; на ней ключ, известный тем, что к нему приезжают люди, одержимые хроническими болезнями. Они остаются у него семь дней и каждый день купаются в воде его, утром и вечером, и после каждого купанья пьют ее до тех пор, пока напьются вдоволь и таким образом получается исцеление» [7, с. 242]. Позднее эти же сведения с соответствующей ссылкой на сочинение ал-‘Умари приводит ал-Калкашанди [8, с. 282]. Несмотря на то, что их данные не имеют прямого отношения к рассматриваемому региону, все же они могут стать косвенным аргументом в пользу достаточно широкой распространенности практики водолечения в Золотоордынском государстве.

Известный арабский путешественник и странствующий купец Ибн Баттута в своем сочинении «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» (1356 г.), лично побывавшего в районе Бишдага в мае 1334 г. пишет: «Из города Маджара мы собирались ехать в ставку султана, [находившуюся] в четырех днях [пути] от Маджара, в местности, называемой Бишдаг. Биш – [пишется] через би и ш – значит у них «пять», а даг значит «гора» – пишется через да и г. На этом Пятигорье [находится] ключ горячей воды, в котором Тюрки² купаются. Они полагают, что того, кто выкупается в нем, не постигнет кручина болезни» [9, с. 438]. Как видно из сообщения Ибн-Баттуты ханская ставка находилась в районе горы Биштау, который имел весьма благоприятные природно-климатические условия для ее расположения. Очевидно этот район

¹ Гидротерапия – применение в лечебных, реабилитационных и профилактических целях пресной воды; бальнеотерапия (лат. balneum – ванна, купание и греч. therapeia – лечение) – использование в тех же целях минеральной воды или лечебной грязи.

² О тюрках в упомянутом фрагменте сочинения Ибн Баттуты см. подробнее: [10].

являлся традиционным местом расположения орды хана во время его перекочевок, свидетельством чему служат обнаруженные в окрестностях Пятигорска и Ессентуков остатки мавзолеев золотоордынского времени [11]. По мнению археологов Т.Б. Палимпестовой и А.П. Рунича на месте Ессентуков находился золотоордынский населенный пункт, который по их предположению мог быть назван именем одного из представителей аристократии Эссен-Туги [11, с. 238]³. В.А. Бабенко также обратил внимание на еще один фактор, привлекавший в этот регион представителей ордынской знати: «В условиях климатического оптимума золотоордынской эпохи климат на Минераловодской равнине мог отличаться мягкостью и увлажнением. Долины Кумы и ее притоков (Подкумок, Джемуха, Джуца, Золка, Кучук, Суркуль и Этока), подножия большинства гор-лакколитов наверняка могли быть покрыты лесами и зарослями камыша, в которых водилась дичь. В период пребывания ханских ставок здесь могли проводиться большие облавные охоты» [11, с. 17].

К числу благоприятных природно-климатических факторов можно отнести и гидроминеральные ресурсы, которыми так богат этот район, ныне именуемый Кавказскими Минеральными Водами⁴. Целебные свойства этих вод были известны и в Золотой Орде. Возможно, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в выборе пункта расположения орды, являвшемся местом концентрации золотоордынской знати, использующей лечебные свойства минеральных вод.

Следует отметить, чтоnomады евразийских степей активно использовали воду как средство лечения всевозможных болезней. Зачастую именно животные кочевников-скотоводов позволяли раскрыть благотворное влияние минеральных источников и лечебных грязей на здоровье человека. Известно, например, что лошади весьма привередливы в том, что касается воды, и лучше будут страдать от жажды, чем пить грязную или застоявшуюся воду, а больные животные часто валялись и зарывались в грязи, действительно имевшие целебные свойства, это подмечалось их владельцами, которые со временем стали осознавать их целебную силу.

Помимо скучных данных письменных источников, об использовании минеральных вод свидетельствуют материалы этнографического характера. Если обратиться к данным по минеральным источникам Казахстана, можно говорить о том, что местное кочевое население использовало водные ресурсы как бальнеологическое средство лечения. Копальский уездный врач А. Прижигодский пишет: «До водворения русских за Аягасом (1846) Арасанские [серные] ключи представляли простые ямы, обложенные камнем; кочевники купались в них, раздеваясь, под открытым небом, или же ставили над ключом юрту,

³ Общепринятой версии происхождения названия города не существует. Другие версии этимологии Ессентуков, связанные с его происхождением из карачаевского языка, в переводе означающего «живой волос», из калмыцкого – «девять знамен», с адыгейского языка – «привычный угол», «обжитое место» и др.

⁴ Группа курортов федерального значения и особо охраняемый эколого-курортный регион, расположенный в трех субъектах Российской Федерации: Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии.

а иные устраивали балаганы» [12, с. 29; см. также: 13, с. 50]. С.И. Замятин, характеризуя грязевой курорт Мойылды, расположенный в 17 км от Павлодара, пишет: «Население казахских аулов, окружающих озеро Муялды, издавна знало о целебных свойствах его воды и грязи. Оно использовало грязь самым примитивным способом: на берегу выкапывались ямы и заполнялись грязью, куда после солнечного нагрева погружались больные, оставляя снаружи одну голову» [14, с. 46].

Российские авторы, наблюдавшие жизнь монголов, также отмечали использование ими минеральных вод. Так, Иоганн Готлиб Георги пишет: «Монголы в болезни ищут помощи у своих священнослужителей, которые стараются пособить больным молитвами, привесками со многими против недугов вещицами, и другими суеверными средствами: но при том употребляют и действительные домашние лекарства и теплые воды, при Ононе и Чиксе, в Даурии» [15, с. 43]. Академик И.М. Майский (1884–1975), побывавший в Центральной Азии в рамках монгольской экспедиции 1919–1920 гг. пишет: «Монголия во всех своих частях изобилует самыми разнообразными минеральными источниками, известными здесь под именем «аршанов». Есть воды сернистые, железистые, соленые, холодные, горячие и всякие иные. Во время путешествия мы часто натыкались на них и чуть не в каждом монастыре, поселении, аиле (скоплении юрт) нам рассказывали о существующих по близости «аршанах». Монголы имеют некоторое представление о целебном значении минеральных вод и нередко пользуются ими как средством в борьбе с болезнями. Кое-где (например, около Урги, Улясу в хребте Таину Ола и др. местах) создалось даже нечто вроде примитивных «курортов», куда по летам съезжаются местные жители: тут они живут неделями в палатах и юртах, принимая целебные ванны в грубо выкопанных ямах» [16, с. 8].

Очевидно для купания в горячих или же теплых минеральных водах использовались специальные ванны, выдолбленные из доломита или известкового туфа, на подобие тех, о которых писали российские исследователи XIX в. Этими бассейнами в конце XVIII в. пользовались солдаты Константиногорской крепости (основана в 1780 г.). Ф.Й. Гааз (1780–1853), изучавший минеральные воды Пятигорья, в частности источник на г. Железной, видел небольшой бассейн для приема ванн: «грубо сложенный теми же самыми абазинами бассейн для купания, который, быть может, имеет около 3 аршин⁵ длины, 4 ширины и около 1 аршина глубины». В 1823 г. А.П. Нелюбин (1785–1858) на горе Горячей (Машук) обнаружил остатки высеченных в travertine⁶ ванн и высказал предположение, что они использовались за двести лет до этого [17, с. 4]. В силу того, что эти ванны не сохранились, трудно делать какие-либо строгие выводы относительно времени их создания, но все же можно предполагать, что и в золотоордынскую эпоху, были применяемы такого рода ванны.

5 Аршин – 71,12 см, т.е. около 2 м шириной, 3 м длиной и примерно 70 см глубиной.

6 Т.е. известковый туф, или известковые отложения углекислых источников.

Как было указано, сведения исторических источников крайне скучны, но даже они позволяют сделать некоторые выводы относительно использования водных процедур для лечения больных в Золотой Орде. Как видно из слов Ибн Баттуты, принятие минеральных ванн являлось основным методом бальнеологического лечения на Бишдаге. Относительно бальнеологических процедур, равно как и о болезнях, которые лечили на горячем источнике, сказать что-либо определенно невозможно.

Возможно, что местные минеральные воды использовались не только для наружного применения, но и для питьевого лечения. Из-за отсутствия источников сказать что-либо более конкретно невозможно. Очевидно, полезные свойства воды были известны местному населению.

Трудно сказать были ли в ставке хана врачи, практиковавшие бальнеологическое лечение на горячих источниках или же оно носило стихийно-эмпирический характер. Как известно, профессиональная медицина, в данном случае речь может идти об ордынских врачах, активно и успешно использовала достижения народной медицины. По крайней мере, прославленный Авиценна уделил немало внимания целебным свойствам воды [18, с. 187–193; 19, с. 393–395]. Так, Ибн Сина о целебных свойствах сернистых вод пишет следующее: «Сернистые воды хороши для [лечения] бахака и бараса. [...] Сернистые воды полезны от опухолей суставов, затвердений и висячих бородавок [...] Сернистые воды также хороши от джараба и лишаев, если в них купаться, и [помогают] от са'фы [...] Морская и подобная ей вода, особенно если в ней купаться, помогает от болезней нервов, например, от трясения, паралича, онемения и тому подобного. Сернистые воды [действуют] так же. Они помогают от всяких холодных болей в суставах и нервах [...] Сернистые воды полезны при опухоли селезенки и боли в ней, а также для лечения печени [...] Сернистые воды полезны от болей в матке» [19, с. 394–395]. Как видно, Авиценна рекомендует использовать серные воды для лечения кожных (барас, бахак, джараб), неврологических, гинекологических заболеваний, а также болезней суставов, селезенки и печени, что, в общем, соотносится с современными медицинскими показаниями (см. выше).

Учитывая очевидность присутствия профессиональных целителей в орде, а также т.н. народную целительскую практику можно признать существование, как особых медицинских показаний, так и стихийного их использования. Здесь следует отметить, что уровень медицинского обслуживания в ставках монгольских правителей был достаточно высок для своего времени, так как известно, что Чингизиды придавали особое значение медицине [20, р. 135]. Но при этом нужно делать весьма осторожные выводы, рассматривая отдельные этапы развития Золотой Орды. Медицинская практика эпохи расцвета, упадка и последующего распада, очевидно, имела значительную разницу и двигалась лишь в направлении деградации с началом острого социально-политического кризиса в государстве, начавшегося в 60-х гг. XIV в.

Для сравнения нельзя не упомянуть практику водолечения в средневековой западной медицине [21, 22]. Несмотря на полный упадок водолечения

в эпоху Средневековья, по сравнению с предшествующим периодом, все же эта практика не исчезает полностью. Жак Ле Гофф отмечает, что «нам хорошо известно о развитии практики водолечения, прежде всего в Италии [...] особенно Тоскане, а также и в христианской части Испании, в Англии и Германии рядом с водоемами появлялись водолечебные заведения. Самым знаменитым стало заведение в Путеолях на севере Неаполитанского королевства» [23, с. 141–142]. Следует также упомянуть знаменитый Спа в Бельгии, который стал известным курортом уже в XIV столетии [22, р. 5]. Со временем слово «Спа» стало нарицательным, и по сей день оно используется для обозначения особого физиотерапевтического метода, связанного с применением воды.

В рамках этой статьи, мы посчитали вполне уместным рассмотрение тесно связанной с бальнеологией практики грязелечения (пелоидотерапии). К этому нас подтолкнули сообщения русских авторов XIX в., а также этнографические материалы о распространенности грязелечения среди татар [24, 27–31]. В границах Золотоордынского государства находилось немало озер, известных своими целебными грязями. Здесь имеются в виду солончаковые озера степей Нижнего Поволжья и Северного Казахстана, лечебные грязи Сак, Чокрака, а также оз. Тамбукан в районе Пятигорска и многие другие. К сожалению, в источниках нет никаких упоминаний о применении озерного ила для лечения болезней, имеются лишь сведения о добыче соли в этих районах. Поэтому мы можем делать лишь осторожные предположения на основе данных более позднего происхождения. Существуют свидетельства того, что раненные и изможденные животные, обваливаясь, лечились этим илом, что могло быть подмечено их владельцами. Но утверждение об использовании озерного ила в лечебных целях кочевниками XIII–XIV вв. для лечения болезней пока не могут быть подкреплены какими-либо серьезными доказательствами.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

- практика водолечения была известна номадам задолго до образования Золотой Орды, данное обстоятельство не в последнюю очередь способствовало использованию целебных свойств современных Кавказских Минеральных вод и в золотоордынский период развития указанного региона;

- в эпоху расцвета Золотой Орды в данном регионе активно практиковалось водолечение, по крайней мере, можно утверждать об использовании целебных свойств минеральных вод, что находит свое подтверждение в нарративных, этнографических и археологических материалах;

- практика гидротерапии и бальнеологии была применяема и в других регионах Улуса Джучи, в частности в Хорезме;

- водолечебные процедуры осуществлялись в соответствии с определенными правилами, которые могли быть выработаны как эмпирически, так и теоретически на основе трудов знаменитых врачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История татар с древнейших времен: В 7 т.: Т.3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. Казань: Инс-т истории им. III. Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.
2. Золотая Орда в мировой истории. Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
3. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, and Civilization. *Zolotoordynskoye obozreniye=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. no. 2. P. 325–343. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343>.
4. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. 1993.12:4. P. 447–457.
5. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.). Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.
6. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Theoretical Aspects of Understanding the Second Pandemic of the Black Death Plague in the Territory of the Jochid Ulus // *Zolotoordynskoye obozreniye=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. Is.2. P. 264–282.
7. Ибн Фадлаллах ал ‘Умари. Пути взоров по государствам с крупными городами // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.
8. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник, 2001. М., 2002. С. 261–303.
9. Ибн Баттута. Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 438 с.
10. Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О есентуйских мавзолеях и ставке Узбек-хана // Совесткая археология. 1974. № 2. С. 229–238.
11. Березин С.Я., Нарожный Е.И. О тюрках XIII–XIV веков на Кавказских Минеральных Водах. Культурная жизнь Юга России. № 4 (33), 2009. С. 43–45.

REFERENCES

1. *The History of the Tatars Since Ancient Times. In 7 volumes. Vol. 3: Ulus Dzhuchi (Golden Horde). The XII – middle of the XV centuries [Istoriya tatar s drevnejshih vremen. V 7t.: T.3: Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV vv.]*. Kazan: Mardjani Institute of history, AN RT, 2009. (In Russ.).
2. *The Golden Horde in World History [Zolotaya Orda v mirovoj istorii]*. Kazan: Mardjani Institute of history, AN RT, 2016. (In Russ.).
3. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, and Civilization. *Zolotoordynskoye obozreniye=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5. № 2: 325–343. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.325-343>.
4. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey*. 1993.12:4: 447–457.
5. Hadjarov TF. *The Era of the “Black Death” in the Golden Horde and Surrounding Regions (the end of the XIII – first half of the XV centuries) [Epoha «Chernoj smerti» v Zolotoj Orde i prilegayushchih regionalah (konec XIII - pervaya polovina XV vv.)]*. Kazan: Madrazhani Institute of history, AN RT, 2018. (In Russ.).
6. Khaydarov TF., Dolbin DA. Theoretical Aspects of Understanding the Second Pandemic of the Black Death Plague in the Territory of the Jochid Ulus *Zolotoordynskoye obozreniye = Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. Issue 2: 264-282. (In Russ.).
7. Ibn Fadlallah al ‘Umari. *The formation and flourish of the Golden Horde. Sources on the history of the Jochi Ulus (1266–1359) [Puti vzorov po gosudarstvam s krupnymi gorodami. Stannovlenie i raschet Zolotoj Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359)]*. Kazan: Tatar Book Publ., 2011. (In Russ.).
8. Grigoryev AP., Frolova OB. *Geographical description of the Golden Horde in the encyclopedia of al-Kalkashandi. Turkic collection. 2001. [Geograficheskoe opisanie Zolotoj Ordy v enciklopedii al-Kalkashandi. Tyurkologicheskij sbornik. 2001]*. Moscow, 2002: 261-303. (In Russ.).
9. Ibn Battuta. *A present to observers of wonders of lands and marvels of travelling. The Formation and Flourish of the Golden Horde*.

12. Бабенко В.А. Локализация области Бишдаг в Центральном Предкавказье по данным письменных и археологических источников // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 16–19.
13. Минеральные воды Семиреченской области. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1901. 44 с.
14. Андреев И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 245 с.
15. Замятин С.И. Курорты, санатории и лечебные местности Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. 93 с.
16. Георги И.-Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 4. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, поляках и владычествующих россиянах с описанием всех именований казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1799. 315 с.
17. Майский И.М. Современная Монголия: отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской Конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ «Центросоюз». Иркутск, 1921. 333 с.
18. Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент: Фан, 1981. 552 с.
19. Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. 2. Ташкент: Фан, 1982. 832 с.
20. Lane G. Daily life in the Mongol Empire. Westport; London: Greenwood Press, 2006. 314 p.
21. Jackson R. Waters and Spas in the Classical World. Medical History. Supplement No. 10. 1990. P. 1–13.
22. Paige C.J., Soulliere Harrison L. Out of the Vapors: a Social and Architectural of Bathhouse Row / <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.31951p00953238a&view=1up&seq=8> [дата обращения: 10.07.2020]
23. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века / Пер. с фр. Е.Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
24. Брусиловский И.А., Милославский В.Н. Саки. Краеведческий очерк. Симферополь, 1967. 89 с.
- Sources on the History of the Jochi Ulus (1266–1359) [Podarok nablyudatelyam po chasti dikovin stran i chudes puteshestviy. Stanovlenie i rastsvet Zolotoi Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359)]. Kazan: Tatar Book Publ., 2011. (In Russ.).
10. Palimpsestova TB., Runich AP. On Es-sentuki Mausoleums and the Headquarters of Uzbek Khan [O essentukiiskikh mavzoleyakh i stavke Uzbek-khana] Soviet Archaeology. 1974. № 2: 229–238. (In Russ.).
11. Berezin CY., Narozhnyj EI. About the Turks of the XIII–XIV Centuries in the Caucasian Mineralnye Wody [O tyurkah XIII–XIV vekov na Kavkazskih Mineral'nyh Vodah]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural life of Russian South. № 4 (33), 2009: 43–45. (In Russ.).
12. Babenko VA. Localization of Bishdag Area in the Central Ciscaucasia According to Written and Archaeological Sources [Lokalizaciya oblasti Bishdag v Central'nom Predkavkaz'e po dannym pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov]. Archeologiya Eurazijskih stepej = Archeology of Eurasian steppes. 2018. №4: 16–19. (In Russ.).
13. Mineral Water of Semirechensk Area [Mineral'nye vody Semirechenskoj oblasti]. Kazan: Kazan University Press, 1901. (In Russ.).
14. Andreev I.G. Description of Middle Hordes of Kirghiz-Kaysaks [Opisanie srednei ordy kirgiz-kaissakov]. Almaty: Gylym, 1998. (In Russ.).
15. Zamyatin SI. Resorts, Sanatoriums and Medical Areas of Kazakhstan [Kurorty, sanatorii i lechebnye mestnosti Kazakhstana]. Alma-Ata: AN KazSSR Press, 1956. (In Russ.).
16. Georgi I-G. Description of all the peoples living in the Russian state, as well as their everyday rituals, beliefs, customs, homes, clothing and other attractions. Part 4. On the Mongol people, on Armenians, Georgians, Indians, Polish and Russians with the description of all Cossack names, as well as the history of Rus Minor, Kurland and Lithuania [Opisanie vsekh v Rossiskom gosudarstve obitayushchih narodov, takzhe ih zhitejskikh obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhdi prochih dostopamyatnostej. Ch. 4. O narodah mongol'skih, ob armenianah, gruzinah, indijcah, polyakah i vladychestvuyushchih rossiyana s opisaniem vsekh imenovanij kazakov, takzhe istoriya o Maloj Rossii i kupno o Kurlyandii i Litve]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. (In Russ.).

17. Mayskiy IM. *Modern Mongolia: Report of the Mongolian Expedition Equipped by the Irkutsk Office of the all-Russian Central Union of Consumer Societies "Centrosoyuz"* [Sovremen-naya Mongoliya: otchet Mongol'skoj ekspedicii, snaryazhennoj Irkutskoj Kontoroj Vserossijskogo Central'nogo Soyuza Potrebitel'nyh Obshchestv "Centrosoyuz"]. Irkutsk, 1921. (In Russ.).
18. Abu Ali ibn Sina (Avicenna). The Canon of Medicine [Kanon vrachebnoi nauki]. Book I. Tashkent: Fan, 1981. (In Russ.).
19. Abu Ali ibn Sina (Avicenna). The Canon of Medicine [Kanon vrachebnoi nauki]. Book 2. Tashkent: Fan, 1982. (In Russ.).
20. Lane G. Daily life in the Mongol Empire. Westport; London: Greenwood Press, 2006.
21. Jackson R. Waters and Spas in the Classical World. Medical History. Supplement № 10. 1990: 1–13.
22. Paige C. J., Soulliere Harrison L. Out of the Vapors: a Social and Architectural of Bathhouse Row / <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.31951p00953238a&view=1up&seq=8> [date of request: 10.07.2020].
23. Le Goff Zh., Tryuong N. Body History in the Middle Ages [Istoriya tela v srednie veka]. Transl. from French by E.Lebedevoi. M.: Tekst, 2008. (In Russ.).
24. Brusilovski I.A., Miloslavski V.N. Saki. Study on Local History [Saki. Kraevedcheskii ocherk]. Simferopol, 1967. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.06.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163608-619>

Халаев Захид Алиевич

к.и.н., научный сотрудник

Институт истории археологии этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

za120778@mail.ru

ПРИМЕЧЕТСКИЕ ШКОЛЫ И ТАРИКАТСКИЕ ОБИТЕЛИ ДЖАРСКОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация: Огромную роль в распространении мусульманских религиозных знаний оказывали примечетские школы – *мадраса и худжры* (الْمَدْرَسَةُ وَالْهُجْرَةُ). В дореволюционную эпоху во многих сельских обществах бывшего Закатальского округа, как и во многих регионах Северо-Восточного Кавказа, существовали обители тарикатских братств, которые также назывались *худжрами*. Обители не являлись учебными заведениями в современном понимании. Нередко обители размещались в домах, построенных за счет средств жителей села, меценатов или же за счет средств отдельного рода (*тухума*), получая название от имени своего благотворителя. *Худжра* могла размещаться в доме муллы или религиозного деятеля, любезно предоставивших помещение для религиозных нужд, в том числе тарикатских обрядов. В предлагаемой вниманию читателей статье на основе полевого материала делается попытка изучения строительства худжр, как примечетских школ, так и тарикатских обителей, на примере современного Джарского муниципалитета Закатальского района Республики Азербайджан. Автор статьи не ставит целью раскрытие вопросов, связанных с мусульманской системой образования, программ, методов и приема обучения, поскольку они являются предметом специального исследования. В статье содержатся сведения о постройке *худжр*, анализируется ряд надписей, обнаруженных во время сбора полевого материала, дается полиграфическое описание надписей, сопровождаемое комментариями, переводом, транслитерацией. В некоторых обителях надписи не сохранились, либо не наносились вообще. Анализ материала показывает, что на рубеже XIX–XX столетий в Закатальской зоне было построено множество образовательных мусульманских заведений. Обнаруженные и опубликованные надписи помогают определить дату постройки религиозных сооружений, сообщают нам имена религиозных деятелей и строителей (заказчиков), участвовавших в строительных работах.

Ключевые слова: Российская империя; Закатальский округ; XIX век; Джар; ислам; тарикат; религиозные предводители; худжра; обитель; тухум; общество.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163608-619>

Zahid A. Khalaev,
PhD (History), Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
za120778@mail.ru

MOSQUE AFFILIATED SCHOOLS AND TARIQA ABODES OF DZHAR MUNICIPALITY (ACCORDING TO FIELD MATERIAL)

Abstract. Mosque affiliated schools – *madrasah* and *hujra* (الْهُجْرَة) – had a significant impact on the spread of Islamic religious thought. There were a number of tariqa abodes in many villages of both Zakatala district and different regions of the North Caucasus in the pre-revolutionary period. These abodes were not educational institutions in the modern sense. They would often be built at the expense of the villagers, sponsors, or an individual clan (*tukhum*); the abode then received the name of its benefactor. *Hujra* could be placed in a mullah's house or in a house of any other religious figure, who kindly offered the quarters for religious needs, including tariqa rituals.

In the present paper, on the basis of field work, we make an attempt to consider the creation of *hujras* both as tariqa abodes and as schools at mosques, on the example of the modern Dzhar municipality of the Zakatala district of the Republic of Azerbaijan. The author of the article does not intend to see into the issues related to the Muslim education system, programs, methods and teaching methods, since they are the subject of a separate study. The paper proposes the information on the construction of *hujras*, analyzes a number of inscriptions, discovered during the field work, gives a polygraphic description of the inscriptions, accompanied by commentaries, translations and transliterations. In some abodes, no traces of inscriptions were found. The analysis of the material shows that at the turn of the 19–20th centuries in the Zakatala area, many educational Muslim institutions were built. The inscriptions revealed and published allow us to determine the date of the construction of religious buildings, give us information on the names of religious figures and the benefactors, who participated in the construction works.

Keywords: Russian Empire; Zakatala district; 19th century; Dzhar; Islam; tariqa; religious figures; *hujra*; abode; *tukhum*; community.

Введение

Религия является одним из важных этномаркирующих признаков любого народа, определяющим его мышление и повседневное поведение. В течение нескольких веков примечетские мусульманские школы были очагами распространения грамотности среди населения. Примечетские школы и тарикатские обители, сохранившиеся на территории современного Джара, о которых пойдет речь в данной статье, могут дать необходимые сведения об их роли и значении для местного населения в дореволюционный период. Привлеченный новый полевой эпиграфический материал позволяет определить время их строительства, выявить имена строителей (заказчиков) и религиозных деятелей, участвовавших в строительных работах. Географические рамки исследуемого полевого материала охватывают территорию административного округа «Джарский муниципалитет» Закатальского района, поскольку материалы из других населенных пунктов находятся на стадии доработки. Хочется подчеркнуть, что начатая нами работа по изучению ранее неизвестной арабской эпиграфики Закатальской зоны вводит в научный оборот новые сведения, имеющие отношение к историческому прошлому народов региона [1, с. 45–50; 2, с. 144–149].

Методология

Методология исследования обусловлена как ее тематикой, так и спецификой источниковой базы. При характеристике памятников эпиграфики и при составлении исторических реконструкций использованы метод описательно-анализа, метод источникового анализа и критики источников, сравнительно-исторический метод. В процессе работы над статьей автор руководствовался принципами научности, которые предполагают рассмотрение и изучение любого явления и исторического события в конкретных исторических связях и условиях, опираясь на факты, хронологическую последовательность рассматриваемых событий и освещение их в исторической перспективе. Кроме того, автор использовал комплексный подход, основывающийся на тщательном анализе всех факторов, имеющих отношение к данному исследованию.

Анализ

Современный Джарский муниципалитет расположен в северной части Закатальского района Азербайджанской Республики, на южных склонах Главного Кавказского хребта, в 1–2 км к северу от г. Закаталы. Джарский муниципалитет в административном отношении состоит из 3 селений: Джар – 2405 человек, Цилбан – 551 человек, Ахадира – 289 человек, с общим населением 3245 человек [3, с. 59–68]. Однако следует отметить, что помимо этих сельских

поселений в состав Джарского муниципалитета входят следующие кварталы: Кикауба (авар. – ЛъикIауба), Лачин-тахида, Джини-тахида, Куса-тахида, Казитахида, которые также расположены в 2–2,5 км к северо-западу от г. Закаталы на горных холмах, а языком общения является закатальский диалект аварского языка.

На протяжении нескольких столетий, с конца XVII по первую треть XIX в. Джар¹ был политическим центром Джарского вольного общества, в который помимо Джара входили следующие вольные селения: Гугам, Мацех, Сумайлиб, Кабицдира, Каражажил, Дартуказ. Он объединял 7 вольных селений с 1500 дымов и с 21 подвластными селениями: Чубанкол, Бахматли, Кумур, Курдамир, Карабулдур, Падар, Калал, Алмало, Бабало, Лалало, Лахидж, Кичи-Лахидж, Энгиан, Алибад, Масул, Загам, Кораган, Вархиан, Тасмало, Шатовар [5, с.26.]. Джарское общество в союзе с другими вольными обществами образовало союз, которые вошли в историю как Джаро-Белоканские вольные общества².

Имеющиеся историографические материалы подтверждают, что первое знакомство с исламом народов этой зоны стало возможно во время арабских походов на Кавказ, в эпоху правления праведных халифов³. Однако данный факт не дает нам право говорить о полной их исламизации на этом историческом этапе.

Очередная волна исламизации в регионе началась во второй половине XVI в., а период его широкого повсеместного утверждения наступает на первую половину XVII столетия. Уже в 30-х гг.XVII в. в регионе появились крупные религиозные центры, свои богословы получившие образование на мусульманском Востоке. Возвращаясь на родину, они собирали вокруг себя учеников, что приводило впоследствии к формированию в различных частях региона центров религиозной культуры и науки. Одним из таких заведений была *мадраса*, основанная Малла-Мухаммадом ал-Голоди⁴, жившим в XVII веке.

Большое влияние на религиозные убеждения жителей Джаро-Белоканской зоны оказывала деятельность ученых-богословов, тарикатских устазов, в частности, представителей суфийских братств накшбандийа и шазилийа. Тарикат накшбандийа проник в регион через шейха Исмаила Кюрдамири, который был

¹ В современном кавказоведении название селения – Джар, на авар. яз. – Чар или Чарухъ. П. Сайдова отмечает, что «термин Джар исходит от исконного аварского Чар, и в любом случае этимологию названия Чар может прояснить только язык и история самих чарцев» [4, С. 4–18].

² Джаро-Белоканские общества, в арабских источниках известны как Джаро-Талы, в российской дореволюционной историографии как Чаро-Белоканы, в советской, российской (дагестанской) историографии – Джарский союз сельских общин или Джаро-Белоканские общества. К началу XIX в. в состав Джаро-Белоканских обществ входило шесть вольных аварских обществ: Джарское, Белоканское, Катехское, Тальское, Мухахское, Джинихское.

³ «Праведные халифы» (на араб. «Хулафа-у-рашидун») – первые 4 правители, последовательно руководившие мусульманским государством после смерти Пророка Мухаммада: Абу Бакр ас-Сыддик (11–13 г. х.), 'Омар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук (13–23), 'Осман ибн 'Аффан Зун-Нурайн (23–35) и 'Али ибн Абу Талиб аль-Муртада (35–40).

⁴ Малла Мухаммад ал-Голоди (1611–1696) – известный мусульманский ученый и просветитель XVII века. Голода – (на авар.яз. Гъолода), в прошлом название означало как само селение Голода, так и «область Джар и Белокан». В настоящее время на месте сел. Голода остались развалины и надгробильные камни.

ма'зуном (духовным преемником) Халидшаха Багдади. У Исмаила Курдамири было два преемника: Мухаммад Салих Ширвани и Хас-Мухаммад Ширвани. Однако некоторые современные турецкие исследователи предполагают, что накшбандийя проник в Закатальский регион через Яхью Курдамири [5, с. 137.].

Во второй половине XIX в. суфийское учение накшбандийского и шазилийского тарикатов было связано с именами таких шейхов как Хаджи Юнус-афанди ал-Лалали, Махмуд ал-Илисуви, Джабраил-афанди ал-Лакити, Хамзат-а-фанди, Усман-афанди аз-Захури, Кусай-афанди ал-Джинихи⁵, Исмаил-афанди ас-Сивакли⁶ и др., которые были шейхами накшбандийского тариката и распространяли его не только в Закатальском округе, но и в соседних регионах [6, с. 573–602].

Наряду с именами этих выдающихся тарикатских шейхов стоят и имена других суфийских богословов: Шуайбаал-Багини, Ахмада ал-Асави, Ахмада ат-Талали⁷. Они пользовались большим уважением среди местного населения и сыграли большую роль в сохранении исламских ценностей и наук.

Появление в регионе суфизма (тарикатского учения) сопровождалось строительством религиозных культовых сооружений: религиозных учебных заведений и тарикатских обителей. Научный интерес представляет определение дат постройки религиозных учебных заведений и тарикатских обителей, которые как мы сказали выше, в регионе также именовались *худжрами*.

В современном Джаре сохранилось несколько худжр. Согласно полевому материалу эти худжры в основном функционировали как центры первоначального мусульманского образования и были расположены за пределами Джарской джума-мечети. У некоторых худжр имеются надписи-даты строительства. Несмотря на наличие надписей, очень часты случаи, когда трудно определить дату их строительства. В полевых материалах это объясняется следующими факторами: во-первых, из-за существенных расходов оформление обителей происходило значительно позже, чем их строительство, а, следовательно, надписи отражают процесс завершения постройки, во-вторых, у некоторых построек разбирали деревянную стену, переделывали каменной кладкой, таким образом, надпись отражала процесс реконструкции, а не строительства. У некоторых надписи не сохранились, либо не наносились вообще, в таких случаях мы прибегаем к устной традиции.

Выявленные строительные надписи помогают воссоздать следующую картину. Старейшей из выявленных в муниципалитете на настоящее время является худжр «Кичил Ализул», расположенная в центральной части Джара. «Кичил Ализул» – самая большая худжра из ныне действующих обителей в Джаре. Согласно полевому материалу, она была и образовательным учреждением, и

5 Ныне сел. Гюллюк Кахского района РА.

6 Речь идет о сел. Сувагиль, расположенном в равнинной части Закатальского района, в 22 километрах к юго-востоку от г. Закаталы.

7 Ахмад ат-Талали (1839-1903) – шейх тариката накшбандийя, родился в сел. Тала Джаро-Белоканской области. Был преемником шейха Махмуда ал-Илисуви. В 1863 г. во время восстания в Закаталах был арестован вместе с другими религиозными деятелями, но вскоре был освобожден.

обителью. В ней часто проводились религиозные мероприятия, коллективные молитвы во время священного для мусульман месяца Рамазан. Арабоязычная надпись (рис.1.) на стене «Кичил Ализул» повествует следующее: «Владелец этой /قلعة/ крепости худжры Исмаил сын Хаджи Мухаммада сына Киччи (?) Али. 1310 год хиджры». Дата 1310 г.х. соответствует 1890г. Вероятно, что в 1310 г.х. была построена именно худжра.

Выше «Кичил Ализул» расположена другая худжра – «Кинтазул». Согласно преданию, «Кинтазул» (рис. 2.) была построена за счет средств тухума Кинтаевых⁸ – выходцев из квартала Кинтаруба Динчинского сельсовета. Построили худжру два брата – Кинта Хаджи Ахмад и Кинта Малла Мухаммад. Кинта Хаджи Ахмад был учеником и близким соратником учёного, мыслителя и религиозного богослова, жившего на рубеже XIX–XX столетий, Малла-Хасана Джарского⁹. «Кинтазул» худжра является действующей худжрой Джара.

К сожалению, дата постройки не была нами обнаружена, но, согласно полевому материалу, худжра «Кинтазул» была построена в 80-х гг. XIX в. и до наступления Советской власти функционировала и как суфийская обитель. По рассказам старожилов, весной и осенью сельский джамаат в присутствии религиозных деятелей проводил здесь различные религиозные и традиционные праздники, ежегодно в течение Рамадана в худжре совершались коллективные молитвы, а в праздничные дни обычно собирался сельский сход.

Схожая ситуация фиксируется и в другой обители, расположенной в самой верхней части Джара, которая называлась «Дибиразул» худжра, т.к. принадлежала джарскому роду Дибирал. «Дибиразул» худжра была построена в конце XIX столетия и по 30-е гг. XX века функционировала и как обитель, и как образовательное учреждение, в котором детей обучали чтению Корана. Известный джарский религиозный деятель, учитель истории, переписчик с арабского языка на местный диалект исторического сочинения «Джарская летопись» Наккаев Мухаммад получил свое начальное мусульманское образование именно в этой худжре у джарского ученого-алима Умахана Амачузул (Гумахан Гамачузул). Обучением Корана девушки в худжре занималась известная своими богословскими познаниями женщина Дибиразул Хава, которая похоронена на родовом кладбище Дибировых. В 70-х гг. XX столетия деревянное строение «Дибиразул» худжра было разобрано. Одну комнату с пристройкой, на которой была высечена арабоязычная надпись, удалось сохранить до конца 80-х гг. XX века. В начале 2000-х гг. на месте, где стояла худжра, был построен частный дом. Арабоязычная надпись о времени постройки худжры утрачена.

⁸ Согласно устному народному преданию, Кинтаевы являются представителями голодинского тухума (рода) Нухиял.

⁹ Малла Хасан ал-Джари (авар. ЛъикІазул Малламухамадиль Малла-Хасан). (1875–1929). Родился в квартале Кинтаруба Динчинского сельсовета. Известный учёный, богослов на рубеже XIX–XX вв. Его сочинения были изданы еще 1910 г. в типографии М. Мавраева. В 2013 г. в Махачкале вышел в свет поэтический сборник Малла Хасана ал Джари (ЛъикІазул Малла-Хасан. ШигГраби ва мавлидал/ данде гъаби, цеберагIи, баянал Шунилазул (Хапизов) М.Ш. МахIачхъала, 2013. 248 гь.

Известным мусульманским учебным заведением в досоветское время в Джаре была *худжра* «ДигИлизул», которая принадлежала джарскому роду «ДигИниял». Ныне представители этого рода в Джаре носят фамилию Османовых. Арабоязычная надпись (рис. 3.) на стене хуждры «ДигИниязул» гласит: «Построил эту худжру Малла Усман сын Халила ал-Джари. Да простит их Аллах. 1309 год хиджры». Дата 1309 г.х. соответствует 1889г. В «ДигИлизул» *худжре* обучали чтению Корана, изучали шариатские науки. *Худжра* располагала религиозной библиотекой, которую постигла трагическая участь – конфискация в 30-х гг.ХХ столетия. Согласно полевому материалу часть библиотеки была сожжена, а другая вывезена.

В селе Цилбан¹⁰, в досоветское время также имелись мусульманские учебные заведения. Самое большое из них было расположено в центральной части села. В этой *худжре* мусульманское образование получали не только жители Джара, но и сел Макава, Динчи и др. К сожалению, эта *худжра* ныне не сохранилась, но сохранился камень с надписью (рис. 4.), в которой говорится: «Построил эту худжру Тагир сын Херава ал-Джари. Да простит Аллах его и его родителей. 1314 г. хиджры». Дата 1314 г.х. соответствует 1894 г.

Кроме вышеуказанных худжр, в Джаре была большая худжра при Джарской джума-мечети. Муддаррисами этой худжры были известные религиозные деятели той эпохи, в том числе устаз и алим Давудил апанди ал Джари¹¹. О строительстве этой худжры, роли в общественно-религиозной жизни народов Шеки-Закатальской зоны подробно написал в своем труде азербайджанский ученик М. Неймат [7, с.136].

Результаты

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что арабоязычные эпиграфические надписи по праву считаются одним из важнейших источников для изучения истории распространения ислама в регионе. Анализ материала показывает, что на рубеже XIX–XX столетий в Закатальской зоне было построено множество учебных заведений, тарикатских обителей – *худжр*. Обнаруженные и опубликованные надписи говорят о распространении тарикатского учения в этом регионе. В целом, начатая нами работа по выявлению и изучению ранее неизвестных арабоязычных надписей в различных населенных пунктах Закатальской зоны Азербайджана позволит, во-первых, получить новые сведения, имеющие отношение к историческому прошлому аварцев региона, во-вторых, даст возможность рассмотреть этот процесс в сравнительной перспективе с другими населенными пунктами Джаро-Белоканской зоны.

¹⁰ Село Цилбан расположено в 1 км к востоку от Джара. Село упоминается в местных исторических хрониках с XVIII в.

¹¹ Давудил (Мухаммад) апанди. (ум. в 1916г.) Представитель джарского рода Давудазул. Ученый, богослов, мударрис джарской примечетской школы, современник Ахмада ат-Талали.

Благодарность

Автор выражает особую признательность жителям Джарского муниципалитета Закатальского района Республики Азербайджан, которые оказывали поддержку в ходе проведения исследования. Автор также признателен им за конкретные и ценные сведения. Автор также считает своим приятным долгом выразить благодарность рецензентам за ценные замечания, которые были учтены при доработке рукописи.

Acknowledgements

The author thanks the residents of the Dzhar municipality of the Zakatala region of the Republic of Azerbaijan, who provided support during the study. The author is also grateful for specific and valuable information they provided. The author is also pleased to express his gratitude to the reviewers for the valuable commentaries that were taken into account upon completion of the manuscript.

Рис. 1. Закатальский район. Джарский муниципалитет. сел. Джар.
Арабоязычная надпись на стене «Кичилализул» худжра

Fig. 1. Zakatala region. Dzhar municipality. Dzhar village.
Arabic-language inscription on the wall “Kichilalizul” hujra

Рис. 2. Закатальский район. Джарский муниципалитет. сел. Джар.
«Кинтазул» худжра. Общий вид

Fig. 2. Zakatala region. Dzhar municipality. Dzhar village.
“Kintazul” hujra. General view

Рис. 3. Закатальский район. Джарский муниципалитет. сел. Джар.
Арабоязычная надпись на стене худжры «ДигИниязул»

Fig. 3. Zakatala region. Dzhar municipality. Dzhar village.
Arabic-language inscription on the wall of the hujra “DigIniyazul”

Рис. 4. Закатальский район. Джарский муниципалитет. Сел. Цильбан. Арабоязычная надпись на стене квартальной худжры

Fig. 4. Zakatala region. Dzhar municipality. Tsilban village. Arabic-language inscription on the wall of the quarter hujra

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халаев З.А. Арабоязычные эпиграфические надписи XIX века из Закатальского района Азербайджана: новые находки / Проблемы востоковедения. 2020. 1(87). С. 45–50

2. Халаев З.А. Арабоязычные строительные надписи второй половины XIX века из селения Джар // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. Карабаевск, 2019. С. 144–149

3. Хапизов Ш.М. Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание историко-культурного микрорегиона в Восточном Закавказье). – Махачкала, ДИНЕМ, 2011. – 270 с.

4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – нач. XIX вв. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2001. Кн. II. С. 254.

5. Zafer E. İbrahim E. Ismail Siraceddin Şirvani Kürdemiri ve Kafkaslarda nakşibendiyye

REFERENCES

1. Khalaev ZA. Arabic epigraphic inscriptions of the 19th century from Zakatala district of Azerbaijan: new findings [Araboyazychnye epigraficheskie nadpisi XIX veka iz Zakatal'skogo rajona Azerbajdzhana: novye nahodki] *Issues of Oriental Studies [Problemy vostokovedeniya]*. 2020, 1(87): 45-50. (In Russ.)

2. Khalaev ZA. Arabic construction-related inscriptions of the second half of the 19th century from the village of Dzhar [Araboyazychnye stroitel'nye nadpisi vtoroj poloviny XIX veka iz seleniya Dzhar] *The Caucasus between the West and the East. University collection of scientific works [Kavkaz mezhdu Zapadom I Vostokom. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh rabot]*. Karachaevsk, 2019: 144-149. (In Russ.)

3. Khapizov SM. *The settlement of Dzhar community (historic-geographic and ethnographic description of historic and cultural microregion in East Transcaucasia) [Poseleniya Dzharskogo obshchestva (istoriko-geograficheskoe I et-*

- halidiyye kollari (Зафер Е. Ибрахим Е. Исмаил Серажеддин Ширвани Курдемири и ветви накшбандийя - халидийя на Кавказе). Istanbul: Usul Islam Araştırmaları, 2020. 131–159.
6. Шихалиев III.III., Musaev M.A. Шу'айб ал-Багини. «Разряды» хваджаган-накшбандийя и шайхов халидийя-махмудийя" (Табакат ал-хваджаган ан-накшбандийя ва садатмаша'их ал-халидийя ал махмудийя). Жизнеописание шайха Ахмад-афанди ат-Талали // ArsIslamica. В честь Станислава Михайловича Прозорова. Институт востоковедения РАН. М., 2016. С. 573–602.
7. Неймат М.Х. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана (арабо-персо-туркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны XIV – начала XX вв.). Баку, 2001. Т. II.
8. Saidova P.A. Закатальский диалект аварского языка. Махачкала. 2007.
9. ЛъикIазул Малла-XIасан. ШигIраби в амавлидал/ данде гъаби, цеберагIи, баянал Шунилазул (XIапизов) М.Ш. MaxIachxala, 2013. 248 гь. (Малла Хасан ал-Джари. Стихи и мавлиды /сост., введ., comment. Xapizova Sh.M.), Махачкала, 2013. - 248 с.
- nograficheskoe opisanie istoriko-kul'turnogo mikroregiona v Vostochnom Zakavkaz'e)]. Makhachkala: DSC RAS, 2001; Book II: 254. (In Russ.)
4. Aliev BG., Umakhanov M-SK. *Historical geography of Dagestan 17th - beginning of 19th.* Makhachkala, 2001. Book II. P. 254. (In Russ.)
5. Zafer E. İbrahim E. Ismail Seradzheddin Shirvani Kurdemiri and branches of naqshibendiyya – halidiyya in the Caucasus [Ismail Siraceddin Şirvani Kürdemiri ve Kafkaslarda nakşibendiyye – halidiyye kolları]. Istanbul: Usul Islam Araştırmaları:2020: 131-159. (in Turk.)
6. Shikhaliev SS., Musaev MA. Shu'ayb al-Bagini. "Ranks" of khavdzhagan-nakshabandiyia and sheikhs of khalidiyya-mahmudiyya (Tabaqat al- khavdzhagan an-nakshabandiyia va sadatmasha'ih al- halidiyya al mahmudiyya). Biography of sheikh Akhmad-afandi at-Talali ArsIslamica. In honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov. Institute of Oriental Studies of RAS. Moscow, 2016: 573-602. (In Russ.)
7. Neymat MKh. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan (Arab- Persian-Turkic-language inscriptions of the Sheki-Zakatala area of the 14th - early 20th centuries) [Korpus epigraficheskikh pamyatnikov Azerbaydzhana (Arabo-perso-tyurkoyazychnyye nadpisi Sheki- Zakatal'skoy zony XIV - nachala XX vv.)].* Baku, 2001, Vol. II. (In Russ.)
8. Saidova PA. Zakatala dialect of the Avar language [Zakatalskiy dialekt avarskogo yazi-ka]. Makhachkala, 2007. (In Russ.)
9. Malla Hasan al-Dzhari. Poems and mavlids // comp., introduction, comm. by Khapizov S.M. [LikIazul Malla-HIasan. ShigIrabbi v amavli- dal / dande gъabi, tseberagIi, bayanal Shuni- lazul (KhIapizov) M.S.]. Makhachkala, 2013. (In Avar.)

Статья поступила в редакцию 08.09.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1636620-638>

Тетуев Алим Инзрелович
д.и. н., ведущий научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия
alim-tetuev@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НARRATIVНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация: В статье исследуется память о Великой Отечественной войне в письмах, воспоминаниях и литературных источниках фронтовиков и тружеников тыла Кабардино-Балкарии. Анализируется состояние историографии и источников изучаемой проблемы, обосновывается ее актуальность. Исследование проведено в основном с использованием историко-сравнительного и историко-антропологического метода. Обобщается опыт партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и местных партийных, советских органов по воспитанию красноармейцев и тружеников тыла в духе советского патриотизма, национального единства, ненависти к немецким оккупантам и веры в победу.

Выявлены и исследованы письма и обращения фронтовиков к родным и близким, труженикам тыла, местным партийным и советским органам власти, в которых раскрывается морально-политическое состояние бойцов и командиров Красной Армии. Отмечаются характерные черты писем и обращений, их необычайная достоверность и убедительность, содер- жавшие призыв большой, мобилизующей силы.

Исследованы письма и обращения родных и близких, тружеников тыла, местных партийных и советских органов власти фронтовикам, которые несли тепло и любовь родных и отчего края, сообщали о трудовых достижениях предприятий и колхозов, помоши фронту.

Анализ писем и обращений позволил выявить факторы, обеспечившие победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Рассматривается отражение войны в литературных источниках фронтовиков, которые посвящены людям фронта и тыла. В них основное внимание уделяется приверженности общечеловеческим ценностям, мужеству, патриотизму, соборности, героизму.

Анализ исследуемой проблемы показал, что характерным для сознания фронтовиков и тыла в экстремальной ситуации были задачи сплочения и мобилизации всех сил для достижения победы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историческая память; письма; обращения; фронт; тыл; фронтовики; единство; патриотизм; подвиг.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1636620-638>

Alim I. Tetuev,
D.Sc. (History), Leading Researcher
Institute for Humanitarian Studies
Kabardino-Balkaria Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia
alim-tetuev@mail.ru

HISTORICAL MEMORIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN NARRATIVE SOURCES

Abstract. The paper explores the memory of the Great Patriotic War in correspondence, memoirs and literary sources of the front-line soldiers and workers of the home front of Kabardino-Balkaria. The state of historiography and the sources of the subject under study are analyzed, its relevance is substantiated. The study has been conducted mainly with the use of historical-comparative and historical-anthropological methods. The author summarizes experience of party-political and agitation-propaganda work of the Main Political Directorate of the Workers' and Peasants' Red Army and local party and Soviet bodies for educating Red Army men and home front workers in the spirit of Soviet patriotism, national unity, hatred towards the German occupiers and faith in victory.

A number of letters of front-liners to their family members, workers of the home front, local party and soviet authorities have been discovered and studied; in them, the moral and political state of the soldiers and commanders of the Red Army is revealed. The author highlights characteristic features of the letters' style, their exceptional reliability and persuasiveness, containing the appeal of a great, mobilizing force.

The letters of family, workers of the home front, local party and soviet authorities to the front-line soldiers reported on the labor achievements of factories and collective farms, and assistance to the front have been studied.

The analysis of the letters and appeals allow to point out the factors which resulted in the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.

The reflection of the war in the literary sources of front-line soldiers, which are dedicated to the people of the front and rear, is considered. They focus on adherence to universal human values, courage, patriotism, unity, and heroism.

The analysis of the subject under study revealed that the tasks of rallying and mobilizing all forces to achieve victory were characteristic of the consciousness of front-line soldiers and the rear in an extreme situation.

Keywords: Great Patriotic War; historical memory; letters; appeals; front; rear; front-liners; unity; patriotism; feat.

После распада СССР в России, которая стала самостоятельной республикой, трансформировалась социально-экономическая и политическая системы, модифицировалось общественное сознание, духовные ценности. В современный период история войны подвергается фальсификации. Обострение «битвы за прошлое» (историческую память, интерпретацию истории) следует рассматривать в контексте современной геополитической конкуренции за глобальное лидерство и стратегический контроль над ресурсами. Одним из ее проявлений является проведение информационных кампаний по дискредитации политики и истории России, в том числе истории Великой Отечественной войны. Вместе с тем, историческая память о Великой Отечественной войне была и остается одним из значимых факторов консолидации всех слоев российского общества. Поэтому исследование проблемы исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. имеет не только научное, но научно-практическое значение.

В новейших исследованиях, посвященных Великой Отечественной войне, много внимания уделяется личным именным фондам, в том числе запискам, письмам, воспоминаниям участников войны, позволяющим читателю расширить представление о великом историческом событии XX века, углубить понимание психологии воюющего человека. Особенности индивидуального восприятия непосредственными участниками и очевидцами войны призваны дополнить имеющиеся знания, объективно расставить акценты в истории Великой Отечественной войны.

Проблемы отражения Великой Отечественной войны в историческом сознании нашего общества исследованы в работе О.В. Дружбы¹. Используя проблемно-хронологический принцип, исследователь воссоздает картину войны в сознании, как ее участников, так и людей послевоенной эпохи.

Заслуживают внимания и исследования Е.С. Сенявской, которая воссоздает духовный облик фронтового поколения, выявляет особенности сознания людей, находившихся в экстремальных фронтовых условиях [1].

Наибольший интерес по исследуемой теме представляют мемуары А.А. Гречко, Ф.В. Захарова, И.В. Романова, А.М. Гусева А.М., И.В. Тюленева [2, 3, 4, 5], которые принимали участие в освобождении Кабардино-Балкарии от немецких оккупантов.

Боевому пути воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, сформированной на территории КБАССР, посвящены работы А.Т. Хатукаева, Т.М. Катанчиева и др. [6, 7, 8]. Авторы названных работ являлись участниками боев дивизии, опираясь на свои воспоминания, они повествуют об организации и тяжелых испытаниях соединения в годы войны. Однако в них отсутствует анализ причин, приведших к расформированию дивизии.

В этом контексте представляют определенный интерес роман известного кабардинского писателя А.П. Кешокова «Сломанная подкова» [9]. Автор создал художественную версию истории 115-й кавалерийской дивизии. На наш взгляд,

¹ Дружба О.В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Ростов-на-Дону, 2000. – 508с.

А.П. Кешоков, как участник событий (лейтенант А.П. Кешоков был политруком 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, редактором дивизионной газеты «За Родину!») объективно описал трагедию, постигшую данное подразделение. Тем не менее, по указанию руководителей Кабардино-Балкарского обкома КПСС в 1973 г. состоялось обсуждение романа в Союзе писателей КБАССР. Некоторые писатели, а также партийные и советские руководители республики подвергли резкой критике содержание романа: «...Слишком много в романе трагического и мало героического, извращается история республики в годы войны,дается субъективная оценка деятельности партийной организации Кабардино-Балкарии»². Тем не менее, при обсуждении возобладал здравый смысл, и роману была дана оценка как произведению, объективно отобразившему реальные события в республике военных лет.

Большую ценность представляют письма, воспоминания фронтовиков и тружеников тыла, опубликованные в сборниках «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и «Лики войны», «Письма огненных лет» [10, 11, 12], а также в республиканской газете «Социалистическая Кабардино-Балкария», «Кабардино-Балкарская правда»³.

Не менее ценные по исследуемой теме и личные фонды участников Великой Отечественной войны хранящиеся, в Управлении Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики⁴, Управлении Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики⁵.

Таким образом, можно констатировать, что нарративные источники, представляющие собой богатейший материал о войне, сохранились и в определенной мере введены в научный оборот. Вместе с тем анализ литературы показывает, что исследуемая проблема не стала предметом специального изучения.

В первые же дни войны была объявлена мобилизация военнообязанных (1905–1922 гг.). Партийные и советские органы Кабардино-Балкарии, Нальчикский комитет обороны, уделяли особое внимание организации военно-учебных пунктов для отправки мобилизованных уроженцев республики на фронт. На территории Кабардино-Балкарии в основном из ее уроженцев были сформированы 115-я кавалерийская дивизия, 175-я, 317-я и 337-я стрелковые дивизии, два военных училища, несколько частей специального назначения. Всего в Красную Армию из республики за годы войны было призвано более 60 тыс. чел., что соответствовало показателям в других регионах к началу 1944 г. – 10–15 % [13, с. 26, 27].

² Шортанов А.Т. «О романе «Сломанная подкова» // Кабардино-Балкарская правда. 1973. 29 августа

³ «Социалистическая Кабардино-Балкария» – «Кабардинская правда» (с апреля 1944 г.), «Кабардино-Балкарская правда» (с марта 1957 г.).

⁴ Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР).

⁵ Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦДНИ АС КБР).

Не менее важным было проведение агитационно-пропагандистской работы, направленной на оказание помощи Красной Армии, на повышение производственных показателей предприятий, колхозов и проведение оборонительных работ. Предприятия городов республики, Нальчика, Прохладного, Докшукино, Тырныауза, перейдя на круглосуточную работу, в сжатые сроки наладили производство боеприпасов и военного снаряжения. Активно включились в патриотическое движение колхозы, совхозы, МТС, давшие фронту немало хлеба и другого продовольствия.

В годы Великой Отечественной войны партийными работниками в тылу и политработниками на фронте большое внимание уделялось разоблачению сути немецко-фашистской идеологии. Проводилась активная работа по патриотическому воспитанию красноармейцев. В июле 1941 г. был возрожден институт военных комиссаров (в ротах и батареях – политруков).

Партийно-политические работники проводили агитационную работу с учетом языкового и этнокультурного многообразия личного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА). 17 сентября 1942 г. была издана специальная директива начальника Главного Политического управления РККА (далее – ГУПП РККА) № 012 политуправлениям всех фронтов и округов, подробно регламентировавшая воспитательную работу с военнослужащими нерусских национальностей. В рамках выполнения положений директивы № 012 при ГУПП РККА издавались брошюры, журналы, листовки на языках народов страны. Публиковались в центральных, региональных и газетах воинских соединений, документальные материалы о зверствах фашистов на оккупированной территории.

Большое внимание ГУПП РККА уделяли пропаганде идей дружбы народов. В этой связи практиковалось проведение в регионах страны митингов представителей разных национальностей. Так, антифашистский митинг молодежи, проведенный 26 августа 1942 г. во Владикавказе, принял обращение к юношам и девушкам Северного Кавказа: «... Мы, юноши и девушки многонационального Кавказа, наравне со всей молодежью советской Родины, с 18 лет принимали участие в управлении государством. Немцы хотят лишить нас государственности, превратить в бесправных, безвольных и безропотных батраков немецких господ. Они хотят управлять нами силой оружия и власти кнута, ... даем торжественную клятву, что свободу, завоеванную кровью и жизнью наших отцов и старших братьев, не отдадим на поругание немцам. Будим быть немецких захватчиков, где бы они ни появились...». Аналогичное обращение приняли 22 сентября 1942 г. старейшие представители народов Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии ко всем трудящимся Кавказа [10, с. 152–154, 62–164].

Активная агитационная работа проводилась партийными и советскими органами Кабардино-Балкарии, Нальчикским комитетом обороны. Для укрепления духа патриотизма, усиления чувства ненависти к немецким захватчикам они знакомили население с фактами их жестокого отношения к жителям временно оккупированных городов и сел республики. Так, в газете «Социалисти-

ческая Кабардино-Балкарская Республика сообщалось, что за период оккупации народному хозяйству и гражданам республики был причинен огромный ущерб. В республике оккупантами было расстреляно 1554 чел., в том числе в Прималкинском лагере для военнопленных красноармейцев 319 чел., в городе Нальчике 600 чел., по районам республики – 635 чел. [10, с. 225–227, 239–248; 11, с. 239–240]. Эти документальные факты, пропущенные через восприятие воина-земляка, обладали зарядом большой агитационной силы, воспитывали священную ненависть к захватчикам.

В республиканской газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» в период войны была специальная рубрика «Письма наших земляков». Содержание и стиль этих писем были стандартными и продиктованы потребностями военного времени – мобилизовать все силы на борьбу с агрессором. Характерные черты таких посланий можно отметить в письме от 17 января 1943 г. Б.Х. Татуева, лейтенанта, депутата Верховного Совета КБАССР. Обращаясь к руководству республики и избирателям, он пишет: «Кровью обливается сердце, крепче рука сжимает винтовку, сильнее загорается месть, когда читаешь акт о кровавых злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев в городе Нальчике. За все злодеяния, которые гитлеровцы чинили, они заплатят кровью – народная месть будет жесткой и беспощадной... Я бил, бью и буду бить без устали ненавистных врагов, пока мои глаза видят, пока моя рука в состоянии держать винтовку» [12, с. 98, 99].

Призывом к справедливой мести звучит коллективное письмо летчиков-гвардейцев (Покровского, Хрустала, Романова (уточнение Петр Данилович – сын Данила Антоновича Романова – А.Т.), Голодникова, Ярославцева, Будника, Лопатина), являющееся ответом на сообщение Данила Антоновича Романова говорится: « ...Ваше письмо, в котором вы пишите о зверствах и варварствах фашистской грабьармии, учиненных ею во время оккупации вашего родного города Нальчика, ваш сын прочитал нам вслух... Мы, летчики североморцы, боевые друзья вашего сына Петра, вместе с ним мстили и будем мстить фашистским гадам, беспощадно уничтожая их в воздухе и на земле. Мы заверяем вас, что своей отвагой, мужеством и умением на своих быстрокрылых самолетах принесем Вам победу» [12, с. 120–123].

Искреннее и неподдельное выражение чувства радости за весть об освобождении родной республики звучит в письме старшего лейтенанта А.Ю. Бозиева от 24 марта 1943 г. Любовь к Родине, питающая священную ненависть к захватчикам, движет его патриотическими чувствами. Обращаясь к трудящимся Кабардино-Балкарии, он пишет: «Здравствуйте друзья! Совинформбюро в 11 часов вечера 5 января 1943 г. сообщило об освобождении от фашистской оккупации Нальчика – столицы моей родной Кабардино-Балкарии. Больше не быть немцам в Нальчике... Я изучил замечательную военную технику, которой был, бью и буду истреблять гитлеровскую чуму, которая надругалась над советскими людьми.... Передайте моей матери, если она жива, что ее сын Ахмат живет и здравствует. На моем счету много истребленных врагов, за что Родина

наградила меня высокой наградой – орденом Красной Звезды. Если я погибну, то пусть она не плачет, ибо дорого заплатил фашист и еще заплатит за мою жизнь...»⁶.

Большое воздействие на граждан имели письма, выражающие чувство духовного единства миллионов советских людей, обусловленного общностью их судьбы с судьбой Родины. Так, в своем коллективном письме комсомольцы-ленинградцы от 18 января 1943 г. пишут: «Мы – комсомольцы связисты части №260, защитники колыбели пролетарской революции, города Ленина были в кольце блокады, мы страдали от холода и недоедания, на много не хватало, но мы никогда не были одинокими. Многонациональный советский народ не забыл ленинградцев и его защитников, всеми силами помогал нам... В нашей организации есть комсомольцы и союзная молодежь из вашего города, которые не получают писем от родных и знакомых, так как их территория временно оккупирована, а поэтому просим вас, чтобы ваши комсомольские организации и комсомольцы писали на наши адреса письма, и ваши письма мы передадим лучшим бойцам-комсомольцам, не получающим письма, а они будут отвечать на письма и этим самым установят связь тыла с фронтом...»⁷.

Чувством духовного родства, объединяющим в справедливой войне представителей разных национальностей, проникнуто письмо с фронта от 19 ноября 1943 г., адресованное рабочим, колхозникам и интеллигенции Кабардино-Балкарской АССР. В письме, подписанном пятью летчиками, Героями Советского Союза, и шестью техниками говорилось: «Наши летчики, техники, мотористы и оружейники в тяжелые дни лета и осени 1942 г. защищали Кабардино-Балкарию от коричневой чумы. Летчики нашей части обрушивали свой смертоносный груз на головы фашистских полчищ, проявляя образцы мужества и геройства. Среди них есть и воспитанник Кабардино-Балкарии Кубати Карданов, и представители украинского народа – Василий Максименко и Василий Колесник, белорус Василий Князев и герой русского народа Василий Постнов. ...Мы помнили и помним, что впереди нас на западе с большим нетерпением ждут наши братья – украинцы, молдаване, белорусы, другие народы Советского Союза, временно подавленные под игом фашистских захватчиков⁸.

Зам начальника политотдела гвардейской части гвардии подполковник В. Федорук в письме от 2 января 1944 г., адресованном народу Кабардино-Балкарии, отмечал об укреплении дружбы народов, единстве тыла и фронта в защите Отечества. «Об этом свидетельствуют подвиги их сыновей на полях сражений за освобождение братской Белоруссии, – отмечал он: Отличились в боях с немецкими захватчиками и получили правительственные награды сыны Кабардино-Балкарии Уянаев, Пшизаби Тлегуров, Наурузов, Хакяшев, Рахаев, Шачев, Чернов, Труба, Хуштов, Цугуров, (посмертно – Пшецуков, Тамазов). Пусть же подвиги ваших сынов вдохновляют тружеников тыла на дальнейшее напря-

6 «Социалистическая Кабардино-Балкария». – 24 марта, 1943.

7 «Социалистическая Кабардино-Балкария». – 24 марта, 1943.

8 «Социалистическая Кабардино-Балкария». – 19 ноября, 1943.

жение сил во славу наше победы, час которой уже недалек» [12, с. 202–205]. Подобное изображение реального материала фронтовой жизни поднимало дух героев писем, делало их подвиги известными всему фронту, республике, где проживали родные и близкие, заносило их в некую летопись войны.

Документальный характер носит и написанное в сентябре 1943 г старшим лейтенантом П. Винниченко письмо с фронта, обращенное к трудящимся Кабардино-Балкарии. В нем автор рассказывает о ратном подвиге капитана гвардии Закерии Сулеймановича Этезова: «... В боях за Родину он был трижды ранен, но теперь он снова на фронте. Часть, которой командует капитан З.С. Этезов, прорвав сильно укрепленную оборону противника, за один день ожесточенных боев освободила от немцев четыре населенных пункта, захватив при этом трофеи. В селении Нижний Баксан живут его родители. Они воспитали шестерых сыновей, и все они сейчас на фронте защищают родную землю. Гвардейцы гордятся их сыном. Пусть гордятся им и его земляки».

Мужество, храбрость и решительность сквозят в письмах самого З.С. Этезова своим родителям. В письме от 6 ноября 1943 г. он с гордостью сообщает родным, что свято выполняет воинский долг: «... Командиры и бойцы моего подразделения любят меня,... мы били фашистов и будем их бить до полного уничтожения и изгнания с территории нашей Родины [12, с. 179–180]. К сожалению, через месяц, в феврале 1944 г. родителям пришло сообщение фронтовых друзей о гибели храброго офицера Красной Армии.

Особое место занимали письма, заканчивающиеся суровой, лаконичной фразой «Погиб смертью храбрых». Как правило, в них содержались сообщения фронтовых друзей о гибели боевого товарища. мести за его смерть. Так, капитан А.Х. Кушхов в своем письме с фронта от 14 ноября 1944 г. сообщал сестре Розе, проживающей с родителями в с Сармаково: «...Вчера в одном из проведенных боев я потерял своего лучшего боевого друга Костина. ... Да я за него убью не одного фашиста. С большой горестью мы простились с ним». Но уже через короткое время, 27 марта 1945 г. И.В Шахов, боевой товарищ Амерхана Хапаговича Кушхова, сообщил в письме его сестре Розе: «...Наша часть вела бои на реке Нарев по прорыву обороны немцев. ...Из самоходной пушки немцы били по одной батарее, где находился командный пункт Амерхана. Он был убит мгновенно осколком снаряда в голову. Похоронен, как положено, со всеми воинскими почестями» [12, с. 77–80]. Заканчивает письмо И.В. Шахов заверением, что однополчане достойно отомстили за смерть Амерхана.

Также не суждено было вернуться в отчий дом Петру Григорьевичу Клименко, призванному в 1942 г. Прохладненским городским военкоматом. В течение 1943 и первой половины 1944 г. он писал письма с фронта жене Анне Герасимовне, свидетельствующие о силе его патриотизма, его готовности к совершению подвига во имя победы над врагом. В своем последнем письме в июле 1944 г. он писал: «...Дорогие семья и родители! ...Немцы бегут в панике на запад, как наполеоновская армия в 1812 г. ...Успешное окончание войны зависит не только от нас, военных на фронте, но и от вас, людей тыла. Надо вам работать,

не покладая рук, на оборону нашей Советской Родины». Спустя месяц, 27 августа 1944 г., А.В. Улитковская направила с фронта письмо Анне Герасимовне, в котором сообщала о гибели ее мужа П.Г. Клименко: « ...им пришлось выходить из окружения с боями и пробивать своей грудью три цепи. Тогда он погиб героической смертью, защищая братьев сестер, мстя за сожженные села и города нашей Советской Родины... Прошу Вас напишите мне: получили ли его ордена, которые должны были выслать в адрес сына Шуры» [12, с. 173–176].

Письма с таким трагическим концом также выполняли мобилизационную роль. Каждая смерть звала людей на фронте и в тылу к борьбе, еще теснее сплачивая воинов, мстивших врагу за погибшего товарища, друга.

Всего безвозвратные потери Кабардино-Балкарии в годы войны составили 3800 человек, которые занесены в Книгу Памяти Кабардино-Балкарской Республики [14].

Материалы о жизни фронта и тыла, о борьбе за увеличение выпуска военной продукции на заводах и фабриках, за высокий военный урожай на полях колхозов и совхозов позволяют оценить вклад трудящихся республики и всей Кабардино-Балкарии в общую победу братских народов СССР над фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Память о Великой Отечественной войне запечатлелась и в многочисленных встречах тружеников тыла с воинами Красной Армии. В годы войны по всей стране проходил сбор в фонд обороны страны, теплых вещей и подарков для воинов Красной Армии. Как правило, труженики тыла приезжали к фронтовикам с подарками. Так, представители Кабардино-Балкарии в начале мая 1942 г. прибыли с первомайскими подарками для бойцов, командиров и политработников Южного фронта. В числе подарков было 12,5 т колбасных изделий и копченостей, 1500 жареных кур, 3 т печенья, 6 т халвы, 4 т джема, 2 т карамели, 2000 л вина, 25 тыс. яиц, один вагон соленых овощей, 20 ящиков табака и др. [12, с.74]. В газете «Социалистическая Кабардино-Балкарская Республика» было опубликовано письмо делегации республики «Что мы видели на фронте» [12, с. 75, 76]. В нем отмечалось, что делегация была принята командующими Южного фронта и 9 армией. На фронте они встретились с земляками, которые интересовались жизнью и работой трудящихся нашей республики и передали письма. В полученных письмах воины благодарили за подарки и заверяли, что оправдают нашу заботу и отдадут все силы и способности для достижения победы.

В начале ноября 1943 г. в честь 26-ой годовщины Октябрьской социалистической революции труженики тыла Кабардино-Балкарии прибыли с подарками для бойцов, командиров и политработников Северо-Кавказского фронта. В связи с этим воины Северо-Кавказского фронта 19 ноября 1943 г. направили письмо трудящимся Кабардино-Балкарии, в котором отмечали: «... Ваше внимание к нам, чуткость и заботу мы рассматриваем как символ величайшей дружбы народов Советского Союза, боевого единства нашего фронта и тыла. На полях сражений с немецко-фашистскими захватчиками борются сыны и дочери всех народов нашей многонациональной Родины. Все

мы отстаиваем свою свободу, честь и независимость...»⁹. В письме Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) командующему Северо-Кавказским фронтом генерал-полковнику И.И. Масленникову и члену Военного совета Северо-Кавказского фронта генерал-майору А.Я. Фоминых отмечалось [10, с. 388, 389], что с августа 1942 г., то есть с начала военных действий, на территории Кабардино-Балкарской АССР, 37 армия и другие части в течение 3 месяцев полностью обеспечивались продовольствием и хозяйственно-вещевым имуществом за счет местных ресурсов.

Кроме того, 14 мая 1944 г. танковая колонна «Смерть немецким захватчикам», построенная на средства трудящихся Кабардино-Балкарии, была передана войскам 2-го Украинского фронта. В письме командующего танковой армии генерал-майора А. Радзиевского и члена Военного совета генерал-майора П. Латышева обкому ВКП(б) от 18 сентября 1944 г. отмечалось, что «...ваша танковая колонна представляет одно из замечательных выражений дружбы, единства, общности нашего народа, помочь Красной Армии в разгроме врага». В другом письме командира воинской части гвардии полковника Фещенко и начальника политотдела подполковника Калугана обкому ВКП(б) и Совнаркому КАССР от 4 октября 1944 г. сообщалось: «За короткий период боев танкисты нашей части на ваших танках уничтожили до 50 танков и самоходных орудий, сотни орудий и минометов и пулеметов, истребили более 2 тыс. солдат и офицеров врага. Бойцы, сержанты и офицеры нашей части заверяют вас, что они впредь будут беспощадно громить врага до счастливого дня окончательной нашей победы» [10, с. 408–413].

Всего за годы войны Кабардино-Балкария отправила на фронт 71 673 различных теплых вещей, 19 вагонов подарков. Населением республики было внесено в фонд обороны страны 160 580 566 руб. и 6176 тонн хлеба и др. [15 с. 71,72].

Большое значение в период войны имели также письма и обращения героев-земляков, удостоенных на фронте высоких правительственные наград. Эти письма, обращенные к землякам, содержали призыв большой, мобилизующей силы. Одним из первых из уроженцев Кабардино-Балкарии Байсултанов Алим Юсуфович, лейтенант, летчик морской авиации 16.09.1941 г. был награжден орденом Красного Знамени. В этой связи его земляки из с. Яникой направили ему письмо от 28.09.141 г.: «...Поздравляя с высокой правительенной наградой, ...мы от мала до велика, самоотверженно работаем своем колхозе. ...Желаем тебе и впредь также мужественно и бесстрашно расправляться с врагами, вероломно напавшими на нашу священную Родину».

В другом письме с фронта от 25.03.1942 г. комиссар А. Э. Шорин сообщал жене летчика В.А. Байсултановой: «...За проявленные мужество и отвагу в борьбе с немецкими захватчиками Алим награжден вторым орденом Красного Знамени. За своего мужа можете быть спокойны, он показывает чудеса своего летного искусства. Имя Алима знает вся страна, о нем говорит весь наш народ, им гордится Родина-мать...».

9 «Социалистическая Кабардино-Балкария». – 19 ноября, 1943.

Спустя семь месяцев, 23.10.1942 г., гвардии капитану Байсултанову А.Ю. было присвоено звание Героя Советского Союза. В июне 1943 г., в перерыве между боями, ему был предоставлен краткосрочный отпуск для поездки к семье. Находясь в отпуске, Алим Юсуфович своими глазами увидел содеянное фашистами. Наверное поэтому в своем письме трудящимся Кабардино-Балкарии от 26 июня 1943 г. он пишет не только о той радости, которую пережил от встречи с родными людьми, но и о том, какое чувство мести испытал: «... Эти дни останутся в памяти навсегда, как самые лучшие дни в моей жизни. Никогда не забыть мне волнующих встреч с родными, друзьями, знакомыми, с колхозниками и колхозницами горных селений, с трудящимися и учащейся молодежью Нальчика. ... Я видел развалины школы, в которой я учился, обломки разрушенных зданий на улицах селений и родного Нальчика. Я узнал о замученных фашистами мирных советских людях, стариках, женщинах и детях. То, что я увидел здесь, я никогда не забуду. Всегда будет звучать в моем сердце пламенный наказ Нади Хуламхановой, у которой фашисты убили 11 родственников. Я буду мстить фашистам за все их злодеяния. ... Прощаясь с вами, уезжая на фронт, я хочу напомнить вам и о ваших обязанностях к воинам Красной Армии. ... Мы стоим на пороге решающих боев с врагом, и Красной Армии потребуется теперь еще больше вооружения, боеприпасов, различного продовольствия. От вас, от вашей работы зависит снабжение Красной Армии всем необходимым для победы. ... А в том, что мы победим, – мы крепко уверены» [12, с. 35–39].

По воспоминаниям Василия Федоровича Голубева, Героя Советского Союза, командира 4-го гвардейского истребительного авиационного полка, А.Ю. Байсултанов погиб 23 сентября 1943 г. в неравном бою, но остался непобежденным, выполняя боевую задачу, не выпустил штурвал до последнего удара сердца...» [16, с. 72, 73].

Письмо с благодарностью и поздравления с наградой получила в июне 1943 г. жена летчика Ахмед-Хана Таловича Канкошева. Коллектив гвардейской авиа части писал: «Уважаемая Зулихан Хакяшевна, мы гордимся храбростью и воинской доблестью вашего мужа. Командование высоко оценило его боевые заслуги перед Родиной, наградив Орденом Красного Знамени». Спустя два месяца, 02.09.1943 г., за проявленный героизм и отвагу гвардии лейтенант А.-Х.Т. Канкошев был удостоен звания Героя Советского Союза. Колхозники колхоза «Дея» Кабардино-Балкарии, односельчане А.-Х. Т. Канкошева, поздравили его с высоким званием, отмечали в письме от 06.09.1944 г.: «...Большая радость поселилась теперь в наших сердцах. Каждый день мы узнаем о все новых огромных успехах нашей родной Красной Армии, о новых городах и селениях, навсегда освобожденных от немецко-фашистского ига. Мы рады, что в этих успехах есть частица трудов и твоих – верного сына кабардинского и балкарского народов. ... Мы принимаем все меры, чтобы в кратчайший срок восстановить разрушенное врагами общественное хозяйство, чтобы наша помочь фронту возрастила с каждым днем [12, с. 153–156]. Вскоре командование

предоставило А.-Х.Т. Канкошеву отпуск, он побывал на своей малой родине и затем 29 ноября 1943 г. опубликовал письмо в армейской газете «Крылья Советов». В нем он отмечал: «...Фашисты убили под Ленинградом моего старшего брата Шамаула, погибли сестры – Фатимат и Абчара. Мои товарищи написали письмо моему отцу Талу Эльмурзовичу, в котором поклялись отомстить врагу. ...И мне хочется сказать своим землякам: трудитесь сильнее, не жалея сил, а мы вас защитим» [12, с. 156–159]. По нашему мнению, указанное письмо было последним, так как А.-Х.Т. Канкошев пропал без вести во время боя в районе Керчи 28 декабря 1943 г.

Командиры воинских подразделений и бойцы направляли родным офицеров и красноармейцев письма, в которых сообщалось, как они служат и сражаются с врагом. Например, боевые товарищи майора В.С. Левченко – майор Джелилов и лейтенант Демин, в письме его жене от 12 декабря 1942 г. сообщали: «Уважаемая Надежда Ивановна! За образцовое выполнение командования при форсировании реки Днепр и проявленные при этом геройство ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Мы гордимся, что нашей частью командует майор Василий Сидорович Левченко». В этой связи земляки Баксанского района поздравили его с высокой правительственной наградой.

В ответном письме трудящимся Кабардино-Балкарии от 23 февраля 1944 г. майор Василий Сидорович, не только благодарили за поздравление, но и говорил о долге каждого человека своими делами приближать Победу: «Примите от меня, вашего земляка, горячий фронтовой привет и сердечную благодарность за поздравления по случаю присвоения мне высокого звания Героя Советского Союза. Заверяю своих земляков, что впредь я еще сильнее буду бить врага до полного его истребления. А вы, друзья работайте еще лучше Усиливайте помощь фронту, чтобы скорее пришел радостный час победы над врагом»¹⁰.

Весомым фактором поддержания высокого боевого духа красноармейцев были регулярные контакты бойцов со своей малой родиной – представителями партии, комсомола, советской власти, передовиками производства. Одна из таких встреч состоялась в селении Аушигер. На митинге 26 августа 1943 г. аушигерцы приняли письмо-обращение к Герою Советского Союза Кубати Локмановичу Карданову: «Сегодня в нашем колхозе большой праздник. Вместе с прекрасной новостью о взятии Харькова нам сообщили о том, что тебе, наш родной земляк присвоено звание Героя Советского Союза... Мы рады и горды тем, что ты воспитанник нашего селения, высоко держишь честь сына кабардино-балкарского народа. Мы рады, что вместе с тобой награжден твой боевой друг украинец Василий Колесник, семья, которого проживает в нашем колхозе. Ваши подвиги вдохновляют нас на еще более самоотверженный труд, обязывает нас работать, не покладая рук, на благо своего Отечества...».

В ответном письме от 8 октября 1943 г. Герой Советского Союза К.Л. Карданов писал: «... Сейчас Красная Армия гонит немецких захватчиков из пределов нашей Родины. Мы, воины Красной Армии, и вы, работники нашего тыла,

¹⁰ «Социалистическая Кабардино-Балкария». 12 декабря, 1943 г., 23 февраля, 1944 г.

делаем одно общее дело: куем победу над врагом. Своими точными ударами по врагу и героическим трудом в тылу мы вместе приближаем час окончательной расправы с ненавистным врагом...» [12, с. 170–172].

Чувство духовного единства укрепляли и письма от отдельных общественных организаций в адрес целых воинских частей. Так, от имени областной Кабардино-Балкарской комсомольской организации 11 июля 1942 г. комсомольские активисты Тлупов, Кеневич, Теунов, Кумыков, Атакуева, Евгажуков, обратились в письме к бойцам 115-й кавалерийской дивизии: «...Наша республика одной из первых в стране успешно справилась с весенним севом и перегоном скота на летние пастбища. Много примеров самоотверженной работы показали на полях и фермах ваши родные и близкие. ...Мы уверены, что вы будете мужественными и умелыми воинами, что не один из вас не проявит и тени страха перед врагом». В газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» от 11 июля 1942 г. был опубликован ответ комсомольцев 115-й кавдивизии. В письме указывалось: «Мы беспредельно рады успехам молодых патриотов и всех трудящихся республики, они вселяют в нас новые силы и воодушевляют на подвиги в борьбе с немецкими захватчиками. В то время как вы помогаете фронту, мы осваиваем грозную технику, чтобы обеспечить разгром врага на фронте...» [12, с. 84–88]. Следует отметить, что данные письма, не имеющие конкретного адресата, не подкрепленные личностью реального человека, как это было в предыдущих случаях, носили несколько казенный характер.

Таким же официальным языком написаны письма 115-й кавдивизии. В то же время, они представляют определенный интерес, поскольку позволяют проследить некоторые вехи истории этого подразделения. Командир 4 истребительного противотанкового дивизиона¹¹ 4 кавалерийского корпуса капитан Г. Гериев и зам. командира по политчасти капитан М. Наурузов в письме обкому партии и Совнаркому КБАССР от 8 января 1943 г. сообщали: «...Освобождение советскими войсками родного Нальчика нас воодушевило на новые боевые подвиги. ...Принимая непосредственное участие в наступательной операции в районе юго-восточнее Сталинграда, громя оккупантов на подступах города, мы знали, что бьем врага и на территории родного Кавказа. Сформированный дивизион, вместе с наступающими частями Красной Армии, в составе конного корпуса наносит врагу сокрушительные удары, сохраняя боевые традиции своих земляков—героев Отечественной войны» [11, с. 344, 345].

¹¹ В соответствии с приказом войск 51-й армии от 15.10.1942 г. из уцелевших подразделений 115-й кавдивизии были сформированы «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус». Истребительно-противотанковый дивизион под командованием капитана Г.В. Гериева в составе 4-го кавалерийского полка (командир – генерал-лейтенант Т.Т. Шапкин) принимал участие в Сталинградской битве.

В апреле 1943 г. 4-й кавалерийский корпус был расформирован, а его личный состав передан в 7-й гвардейский кавалерийский корпус. При передаче корпуса не были сохранены структуры частей и подразделений корпуса. Личный состав отдельного истребительно-противотанкового дивизиона был распределен по дивизиям 7-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Спустя семь месяцев командир подразделения 7-го гвардейского кавалерийского корпуса А.Ф. Скороход¹² в письме от 27 июля 1943 г. трудящимся Кабардино-Балкарии отмечал: «На днях вручены ордена и медали бойцам и командирам нашего подразделения, награжденным за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте: Бозиеву, Мисирову, Гызыеву, Казанчеву, Наурузову, Хохлачеву и др. ... Приложите все силы, чтобы разбойничий следы погромов фашистов ликвидировать быстро [12, с. 149–150].

В целом, анализируя фронтовые письма, следует отметить, что они просты и правдивы. Воин, взявши в руки карандаш, не всегда придавал значение подробностям, деталям или стилю изложения. Он был озабочен лишь одним – открыто, от всей души, перед смертельным боем, откуда он может не вернуться, рассказать родным и близким о своих думах и переживаниях.

Во фронтовых письмах жгучая ненависть к агрессорам, готовность воинов сражаться с врагом до последнего вздоха, глубокая вера в окончательную Победу над оккупантами. Давая клятву верности народу, партии и Родине, фронтовики призывали своих родных, товарищей, всех, кто трудился в тылу, своим самоотверженным трудом крепить мощь родной Красной Армии, обороноспособность Советского государства, всеми силами содействовать разгрому гитлеровских захватчиков. В дни войны письма шли также и из тыла на фронт. Они несли солдатам, политработникам и командирам тепло и любовь родных и отчего края.

Тема подвига советского народа в Великой Отечественной войне нашла свое отражение в художественных произведениях уроженцев Кабардино-Балкарии, фронтовиков. Так, А.П. Кешоков в романе «Сломанная подкова» раскрывает героические и трагические страницы войны [9, с. 144]. Автор отмечает, что несмотря на трудности бойцы на фронте проявляли самоотверженность и героизм, однако после боев в районе с. Мартыновки Ростовской области из 115-й кавалерийской дивизии осталось только 365 человек.

В этой связи, начальник штаба М.С. Эхонин, анализируя боевые действия кавалерийской дивизии в районе Мартыновки, в своем дневнике отмечал: «Громадное численное превосходство, как в живой силе, так и в технике, несмотря на все упорство обороны, сделали свое дело – дивизия была, конечно, но как боевая единица перестала существовать. Возникает сам по себе вопрос, и он у нас всегда возникал, правильно ли мы были использованы. Надо ли было бросать дивизию против бронированного кулака, ведь мы все-таки дивизия – кавалерийская? Мартыновка оказалась не по нашей вине мышеловкой для дивизии, благодаря чему дивизия потеряла значительную личного состава, коней и материально-техническую часть. В этом, безусловно, вина командира корпуса и его штаба, которые, не имея самой должной разведки и не поставив задачи нам на разведку, поставили дивизию и 155 танковую бригаду под удар»¹³.

¹² Скороход А. Ф. до 15.10.1942. командир 115-й Кабардино-Балкарской дивизии.

¹³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 41, 50

По архивным данным в списке потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии числится 3019 человек¹⁴.

Тема Великой Отечественной войны занимает большое место и в творчестве К.Ш. Кулиева. В годы войны он был десантником-парашютистом, военным журналистом. Его очерки и стихи военных лет печатались в газетах «Сын отечества», «Правда», «Красная Звезда». В журналах «Знамя» и «Красноармеец» [17]. Позже он писал, что война была навязана нам, и в этих экстремальных условиях у людей должно было небывалое мужество, очень хотевших жить, но сражавшихся и погибавших за свою Родину. Настоящее мужество не нуждается в приукрашивании, считал поэт. Правдивое, полное изображение военного быта, мужества погибших в жестоких схватках – это долг не только перед живой современностью, но и перед будущим, перед историей: подвиг отцов, старших братьев должен стать примером для новых подрастающих поколений. «Трагическая правда» учит углубленному отношению к жизни, стойкости и нравственной чистоте», – пишет поэт в своей автобиографии [17, с. 449].

Память о войне является одной из ключевых тем в творчестве поэта-фронтовика К.С. Отарова. В своих стихах он писал о мужестве советского солдата, о величии его подвига, о народе, вставшем на его защиту, об огромной вере в победу над противником и призывал дать достойный отпор фашизму, чтобы и в будущем не было ему места на земле. («Мы победим» (1941), «Клятва» (1941), «Письмо фронту» (1941), «Жить!» (1942), «Красная Армия» (1944) [18, с. 40, 50, 52, 94].

Значительное количество произведений о войне написано фронтовиками, которых привела в литературу память о войне. Б.М. Карданов – один из них. Он командовал отдельной специальной ротой и стрелковым батальоном, был свидетелем и участником многих боевых операций, которые легли в основу его произведений [19, 20]. Автор объективно излагает все грани фронтовой жизни: героизм, психологию человека в экстремальной ситуации, предательство и подвиг, боевое братство.

Опираясь на свой богатый боевой опыт, о ратных подвигах летчиков рассказывает генерал-майор К.Л. Карданов. В своей книге «Полет к победе. Записки военного летчика» [21] он повествует о боевом пути 88-го Новороссийского истребительного полка, о товарищах по оружию, совместно с которыми громил врага на земле и в небе Украины, Северного Кавказа, Белоруссии, Польши и Германии. Достоинством книги является и то, что автор, наряду с впечатляющим показом героических подвигов летчиков на всех этапах боевого пути полка, не обошел вниманием и коллективный подвиг техников, механиков, оружейников, прибористов, которые обеспечивали постоянную боеготовность части, совершая порой чудеса трудового героизма. К.Л. Карданов также описывает нелегкий труд работников штаба полка, их вклад в обеспечение боевых действий и организацию фронтового быта однополчан.

14 ЦАМО Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1890.

О партизанском движении на территории Кабардино-Балкарии рассказывает в своем произведении А.В. Грудцина, которая служила в Нагорно-Зольском партизанском отряде 37-й армии Северо-Кавказского фронта. [22].

О боевом пути 317-ой Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии, которая формировалась на территории городов Моздока и Прохладного в книге «Герои – рядом» повествует В.Д. Лесев [23]. Дивизия прошла боевой путь от Курских высот Терского хребта до Будапешта и Австрийских Альп, участвовала в разгроме милитаристской Японии. В.Д. Лесев является также автором многих очерков и рассказов, повествующих о судьбах фронтовиков – уроженцев Кабардино-Балкарии.

Налоев А.Х., командир роты, капитан рассказывает о своем боевом пути, осмысливая трагические последствия войны. Особо акцентирует он внимание на проблеме духовных утрат и обретений, связанных с ней [24].

В книге фронтовика М.И. Казьмина «О тех, кто боролся за будущее» [25] повествуется о тех, с кем он воевал. Воспоминания проникнуты правдивостью и глубоким уважением к фронтовикам, перенесшим неимоверные лишения и невзгоды, не жалевших своих сил и самой жизни в борьбе с агрессором.

Особый интерес представляют книги «Боевая слава Кабардино-Балкарии» (в 6 кн.), «Золотые Звезды Кабардино-Балкарии», «Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», написанные учеными, журналистами, писателями. [26, 27, 28]. В указанных изданиях были опубликованы более 1220 очерков о боевом пути воинов, призванных из Кабардино-Балкарии.

Отдельные книги посвящены жизни и боевым подвигам воинов, удостоенных звания «Герой Советского Союза»: А.-Х.Т. Канкошеву [29], А.Ю. Байсултанову [16], Г.А. Кузнецова [30], М.М Уммаеву [31].

Всего за мужество и героизм в боях за Родину в Великой Отечественной войне уроженцы Кабардино-Балкарии награждены: званием «Герой Советского Союза» – 26 раз. Полными кавалерами ордена Славы стали – 5, кавалерами полководческих и флотоводческих орденов (А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Б.М. Хмельницкого, А.Я. Невского, Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова) – 52. Более 12 тыс. получили различные ордена и медали [28, с. 156,157].

Анализируя произведения писателей-фронтовиков Кабардино-Балкарии, следует отметить, что они создавались в русле основных тенденций, характерных для многонациональной литературы второй половины XX в. Стихи, рассказы, повести, романы были посвящены людям фронта и тыла, в них прославлялись мужество, патриотизм, интернациональное единство, достоинство и благородство советского народа, вынесшего на себе все тяготы войны, боевое братство во имя победы и мира на земле.

Солдатские письма – убедительное свидетельство силы морального духа и стойкости фронтовика, суровое и правдивое дыхание войны. Эти письма, с исчерпывающей полнотой отражают моральное и физическое состояние воинов,

защищавших Родину. Письма и обращения фронтовиков и тыла — это память о военном и трудовом подвиге, сплотившихся воедино для отпора захватчиков.

Таким образом, анализ содержания нарративных источников позволили оценить вклад Кабардино-Балкарии в общую победу народов Советского союза в годы Великой Отечественной войны и обобщить опыт партийных и государственных органов власти по обеспечению единства тыла фронта в экстремальных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сенявская Е.С. 1941-1945: Фронтовое поколение: Ист.-психол. исслед. – М.: ИРИ, 1995. – 218 с
2. Гречко А.А. Битва за Кавказ. – М: Воениздат, 1969. – 563с.
3. Захаров Ф.В., Романов И.В. Плечом к плечу. Повесть-хроника. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. – 195 с.
4. Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». – Орджоникидзе: ИР, 1975. – 176с
5. Гусев А.М. Эльбрус в огне. – М.: Воениздат, 1980. – 208с
6. Хатукаев А.Т. Славой овеянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – 239 с.
7. В огне закаленные: о боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. / Редкол.: К. Н. Керефов и др./. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 171с.
8. Катанчев Т.М. Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эльфа, 1999. – 220с
9. Кешоков А.П. Сломанная подкова: Роман / Авториз. пер. с кабардинского Вл. Солоухина / – М.: «Молодая Гвардия», 1973. – 528 с.
10. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (Сборник документов и материалов). – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.
11. Лики войны: Сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Сост. Р. М. Ашхотова и др./. Нальчик: Эльбрус, 1996. – 498 с

REFERENCES

1. Senyavskaya ES. 1941-1945: *Front-line generation: historical and psychological study [1941-1945: Frontovoye pokoleniye: Ist.-psikhol. issled.]*. Moscow: IRI, 1995. (In Russ.)
2. Grechko AA. *Battle for the Caucasus [Bitva za Kavkaz]*. Moscow: Military Publishing, 1969. (In Russ.)
3. Zakharov FV., Romanov IV. *Shoulder to shoulder. Chronicle story [Plechom k plechu. Povest'-khronika]*. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1962. (In Russ.)
4. Tyulenev IV. *The failure of operation "Edelweiss" [Krakh operatsii «Edel'veys»]*. Ordzhonikidze: IR, 1975. (In Russ.)
5. Gusev AM. *Elbrus on fire [El'brus v ogne]*. Moscow: Military Publishing, 1980. (In Russ.)
6. Hatukaev AT. *Full of glory. Combat path of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division [Slavoy oveyannyye. Boevoy put' 115-y Kabardino-Balkarskoy kavaleriyskoy divizi]*. Nalchik: Elbrus, 1985. (In Russ.)
7. *Tempered in fire: on the military affairs of the soldiers of the 115th Kabardino-Balkarian Cavalry Division [V ogne zakalennyye: o boevykh delakh voinov 115-y Kabardino-Balkarskoy kavaleriyskoy divizi]* / Editorial board: K. N. Kerefov et al. Nalchik: Elbrus, 1995. (In Russ.)
8. Katanchiev TM. *The truth about the division. On the history of the 115th Kabardino-Balkarian cavalry division [Pravda o divizii. K istorii 115-y Kabardino-Balkarskoy kavaleriyskoy divizi]*. Nalchik: Elfa, 1999. (In Russ.)
9. Keshokov AP. *Broken Horseshoe: Novel [Slomannaya podkova: Roman]* / Authorized translation from the Kabardian language by V. Soloukhin. M.: "Molodaya gvardiya", 1973. (In Russ.)

12. Письма огненных лет (сост. Е. Т. Хакуашев). Нальчик: Эльбрус, 1989. –256с
13. Тетуев А.И. Перестройка экономики Кабардино-Балкарии на военный лад и мобилизация всех ресурсов в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник ИГИ КБНЦ РАН. –2019. –№1. –С. 21–32
14. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика / – Нальчик: Эльбрус. В 6 т. Том 1., 2014. –448с.; Том II. 2015 –408 с.; Том III. 2015 – 424 с.; Том IV. 2016.– 424 с.
15. Тетуев А.И. Повседневная жизнь гражданского населения Кабардино-Балкарии в тылу в годы Великой Отечественной войны // Вестник ИГИ КБНЦ РАН. –2019.– № 2. –С. 61–73
16. Мизиев Т.С. Алим Байсултанов – легенда Балтики. – Нальчик: Эль-Фа, 2005.–269 с.
17. Кайсын Ш.К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. –463 с.
18. Отаров К.С. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 Стихотворения и поэмы. 1941–1945.– Нальчик: Эльбрус, 2012.–512 с.
19. Карданов Б.М. Комбат. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1991. –320 с.
20. Карданов Б.М. Память сердца. – Нальчик: Эльбрус, 1978. –382 с
21. Карданов К.Л. Полет к победе. Записки военного летчика. – Нальчик: Эльбрус, 2013.–224 с.
22. Грудцина А.В. Партизанская быль. – Нальчик, 1968. 178 с
23. Лесев В.Д. Герои – рядом. Нальчик: Эльбрус, 1985. –152 с
24. Налоев А.Х. Избранные произведения: В 3 т. Нальчик: Эльбрус, 1993. Т. 3: Роман, новеллы, статьи. Нальчик: Эльбрус, 1995. – 380 с.
25. Казьмин М.И. О тех, кто боролся за будущее. – Нальчик: Эльбрус. 1980. –283 с.
26. Боевая слава Кабардино-Балкарии: Очерки о героях Великой Отечественной войны 1941–1945. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во. В 6 кн. Кн. 1. 1965.– 399с.; Кн. 2. 1966. –661с.; Кн. 3, 1975. –585 с.; Кн. 4, 1980. –512 с.; Кн. 5, 1986.– 560 с.; Кн. 6, 1994.–640 с.
27. Опрышико О.Л. Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 2010. –168 с
10. Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Collection of documents and materials). Nalchik: Elbrus, 1975. (In Russ.)
11. Faces of War: Collected documents on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945) [Liki voyny: Sb. dok. po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)] / Comp. R.M. Ashkhotova et al. Nalchik: Elbrus, 1996. (In Russ.)
12. Letters of Fiery Years (compiled by E.T. Khakuashev) [Pis'ma ognennyykh let (sost. Ye.T. Khakuashev)]. Nalchik: Elbrus, 1989. (In Russ.)
13. Tetuev AI. Reorganization of the economy of Kabardino-Balkaria in a military fashion and mobilization of all resources in the initial period of the Great Patriotic War *Bulletin of the IGI KBNTS RAN*. 2019, №1: 21–32. (In Russ.)
14. Memory Book: Russian Federation. Kabardino-Balkarian Republic [Kniga Pamyati: Rossiyskaya Federatsiya. Kabardino-Balkarskaya Respublika]. Nalchik: Elbrus. In 6 volumes. (In Russ.)
15. Tetuev AI. Everyday life of the civilian population of Kabardino-Balkaria in the home front during the Great Patriotic War [Povsednevnyaya zhizn' grazhdanskogo naseleniya Kabardino-Balkarii v tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny] *Bulletin of the IGI KBNTS RAS*. 2019, № 2: 61–73. (In Russ.)
16. Miziev TS. *The Baltic legend Alim Baysultanov [Alim Baysultanov – legenda Baltiki]*. Nalchik: El-Fa, 2005. (In Russ.)
17. Kaisyn SK. This is how trees grow [Tak rastet i derevo]. Moscow: Sovremennik, 1975. (In Russ.)
18. Otarov KS. Selected works: in 2 volumes. Vol. 1 Poems. 1941–1945 [Izbrannyye proizvedeniya: V 2 t. T. 1 Stikhhotvoreniya i poemy. 1941–1945]. Nalchik: Elbrus, 2012. (In Russ.)
19. Kardanov BM. Combat. Tales and stories [Kombat. Povesti i rasskazy]. Nalchik: Elbrus, 1991. (In Russ.)
20. Kardanov BM. Memory of the heart [Pamyat' serdtsa]. Nalchik: Elbrus, 1978. (In Russ.)
21. Kardanov KL. Flight to victory. Notes of a military pilot [Polet k pobede. Zapiski voyenno-go letchika]. Nalchik: Elbrus, 2013. (In Russ.)

28. Опрышко О.Л. Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Нальчик: КБИГИ, 2012. 116 с
29. Кауфов Х.Х. Орел умирает в полете: документальная повесть – Нальчик: Эльбрус, 2011. –206 с.
30. Эльберд М. (Э.Т. Мальбахов). Набирая высоту. – Нальчик: Эльбрус, 1971.–146 с.
- 31 Мухажир Уммаев. Статьи, очерки, воспоминания о Герое Советского Союза Мухажире Уммаеве. Литературные произведения Мухажира Уммаева, Документальные материалы / Составитель: Мизиев Т. С. – Нальчик: Эльбрус, 2015. –232 с.
22. Grudtsina AV. Partisan story [Partizanskaya byl']. Nalchik, 1968.
23. Lesev V.D. Heroes are nearby [Geroi – ryadom]. Nalchik: Elbrus, 1985.
24. Naloev A.H. Selected works: In 3 volumes [Izbrannyye proizvedeniya: V 3 t.]. Nalchik: Elbrus, 1993. Vol. 3: Novel, short stories, articles. Nalchik: Elbrus, 1995.
25. Kazmin M.I. About those who fought for the future [O tekhn, kto borolsya za budushcheye]. Nalchik: Elbrus, 1980.
26. The military glory of Kabardino-Balkaria: Essays on the heroes of the Great Patriotic War 1941-1945 [Boyevaya slava Kabardino-Balkarii: Ocherki o geroyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing. In 6 books.
27. Opryshko O.L. Gold stars of Kabardino-Balkaria [Zolotyye zvezdy Kabardino-Balkarii]. Nalchik: Elbrus, 2010.
28. Opryshko O.L. Cavaliers of military leadership and naval orders of the period of the Great Patriotic War of 1941-1945 [Kavalerii polkovodcheskikh i flotovodcheskikh ordenov perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.]. Nalchik: KBIGI, 2012.
29. Kaufov H.H. The eagle dies in flight: a documentary tale [Orel umirayet v polete: dokumental'naya povest']. Nalchik: Elbrus, 2011.
30. Elberd M. (E.T. Malbakhov). Gaining altitude [Nabiraya vysotu]. Nalchik: Elbrus, 1971.
31. Mukhazhir Ummaev. Articles, studies, memories of the Hero of the Soviet Union Mukhazhir Ummaev. Literary works of Mukhazhir Ummaev, Documentary materials [Stat'i, ocherki, vospominaniya o Geroye Sovetskogo Soyuza Mukhazhire Ummayeve. Literaturnyye proizvedeniya Mukhazhira Ummyeva, Dokumental'nyye materialy] / Compiled by: Miziev T.S. Nalchik: Elbrus, 2015.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020 г.

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163639-660>

Суханов Евгений Владимирович
к.и.н., научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
sukhanov_ev@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ СОЗДАНИЯ ФОРМ КУВШИНОВ У ДОНСКИХ АЛАН

Аннотация. Кувшины – наиболее многочисленная категория глиняной посуды на всех катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. Среди всех прочих видов салтово-маяцкой керамики кувшины характеризуются наибольшим разнообразием форм. Данная статья посвящена исследованию форм 211 кувшинов из шести катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры. Методология исследования основана на историко-культурном подходе к изучению форм глиняных сосудов, разработанном А.А. Бобринским и дополненном его современными последователями. Цель исследования – выделение массовых культурных традиций создания форм кувшинов на разных катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры, сравнение таких традиций у коллектиков, оставивших разные могильники и историко-культурная интерпретация различий между ними.

На основании сравнительного анализа традиций изготовления форм кувшинов, изученные памятники удалось разделить на две группы. Ядро первой группы формируют Дмитриевский и Нижнелубянский могильники. По ряду признаков сходство с этими памятниками демонстрирует Подгоровский могильник. Вторую группу составили Старосалтовский, Рубежанский и Ютановский могильники.

Группировка могильников по традициям создания форм кувшинов полностью соответствует принадлежности этих памятников к одной из двух погребальных традиций салтово-маяцкой культуры, которые связаны, по мнению Г.Е. Афанасьева, с разными племенными группами донских алан. Таким образом, разные массовые традиции создания форм кувшинов, которые зафиксированы на салтово-маяцких катакомбных могильниках, имеют вполне конкретное культурно-историческое содержание. Такие традиции маркируют различия народов создания форм у гончаров из разных племенных групп алан, заселивших в середине – второй половине VIII века бассейн Среднего Дона, а также особенности представлений о внешнем облике посуды, бытовавшие в этих группах населения.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура; аланы; кувшины; историко-культурный подход.

ARCHAEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163639-660>

Evgenyi V. Sukhanov
PhD (History), Researcher
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
sukhanov_ev@mail.ru

CULTURAL TRADITIONS OF JUG SHAPES AMONG DON ALANS

Abstract. Jugs are the most extensive category of earthenware from catacomb burial grounds of the Saltovo-Mayaki culture. They have the greatest variety of shapes among others types of ceramics. The present article is devoted to the study of the 211 jug shapes from six catacomb burial grounds of the Saltovo-Mayaki culture. The methodology is based on the historical-and-cultural approach to the study of vessel shapes, developed by A. A. Bobrinsky and supplemented by his modern followers. The aim of the study is to emphasize specific cultural traditions of pottery manufacture in different catacombs of the Saltovo-Mayki culture, as well as to consider such traditions among other populations that left burial mounds, and compare their historical and cultural interpretation.

Based on the comparative analysis of traditions of jug shapes, the catacomb burial grounds studied here are divided into two groups. The core of the first group is formed by Dmitrievsky and Nizhnelubyansky burial grounds. Podgorovsky burial ground has many similarities with sites listed above. The second group consists of Starosaltovsky, Rubezhansky and Yutanovsky burial grounds.

The grouping of burial grounds based on the traditions of jug shapes is fully consistent with their belonging to one of the two burial traditions of the Saltovo-Mayaki culture, which, according to G.E. Afanasyev, associated with different tribal groups of the Don Alans. Thus, different mass traditions of jug shapes, recorded in the Saltovo-Mayaki catacombs, have quite specific cultural and historical content. Such traditions indicate the skill differences among potters from different Alan tribal groups who settled in the middle – second half of the 8th century in the Middle Don basin, as well as the peculiarities of ideas about the exterior of vessels that existed in these communities.

Keywords: Saltovo-Mayaki culture; Alans; jars; historical-and-cultural approach.

Постановка проблемы

Кувшины – наиболее многочисленная категория глиняной посуды в катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры [1, с. 45]. Среди всех категорий лощеной посуды кувшины характеризуются наибольшим разнообразием форм. Исследователи неоднократно отмечали сложность морфологической классификации этого материала, что является следствием их разнообразия и «нестандартности» [1, с. 44-45; 2, с. 121]. Причины такого разнообразия форм лощеных сосудов пока остаются неизученными.

Основной задачей данного исследования является попытка выяснить, может ли отмеченное разнообразие форм кувшинов быть связано с разными гончарными традициями носителей салтово-маяцкой культуры.

Для решения этой задачи необходимо реконструировать конкретные культурные традиции создания таких форм сосудов, распространенных у донских алан. Хорошо известно, что кувшины – это наиболее массовая категория посуды в катакомбных могильниках по сравнению с кружками, кубышками или корчагами. Поэтому для выделения разных культурных традиций донских алан разумнее опираться именно на эту категорию посуды.

В статье рассматриваются два вопроса:

- 1) Выделение массовых культурных традиций создания форм кувшинов на разных катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры;
- 2) Сравнение этих культурных традиций у коллективов, оставивших разные могильники, и историко-культурная интерпретация различий между ними.

Источники и методика

В статье рассматриваются доступные автору материалы салтово-маяцких памятников, расположенных в долинах рек Северский Донец и Оскол. Это микрорегионы с наибольшей плотностью погребальных памятников салтово-маяцкой культуры в донской лесостепи. Здесь известно 8 катакомбных могильников. Из них в работе использованы материалы 6 (рис. 1), кроме Афоньевского и Верхнесалтовского могильников. На Афоньевском могильнике изучена только одна катакомба. Материалы Верхнесалтовского могильника в большинстве своем не доступны для полноценного изучения. Этот вопрос уже обсуждался в литературе [3, с. 82]. Верхнесалтовский археологический комплекс, расположенный на территории Харьковской области, включает несколько катакомбных некрополей. Так сложилось, что для изучения сегодня доступны в основном материалы относительно недавних раскопок, но в настоящее время это сделать невозможно. Некоторые катакомбы, раскопанные на Верхнесалтовском могильнике, благодаря усилиям В.С. Аксёнова, постепенно вводятся в научный оборот. Однако совершенно очевидно, что тот небольшой объем керамического материала, который

издан, недостаточен для того, чтобы делать на его основании какие-то историко-культурные выводы о таком огромном археологическом комплексе, которым является Верхний Салтов.

Источниковую базу данной работы составили 211 кувшинов, среди которых 134 из Дмитриевского, 26 из Нижнелубянского, 17 из Подгоровского, 15 из Ютановского, 10 из Старосалтовского и 9 из Рубежанского могильников. Большинство материалов изучалось по фотографиям и рисункам, сделанным автором статьи. По опубликованным рисункам изучались сосуды Старосалтовского и Рубежанского могильников в Харьковской области [4, 5].

При изучении лощёной глиняной посуды салтово-маяцкой культуры использована методика изучения форм глиняных сосудов, разработанная в рамках историко-культурного подхода [6].

В соответствии с этой методикой, для анализа используются строго фронтальные фотографии сосудов, в исключительных случаях – рисунки. На подготовительном этапе естественная асимметрия формы устраняется путем построения среднего контура для каждого сосуда. После этого каждый сосуд размечается на функциональные части. Для решения этой задачи на контуре сосуда нужно найти места приложения точечных усилий гончара, которые обеспечивают переход от одной части сосуда к другой. Поиск таких точек проводится с помощью круговых шаблонов разного диаметра.

После разметки сосудов начинается аналитический этап. В рамках используемой методики форма каждой функциональной части сосуда может характеризоваться двумя параметрами: общая пропорциональность и угол наклона боковой линии костяка. Общая пропорциональность отвечает за общее соотношение высотных и широтных параметров той или иной части сосуда. Вычисляется как соотношение высоты части к полусумме оснований. Угол наклона измеряется по наклону линии, проведенной между точками, выделяющими конкретную функциональную часть по левой, либо правой половине контура сосуда.

В этой статье я буду придерживаться тех процедур анализа, которые уже применялись мною при изучении материалов Дмитриевского [7] и Ютановского могильников¹. Опыт работы с формами лощеной посуды этих памятников показал, что для тулов и шеи кувшинов наиболее показательными являются различия по общей пропорциональности, а не по углам наклона. Обратная ситуация отмечена для плеча-предплечья – здесь наиболее существенными оказались различия не по общей пропорциональности, а по углам наклона.

Поэтому процедура анализа в этом исследовании включает определение: 1 – общей пропорциональности (далее – ОПП) каждого сосуда в целом по ступеням качеств. ОПП всего сосуда представляет собой соотношение высоты сосуда к его максимальному диаметру; 2 – ОПП тулов и шеи кувшинов; 3 – углов наклона боковой линии костяка плеча-предплечья кувшинов.

Все эти параметры анализируются по ступеням универсальной шкалы качеств, разработанной Ю.Б. Цетлиным [6, таб. 2, 3]. Цель введения такой

1 Данные еще не опубликованы.

шкалы в практику изучения форм сосудов заключается в переводе количественных данных на язык качественных понятий. Использование такого инструмента позволяет решить сразу несколько задач. Во-первых, нивелировать роль случайных колебаний и ошибок измерений сосудов при оценке значимости различий по тем или иным параметрам². Во-вторых, шкала качеств обеспечивает возможность сопоставления данных по разным памятникам. Конкретные значения ступеней шкал качеств по ОПП и углам наклона представлены ниже, в аналитической части статьи (Таблицы 1, 2).

Основная задача всех проводимых процедур заключается в том, чтобы на основании сочетания указанных параметров выделить на каждом памятнике наиболее массовые и устойчивые традиции создания формы кувшинов.

Завершая описание методических аспектов, нужно сделать одно важное замечание. При изучении кувшинов из Дмитриевского и Ютановского могильников выяснилось, что наиболее ярким «маркером», позволяющим выделять разные культурные традиции, является ОПП туловы сосуда. Этот параметр показывает наиболее тесную связь с пропорциональностью всего сосуда, а также с пропорциональностью и углами наклона функциональных частей.

Поэтому сначала кувшины каждого могильника салтово-маяцкой культуры, которые анализируется в работе, были разделены на две группы по значениям ОПП туловы. Дальнейший анализ включал, во-первых, сравнение всех кувшинов между собой по ОПП сосуда в целом, углам наклона плеча-предплечья (П-ПП) и ОПП шеи отдельно в рамках каждого памятника; во-вторых, сравнение по этим параметрам кувшинов всех исследуемых памятников друг с другом.

Анализ

Первая группа информации, которую мы рассмотрим – это ОПП всего сосуда. Все изучаемые кувшины находятся в пределах значений 22–42 ступеней общей пропорциональности универсальной шкалы качеств (Таблица 1). Однако, каждый из могильников имеет свои особенности.

Таблица 1. Шкала качеств, используемая при анализе ОПП [6, табл. 2].

Table 1. Quality scale used in the analysis of general proportionality [6, tab. 2].

Диапазон в абсолютных значениях	№№ ступени
0,2738 – 0,2973	22
0,2974 – 0,3254	23
0,3255–0,3534	24

² Например, если 5 раз измерить общую пропорциональность одного и того же сосуда (соотношение его высоты к максимальному диаметру), мы, скорее всего, получим пять разных значений. При мерно такой же результат мы получим, если измерения будут проводить разные исследователи. Тем не менее, полученные значения будут весьма близки друг другу. Если мы переведём эти значения на уровень качественных понятий, то все они, вероятнее всего, окажутся соответствующими одной конкретной ступени такой теоретической шкалы.

0,3535–0,3869	25
0,3870–0,4203	26
0,4204–0,4602	27
0,4603–0,5000	28
0,5001–0,5473	29
0,5474–0,5946	30
0,5947–0,6508	31
0,6509–0,7069	32
0,7070–0,7738	33
0,7739–0,8406	34
0,8407–0,9203	35
0,9204–1,0000	36
1,001–1,094	37
1,095–1,188	38
1,189–1,301	39
1,302–1,413	40
1,414–1,547	41
1,548–1,681	42

Дмитриевский могильник (рис. 2, 1). На ступенях 33, 35–38 преобладают кувшины с «низким» туловом – 71 сосуд. Кувшинов со «средним/низким» туловом здесь почти в два раза меньше – 36 сосудов. На более высоких ступенях ОПП, в частности, №№ 39–40, соотношение этих двух групп кувшинов противоположное. Здесь доминируют кувшины со «средним/низким» туловом, причем их преобладание почти трёхкратное.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что для кувшинов с «низким» и «средним/низким» туловом характерна разная ОПП всего сосуда. Для первых это ОПП ступеней 37–38, для вторых ОПП ступени 39, на которую приходится выраженный пик распределения.

Нижнелубянский могильник (рис. 2, 2). На ступенях 36–38 преобладают кувшины с «низким» туловом – 8 сосудов. Кувшинов со «средним/низким» туловом здесь всего 2. Обратное соотношение этих групп зафиксировано на ступенях 39–42. Здесь преобладают кувшины со «средним/низким» туловом – 9 сосудов. 4 кувшина с ОПП 39–42 обладают «низким» туловом.

Таким образом, для кувшинов с «низким» туловом наиболее характерная ОПП всего сосуда соответствует ступеням 36–38, а для кувшинов со «средним/низким» туловом ступеням 39–40.

Подгоровский могильник (рис. 2, 3). На этом памятнике почти все кувшины имеют «низкое» тулово. Большинство из них по ОПП всего сосуда занимают ступени 34–37, а один сосуд относится к ступени 38. Два кувшина со «средним/низким» туловом имеют гораздо более высокую ОПП и занимают ступень 40.

Старосалтовский могильник (рис. 2, 4). Все кувшины с этого памятника имеют «среднее/низкое» тулово. По 2 сосуда относятся к ступеням 38 и 41, 4 сосуда относятся к ступени 39.

Рубежанский могильник (рис. 3, 1). Из 8 кувшинов этого могильника, 6 имеют «низкое» тулово, причем, 5 из 6 таких сосудов относятся по своей ОПП к ступени 39. Один сосуд соответствует ступени 37. О кувшинах со «средним/низким» тулом, из-за малого их количества, ничего определенного сказать нельзя. Один такой сосуд занимает ступень 39, другой – ступень 40.

Ютановский могильник (рис. 3, 2). Большинство кувшинов из этого памятника имеют «низкое» тулово. По два сосуда относятся к ступеням 36, 37 и 39. Весьма условный максимум, на который приходится 4 кувшина, наблюдается на ступени 38. Кувшины со «средним/низким» тулом расположены на ступенях 39 и 40 – по 2 сосуда на каждой из них.

Подведем итог по данному этапу анализа. На уровне различий по ОПП всего сосуда некоторые сравниваемые памятники проявляют определенное сходство.

Прежде всего, это Дмитриевский и Нижнелубянские могильники. Во-первых, на обоих памятниках сильно выражены различия по ОПП всего сосуда между кувшинами с «низким» и кувшинами со «средним/низким» тулом. Во-вторых, очень близки конкретные границы этих различий. И в Дмитриевском, и в Нижнелубянском могильниках для кувшинов с «низким» тулом наиболее характерна ОПП ступеней 36–38, а для кувшинов со «средним/низким» – ОПП ступеней 39–40.

Вторая группа памятников включает Старосалтовский, Рубежанский и Ютановский могильники. Хотя объем материала из этих могильников гораздо более скромен, в отношении них можно отметить две особенности.

Первая состоит в том, что здесь заметно выраженное преобладание только одной группы кувшинов. На Рубежанском и Ютановском это кувшины с «низким» тулом. На Старосалтовском это кувшины со «средним/низким» тулом, причем кувшинов с «низким» тулом здесь нет вообще.

Вторая особенность состоит в отсутствии явной связи разных ступеней ОПП тулова со ступенями ОПП всего сосуда. Например, если в первой группе могильников (Дмитриевка-Нижние Лубянки) ступень 39 характерна в основном для «среднего/низкого» тулова, то здесь на неё приходится пик как у сосудов с «низким» (Рубежанский), так и со «средним/низким» тулом (Старосалтовский). Возможно, отсутствие здесь строгой взаимосвязи связано с небольшим объемом материала.

«Промежуточное» положение занимает Подгоровский могильник. Доминирование одной группы кувшинов – с «низким» тулом – сближает этот памятник со второй группой. Однако ступени ОПП, которые имеют большинство таких сосудов, более характерны для Дмитриевского и Нижнелубянского могильников.

Теперь проведём такое же сравнение памятников по традициям создания формы плеча-предплечья (далее – П-ПП)³. Как и в предыдущем случае, отметим, что диапазон вариаций наклона боковой линии этой обобщенной функциональной части находится в интервале от 21 до 28 ступени (Таблица 2).

Таблица 2. Шкала качеств, используемых при анализе углов наклона [6, табл. 3].

Table 2. Scale of qualities used in the analysis of the angles [6, tab. 3].

Угол наклона	Абсолютные значения	№№ ступени
Очень слабый	100–103°	21
	104–107°	22
Слабый	108–112°	23
	113–117°	24
Средний/слабый	118–123°	25
	124–129°	26
Средний	130–135°	27
	136–142°	28

Дмитриевский могильник (рис. 4, 1). На ступенях 22–25 сильное преобладание имеют кувшины с «низким» туловом. На ступени 26 соотношение «низкого» и «среднего/низкого» турова примерно равное. От ступени 27 и выше преобладают кувшины со «средним/низким» туловом. Таким образом, для кувшинов с «низким» туловом более характерен угол наклона П-ПП 22–25 ступеней, а для кувшинов со «средним/низким» – 27 ступени и выше.

Нижнелубянский могильник (рис. 4, 2). Зафиксировано некоторое сходство с Дмитриевским могильником. На ступенях 24–25 представлены кувшины только с «низким» туловом. На ступенях 26–28 кувшинов с «низким» туловом всего 3, зато кувшинов со «средним/низким» туловом 14 экземпляров.

Подгоровский могильник (рис. 4, 3). Как уже отмечалось, на этом памятнике доминирует группа кувшинов с «низким» туловом. У большинства сосудов углы наклона П-ПП приходятся на ступени 25 и 26. Несколько сосудов соответствуют ступени 24.

Старосалтовский могильник (рис. 4, 4). Все кувшины здесь имеют «среднее/низкое» тулово. У 7 сосудов угол наклона П-ПП соответствует ступени 25. По одному сосуду относятся к ступеням 26 и 27.

Рубежанский могильник (рис. 5, 1). Здесь что-то определенное можно сказать только о кувшинах с «низким» туловом, так как именно эта группа сосудов доминирует на памятнике. Два кувшина по углу наклона относятся к 25 и 4 кувшина к 26 ступени.

³ Здесь и далее это понятие обобщает три функциональные части, которые могут находиться в структуре сосуда выше турова – предплечье (угол наклона до 120°), плечо/предплечье (121–129°) и плечо (более 130°) [6].

Ютановский могильник (рис. 5, 2). Кувшины с «низким» туловом показывают распределение, близкое к нормальному: по 3 сосуда относятся к ступеням 25 и 27, 5 сосудов – к ступени 26. Большинство кувшинов со «средним/низким» туловом (3 из 4 сосудов) соответствуют 25 ступени, а один – 27 ступени.

По итогам данного этапа анализа можно отметить сходства некоторых памятников. Выделяется пара Дмитриевский – Нижнелубянский могильники.

На этих памятниках кувшины с «низким» туловом чаще всего имеют угол наклона П-ПП, соответствующий ступеням 24–25, а кувшины со «средним/низким» туловом – ступеням 26–28 или 27–28. К Дмитриевскому и Нижнелубянскому тяготеет и Подгоровский могильник. У кувшинов с «низким» туловом в Подгоровском могильнике значительная часть сосудов имеет угол наклона П-ПП, соответствующий 25 ступени.

Есть сходство между Старосалтовским, Рубежанским и Ютановским могильниками. Они демонстрируют, если можно так выразиться, противоположный вариант сочетания состояния тулов и угла наклона П-ПП. Для кувшинов с «низким» туловом более характерно П-ПП ступени 26, а у кувшинов со «средним/низким» туловом чаще всего встречается П-ПП ступени 25.

Различие между двумя обозначенными группами памятников выглядит ещё более существенным, если сравнить их по абсолютным значениям угла наклона П-ПП (рис. 6)⁴. При сравнении кувшинов с «низким» туловом образуются две пары (рис. 6, 1). Первая – Рубежанский и Ютановский могильники. Интервал наиболее плотного распределения значений находится примерно в пределах 124/125 – 132/134°. Вторая пара памятников – Нижнелубянский и Подгоровский могильник. Здесь интервал наиболее плотного распределения значений находится примерно в пределах 114/115 – 125/126°. Если сравнить памятники по углам наклона П-ПП у кувшинов со «средним/низким туловом» (рис. 6, 2), то хорошо видны различия между парой Старосалтовский–Ютановский и Нижнелубянским могильником. В Нижних Лубянских наибольшая плотность значений приходится на интервал 124–140°, а в Старом Салтове и Ютановке на интервал 117–124°.

Теперь проведём такое же сравнение памятников по традициям создания у кувшинов такой функциональной части как шея.

Дмитриевский могильник (рис. 7, 1). Кувшины с «низким» туловом имеют два максимума распределения значений ОПП шеи. Первый приходится на ступени 29–31, второй – примерно на ступени 33–34. Кувшины со «средним/низким» туловом демонстрируют похожее распределение значений, здесь тоже можно выделить два «блока» в рамках тех же ступеней. Таким образом, на основании полученных данных невозможно выделить интервалы ОПП шеи, характерные для кувшинов с «низким» и «средним/низким» туловом.

⁴ На этом графике не приведены данные по Дмитриевскому могильнику.

Нижнелубянский могильник (рис. 7, 2). Здесь ситуация повторяет картину, зафиксированную в Дмитриевском могильнике. По плотности распределения на диаграмме выделяются два массовых «сгустка», расположенных на ступенях 31–34 и 36–38. Однако в рамках каждого из них мы видим примерно равное соотношение кувшинов с «низким» и «средним/низким» туловом.

Подгоровский могильник (рис. 7, 3). Среди кувшинов с «низким» туловом наибольшая плотность распределения значений приходится на интервал ступеней 26–27 и 29–31. У четырех кувшинов более высокая шея: по одному сосуду приходится на ступени 32, 33, 34, 35. Кувшины со «средним/низким» туловом, представленные на этом памятнике двумя экземплярами, имеют шею 33 и 35 ступеней ОПП.

Старосалтовский могильник (рис. 7, 4). Здесь представлены только кувшины со «средним/низким» туловом. Наиболее характерная для них ОПП шеи соответствует ступеням 33 и 34. По одному сосуду приходится на ступени 28, 31 и 35.

Рубежанский могильник (рис. 8, 1). На этом памятнике показательны данные по кувшинам с «низким» туловом, которые здесь преобладают. Большинство сосудов обладают шеей 38 и 39 ступеней ОПП.

Ютановский могильник (рис. 8, 2). Для кувшинов с «низким» туловом наибольшая плотность значений ОПП шеи приходится на ступени 34–37. Здесь находятся 8 из 10 таких сосудов. Для кувшинов со «средним/низким» туловом сложнее выделить наиболее характерную ОПП шеи. При этом нужно отметить, что 3 из 4 таких сосудов находятся в интервале, который не характерен для кувшинов со «средним/низким» туловом – это ступени 27 и 33.

По итогам проведенного этапа анализа можно сделать вывод о различиях традиций создания шеи у кувшинов в материалах разных могильников салтово-маяцкой культуры. На основании сходства в этих традициях выделяются две группы памятников.

К первой группе, как и в предыдущих случаях, относится пара Дмитриевский и Нижнелубянский могильники. Их объединяет отсутствие существенных различий в ОПП шеи между кувшинами с «низким» и «средним/низким» туловом. Ко второй группе относятся Старосалтовский, Рубежанский и Ютановский могильники. Несмотря на небольшой объем материала из этих памятников, здесь фиксируются очевидные различия двух рассматриваемых групп сосудов по ОПП шеи. Для кувшинов со «средним/низким» туловом наиболее характерной оказалась относительно более низкая шея, соответствующая по ОПП ступеням 27 и 33–34, а для кувшинов с «низким» туловом – шея, соответствующая 34 и 36–38 ступеням.

Подгоровский могильник, на котором кувшины с «низким» туловом обладают шеей, преимущественно относящейся к ступеням 26–31, нельзя отнести ко второй группе. У кувшинов с «низким» туловом из Рубежанского и Ютановского могильников шея соответствует 34 и 36–38 ступеням по ОПП, что гораздо выше, чем в Подгоровском. Поэтому у Подгоровского могильника больше сходств с Дмитриевским и Нижнелубянским, где у кувшинов с «низким»

туловом такая шея встречается достаточно часто. При этом нужно заметить, что в целом в Дмитриевском и Нижнелубянском могильниках диапазон ОПП шеи у кувшинов с «низким» туловом гораздо шире.

Теперь, после рассмотрения всего комплекса конкретных данных о форме кувшинов из разных могильников, можно обратиться к их более полному сравнительному анализу.

Обсуждение

Сравнение традиций создания форм кувшинов, происходящих из разных погребальных памятниках донских алан, позволяет выявить две группы катакомбных могильников (Таблица 3).

«Ядром» первой группы являются Дмитриевский и Нижнелубянский могильники. Эти памятники показали устойчивое сходство традиций создания форм кувшинов на всех этапах анализа. Их отличают следующие черты:

- у кувшинов с «низким» туловом ОПП всего сосуда соответствует 36–38 ступеням, а угол наклона П-ПП 24–25 ступеням;
- кувшины со «средним/низким» туловом относятся к 39–40 ступеням по ОПП всего сосуда и 26–28 ступеням по углу наклона П-ПП;
- кувшины с «низким» и «средним/низким» туловом не дифференцированы по ОПП шеи.

К Дмитриевско-Нижнелубянской группе тяготеет и Подгоровский могильник, кувшины которого показали большее сходство с традициями именно с этих памятников.

Вторая группа памятников включает Рубежанский, Старосалтовский и Ютановский могильники. Её отличают следующие черты:

- доминирование кувшинов только одного из рангов ОПП турова – либо с «низким» туловом, либо со «средним/низким» туловом;
- отсутствие выраженной связи разных вариантов ОПП турова с конкретными ступенями ОПП всего сосуда;
- у кувшинов с «низким» туловом наиболее характерен угол наклона П-ПП 26 ступени, а у кувшинов со «средним/низким» туловом более типична 25 ступень;
- дифференцированность кувшинов с «низким» и «средним/низким» туловом по ОПП шеи. Для кувшинов со «средним/низким» туловом наиболее характерной оказалась относительно более низкая шея, соответствующая по ОПП 27 и 33–34 ступеням, а для кувшинов с «низким» туловом – шея, соответствующая 34 и 36–38 ступеням.

Что стоит за выделенными группами – территориальная, хронологическая или этнокультурная близость памятников, вошедших в состав каждой из них?

Памятники, составляющие ядро первой группы, расположены в долинах разных рек: Дмитриевский могильник приурочен к Северскому Донцу,

а Нижнелубянский – к Осколу. То же самое можно сказать и о второй группе могильников. Рубежанский и Старосалтовский могильники расположены в Подонечье, а Ютановский находится в долине Оскола. Судя по этим данным, территориальный фактор вряд ли имеет решающее значение в объяснении сходства памятников по формам кувшинов. Безусловно, нельзя не отметить, что некоторые памятники второй группы – Рубежанский и Старосалтовский могильники – расположены рядом друг с другом. Но здесь важнее, что ни первая, ни вторая группы не показывают строгой приуроченности к одному из макрорегионов в донской лесостепи.

Что можно сказать в отношении датировки этих памятников? В первой группе ситуация такова. На Дмитриевском могильнике присутствуют погребальные комплексы, относящиеся ко всем этапам существования салтово-маяцкой культуры. Нижнелубянский и Подгоровский могильники, судя по элементам поясных гарнитур⁵, относятся в целом периоду конца VIII–IX вв. Что касается памятников второй группы, Рубежанский могильник относится ко второй половине VIII – началу IX вв. [5, с. 76], Старосалтовский ко второй половине VIII – первой половине IX вв. [4, с. 141], а Ютановский к концу VIII – началу/первой половине IX вв.

Таким образом, мы не можем сказать, что памятники первой и второй групп не синхронны друг другу. И в первой, и второй группах присутствуют комплексы, относящиеся к одним и тем же этапам существования салтово-маяцкой культуры. Это значит, что «хронологическая гипотеза» тоже не находит веских подтверждений.

В пользу третьей гипотезы свидетельствуют не только невозможность принять первые две, но и некоторые независимые данные.

Исследователи раннесредневековых древностей уже предпринимали попытки выделения разных этнокультурных групп в массиве погребальных памятников донских алан. На основании результатов исследования погребального обряда и отдельных категорий находок методами многомерного статистического анализа Г.Е. Афанасьев выделил у донских алан три устойчивые погребальные традиции. По его мнению, они могут указывать на существование в этом обществе трёх разных племенных групп [8, с. 91–92].

Первая такая традиция – Верхнесалтовско-Ютановская. По Г.Е. Афанасьеву эту традицию отличает 14 признаков. Перечислю здесь только наиболее значимые, с моей точки зрения, черты. Ритуал захоронения в соответствии с этой традицией отличается устройством более длинных и глубоких дромосов, более длинных, широких и высоких погребальных камер, положением всех умерших вытянуто на спине независимо от пола, относительно меньшим числом людей, похороненных в одной камере. Данную традицию

5 С материалами Нижнелубянского могильника я ознакомился по архивным данным, переданным мне Г.Е. Афанасьевым. Пользуясь случаем, выражая благодарность Г.Е. Афанасьеву за предоставленную возможность ознакомиться с этими находками. В раскопках и обработке материалов Подгоровского могильника мне довелось принять непосредственное участие.

характеризуют и некоторые особенности в вещевом инвентаре. Например, отсутствие сосудов в дромосе, относительно меньшее число сосудов в камере, высокий процент захоронений с кинжалами и поясными наборами, наличие в могилах, так называемых рогатых пряжек, а также некоторые другие черты.

Среди рассматриваемых в этой статье памятников, этой традиции целиком соответствует вторая группа могильников. Это, собственно, Ютановский, а также Рубежанский и Старосалтовский, которые были введены в научный оборот уже после выделения Г.Е. Афанасьевым разных погребальных традиций в катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры.

Вторая (по Г.Е. Афанасьеву) погребальная традиция донских алан – Дмитриевско-Нижнелубянская⁶. Она характеризуется более короткими и мелкими дромосами, менее длинными, широкими и высокими камерами, наличием различий по полу в позах погребенных (мужчины лежат вытянуто на спине, женщины – на боку), относительно большим числом людей, похороненных в одной камере, наличием сосудов в дромосах, относительно большим числом сосудов в камерах, отсутствием рогатых пряжек, низкой долей комплексов с поясными наборами, высоким процентом комплексов с луками, стрелами, саблями, а также некоторыми другими чертами.

Именно с этой погребальной традицией соотносится первая (Дмитриевско-Нижнелубянская) группа памятников, выделенная в данной работе. По обрядности к этой же погребальной традиции относится и Подгоровский могильник, показавший большее сходство по традициям создания кувшинов именно с Дмитриевским и Нижнелубянским могильниками, чем со Старосалтовским, Рубежанским и Ютановским.

Похожая группировка катакомбных могильников была получена З.Х. Албеговой по итогам специального анализа амулетов. В соответствии с результатами ее исследования, Верхнесалтовско-Ютановская традиция характеризуется преобладанием амулетов с солярной символикой. Для Дмитриевско-Нижнелубянской традиции характерны амулеты в виде клыков, когтей животных и их металлические подражания [9, с. 20].

Таким образом, отличия катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры по традициям создания форм кувшинов соответствуют различиям этих же памятников по погребальной обрядности и некоторым особенностям вещевого набора.

Заключение

Историко-культурные выводы. По итогам системного сравнительного анализа лощеных кувшинов удалось выделить две группы традиций (рис. 9). Первая группа выделена по сосудам Дмитриевского, Нижнелубянского и

⁶ Третья погребальная традиция, выделенная Г.Е. Афанасьевым – Маяцкая. Здесь о ней ничего нет, поскольку материалы Маяцкого комплекса не рассматриваются в этой работе.

частично Подгоровского могильников. Вторая группа традиций прослеживается по материалам Старосалтовского, Рубежанского и Ютановского могильников.

Группировка этих катакомбных могильников на основании гончарных традиций полностью соответствует отмеченным Г.Е. Афанасьевым различиям в погребальных обычаях человеческих коллективов, оставивших эти памятники.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что разные массовые культурные традиции создания форм кувшинов, которые зафиксированы по катакомбным могильникам салтово-маяцкой культуры, имеют вполне конкретное культурно-историческое содержание. Такие традиции отражают различия навыков создания форм сосудов у гончаров из разных, вероятно, племенных групп алан, заселивших в середине – второй половине VIII в. бассейн Среднего Дона, а также особенности представлений о привычном внешнем облике посуды, бытовавшие в этих группах населения.

Таким образом, выделенные группы традиций создания формы лощеных кувшинов связаны с конкретными человеческими коллективами, идентифицированными по независимым археологическим данным.

Методические выводы. Опыт работы с лощеной посудой салтово-маяцкой культуры, в том числе результаты этой статьи, показывают, что на каждом могильнике есть сосуды, сделанные в соответствии с массовыми традициями создания форм. Такие сосуды преобладают на памятнике.

Но при этом на каждом могильнике есть и сосуды, которые по тем или иным параметрам форм не соответствуют таким массовым традициям. Культурная интерпретация таких сосудов обычно вызывает проблемы. Такие формы могут, либо быть результатом смешения разных массовых традиций, либо являться образцами «импортной» посуды, сделанной носителями не массовых традиций.

Результаты этого исследования дают некоторые зацепки для более аргументированных интерпретаций подобных случаев. Сформулирован набор конкретных «признаков», характеризующих навыки создания форм кувшинов в рамках каждой из двух групп культурных традиций (Таблица 3).

На основании перечня таких признаков теперь можно различать формы кувшинов смешанных (для конкретного могильника) традиций от кувшинов, сделанных носителями традиций другой культурной группы населения. Это делает возможным заключения о сложности культурного состава коллектива, оставившего тот или иной могильник салтово-маяцкой культуры, именно на основании *форм* кувшинов. Появляется возможность более аргументированно фиксировать факты смешения традиций в рамках конкретного памятника и выстраивать на основании этих данных относительную хронологию сосудов и погребений.

Таблица 3. Сравнительная характеристика традиций создания формы кувшинов.

Table 3. Comparative characteristics of the jars shapes traditions.

	Кувшины с "низким" туловом	Кувшины со "средним/низким" туловом
<i>Первая группа традиций (Дмитриевский, Нижнелубянский м-ки)</i>		
Общая пропорциональность всего сосуда	Ступени 36–38	Ступени 39–40
Угол наклона плеча-предплечья	Ступени 24–25	Ступени 26–28
Общая пропорциональность шеи	Нет существенных различий. В целом \approx ступени 29–40.	
Общая пропорциональность всего сосуда	Нет существенных различий	
Угол наклона плеча-предплечья	Ступень 26	Ступень 25
Общая пропорциональность шеи	Ступени 34, 36–38	Ступени 27, 33–34

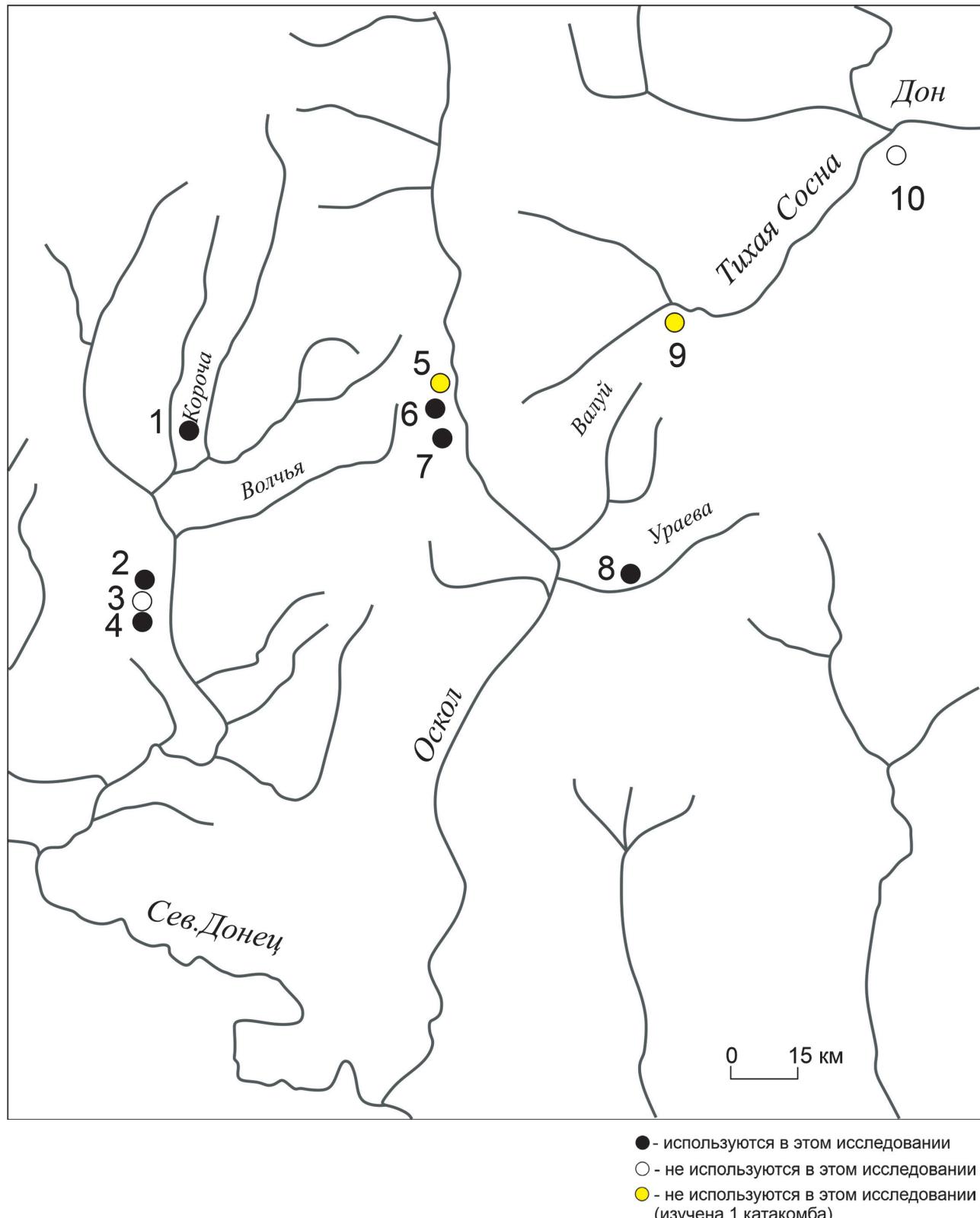

Рис. 1. Катакомбные могильники салтово-маяцкой культуры. 1 – Дмитриевский, 2 – Рубежанский, 3 – Верхнесалтовский, 4 – Старосалтовский, 5 – Афоньевский, 6 – Ютановский, 7 – Нижнелубянский, 8 – Подгоровский, 9 – Хуторецкий, 10 – Маяцкий.

Fig. 1. Catacomb burial grounds of Saltovo-Mayaki culture. 1 – Dmitrievsky, 2 – Rubezhansky, 3 – Verhnesaltovsky, 4 – Starosaltovsky, 5 – Afonyevsky, 6 – Yutanovsky, 7 – Nizhnelubyansky, 8 – Podgorovsky, 9 – Khutoretsky, 10 – Mayatsky.

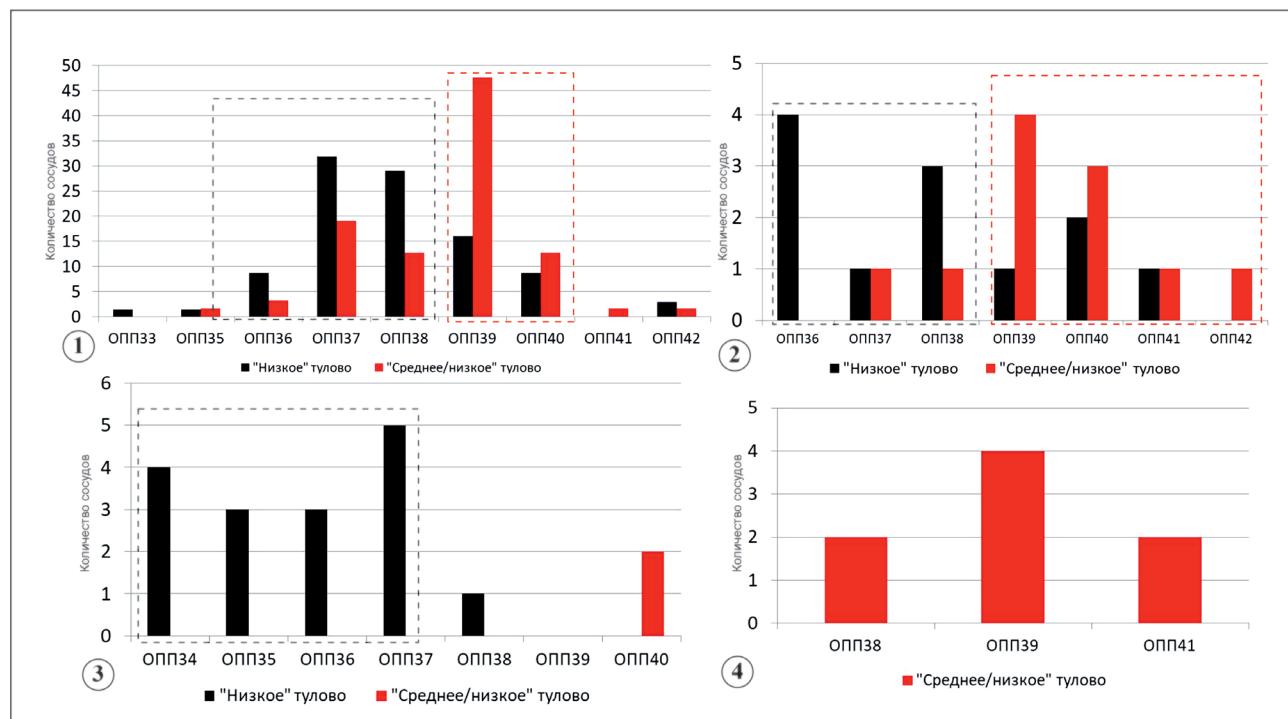

Рис. 2. Общая пропорциональность кувшинов.

1 – Дмитриевский могильник, 2 – Нижнелубянский могильник, 3 – Подгоровский могильник, 4 – Старосалтовский могильник.

Fig. 2. General proportionality of jars. 1 – Dmitrievsky burial ground, 2 – Niznelubyansky burial ground, 3 – Podgorovsky burial ground, 4 – Starosalтовsky burial ground.

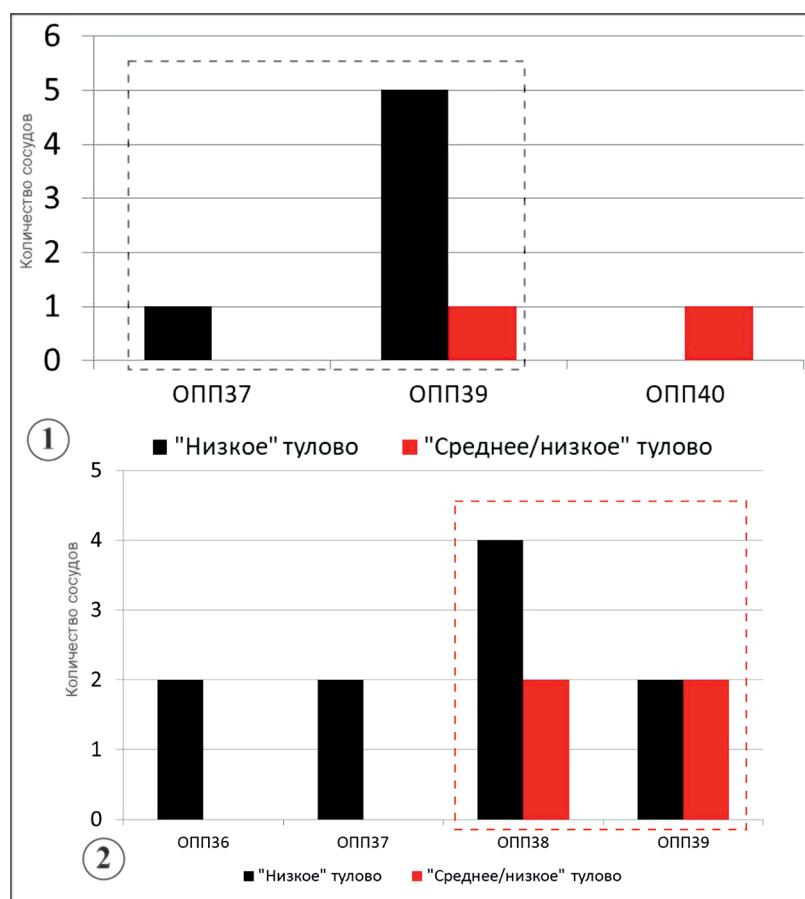

Рис. 3. Общая пропорциональность кувшинов.

1 – Рубежанский могильник,
2 – Ютановский могильник.

Fig. 3. General proportionality of jars.
1 – Rubezhansky burial ground,
2 – Yutanovsky burial ground.

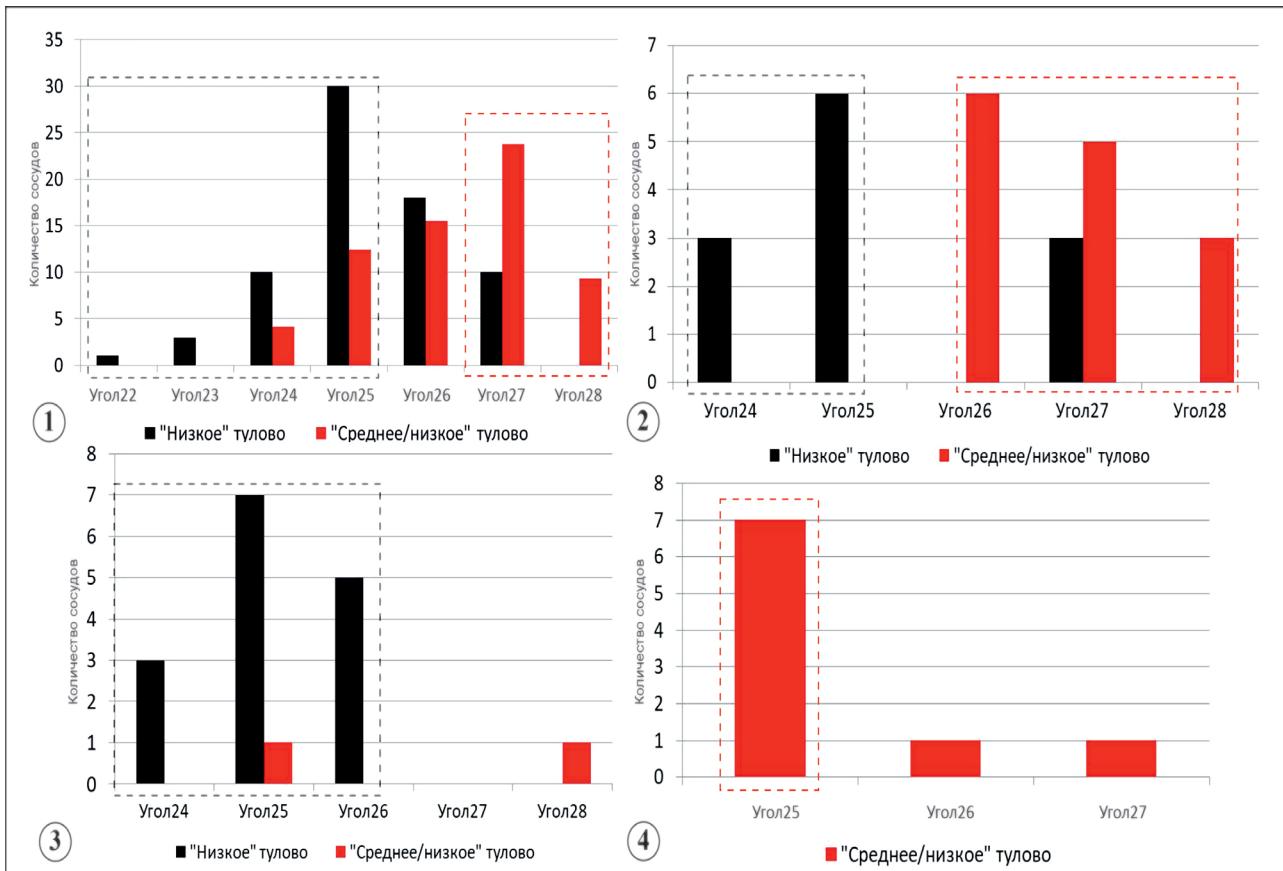

Рис. 4. Угол наклона плеча-предплечья кувшинов. 1 – Дмитриевский могильник, 2 – Нижнелубянский могильник, 3 – Подгоровский могильник, 4 – Старосалтовский могильник.

Fig. 4. Angle of shoulder-brachium of jars. 1 – Dmitrievsky burial ground, 2 – Nizhnelubyansky burial ground, 3 – Podgorovsky burial ground, 4 – Starosaltovsky burial ground.

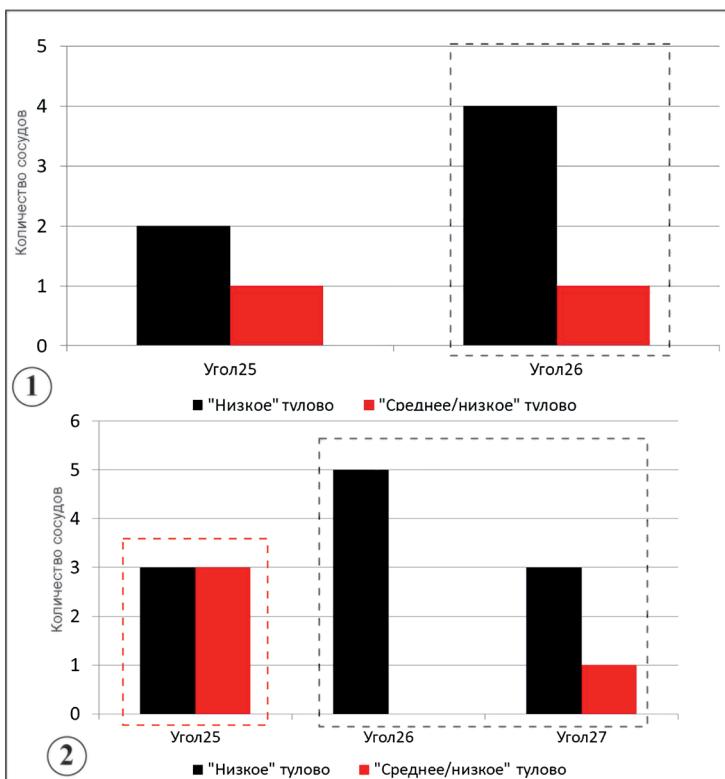

Рис. 5. Угол наклона плеча-предплечья кувшинов.

1 – Рубежанский могильник,
2 – Ютановский могильник.

Fig. 4. Angle of shoulder-brachium of jars.

1 – Rubezhansky burial ground,
2 – Yutanovsky burial ground.

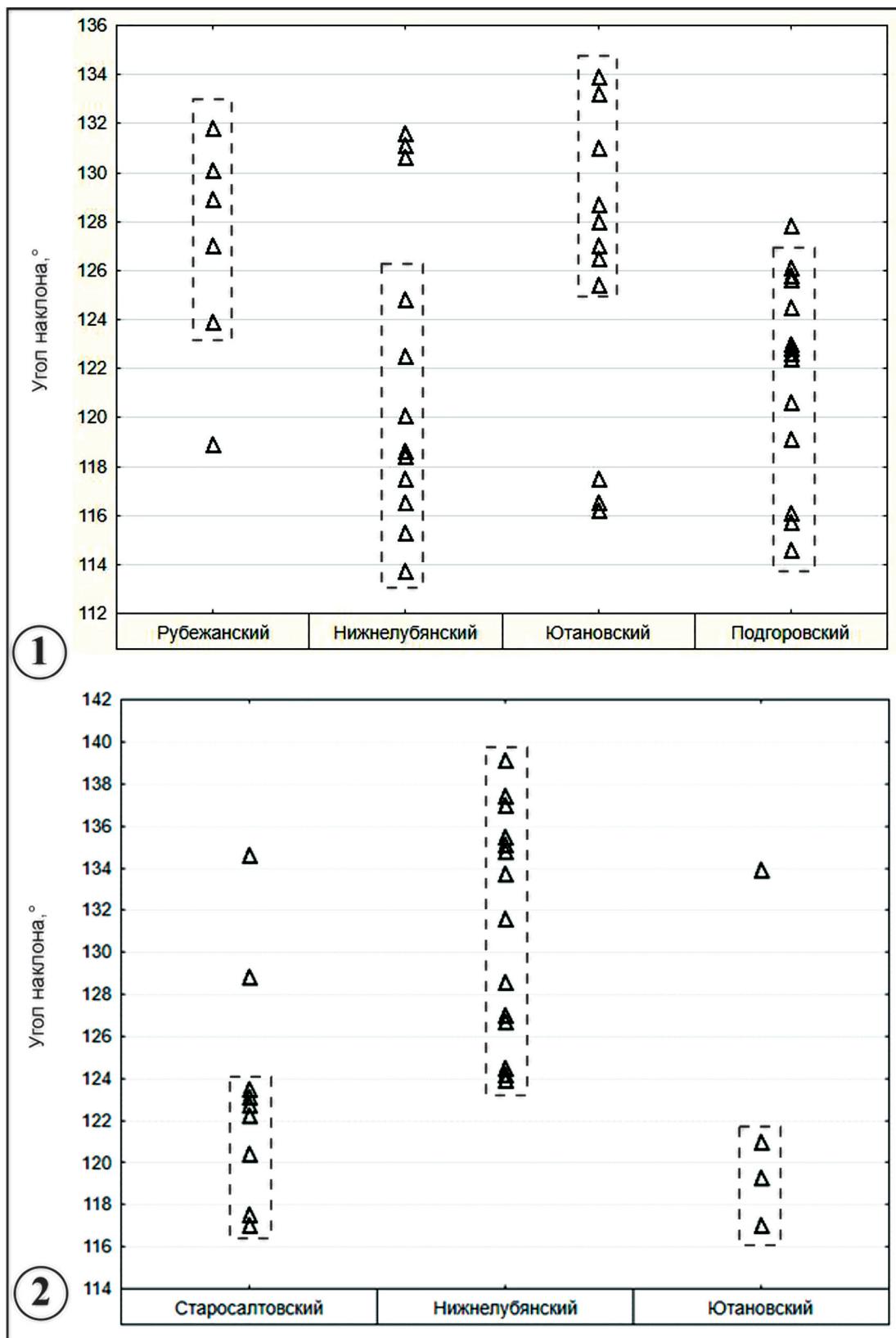

Рис. 6. Угол наклона плеча-предплечья кувшинов. 1 – кувшины с «низким» туловом, 2 – кувшины со «средним/низким» туловом.

Fig. 6. Angle of shoulder-brachium of jugs. 1 – jugs with a "low" body, 2 – jugs with a "medium/low" body.

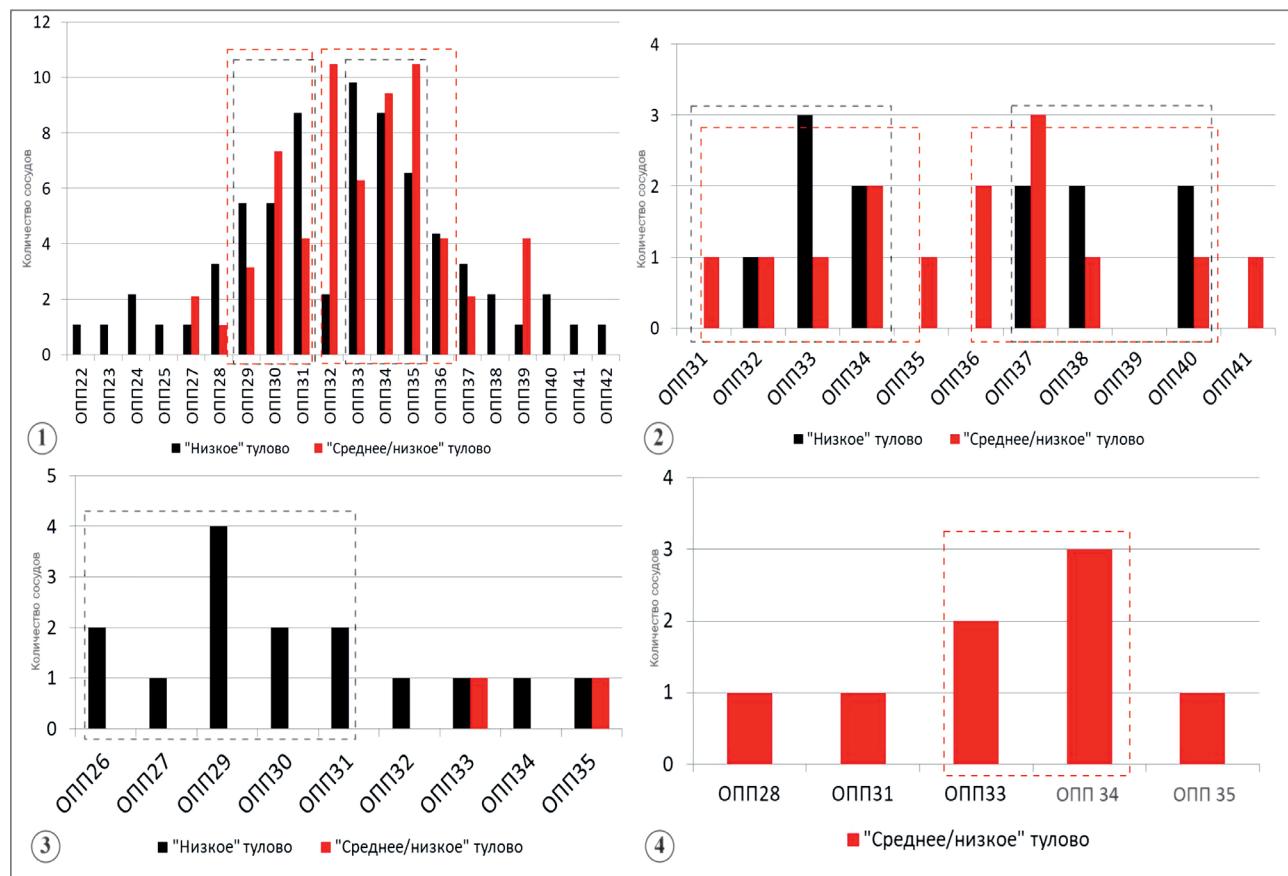

Рис. 7. Общая пропорциональность шеи кувшинов. 1 – Дмитриевский могильник, 2 – Нижнелубянский могильник, 3 – Подгоровский могильник, 4 – Старосалтовский могильник.

Fig. 7. General proportionality of neck of jars. 1 – Dmitrievsky burial ground, 2 – Nizhnelubyansky burial ground, 3 – Podgorovsky burial ground, 4 – Starosaltovsky burial ground.

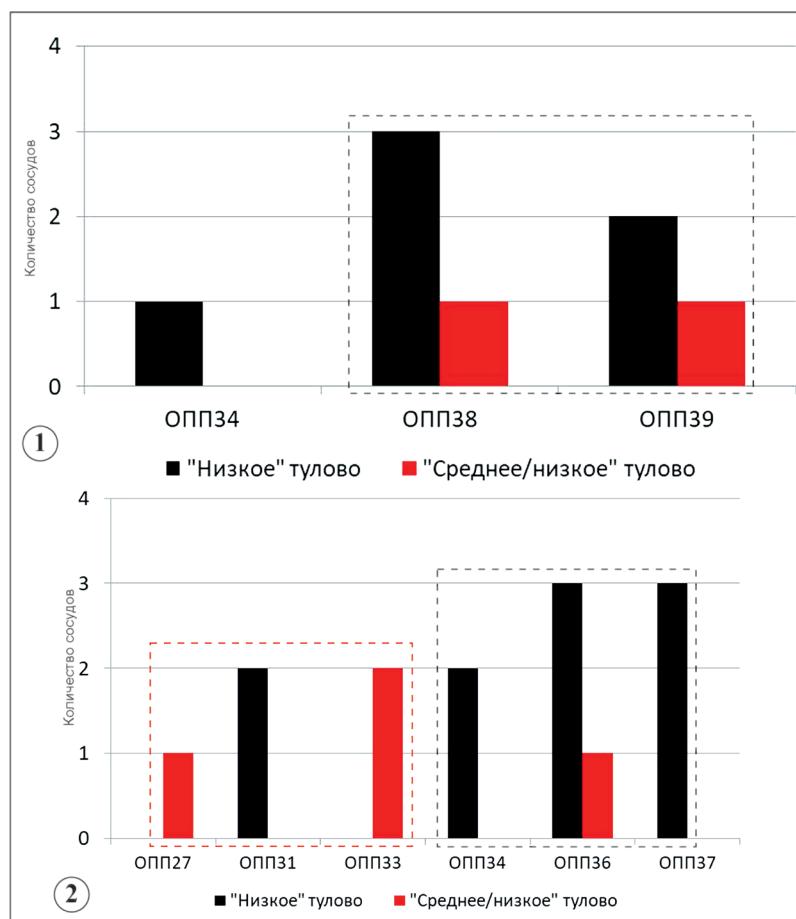

Рис. 8. Общая пропорциональность шеи кувшинов. 1 – Рубежанский могильник, 2 – Ютановский могильник.

Fig. 8. General proportionality of neck of jars. 1 – Rubezhansky burial ground, 2 – Yutanovsky burial ground.

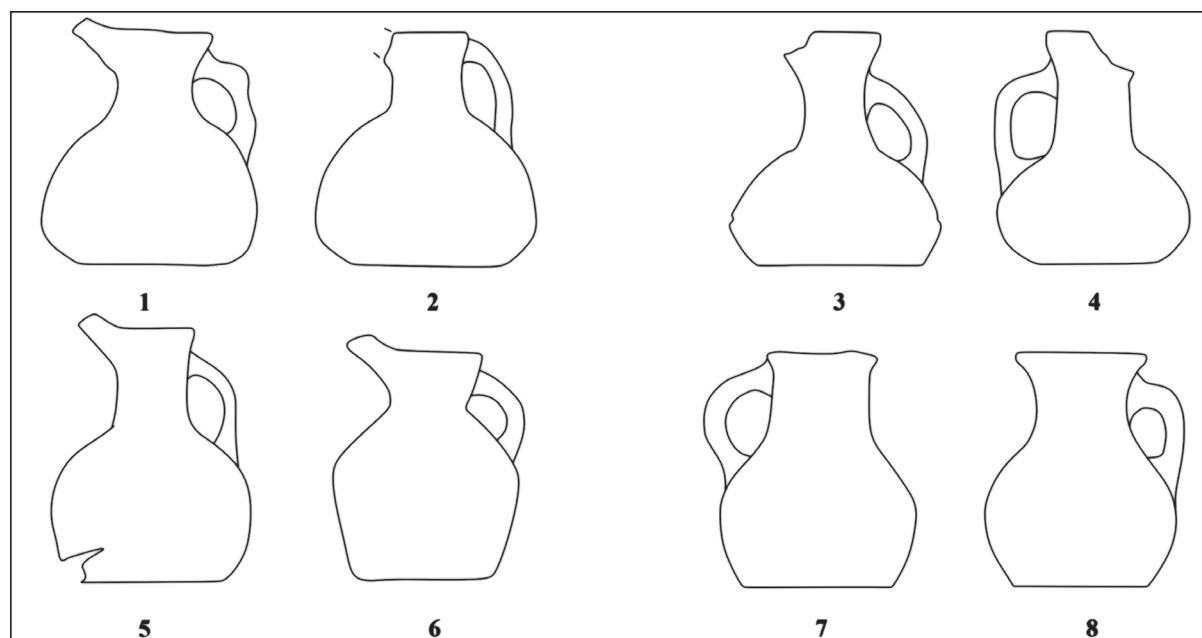

Рис. 9. Примеры разных традиций создания форм кувшина (без масштаба). 1, 2, 5, 6 – традиции первой группы; 3, 4, 7, 8 – традиции второй группы. 1-4 – кувшины с «низким» тулово, 5-8 – кувшины со «средним/низким» тулово. 1, 2, 5, 6 – Дмитриевский могильник, 3 – Ютановский могильник, 4, 7, 8 – Старосалтовский могильник.

Fig. 9. An example of different jars shape traditions (without scale). 1, 2, 5, 6 – traditions of the first group, 3, 4, 7, 8 – traditions of the second group. 1-4 - jugs with a "low" body, 5-8 – jugs with a "medium/low" body. 1, 2, 5, 6 – Dmitrievsky burial ground, 3 – Yutanovsky burial ground, 4, 7, 8 – Starosaltovsky burial ground.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Дисс. канд. ист. наук. – Воронеж, 2003. – 285 с.
2. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989. – 286 с.
3. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – М., Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 1999. – 248 с.
4. Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 137-149.
5. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. – 2001. – № 1-2. – С. 62–78.
6. Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 124–179.
7. Суханов Е.В. О культурных традициях создания форм кувшинов салтово-маяцкой культуры (на примере Дмитриевского могильника) // Вестник «История керамики». Выпуск 1. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 114-129.
8. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. – М.: Наука, 2003. – 184 с.
9. Албегова З.Х. К вопросу о религии алан (по материалам амулетов салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. Компьютер в археологических исследованиях. – М., 1995. – С. 10–33.

Статья поступила в редакцию 05.05.2020 г.

REFERENCES

1. Sarapulkin VA. *Ceramics and ceramic production of the forest-steppe variant of the Saltovo-Mayaki culture (dissertation)* [Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tury] Voronezh; 2003. (In Russ.).
2. Pletneva SA. *On the Slav-Khazar border (Dmitrievsky archaeological complex)* [Na slavyano-hazarskom pogranich'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks)]. Moscow: Nauka, 1989. (in Russ.).
3. Pletneva SA. *Studies of the Khazar archaeology [Ocherki hazarskoj arheologii]*. Moscow, Jerusalem: Mosty kul'turi Publ, Gesharim Publ., 1999. (In Russ.).
4. Aksenov VS. *Starosltovsky catacomb burial ground [Starosaltovskiy katakombnyy mogil'nik]*. Vita Antiqua. 1999; 2: 137-149. (In Russ.).
5. Aksenov VS. *Rubezhansky catacomb burial ground of the Saltovo-Mayaki culture on the Seversky Donets [Rubezhanskij katakombnyj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury na Severskom Donec]*. Donskaya arheologiya. 2001; № 1-2: 62-78. (In Russ.).
6. Tsetlin YB. On the general approach and method of systematic study of the shapes of clay vessels. In: Tsetlin Yu.B, editor. *Shapes of clay vessels as an object of study. Historical-and-cultural approach [Formy glinyanyh sosudov kak ob'ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyj podhod]*. Moscow: IA RAS Publ., 2018: 124-179. (In Russ.).
7. Sukhanov EV. Cultural traditions of jars shapes of the Saltovo-Mayaki culture (on the example of the Dmitrievsky burial ground) [O khudozhestvennykh traditsiyakh sozdaniya form kuvshinov saltovo-mayatskoy kul'tury (na primere Dmitrievskogo mogil'nika)]. *Bulletin «History of ceramics» [Vestnik «Istoriya keramiki】*. Vol. I. Moscow: IA RAS Publ., 2019: 114-129. (in Russ.)
8. Afanasiev GE. *Don Alans: social structures of the Alano-Asso-Burtas population of the Middle Don basin* [Donskie alany: social'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya bassejna Srednego Dona]. Moscow: Nauka Publ., 2003. (in Russ.)
9. Albegova ZH. On the question of the religion of the Alans (based on the amulets of the Saltovo-Mayaki culture) [K voprosu o religii alan (po materialam amuletov saltovo-mayackoj kul'tury)]. Databases in archaeology. Computer in archaeological research. [Bazy dannyh v arheologii. Komp'yuter v arheologicheskikh issledovaniyah]. Moscow, 1995: 10-33. (in Russ.).

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163661-681>

Misrikhan M. Mammaev,
D.Sc. (History), Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
Misrixan37@mail.ru

NEW STONE RELIEFS FROM KUBACHI – ARCHITECTURAL DETAILS OF THE 14TH–15TH CENTURIES WITH GRAPHIC SUBJECTS

Abstract. The article introduces new stone reliefs – details of architectural décor of the 14th–15th centuries with a graphic narrative. The reliefs were discovered by the author in the village of Kubachi in different years of the 20th century, and only now gained special attention.

The reliefs in question are scattered through various buildings of the old part of the village, mainly in its middle and lower districts.

The integrity of the reliefs varies: some remained in a good state, some – in fragments, others – in poor condition.

In most cases, it was not possible to photograph them from the desired angle due to their inaccessibility (second or third floors of buildings in very densely built-up areas, etc.).

Most of the reliefs date back to the 14–15th centuries. The dating was carried out according to stylistic features, taking into consideration the fact that a huge number of stone reliefs with graphical subjects were made in Kubachi in the said time period. These reliefs are now stored in many domestic and foreign museums and have partially preserved in Kubachi.

The description of the reliefs is given in the order of their record by the author at different times and in different districts of the village.

Keywords: Dagestan; Kubachi; stone reliefs; architectural details; 14-15th centuries; graphic subjects; secondary use of reliefs for decorative purposes.

The article was translated into English by M.R. Seferbekov, Junior Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Centre of RAS

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163661-681>

Маммаев Мисрихан Маммаевич
д. иск., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
Misrixan37@mail.ru

НОВЫЕ КАМЕННЫЕ РЕЛЬЕФЫ – АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ XIV–XV ВВ. ИЗ СЕЛ. КУБАЧИ С ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМИ СЮЖЕТАМИ

Аннотация: В статье описываются новые каменные рельефы – детали архитектурного декора XIV–XV вв. с изобразительными сюжетами из сел. Кубачи, выявленные автором в разные годы XX в., но не ставшие еще объектами изучения учеными.

Публикуемые рельефы рассеяны по различным зданиям всей старой части сел. Кубачи, в основном, в среднем и нижнем кварталах. Они вмонтированы в конструкции жилых и культовых сооружений в декоративных целях при вторичном использовании.

Сохранность рельефов разная: одни из них дошли до нас сравнительно неплохо, другие в неполном виде (в виде фрагментов), третьи – в неудовлетворительном состоянии. Зафиксировать многие из них, т.е. сфотографировать в нужном ракурсе в большинстве случаев не представлялось возможным из-за их расположения на недоступном для съемок месте (на втором или третьем этажах зданий в очень густо застроенных кварталах и т.д.).

В большинстве своем рельефы датируются XIV–XV вв., датировка проведена по стилистическим признаками и с учетом того обстоятельства, что именно в эти века в сел. Кубачи было создано огромное количество каменных рельефов с изобразительными сюжетами, хранящимися ныне во многих отечественных и зарубежных музеях и частично сохранившимися в Кубачи.

Описание рельефов дается в порядке фиксации их автором в разное время и в разных кварталах сел. Кубачи.

Ключевые слова: Дагестан; Кубачи; каменные рельефы – архитектурные детали; XIV–XV вв.; изобразительные сюжеты; вторичное использование рельефов в декоративных целях.

Перевод статьи на английский язык выполнен Сефербековым М.Р., м.н.с.

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

Medieval Kubachi stone reliefs – the details of architectural décor with graphic subjects, Arabic inscriptions, as well as ornaments – have been in the focus of attention of many domestic and foreign researchers [1, pp. 8–42]. Nevertheless, there is still a number of reliefs which have not yet been studied or even recorded to this date. Moreover, medieval carved stones are taken away as Kubachi souvenirs by guests of the village, after which their location becomes unknown and their study as valuable objects of the Dagestan national cultural heritage renders impossible.

Some of the lost pieces are: a relief in the wall of the Shirpaevs' house in the lower district of the village (Fig. 8); a relief in the outer masonry wall of the eastern facade of the former building of the Kubachi jewelry artel "Khudozhnik" (currently the Palace of Culture) in the middle district of the village (Fig. 9); a relief of the 15th century (not described in this article) with floral ornaments and the name of the stone-cutter Cha'man, which is located at the lower left end of the entrance, in the former building of the library, built in Soviet times at the eastern end of the Great Mosque ("Hvala mishit") [1, p. 459, fig. 54]. A large number of reliefs with Arabic inscriptions and floral ornaments were removed from the walls of this mosque in Soviet times.

The reliefs described below can now be found in the outer masonry of the walls of residential buildings or the Great Mosque ("Hvala mishit"), installed in different years for decorative purposes or simply as well-finished stones.

Three of the said reliefs are stored in republican museums – one in the Taho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan (NMRD) (fig. 11), two reliefs – in the Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts (fig. 12–13).

As craftsmen, the Kubachi people are highly knowledgeable about decorative aspects of carved stones and their worth. For this reason, most of the villagers keep the reliefs in their homes with care.

Construction workers, being the followers of Muslim orthodoxy, would intentionally chip off heads from images of people, animals, birds or fantastic creatures (griffins, dragons) when reusing reliefs with graphic subjects in the construction of residential or religious buildings, considering it unacceptable to depict a living creature. In some cases, an entire relief image would be completely lost without a trace. This, for example, happened to the keystone, mounted in the outer masonry of the northern longitudinal wall of the Great Mosque of the 15th century, located in the lower district of the old part of Kubachi (fig. 7).

The quality of the published images of the reliefs varies due to the degree of their integrity, as well as the complexity of photographing in hard-to-reach places.

Let's now proceed to the description of the reliefs in the order of their record in various districts of the village. We will then consider several unpublished and already published (only photographs included), but not described reliefs stored in the Taho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan and the Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts.

Relief № 1 is located in the outer masonry of the southern wall (fig. 1, A, B) of a long abandoned and collapsed house in the lowest district of the old part of Kubachi. The relief is in the middle section of the second floor of the southern facade, in a partially preserved state. The eastern section of the building has not remained. The relief had been recovered from the ruins of another old building and installed in the masonry of the wall during its construction, presumably in the end of the 19th century. This stone stands out clearly against the background of the wall of the house, which is built of poorly dressed, relatively small stone blocks.

The relief is embedded high, which made it impossible to accurately measure its size, so they are given here in approximate dimensions: height 25–27 cm, length 43–45 cm.

On a rectangular stone block, through a rather deep cut-in of the background, figures of three men carrying a long beam on their shoulders, supporting it with their hands are depicted. The right arms of the two men in front are shown at the level of the lower back and bent at an acute angle at their elbows. The legs of the middle figure are crossed above the knees. The last left figure with slightly bent legs is shown with its back to the viewer. His left arm appears to be stretched to the side.

The figures are made in low details – their faces, attire, shoes are unclear.

The image of the men is framed at the edges by a narrow relief frame, broken off in places. The left end of the relief is chipped, so it is difficult to judge whether there was another figure of a man in it or not.

The relief in question depicts, as we believe, the members of the Kubachin men's union "gulalla ak' buk'un" – a group of young single men [see also: 2, pp. 146–173]. A prominent ethnographer-caucasiologist E.M. Shilling (1892–1953) writes, that the members of the union would "carry out community service of their own initiative: they would repair a building, a well; deliver wooden beams for reconstruction of a mosque, road works, etc." [2, p. 153]. On the relief in question, such scene of the members of the men's union performing community work is reproduced – the delivery of a beam for the construction or repair of a mosque, madrassah or other building.

It is difficult to specify the exact date of the relief due to the lack of dating indications. Nevertheless, the execution technique and the presence of a graphic subject, which was widely spread in the medieval art of Kubachi, allow us to date the relief the 14th–15th centuries.

Relief № 2 is inserted in the outer masonry of the wall between the windows of the second floor of G.-I. Kvarizhov's house, located in the north-eastern outskirts of the lower district of the old part of Kubachi. This is a fragment of a large relief, obtained from the ruins of an old building and installed as decoration into the wall of the southern facade, in plain sight (fig. 2, A, B).

It is impossible to determine due to its location high in the building.

By the nature of the fine processing, the relief clearly stands out among the poor-

ly dressed stones around it. It is embedded into a specially designed square niche. It depicts a lying animal with its head turned back, limbs bent under the body, the tail passed through the hind limbs with a slight thickening at the end, protruding above the back. The animal's head is partially chipped off. The owner of the house G.-I. Kvarizhov marked the eyes of the animal with black paint, thereby restoring the missing details of the image.

On the neck of the animal there are raised curls with pointed ends, apparently depicting a mane. It is difficult to determine the type of the animal due to its stylization.

Small triple cut-in arcs are applied to the animal's right thigh, torso and right scapula. The relief is quite high, the outlines of the animal's figure are rounded. The very image of the animal is carefully smoothed. It is enclosed in a figured relief frame, the left and right ends of which have fallen off. The background of the image is also smooth.

Based on the dating indications of the relief № 1, the relief № 2 can be ascribed to the 14th–15th centuries.

Relief № 3. In the lower district of Kubachi, in the masonry of the wall of the third floor of an abandoned building of an unknown owner, there is a relief of square shape with depiction of three stylized animals running in circle, one after another (Fig. 3). Their heads are intentionally broken off in places. Their bodies are made somewhat elongated. The figures themselves are enclosed in a round relief frame, with their limbs touching it. On the trunks, shoulder blades and hips of animals there are triple arcs. The animals are reproduced in a stylized manner. Their large ears, short tails, and the remained outlines of their heads lead to believe that these are hares.

Our attempts at photographing the relief with clear-cut images of animals and ornament were unsuccessful, since the house, in the wall of which the described architectural detail is located, is in the midst of neighboring residential buildings, and this made it difficult to choose the right position for recording.

On the upper and lower corners of the relief, a floral ornament is carved in the form of a wavy sprout of a stem with leaves, halves of trefoils and palmettes. Along the edges of the square stone block, a relief braid of ribbon ornament is carved, with a round frame with animals inside and a floral pattern along its upper and lower edges. The left edge of the relief was cropped (apparently, with an intention to fit it exactly into the masonry of the wall during reuse), so the ribbon ornament has not survived here.

The combination in one composition of a visual subject, plant and ribbon ornaments enhances the decorative qualities of the relief.

The relief dates back to the 14th–15th centuries, since this period of stone-cutting art in Kubachi is characterized by the mentioned combination in one composition.

The relief above drew attention of a prominent Kubachin jeweler Rasul Alikhanov, the People's Artist of the Russian Federation and the Republic of Dagestan, Repin RSFSR State Prize Laureate. On a decorative silver platter "Deers" (*Oleni*), made

in 1991 and currently stored in the museum of the Kubachi Alikhanov Artistic Enterprise [3, ill. on p. 18], three identical images of animals running after each other in a circle included in the ornamental composition of the plant style “*markharai*” are reproduced. They are decorated with niello, against which a light silver floral ornament stands out clearly.

The round shape of the silver dish, the animals reproduced on its bottom running after each other in a circle – in the same manner as on the relief, – make it easy to determine that the subject of the medieval Kubachi stone relief served as the prototype for the composition of the dish.

Relief № 4 is located in the masonry of the wall at the height of the third floor of the southern facade of the residential building of Rasul Khakachiev in the lower district of Kubachi (Fig. 4). The relief is between the windows of the living room, at a height of 1.8 m from the roof level of the terrace in front of the corridor and living quarters on the third floor. It is a relatively small stone block (30x37 cm); presumably, this is the upper part of the lateral right column of the window tympanum. A salient semi-medallion, which encloses the figure of a man, depicted in profile, running to the left side is carved on it. His slender waist is engirdled in one turn by a dragon-serpent. The man’s head is intentionally chipped off. With his left hand, bent in an arcuate manner, the man holds the end of the body of the dragon-serpent protruding from the right side of the human figure. The right arm, bent at the elbow, is extended forward. What is interesting is that the man’s feet are depicted as clawed paws.

The body of the dragon-serpent thickens around its head, which was broken off much later than the relief was made. The general contour of the head and ears, sharp at the ends, has preserved. The lower part of the relief (especially its right corner) exfoliated. The section of the stone block on the left side, not occupied by the semi-medallion and the image of a man, is trimmed with cut-in dots, applied with a special tool.

According to the owner of the house, the relief was discovered in 1971 during the digging of the foundation of his house, and then inserted into the wall of the building for decorative purposes. It can be dated the 14th–15th centuries.

Relief № 5. The relief is also located in the masonry of the wall of the residential building of R. Khakachiev, closer to the eastern side of the southern facade. This is a part (40x26 cm) of a side stone column of a door or window tympanum (Fig. 5). On it, in a figured semi-medallion, an image of an animal is reproduced, in profile facing to the right, with its head extended upward and turned back. The animal is ungulate, but it is difficult to accurately determine its type; it seems to be an image of a deer. A half-trefoil (or antlers?) extends vertically downward from its head. The left limb of the animal is stretched almost vertically upwards and rests on the bold ridge of the edge of the relief. The right limb is sharply bent at the knee joint. A relief trefoil with elongated petals extends upward from the scapula. Two small loops extend from the middle petal along the back of the animal. The trefoil is a rudiment of the animal’s

wing. At the end of the tail down, there is a salient trefoil instead of a switch.

The depiction of the animal is designed with a decorative intention in mind. It is compactly enclosed in a semi-medallion and the outline of its figure is subordinated to the outline of a semi-medallion. The background outside the medallion is dotted.

The relief dates the 14th–15th centuries on the premise that it is the part of a broken column of a window or door tympanum that relates to this chronological framework [1, p. 528, fig. 221; p. 545, fig. 264, 265].

Relief № 6. This relief is located in the masonry of a stone staircase of Magomed Khakachiev's house (father of Rasul Khakachiev), leading from the balcony on the second floor to the terrace on the third floor. The relief (60x19 cm) is a half of a keystone with floral ornament (fig. 6). On the other lower half, the location of which is unknown, there was a depiction of some animal, by analogy with other keystones [1, pp. 521–522, fig. 206–208; 4, ill. 44; 5, table V, ill. 4–5; 6, p. 128, fig. 75].

The relief is put onto one of the steps of the staircase like an ordinary building stone with its ornament facing upward. The ornament is large, in the form of half-palmettes of axial composition and mirror symmetry. The lower elongated petals end with stylized images of bird heads. The middle petals have deep indentations parallel to the contours of the petals.

The relief dates from the beginning of the 15th century, judging by the fact that the ornament on it has direct analogies to the ornament of similar keystones from Kubachi [1, p. 521, fig. 206-207] of the specified time.

Relief № 7 is in the exterior masonry of the northern wall of the Great Mosque (“Hvala mishit”) of the 15th century, located in the lower quarter of the old part of Kubachi. It is inserted into the masonry of the eastern part of the longitudinal wall as an ordinary finely dressed building stone (62x21 cm) obtained from the ruins of an old building. The relief is a keystone (Fig. 7) with floral ornament. In the middle of the lower part of the composition there was an image of an animal, judging by the decor of other similar keystones from Kubachi [1, p. 521, fig. 206-207]; unfortunately, it was broken off without a trace. The ornament itself remained intact. The upper lateral corners of the relief are partially cropped in order to give it a rectangular shape and fit tightly into the masonry of the wall. The ornament of this relief in composition and shape is similar to the ornament of other keystones from Kubachi (including the relief № 6 described above), which are now stored in the State Hermitage, the Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts and those preserved in Kubachi. These are large half-palmettes along the upper and lateral edges of the stone block, the ends of the lower petals of which are decorated in the form of stylized bird heads.

The date of this relief – early 15th century – coincide with the date of the relief № 6 and other keystones from Kubachi.

Relief №8. A large relief (46x48 cm) of a rectangular shape is embedded in the masonry wall of the western facade of the second floor of O. Shirpaev's house in

the middle district of Kubachi (Fig. 8). On it, in its middle part, a heraldic composition of winged animals facing each other is carved. It is difficult to determine their appearance due to the stylization and the fact that their heads are lacking. The relief had been discovered in the ruins of an old building and inserted into the masonry of the wall for decorative purposes during the construction of the house, approximately at the end of the 19th century.

The animals are depicted in profile, crouching on their hind legs. From the fore-limbs and from the shoulder blades, wings with longitudinal relief stripes extend upward in a curved shape. The wings protruding behind the back are pointed at the ends. In the upper part of the heraldic composition, opposite the heads of the animals, there are half-trefoils, finished with curled indentations. The animals themselves are put in a relief frame, the upper middle ends of which converge and form a sharp ledge.

On the left and right edges of the relief, there are ornamental compositions in the form of bindweed, curling upward (from the left and right lower corners) the wavy stems with bilateral (left and right) branches with curved leaves and curls. In the upper part, the bindweed ends with trefoils with elongated middle petals. The upper and lateral edges of the relief are framed by a raised ridge, and at the lower end a small area is left for the entire width of the relief, free of decor.

The relief is made at a fine professional level, the composition is original, the decor is generally expressive and artistically complete. The dating belongs to the second half of the 14th century, taking into account the peculiarities of the interpretation of animals and the originality of the execution of ornamental compositions.

Relief №9 was installed in the eastern entrance of the former building of Kubachin jewelry artel “Khudozhnik”, in its upper (second) floor¹ (fig. 9); the relief is now absent from this place. Some of the local residents took it out of the masonry wall and sold it to an individual who visited Kubachi. It is also possible that the relief was installed into the wall of one of the houses of the village. There are known cases of buying and selling reliefs among local residents.

The relief had been obtained from the ruins of an old building in the lower district of the village and inserted into the masonry of the wall above the entrance door to the artel for decorative purposes during its construction, presumably at the end of the 30s of the 20th century. When the artel acquired a new building in the late 50s of the 20th century in the Betukhazhila area in the upper district of Kubachi, near the Kubachi secondary school, the building of the jewelry artel, located on the border of the upper and middle districts (near the house of the Rasul Alikhanov People's artist of the RSFSR and DASSR) was allocated for the building of the Kubachi village club (now the House of culture).

The relief survived in a poor state – its right side is partially cropped, with the

¹ The sketch of the relief without any description appeared in the album of R.A. Alikhanov “Kubachin ornament”. M.: Gosizdat of literature on household services, 1963. Fig. 3.

purpose of fitting the stone into the masonry. The lower end and the lower left corner have exfoliated, damaging the images of the ends of the legs. On a rather large stone block of a rectangular shape (42x33 cm), by grooving the background, an image of a human-like bird – a siren in profile, is carved. The figure has a human head (partially broken off, presumably with a curved kokoshnik (?) on it). On a high neck there are two rows of relief festoons with rounded ends. The chest is protruding, the bird's legs are parallel. The tail with longitudinal stripes and relief festoons (the same as on the neck) is bent down. Tail feathers with longitudinal stripes are raised high. The tail tapers upwards and ends with a curvature at the end. The wings with two transverse rows of festoons and longitudinal stripes are folded along the body.

The contour of the siren's figure is put into the figured relief frame, filling it compactly. The features of the depiction of the figure, reproduced on the relief, give it a somewhat fantastic appearance. This is at the same time a siren and not a siren, a bird and not a bird. The figure is well finished, its sharp edges are rounded, the background is even and smooth.

The surface of the stone outside the figured frame is decorated with textured dotted indentations.

The relief can be dated the 14th–15th centuries, taking into account the fact that this period is characterized by depiction of animals, birds, human figures and fantastic creatures enclosed in figured frames.

Relief № 10 can be found in the masonry of the north wall, facing a village street, of the utility room of I. Gadzhiakhmedov's house, located in the upper part of the middle district of Kubachi. It is embedded into the masonry of the wall of the first floor (on the south side, the room is two-story – the house is built on a very steep slope).

A relief depicting a sitting bird (Fig. 10), obtained from the ruins of an old building, is installed for decorative purposes into a special niche in the wall.

On a rectangular stone block (22x29.5 cm), the bird is depicted by a deep grooving in the background, facing to the right, with its head turned sharply back. It is difficult to determine its type, but it seems like an eagle. The large eye of the bird is depicted by a raised circle, the beak (the tip is chipped off) is bent down, the body is dressed with scales, the wings are extended along the body, the short tail is trimmed with parallel grooves, the legs are placed parallel to each other. The figure looks as if the stone-cutter tried to squeeze it into a quadrangle, framed along the edges with a thick relief roll.

Due to the lack of dating indications, it is difficult to determine the exact date of the relief. However, such features of the bird's iconography as a sharply turned back head, putting the image of the bird into a relief frame, decorating its body with scales to resemble plumage, similar to images of birds on other stone reliefs from Kubachi, allow us to attribute this relief to the 14th–15th centuries. Although it is still possible that this relief was made at a later period.

Relief № 11 is stored in the Taho-Godi National Museum of the Republic of Dagestan (NMRD). It is a large stone block of trapezoidal form (the bottom is narrower than the top), with a pink tint². It is a keystone (Fig. 11), probably from the arch of a gate.

On the front leveled and smoothed surface of the stone block, relief images of animals and floral ornament are applied. The images of animals are depicted in profile, in an upright position, and occupy the middle area of the monument. They have survived partially: their heads, as well as parts of their bodies and forelimbs were intentionally broken off without a trace.

Judging by the remained parts, oblique parallel lines tapering at the ends were applied to the necks of the animals to depict a mane. On the front shoulder blades and on the thighs, half-trefoils are applied. Downward tails with half-trefoils at the ends cross the lower limbs.

The upper part of the relief is decorated with floral patterns like other similar Kubachi keystones – from the center to the edges there are large half-palmettes with grooves in their middle. The lower petals end not with images of bird heads, as in other Kubachi keystones, but with five-petal palmettes with grooves in the upper side and central petals. From the lower ends of the half-palmettes, stripes (thick stems) extend to the edges of the relief, which end in the upper lateral corners with half-palmettes with five-part palmettes at the ends of the lower petals. Further, the ornament runs downward, forming a bindweed – a wavy stem shoot with half-palmettes extending from it, in which the lower large petals end in stylized images of bird heads.

This relief was made with great artistic skill and it is unfortunate that it was damaged by an orthodox Muslim, who considered any depiction of a living creature inadmissible.

Basing on the comparison of its ornamental composition with the ornamentation of other keystones from Kubachi, as well as reliefs decorated with ornamental compositions with five-part palmettes, the relief can be attributed to the first half of the 15th century.

Relief № 12 is a small block of irregular rectangular shape (25.5x18 cm) with the image of a stylized animal in profile, facing left. The relief is stored in the Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts. The image was made by cutting out the background and with a slight downward slope of the front side. Due to the strong stylization, it is difficult to identify it. However, taking into consideration the fact that its limbs are shown clawed, the mouth open, we can assume that it is a predatory animal of some kind (Fig. 12).

It has a rounded head with lips slightly extended forward, rounded at the ends; erect ears, pointed at the ends, an almond-shaped eye with a dot-pupil in the middle.

² The relief was published by E.M. Shilling in 1949, along with a double-embrasure stone window in the masonry of a wall of one of the Kubachi houses, photographed in 1925 [2, p. 45, fig. 12]. However, the said relief is not mentioned in the book.

The mane is marked with oblique grooved stripes in three parallel rows. The front right limb is raised high and stretched horizontally forward, the left is in an upright position, and the hind legs are spaced one after the other. The tail lays on the back and ends in a large half-palmette with grooves in the upper and middle petals.

The animal's figure on this relief resembles those of a predatory breed, carved on large stone blocks located in the masonry of the walls of the second floor of B. Sultanov's residential building in Kubachi [1, p. 518, fig. 200]. Undoubtedly, the figure was inspired by these images, since the general interpretation of the animals and their details coincide.

The reliefs in the masonry of the wall of B. Sultanov's house date from the end of the 14th – the early 15th century. Thus, the relief described above can be attributed to the same period.

Relief № 13 is another notable piece from the collection of Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts. On a relatively large stone block (23x24 cm) of square shape, on its preliminarily levelled and finely smoothed front side, an image of some winged animal is carved (fig. 13). The relief itself and the image on it survived in an imperfect state. The upper right corner and part of the upper end of the stone exfoliated, the relief strips of the frame on the left and right also peeled off. The animal's head is lacking. The front right limb is also intentionally broken off, and the left one seems to be lifted vertically up (?). Hind legs, parallel to each other, detached or broken off below the knee joints.

It is impossible to determine the type of the animal. It looks as if it were squeezed into a square relief frame. The head with a long neck is turned sharply back, the body is lean. A wing with longitudinal stripes extends upward and along the body from the right forelimb and scapula. The curved end of the wing protrudes above the body. In place of the scapula, a half-trefoil (?) is depicted, on the left and right sides of which there are strips of festoons with curled ends.

The bottom of the neck is encircled by a relief strip with a double braid inside. Above it is a strip of skew cut-in lines. From the end of the outlines of the chipped off head, a relief element of the ornament extends downward – a half-palmette with double cut-in arcs on the petals.

On the upper part of the right thigh, triple arcs are carved, and on the back of the thighs, oblique cut-in lines are applied, most likely to represent fur.

The portrayal of the animal is quite expressive and skillfully decorated. Both the figure and the background are finely smoothed. At the lower end of the relief, a strip is left free of decor.

The high artistic level of the relief is worth noting, but unfortunately the image on it survived in a distorted form. It was made by a talented stone cutter of the highest qualification. The dating attributes the relief to the 14th–15th centuries, based on analogical images of winged animals in the medieval art of Kubachi [1, p. 527, fig. 218 – Images of animals in an archivolt (semicircle); 11, fig. 7].

Thus, the above described medieval stone reliefs from Kubachi extend the number

of details of architectural decor with graphic subjects known from the publications of researchers. Among them are the subjects that have been previously unknown. For example, a scene with images of members of the Kubachi men's union "gulalla ak' buk'un"; subjects with stylized winged animals genetically derived from images of winged animals in the art of the Near and Middle East [7, ill. on p. 48, ill. on p. 87; 8, p. 30, fig. 8, p. 42, fig. 12, inserted into the text from with ill. № 24, inset № 64].

Images of various winged animals are also presented on medieval architectural details from Kubachi, published by B.A. Dorn and A.S. Bashkirov [9, tab. XIV, fig. 11, tab. XV, fig. 7; 10, p. 38, fig. 11, p. 49, fig. 14]. However, heraldic compositions with winged animals on the relief in the masonry of the wall of O. Shirpaev's house are not similar to these images.

The relief in the wall of the Shirpaevs' house is one of the carved stones, probably made by a guest stone-cutter from the Middle East who was specially invited to Kubachi, presumably from Iran. The same can be said about another relief from the Dagestan Museum of Fine Arts' collection, depicting a winged animal. This is evidenced by the perfect execution of carving for its time and the winged animals reproduced on them.

Among the architectural features described, of special interest is the image of a man (with his head broken off during the reuse of the relief), running to the left, whose waist is wrapped by an image of a dragon-serpent, with clawed paws as feet (Fig. 4). A similar image of a man with feet in the form of clawed paws is carved among various stylized animals (deer, hare, etc.), placed in a chaotic composition, and another figure, but without clawed feet, on the relief located above the gates of the Kannaevs' house in the lower district of the village. The relief was painted by the owner of the house, Gadzhi-Magomed, "for decoration purposes" with brown paint, and the contours of the images of animals and human figures are somewhat distorted. The schematic drawing of the relief was published in 1949 by the ethnographer E.M. Schilling [2, p. 183, fig. 76]. The image of a man in a horned mask and a stick with an animal skull planted on it in his right hand can be seen in the upper right corner of the relief. Photographs of the relief without any descriptions were published by E.V. Kilchevskaya in two of her books [5, tab. IV, 7; 6, p. 121, fig. 68].

The fact that two reliefs depict a human figure with clawed paws instead of feet is barely coincidental; but the semantics of these anthropomorphous characters is hard to reveal.

In the medieval Kubachi, the stone-cutting was one of the most highly developed types of decorative and applied art. This is evident from the huge number of carved stones that have survived – both architectural details and burial monuments, which, along with works of artistic metalworking, wood carving, etc., played a large role in the formation and development of modern Kubachi art. Therefore, the task that was set back in 1937 by E.M. Schilling to register "carved stones with their brief description and measurement in order to protect the most valuable historical monuments from destruction and plunder" preserved in Kubachi remains relevant to this day [13, p. 9].

Fig. 1, A, B. A stone relief – an architectural detail depicting men carrying a long beam. The relief was installed during its reuse into the masonry of a partially preserved wall of a now collapsed residential building in the lower district of Kubachi. The 14–15th c.

Рис. 1, А, Б. Каменный рельеф – архитектурная деталь с изображениями мужчин, несущих длинную балку. Рельеф вставлен при его вторичном использовании в кладку частично сохранившейся стены ныне развалившегося жилого дома в нижнем квартале сел. Кубачи. XIV–XV вв.

Fig. 2, A, B. A relief depicting a lying animal, located in the masonry of the wall between the windows of G.-I. Kvarizhov's house in the lower district of Kubachi. The 14–15th c.

Рис. 2, А, Б. Рельеф с изображением лежащего животного в кладке стены между окнами жилого дома Г.-И. Кварижова в нижнем квартале сел. Кубачи. XIV–XV вв.

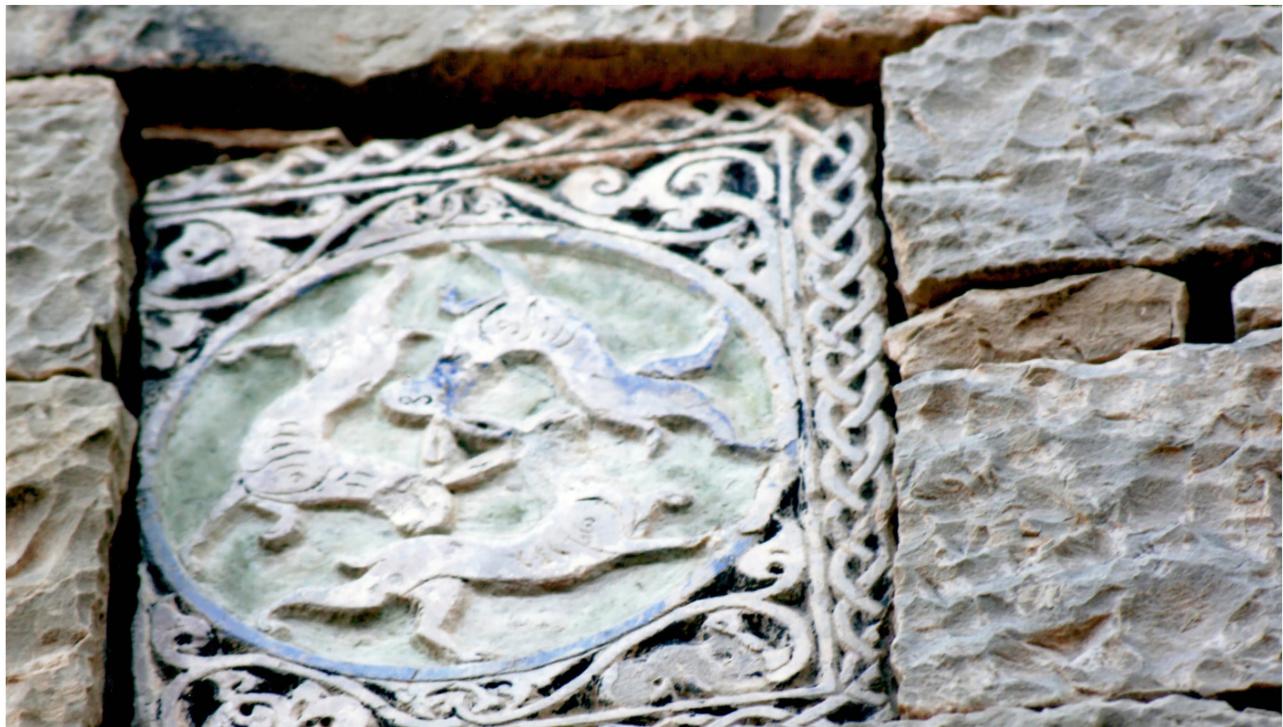

Fig. 3. A relief with images of running hares and with ornaments in the masonry wall of one of the residential buildings in the lower district of Kubachi. The 14–15th c.

Рис. 3. Рельеф с изображениями бегущих зайцев и с орнаментом в кладке стены одного из жилых домов в нижнем квартале с. Кубачи. XIV–XV вв.

Fig. 4. A detail of a stone column of the tympanum with an image of a running man, girded with a dragon-serpent and feet in the form of clawed paws. Inserted between the windows of R. Khakachiev's house for decorative purposes. The 14–15th c.

Рис. 4. Деталь каменной колонки (столбика) тимпана с изображением бегущего человека, опоясанного изображением змее-дракона и ступнями в виде когтистых лап. Вставлен между окнами жилого дома Р. Хакачиева в декоративных целях. XIV–XV вв.

Fig. 5. An image of an animal with a broken off head in the masonry of the wall of R. Khakachiev's house in the lower district of Kubachi. The 14-15th c.

Рис. 5. Изображение животного с отбитой головой в кладке стены жилого дома Р. Хакачиева в нижнем квартале сел. Кубачи. XIV–XV вв.

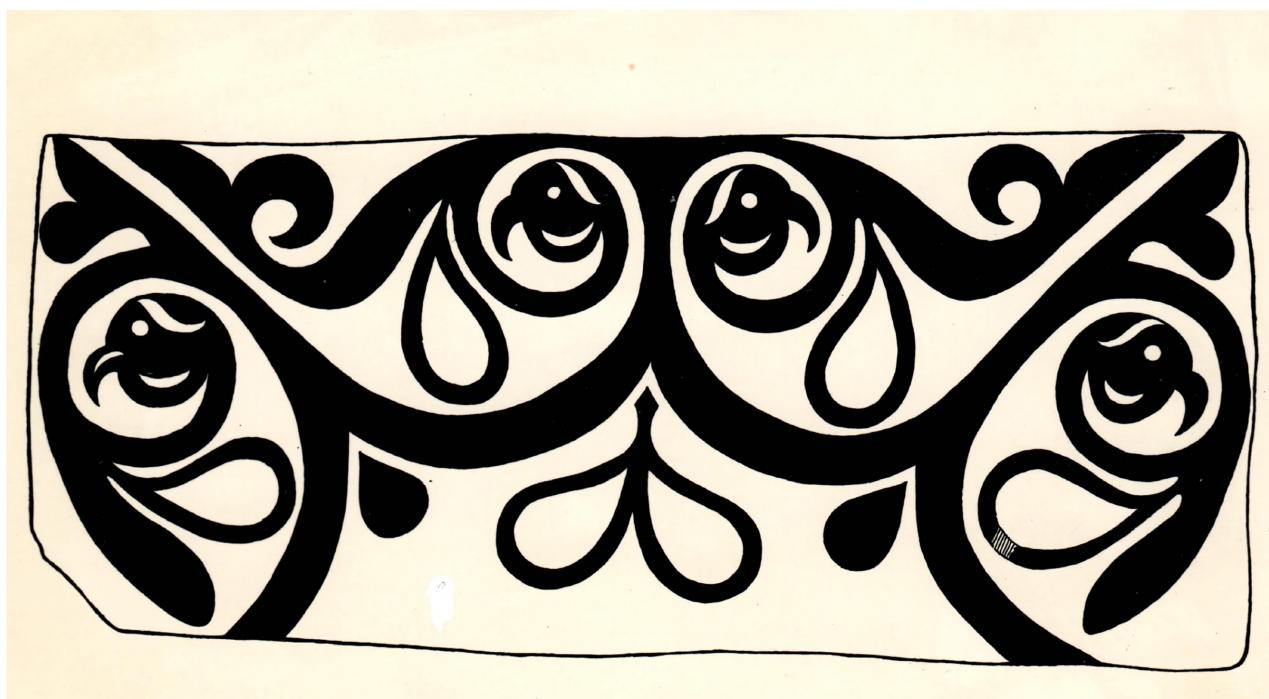

Fig. 6. The upper part of the keystone with floral ornaments and images of stylized bird heads. The relief is inserted into the stone staircase of M. Khakachiev's house in the lower district of Kubachi. Early 15th century. The location of the lower part of the relief is unknown

Рис. 6. Верхняя часть замкового камня с растительным орнаментом и изображениями стилизованных голов птиц. Рельеф вставлен в каменную лестницу дома М. Хакачиева в нижнем квартале сел. Кубачи. Начало XV в. Местонахождение нижней части рельефа неизвестно

Fig. 7. An ornamented keystone inserted into the masonry of the northern longitudinal wall of the 15th century Great Mosque in the lower district of Kubachi.
The image of the animal in the lower part of the relief is completely broken off

Рис. 7. Замковый камень с орнаментом, вставленный в кладку северной продольной стены Большой мечети XV в. в нижнем квартале сел. Кубачи.
Изображение животного в нижней части рельефа полностью сбито

Fig. 8. A relief with images of crouched winged opposing animals (heads broken off) and with floral ornaments in the masonry of the wall of O. Shirpaev's house in the lower district of the village Kubachi.
Second half of the 14th c.

Рис. 8. Рельеф с изображениями при севших крылатых противостоящих животных (головы отбиты)
и с растительным орнаментом в кладке стены жилого дома О. Ширпаева в нижнем квартале
сел. Кубачи. 2-я половина XIV в.

Fig. 9. A relief depicting a siren (?) embedded above the entrance of the former Jewelry artel "Khudozhnik" (now the House of Culture) on the boundary of the upper and middle districts of Kubachi. The relief has not remained in place. The 14–15th c.

Рис. 9. Рельеф с изображением сирена (?), вставленный над входом в ювелирную артель «Художник» (ныне Дом культуры) на границе верхнего и среднего квартала сел. Кубачи. Ныне рельеф на месте отсутствует. XIV–XV вв.

Fig. 10. A relief depicting a crouching bird in the masonry of the northern wall of the utility room of I. Gadzhiakhmedov's house in the middle district of Kubachi. The 14–15th c.

Рис. 10. Рельеф с изображением сидящей птицы в кладке северной стены хозяйственного помещения жилого дома И. Гаджиахмедова в среднем квартале сел. Кубачи. XIV–XV вв.

Fig. 11. A keystone of the gate with images of two animals standing vertically against each other (the central part of the composition is broken off), framed along the upper and lateral edges with floral ornament. Kubachi. First half of the 15th century.
The National Museum of the Republic of Dagestan

Рис. 11. Замковый камень ворот с изображениями двух вертикально стоящих друг против друга животных (центральная часть композиции сбита), обрамленные по верхнему и боковым краям растительным орнаментом. С. Кубачи. Первая половина XV в.
Национальный музей Республики Дагестан

Fig. 12. A relief from Kubachi with a stylized image of a carnivorous animal of undetermined species.
The 14th – early 15th century. The Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts

Рис. 12. Рельеф из с. Кубачи со стилизованным изображением хищного животного неопределенной видовой принадлежности. XIV – начало XV в.
Дагестанский музей изобразительного искусства

Fig. 13. A relief from Kubachi depicting a winged, decoratively finished animal with its head sharply turned back (broken off). The 14–15 c. The Gamzatova Dagestan Museum of Fine Arts

Рис. 13. Рельеф из с. Кубачи с изображением крылатого, декоративно отделанного животного с резко повернутой назад головой (сбито). XIV–XV вв.
Дагестанский музей изобразительного искусства

REFERENCES

1. Mammaev MM. *The Art of Zirikhgeran-Kubachi of the 13th–15th centuries and its place in the system of artistic cultures of the East and West [Iskusstvo Zirikhgerana-Kubachi XIII–XV vv. i yego mesto v sisteme kudozhestvennykh kul'tur Vostoka i Zapada]*. Makhachkala: Epoha, 2014. (In Russ.)
2. Shilling EM. *The Kubachins and their culture: Historical and ethnographic studies [Kubachintsy i ikh kul'tura: Istoriko-etnograficheskiye etyudy]*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949. (In Russ.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маммаев М.М. Искусство Зирихгерана-Кубачи XIII–XV вв. и его место в системе художественных культур Востока и Запада. Махачкала: Эпоха, 2014. – 592 с.
2. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 223 с.
3. Расул Алиханов (1922–2000). Ювелирное искусство. Каталог выставки, посвященной 85-летию со дня рождения мастера / Сост. и автор вступ. статьи доктор искусствоведения М.М. Маммаев. Махачкала: Лотос, 2008. 32 с.

3. Rasul Alikhanov (1922-2000). *Jewelry Art. Catalog of the exhibition dedicated to the 85th birth anniversary of the craftsman / Comp. and the author of introduction by D.Sc. in art history M.M. Mammaev [Yuvelirnoye iskusstvo. Katalog vystavki, posvyashchennoy 85-letiyu so dnya rozhdeniya mastera / Sost. i avtor vstup. stat'i doktor iskusstvovedeniya M.M. Mammaev]*. Makhachkala: Lotos, 2008. (In Russ.)
4. *The art of Kubachi. Album [Iskusstvo Kubachi. Al'bom]* / Comp. A.A. Ivanov. Ltninograd: Khudozhhnik RSFSR, 1976. (In Russ.)
5. Kilchevskaya EV. *Decorative art of the aul Kubachi [Dekorativnoye iskusstvo aula Kubachi]*. Moscow: State Publishing House of Local Industry and Artistic Crafts of the RSFSR, 1962. 83 p., 16 tab. ill. (In Russ.)
6. Kilchevskaya EV. *From graphic art to ornament [Ot izobrazitel'nosti k ornamentu]*. Moscow: Nauka. Main editorial of oriental literature, 1968. (In Russ.)
7. Lukonin VG. *The art of ancient Iran [Iskusstvo drevnego Irana]*. Moscow: Iskusstvo, 1977. (In Russ.)
8. Kulikan William. *Persians and Medes. Citizens of the Achaemenid Empire [Persy i midiane. Poddannyye imperii Akhemenidov]* / Trans. from English by L.A. Igorevsky. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2002. (In Russ.)
9. *Atlas to B.A. Dorn's journey across the Caucasus and the southern coast of the Caspian Sea [Atlas k puteshestviyu B.A. Dorna po Kavkazu i yuzhnому poberezh'yu Kaspiyskogo morya]*. Saint Petersburg: Imperial Russian Archaeological Society, 1895. (In Russ.)
10. Bashkirov AS. *The art of Dagestan. Carved stones [Iskusstvo Dagestana. Reznyye kamni]*. Moscow: RANION, 1931.
11. Salmony A. *Daghestan sculptures Art islamica. The research seminary in Islamic Art, Institute of fine Arts, University of Michigan*. V. X. 1943. P. 153-163. Fig. 1-8.
12. Koran. *Translation and comments by IYu. Krachkovsky*. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1963. (In Russ.)
13. Shilling EM. *Kubachi*. Pyatigorsk: Ordzhonikidze Regional Publishing House, 1937. (In Russ.)
4. Искусство Кубачи. Альбом / Сост. А.А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976. 208 с.
5. Кильчевская Э.В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности и художественных промыслов РСФСР, 1962. 83 с., 16 табл. илл.
6. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. 207 с., илл.
7. Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977, 232 с., илл.
8. Куликан Уильям. Персы и мидяне. Поданные империи Ахеменидов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 223 с., илл.
9. Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.: Издание Императорского русского археологического общества, 1895. 9 с., 26 л. табл.
10. Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М.: РАНИОН, 1931. 118 с., 107 табл. илл.
11. Salmony A. Daghestan sculptures // Art islamica. The research seminary in Islamic Art, Institute of fine Arts, University of Michigan. V. X. 1943. P. 153-163. Fig. 1-8.
12. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 714 с.
13. Шиллинг Е.М. Кубачи. Пятигорск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1937. 131 с.

Статья поступила в редакцию 04.02.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163682-713>

Нарожный Евгений Иванович
доктор исторических наук, главный специалист
«Наследие Кубани», Краснодар, Россия
zai_ein@mail.ru

Тищенко Игорь Борисович
начальник отдела археологии
«СпецПоиск», Краснодар, Россия
ig.tishenko2010@yandex.ru

ДВА ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА XIII–XV ВВ. ПОСЕЛЕНИЯ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ-2» (КРЫМСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот два новых и ранее не опубликованных женских захоронения (№ 94 и № 177). Они происходят с территории Нижнего Прикубанья (могильник поселения «Железнодорожное-2») и датируются XIII–XIV вв. Материалы актуализируют потребность в сравнительном анализе их погребального инвентаря и обрядности захоронений не только с других, синхронных, памятников, прилегающих к Нижней Кубани территорий, но и Золотой Орды в целом. Основной целью работы является возможно исчерпывающая характеристика публикуемого погребального инвентаря этих захоронений и определение основных прижизненных занятий погребенных. Часть из них вполне установима – стрижка овец, обработка шерсти, изготовление шерстяных нитей, портняжное дело и т.д. Затрагиваются в статье и некоторые аспекты северокавказско-грузинских связей и отношений эпохи Золотой Орды. Основными задачами публикуемого исследования стали определенные шаги по определению возможных этнокультурных истоков погребенных. Здесь одними из определяющих являются серьги с напускной металлической бусиной асимметричной формы из захоронения № 177. Они, вероятно, указывают на очевидный генезис из материальной культуры черноклобуцких племен южнорусского приграничья (Поросье). В результате массовой миграции во второй половине XIII в. привнесенные на Северный Кавказ черными клубками такие украшения несколько видоизменяются и становятся еще одним аргументом в пользу версии о реальности миграции данных кочевников Поросья на Северный Кавказ. Эти материалы позволяют делать вывод и о том, что потомки указанных переселенцев постепенно «растворяются» в местной этнокультурной среде. Новизна публикуемых материалов потребовала использования вполне конкретных методологических подходов, которые опираются на принципы историзма, системности и объективности. Публикуемые ниже археологические материалы рассматриваются на основе сравнительно-типологического и комплексного анализа вводимых в научный оборот погребальных комплексов.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Нижняя Кубань; Золотая Орда; черные клубки; половцы; Грузия и Северный Кавказ; золотоордынское Поволжье.

© Нарожный Е.И., Тищенко И.Б., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163682-713>

Yevgenyi I. Narozhnyi,
D.Sc., Chief Specialist
«the Heritage of Kuban», Krasnodar, Russia
zai_ein@mail.ru

Igor B. Tishchenko,
Head of the Department of archaeology
Company “Specbook”, Krasnodar, Russia
ig.tishenko2010@yandex.ru

TWO BURIALS OF THE BURIAL GROUND OF THE XIII-XV CENTURY SETTLEMENT «RAILWAY-2» (KRYMSKY DISTRICT OF KRASNODAR TERRITORY)

Abstract: the article introduces two new and previously unpublished female burial sites (No. 94 and No. 177). Dating from the XIII-XIV centuries they come from the territory of the Lower prikuban (burial ground of the settlement «Zheleznodorozhnoye-2»). The materials actualize the need for a comparative analysis of their burial inventory and ritual burials not only from other and synchronous monuments adjacent to the Lower Kuban territories, but also the Golden Horde as a whole. The main purpose of the work is to provide a possible, comprehensive description of the published burial inventory of these burials and to determine the main, lifetime occupations of the buried. Some of them are quite established - shearing sheep, processing wool, making wool threads and tailoring, etc. The article also touches on some aspects of North Caucasian-Georgian relations and relations of the Golden Horde era. The main objectives of the published research are certain steps to determine the possible ethno-cultural origins of the buried. Here, one of the defining ones is the earrings with a false metal bead of an asymmetric shape from burial No. 177. They probably point to their obvious Genesis from the material culture of the chernoklobutsky tribes of the southern Russian border region (Porosye). As a result of mass migration in the second half of the XIII century, introduced to the North Caucasus by black hoods, such ornaments are somewhat modified and become another argument in favor of the version about the reality of migration of these nomads of the pig to the North Caucasus. These materials allow us to conclude that the descendants of these immigrants are gradually "dissolving" in the local ethno-cultural environment. The novelty of the published materials also required the use of quite specific methodological approaches that are based on the principles of historicism, consistency and objectivity. The archaeological materials published below are considered on the basis of a comparative typological and complex analysis of the burial complexes introduced into scientific circulation.

Keyword: North Caucasus; Lower No.I am Kuban; Golden Horde; black hoods; Polovtsy; Georgia and the North Caucasus; the Golden Horde of the Volga region.

© Y.I. Narozhnyi, I.B. Tishchenko, 2020
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Публикации двух новых средневековых захоронений из Нижнего Прикубанья вводят в научный оборот грунтовые захоронения с территории могильника, сопровождавшего золотоордынское поселение «Железнодорожное-2», открытое в 2010 г. и исследованное (12 тыс. кв. м площади) два года спустя. Охранно-спасательные работы здесь проводились в связи с предстоящим строительством крупной ж/д станции [1, с. 374–376; 2, с. 329–330]. Работами рядом с поселением «Железнодорожное-2» был открыт сопровождавший его грунтовый могильник. В научной литературе, несмотря на отсутствие полной публикации всех раскопочных материалов, уже были высказаны некоторые предварительные, но обобщающие наблюдения, например, о верхней дате поселения. Она одними авторами представляется не выходящей за рамки XIV в. [3, с. 29–42, 4, с. 10–15], по мнению других история поселения должна «захватывать», как минимум, начало XV в. [4, с. 10–15 и ср.: 3, с. 29–42, 5, с. 221–224]. Важность такого уточнения очевидна, т.к. датировка поселения определяет и возможную верхнюю дату сопутствующего ему грунтового могильника. Несмотря на присутствие в нескольких захоронениях золотоордынских монет, отнесенных только к XIV в. [3, с. 29–42], в данном случае они не являются хронологически определяющими. На предварительном этапе обсуждения материалов было опубликовано и несколько обзоров наиболее репрезентативных выборок керамических комплексов поселения «Железнодорожное-2» [3–8]. Были опубликованы и предметы вооружения, связанные, как правило, с верхним уровнем культурного слоя поселения [9–10], явно указывавшие и на драматический характер завершающего этапа жизни этого археологического объекта. Были введены в научный оборот пока три грунтовых захоронения могильника поселения «Железнодорожное-2» [11, с. 141–148]. Указанные материалы в качестве «рабочей гипотезы» позволили предположить, что все они не только синхронизируют, но и определяют преимущественно сельский характер всего комплекса выявленных в 2010 г. и исследованных в 2012 г., находящихся рядом друг с другом поселений («Железнодорожное», «Железнодорожное» №№ 1 и 2, «Усенков» и др.), впрочем, как и связанных с ними грунтовых могильники. Скорее всего, весь комплекс отмеченных памятников мог возникнуть в зоне зимников или летников кочевого населения [12, с. 22–32], которое регулярно откочевывало сюда из ущелий береговой полосы Черного моря в районе современного Геленджика [13, с. 399–446, 14, с. 448–451]. Вполне вероятно, что по мере введения в научный оборот новых погребальных комплексов вопросы датировки и трактовки этнокультурного разнообразия населения, оставившего интересующий нас могильник (как и компактные могильники №№ 1 и 2 поселения «Железнодорожное-1»), будут неизбежно уточняться и вносить соответствующие корректизы.

Первое из публикуемых захоронений – погребение № 94 (Рис. 1, A–B) – было выявлено по пятну заполнения ямы на уровне – 66 см от Р (0,2 м от современной дневной поверхности неглубокого строительного котлована). Погребальная яма вытянута с З на В, со скругленными углами, с неровной линией ее С

стенки (Рис. 1, А). Длина ямы 176 см, ширина 56 см, глубина до 34 см от уровня фиксации пятна (Рис. 1, Б-В). Дно неровное. Погребенная – женщина 25–30 лет¹; ее скелет покоился вытянуто на спине, головой и верхней частью туловища склонен к ЮЗ, остальная часть погребенной – по линии З-В (Рис. 1, А). Часть костей скелета потревожена. Длина скелета 135 см, череп раздавлен, завален на левую височную кость, лицевой частью на С (Рис. 1, А). Верхние конечности согнуты в локтевых суставах так, что кости предплечий оказались поверх плечевых, кистями рук к черепу, но фаланги пальцев правой руки – на лопаточной кости правой руки. Кости нижних конечностей фрагментированы, протянуты, сведены в районе стоп.

В ходе расчистки женского захоронения № 94 выяснилось: помимо полного скелета это захоронение содержало и остатки второго, неполного скелета, компактно сложенного поверх грудной клетки первого и представленного несколькими позвонками от позвоночного столба и правым крылом таза (кости молодой женщины).

Захоронение № 94 сопровождалось погребальным инвентарем: под левой височной костью погребенной (Рис. 1, А-1) находился крупный серебряный «бубенчик» (Рис. 2, 1), рядом с которым (Рис. 1, А-2) зафиксирована серебряная шаровидная пуговица с ушком для привешивания (Рис. 2, 2). В центральной части грудной клетки (Рис. 1, А-3) были выявлены мелкие фрагменты от железной обоймы (?) (Рис. 2, 3). У левого локтя скелета (Рис. 1, А-3) лежал мелкий, сильно коррозированный и трудноопределенный фрагмент железа. Между бедренными костями, выше коленного сустава (Рис. 1, А-4), находилась уплощенная пуговица из кашина с двумя сквозными отверстиями, покрытая поливой синего и бирюзового цвета (Рис. 2, 4). Предварительно в отчете эта пуговица была ошибочно обозначена как «пуговица из стеклянной пасты». Еще один, также трудноопределенный и сильно коррозированный, железный предмет отмечен ниже пуговицы из кашина (Рис. 1, А-5), он сразу же распался.

В ногах скелета находилось фрагментированное бронзовое зеркало с ушком на обороте диска для его подвешивания (Рис. 1, А-6. Рис. 2, 8). Вокруг диска и под ним были прослежены остатки деревянного футляра (Рис. 2, 6). У северной стенки ямы, между ней и левой голенью погребенной находились разогнутые и фрагментированные ножницы из железа для стрижки шерсти у овец (Рис. 1, А-7; Рис. 2, 7). Острыми концами ножницы направлены на Ю. При разборке скелета, у его левой плечевой кости (Рис. 1, А-8) обнаружен еще один серебряный «бубенчик», идентичный уже отмечавшемуся выше (Рис. 2, 2). У правого плеча находилась 8-угольная пуговица из раковины с продетым сквозь нее стержнем-петлей из бронзовой проволоки (Рис. 1, А-9, Рис. 2, 9). Под нижней челюстью – бусина из сердолика молочного цвета (Рис. 1, А-10) округлой формы (Рис. 2, 10). Под правым плечом погребенной (Рис. 1, А-11. Рис. 2, 11) находилась раковина каури, под грудной клеткой (Рис. 1, А-12. Рис. 2, 12) – подвеска

¹ Здесь и в следующем случае половозрастная характеристика погребенных определена антропологом Е.Ф. Батиевой (г. Ростов-на-Дону).

из гагата. Там же (Рис. 1, A-13. Рис. 2, 13) выявлены фрагменты раздавленного еще одного (как на Рис. 2, 1) бубенчика.

Второе публикуемое захоронение – *погребение № 177* (Рис. 3, A-B) – было выявлено по пятну заполнения погребальной ямы темно-коричневого, заметно гумусированного суглинка, выявленного на уровне материка (-109 см от R, 0,7 м от дневной поверхности строительного котлована). Грунтовая яма подовальной формы (180x61 см) со скелетом женщины 25-30 лет. Костяк уложен вытянуто на спине, ориентирован головой на СЗ (Рис. 3, A). Сохранность скелета удовлетворительная; его длина 158 см. Череп завален к левому плечу и на грудину. Верхние конечности протянуты вдоль туловища, кисти рук поверх таза. Там же находились и фаланги пальцев обеих рук. Левая лучевая кость на груди. Нижние конечности вытянуты и сведены вместе в районе стоп. Справа (южнее) от черепа находились три позвонка животного (Рис. 3, A-1), возможно, овцы. Слева у черепа (Рис. 3, A-2) обнаружена серебряная серьга с металлической асимметричной бусиной (Рис. 4, 2). Справа от черепа, под нижней челюстью (Рис. 3, A-3) выявлены сильно фрагментированные осколки второго височного украшения – серьги с асимметричной биконической бусиной, но, в отличие от первого образца, серебряная полая бусина «нанизана» не на серебряное, а на бронзовое кольцо. У колена правой берцовой кости (Рис. 3, A-4) – фрагмент костяного шила или иглы подпрямоугольной формы в сечении с обломанным нижним окончанием и сквозным отверстием в верхней части предмета (Рис. 5, 1). В области брюшной полости, слева от позвоночного столба (Рис. 3, A-4. Рис. 5, 2) находились костяные иголки и полая трубочка с заполированной внешней поверхностью (Рис. 5, 2). Под левым крылом таза (Рис. 3, A-6) находились два фрагмента от железного, сильно коррозированного и трудноопределимого предмета (Рис. 5, 5); между бедренными костями (Рис. 3, A-7) – фрагмент железного черешкового ножа (Рис. 5, 4). Снаружи, вдоль левой нижней конечности (район коленного сустава), острыми концами на З (Рис. 3, A-8) лежали фрагментированные железные ножницы для стрижки шерсти у овец (Рис. 4, 3). Поверх «пружины» этих ножниц (Рис. 3, A-9) находилось бронзовое фрагментированное зеркало (Рис. 4, 1). Севернее зеркала (Рис. 3, A-10) отмечена халцедоновая бусина (Рис. 5, 3). Восточнее зеркала (Рис. 3, A-11) – клык кабана длиной 23 см и толщиной 2,6 см (Рис. 5, 9). У левой стопы, в районе фаланг пальцев (Рис. 3, A-12) – железное и фрагментированное шило (Рис. 5, 12). Под затылком погребенной найдена вторая бусина из халцедона, аналогичная первой (Рис. 3, A-13. Рис. 5, 3). За черепом (Рис. 3, A-14) обнаружен четырехгранный в сечении, черешковый наконечник стрелы (Рис. 5, 8). С внешней стороны правого колена (Рис. 3, A-15) находилась сильно фрагментированная костяная орнаментированная пластина (Рис. 5, 6). Под грудной клеткой – три трудноопределимых фрагментированных предмета (Рис. 5, 7, 10-11).

Переходя к атрибуции захоронений и погребального инвентаря из них, в первую очередь обратим внимание на некоторую специфику самих захоронений. Так, в погребении № 94 достаточно необычным было положение верхних

конечностей погребенной. Согнутые в локтях они, напомним, были уложены костями предплечий поверх плечевых костей погребенной (Рис. 1, А). Точно такое же положение верхних конечностей отмечено, например, в погребениях № 9 раскопа III Водянского городища («г. Бельджамен» или «Бездеж» письменных источников) на Нижней Волге [15, с. 159, рис. 75, погр. 9]. Значительно их больше, например, в материалах Новохарьковского грунтового могильника на Дону – погр. №№ 116, 118–120, 133, 135 и 137 [16, с. 78, рис. 32, 3, с. 81, рис. 24, 1–3, с. 89, рис. 28, 2, 4–5], связываемого, преимущественно, с донскими аланами. Аналогичное положение рук было отмечено и в погребениях №№ 29, 32, 34, 48, 69, 73 и др. грунтового могильника XIII–XIV вв. Мамай-Сурка в Запорожье [17, с. 24, рис. 8, 1, с. 27, рис. 9, 1; рис. 10, 11, с. 40; рис. 12, 3, 10]. Такой же микроэлемент трупоположения, хотя и эпизодически, известен также и в погр. 28 могильника Аушедз на Северо-Западном Кавказе [26, с. 70, табл. 14, 1]. Близкий вариант положения рук отмечен и в материалах могильника поселения «Железнодорожное-1» – в парном захоронении № 5 (у женского скелета № 1), хотя в этом захоронении лишь одна из верхних конечностей согнута аналогичным образом [18, с. 194]. Такой же вариант положения лишь одной верхней конечности широко практиковался в погребальных обрядах не только уже упоминавшихся захоронений Водянского, Новохарьковского могильника и некрополя Мамай-Сурка. Интересующий нас характер положения обеих согнутых в локте рук известен и в погребальных обрядах раннесредневекового некрополя на территории античного города Кепы на Тамани (1964 г., участок А, раскопа LI, погребение 1) [19, с. 515, рис. 11, 1].

Погребение № 94 фактически являлось парным захоронением: фрагменты одного, неполного, скелета (позвонки и крыло таза), напомним, находились поверх грудной клетки второго скелета, расположенного в анатомическом порядке по дну грунтовой ямы. Вероятно, остатки неполного скелета – это остатки более раннего захоронения, сначала «изъятого» из могильной ямы для совершения в ней второго (сохранившегося в анатомическом порядке) захоронения, поверх которого затем и были положены останки «изъятого» скелета.

Наличие в погребении №177 трех позвонков животного, отмечавшихся выше, по всей видимости – это следы обрядовой и традиционной заупокойной тризны. Как известно, разнообразные следы подобных ритуалов неоднократно фиксируются специалистами. Как правило, они констатируют, что «в погребениях, датированных XIII–XIV вв.», довольно часто встречаются такие части животных, как «берцовая кость», находящаяся «у изголовья»; в других случаях «рядом с берцовой костью обнаруживалась и лопатка», а «в женских погребениях, в районе поясницы и тазобедренного сустава», в специальной «ямочке размещались 2–3 позвонка барана» [20, с. 158]. Подобные примеры нередко «являются признаком, характерным для тюрок раннего Средневековья и поздних кочевников», например, Забайкалья [20, с. 15–158] и не только [21, с. 165–169]. Кости животных использовались и при поэтапном сооружении курганов над кочевническими захоронениями [22]. Наличие позвонков в

изголовье захоронения № 177, вполне вероятно, имеет определенный «информационный смысл», возможно, подчеркивающий связь захоронения с заведомо тюркскими погребальными традициями.

Определенный интерес представляет и погребальный инвентарь обоих публикуемых захоронений. Так, в погребении № 117 был отмечен единственный предмет, относящийся к категории предметов вооружения – железный черешковый четырехгранный наконечник стрелы (Рис. 5, 8). Длина его 5,4 см, длина боевой части – 3,3 см, в сечении – 0,7×0,8 см; его тип – характерный для золотоордынской эпохи.

Предметы домашнего обихода в публикуемых захоронениях представлены несколькими типами и экземплярами: в первую очередь – это ножницы для стрижки шерсти овец из погребений № 94 и № 177 (см.: табл.). Несмотря на фрагментарность ножниц из погр. № 94, их размеры приводятся по обмеру в захоронении на момент фиксации. Оба предмета изготовлены из округлого металлического прута диаметром 0,8 см, согнутого пополам. В месте перегиба прут расплощивался в т.н. «пружину», и получавшейся «пружине» придавались разные конфигурации: есть ножницы округлой, овальной, подпрямоугольной и подквадратной форм. Однако в двух последних случаях их углы срезались (скруглены). Затем концы согнутого прута расковывались в лезвия

Табл.: Общие сведения о предметах.

Table: General information about items.

№ №	№ погр.	Рис.	Общая длина	«Пружина»	Длина лезвия	Ширина лезвия
1.	№ 94	Рис. 2, 7	24,5 с	Округлая $D = 4,5$	12 см	3,4 см
2.	№ 177	Рис. 4, 3	26 см.	Овальная, $d = 4,6$ см	12,5 см	2,1 см

подтреугольной формы в сечении, изгибалась наружу. Слабо различаясь внешне, а также и в размерах, такой тип ножниц для стрижки овец встречается в разноэтнических и, исключительно, женских захоронениях. Характерны они для средневековых захоронений в разных ландшафтных зонах на всем пространстве от Азово-Черноморского побережья до Каспийского моря – в Адыгее [23, с. 172, Табл. III, 4; 24, с. 200, рис. 4, 8–9], в материалах Цемдолинского курганно-гребенчатого могильника [25, с. 123, рис. 54, 15], могильника Аушедз [26, с. 62, табл. 6, 6 и др.], в т.ч. и в материалах раннего средневековья [27, с. 51, табл. XXII, 8 и др.]. Значительно отличаются от них ножницы для стрижки овец с территории, например, высокогорной Ингушетии: на них «пружина» изготавливается не в виде расплощенной части прута, а прут просто сворачивался в 2 оборота [28, с. 77, рис. 3, с. 81, рис. 8, 8–9, с. 83, рис. 9, 10, 17 и др.]. Находясь

в погребениях в районе пояса или же, как в случае с публикуемыми захоронениями, вдоль нижних конечностей, ножницы для стрижки овец (и не только овец), если судить по материалам Келийского могильника в Ингушетии, являются устойчивым маркером для захоронений именно «взрослых женщин». Одновременно такие находки указывают и на одно из наиболее распространенных, сугубо женских, прижизненных занятий.

В погребении № 177 было зафиксировано сразу два шила, первое из которых находилось у колена правой берцовой кости (Рис. 2). Шило (или шило-игла) фрагментировано (обломано острие), изготовлено из заполированной кости, в сечении подпрямоугольной формы (Рис. 5, 1). Сечение: 0,6x0,5 см, диаметр округлого ушка в верхней части предмета 0,2 см; учитывая наличие ушка, в принципе, предмет мог использоваться и как игла. Второе шило (Рис. 5, 12) черешковое, с обломанной «рабочей» частью.

В области брюшной полости, слева от позвоночного столба погребения № 177, отмечены мелкие фрагменты от 4-5-ти мелких костяных иголок и трубчатая полая игольница (Рис. 5, 2). Ее длина 4 см, диаметр 0,8 см, диаметр отверстия внутри – 0,6 см. Внешняя поверхность предмета заполирована, по поверхности дополнительно нанесен орнамент в виде мелко врезанных поперечных и парных полосок (вдоль краев и в средней части). Близкие аналогии встречаются достаточно часто [26, с. 80, табл. 25, 3; 31, с. 116, рис. 69, 3, с. 128, рис. 76, 9, с. 274, рис. 164, 3].

Отмеченные выше предметы – шилья, иголки и игольница – являются еще одним маркером, характеризующим другую разновидность прижизненных домашних промыслов, вероятно, связанных с портняжным делом внутри семьи.

В захоронении № 177, между бедренными костями, находился фрагмент железного черешкового ножа (Рис. 5, 4) с лезвием шириной 1,2 см, толщина спинки 0,4 см. Ножи данного типа хорошо известны в средневековых захоронениях как степного (кочевого), так и населения горной зоны региона [22, с. 143; 29, с. 88].

В погребении № 177, с внешней стороны (вдоль) правого коленного сустава, находилась костяная орнаментированная декоративная пластина-накладка, состоявшая из пяти фрагментов (Рис. 5, 6). Ее ширина – 1,1, толщина 0,15 см. С оборотной стороны – следы приклейивания предмета. Скорее всего – это декоративная накладка для деревянной рукояти ножа (?), несмотря на то, что фрагмент ножа в захоронении находился не совсем рядом.

В обоих захоронениях были обнаружены бронзовые зеркала. В захоронении № 94 металлический диск находился в ногах, у левой стопы скелета, среди фрагментов плохо сохранившегося его деревянного футляра (Рис. 2, 6). Возможность атрибуции остатков дерева вокруг зеркала как остатков его футляра сегодня подтверждают и другие известные случаи фиксации подобных футляров для зеркал на других территориях Золотой Орды [30, с. 256, рис. 4, 10]. Диаметр футляра публикуемого зеркала реконструируется на 1,6 см больше диаметра зеркала. Диск фрагментирован, без орнамента и бортика по внешнему

краю, на обороте зеркала имеется ушко для привешивания. Диаметр зеркала – 19,5 см.

В захоронении № 177 бронзовое зеркало, аналогичное вышеотмеченному, также без орнамента и бортика, с обломанной ушком-петлей на обороте, находилось к Ю от левой голени. Зеркало значительно меньшего диаметра, чем зеркало из погребения № 94. Его диаметр 9 см (Рис. 4, 1). Южнее зеркала отмечен клык дикого кабана длиной 23 см и толщиной 2,6 см. Сочетание обеих находок (зеркало + клык кабана) – достаточно частое явление для захоронений золотоордынского времени. Зеркала без орнамента, разных диаметров с географической точки зрения встречаются достаточно широко [30, с. 257, рис. 5, 5–9]. Фрагменты аналогичных зеркал есть на территории расположенного рядом поселения «Железнодорожное-1» [32, с. 142, рис. 1, 1], а также в погребальных комплексах Цемдолинского курганно-гребенчатого могильника под Новороссийском [33, с. 110, рис. 20, 5], в материалах пока до сих пор еще не опубликованного Убинского могильника [34, с. 143–153; 35, альбом: с. 88, рис. 48], на Верхнем и Среднем Дону [16, с. 56, рис. 21, 9] и т.д.

Определенный интерес представляют пуговицы-«бубенчики». В погребении № 94 их две: одна из них раздавлена, во фрагментах; другой экземпляр целый (Рис. 2, 1) – крупный серебряный «бубенчик»-пуговица (Рис. 2, 1). На них прослеживается декор из припаянных окружностей со сквозным отверстием в центре окружностей. Близкий орнамент отмечен у пуговиц-«бубенчиков» в материалах уже упоминавшегося Новохарьковского могильника XIII–XIV вв. на Дону [16, с. 56, рис. 21, 4–6].

Другой тип пуговиц-«бубенчиков» (Рис. 1, А-2) также из серебра, пуговицы шаровидной формы, с уплощенным ушком подтреугольной формы для привешивания (Рис. 2, 2). Тулово диаметром в 1 см, диаметр отверстия ушка – 0,3 см.

Еще одна пуговица (Рис. 2, 8) из погребения № 94, изготовленная из слабовыпуклой створки раковины морского моллюска, округло-многоугольной формы. В ее центральной мишени просверлено сквозное отверстие, в которое вставлена бронзовая проволока, согнутая пополам таким образом, что под ракушкой она образует петлю. На выходе из отверстия наружу раковины концы проволоки слегка разведены в разные стороны, что не позволяло проволочной петле высакивать из отверстия. Интересно, что в материалах курганного могильника «Криница» (под Геленджиком), в нескольких отдельных захоронениях лошадей, также было выявлено несколько изделий из раковин морских моллюсков, но иной формы и иного утилитарного назначения.

Особый интерес представляет, например, глиняная пуговица (мелкопористый кашин молочно-белого цвета в изломе), полностью покрытая поливой с одной (внешней) стороны бирюзового цвета, а с другой – синего цвета с зеленоватым отблеском (Рис. 2, 4). Пуговица находилась между бедренными костями погребенной (погр. № 94), к З от коленного сустава (Рис. 1, А-4). Она имела два сквозных отверстия (Рис. 2, 4). Мы уже указывали на предварительное (в научном отчете) ошибочное ее обозначение как «пуговицы из стеклянной пасты»,

что является характерным и для многих других атрибуций находок подобных предметов. Диаметр пуговицы 1,6 см, толщина 0,4 см, диаметр отверстий 0,3 см.

Подобные предметы (детали одежды), помимо территории Золотой Орды, имелись, например, в г. Новом Сарае [36, с. 71, тип В1]. Близкие, но «зубчатой» по краям конфигурации, находки таких же пуговиц из золотоордынского кашана ныне известны из материалов XIII – XIV вв. недавних раскопок Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии [37, с. 63, рис. 5, 1–16]. Но наиболее близкие аналогии связаны с погребальными памятниками горной Ингушетии XIII–XIV вв. [28, с. 78, рис. 4, 6, с. 79, рис. 5, с. 80, рис. 6, 2–4, с. 82, рис. 7, 40, 49–50, 38, с. 103, рис. 2], куда они, несомненно, попадали из Золотой Орды и, скорее всего, через Татартуп – так называемый Верхний Джулат. Отмечены они и в христианских захоронениях, например, у одной из церквей Ильичевского городища на р. Урупе (исследование В.Н. Каминского, не опубликовано), а также близ церкви Иоанна Предтечи в Керчи [39, с. 372, рис. 17, 57–60, с. 374, рис. 18, 7–9, 39–42]. Несколько пуговиц известно и из Восточной Картли (Грузии), где такие же пуговицы связаны с погребальными комплексами «XII–XIV вв.» могильника Накалакари, отождествляемого с городским кладбищем средневекового города Жинвали. Но и там такие же пуговицы ошибочно называют «стеклянными» [40, с. 163–180, табл. LXVI; 41, с. 12, рис. 3, 10], на что уже указывалось в литературе [38, с. 100]. Если происхождение кашинных пуговиц Змейского катакомбного могильника и из публикуемого нами захоронения с Кубани и Крыма, из погребений высокогорной Ингушетии было связано с их производством и торговлей внутри Золотой Орды, то не совсем ясно происхождение таких же пуговиц из Восточной Грузии. Было ли это следствием существования аналогичных ремесел на территории государства Хулагуидов или же результатом миграционных процессов, в частности, известного по письменным источникам переселения в начале 1260-х гг. части северокавказских аланов из округи Дедякова – Верхнего Джулата – Татартупа в Закавказье. Тогда, как известно, «овска» и «царствующая особа» Лимачав, длительное время опосредованная властью Джучидов в данном микрорегионе Северного Кавказа, вместе со своими двумя малолетними сыновьями-царевичами – Бакатаром и Пареджаном, а также с князьями из ближайшего окружения уходит с войсками Хулагуидов из Придарьялья. Представ сначала «перед самим Хулагу», Лимачав, как это описывал грузинский «Хронограф» XIV в., получает от него «вознаграждение за службу». Вассально зависимый от Ильханов грузинский царь определяет этим северокавказским переселенцам места для постоянного их проживания – «некоторые из них» оказываются в г. Дманиси, а другие в г. Жинвали [42, с. 200]. Вполне вероятно, что в контексте данного сообщения можно рассматривать причины некоторого притока в Восточную Грузию различных золотоордынских импортов, включая и интересующие нас детали одежды, в том числе и кашинные пуговицы. А из Грузии на территорию Восточного Придарьялья стали активно поступать собственно «грузинские» предметы материальной культуры, разнообразие которых давно отмечалось не только в погребальном

инвентаре горных могильников Восточного Придарьялья этого же времени. На территории городища Верхний Джулат – Татартуп В.А. Кузнецовым были выявлены и грузинские эпиграфические находки.

В публикуемых нами погребениях могильника поселения «Железнодорожное-2» было и несколько украшений. Среди них – раковина каури (Рис. 2, 9) из погр. № 94, обнаруженная под плечом, непосредственно у грудной клетки погребенной. Такие находки являются характерными для археологических материалов золотоордынского времени, их аналогии можно встретить не только в пределах всей Золотой Орды, включая, например, захоронения могильника Мамай-Сурка на Украине [31, рис. 20, 3, с. 215, рис. 74, 4, с. 225, рис. 136, 4 и др.]. Известны они и в высокогорной Ингушетии [28, с. 82, рис. 7, 33], территория которой, как известно, в пределы Золотой Орды не входила.

Среди украшений была *привеска* из гагата (Рис. 2, 10), находившаяся под плечом, рядом с раковиной каури. Привеска – подтрапециевидной формы с выступом в верхней части (сбоку выступа – сквозное отверстие). Высота предмета 2,8 см, ширина – 1,9 см, толщина 0,9 см. Диаметр отверстия – 0,25 см. Близкие по форме привески, но из других различных материалов, хорошо известны в золотоордынских памятниках: привеска из сердолика происходит, например, из материалов XIII–XIV вв. г. Болгара [43, с. 62, рис. 4, 2]. Близкая, но подтреугольной формы привеска из кашина, покрытая поливой, есть в материалах золотоордынского времени Змейского катакомбного могильника [37, с. 61, рис. 4, 9, 13].

Разнотипные бусы (Рис. 2, 10; Рис. 5, 3) различаются не только по своей форме, но и материалу, из которого они изготовлены: стекло, сердолик и халцедон, в публикуемых нами материалах они немногочисленны.

Описываемые стеклянные бусы хорошо известны в золотоордынских памятниках Восточной Европы [44, с. 149–217]. В погребении № 94, под нижней челюстью погребенной отмечена бусина окружной формы из сердолика молочного цвета (Рис. 2, 10), диаметром 0,8 см, диаметр отверстия 0,1 см. Сердоликовые бусы яркого цвета с различными оттенками, как известно, были известны широко в эпоху средневековья. Обычно указывают на Индию и Южную Америку как регионы с давними традициями добычи и обработки сердолика, хотя отмечается наличие таких же месторождений «в Крыму, в Бурятии и Якутии, и Хабаровском крае». Со ссылкой на ал-Бируни отмечается, что многие средневековые ремесленники «питали нелюбовь к сердолику по причине его неподатливости к обработке». Однако в разных регионах мира были известны приписываемые сердолику, якобы, лечебные свойства – облегчение при родах, в излечении опухолей, прыщей и ран от меча. В грузинском источнике X в. сохранилась рекомендация по растворению сердолика в воде и растиранию этой водой больного [43, с. 11]. По типологии М.Д. Полубояриновой, публикуемая сердоликовая бусина может быть сопоставлена с типом 1 – шаровидные, окружные в сечении бусы. Сердоликовые бусы данного типа хорошо известны в материалах эпохи Золотой Орды.

Обе халцедоновые бусины – округло-шестигранные, высотой 1,6 и 1,7 см, диаметром 1 и 1,2 см, диаметр отверстия 0,2 и 0,3 см.

Как известно, халцедон – разновидность кварца, полупрозрачный камень разных цветов. Его месторождения обычно соседствуют с месторождениями сердолика. На территории России халцедон известен в Забайкалье, Сибири (по Енисею и Лене), на Урале, в Крыму и соседних странах – в Грузии, Средней Азии, Китае, в Европе [43, с. 36–37]. Бусы из халцедона хорошо известны в древностях эпохи Золотой Орды.

Важными, на наш взгляд являются находки целой и фрагментированной серег с асимметричной бусиной из погр. № 177 (Рис. 4, 2).

Первая серьга (Рис. 4, 2) отмечена с левой стороны погребенной, под черепом. Орнаментированная асимметричной формы бусина серьги – из серебра, на несомкнутом серебряном кольце. Полая внутри бусина спаяна из двух полусферических частей, поверх места соединения рельефно выступающих их краев, по спайке, проходит узкая пластинка, декорированная косыми насечками. Конусы бусины украшены окружностями, составляющими треугольную фигуру. Кольцо диаметром 2,4 см, толщиной (диаметр прута) 0,2 см. Максимальный диаметр бусины – 2,2 см, диаметр вершины конусов 0,6 см.

Справа от черепа, под нижней челюстью погребенной находились сильно фрагментированные осколки второй такой же серьги с асимметричной биконической бусиной, но, в отличие от первого украшения, серебряная полая бусина второй серьги была «нанизана» не на серебряное, а на бронзовое кольцо.

Точно такие же серьги, но без орнамента, ныне хорошо известны по линии Геленджик – Туапсе, Новороссийск – Анапа – Крымск [45, с. 217; 46, с. 211], за пределами этого ареала отдельные находки таких серег отмечены в горах Северной Осетии, в материалах могильника Мамай-Сурка в Запорожье [46, с. 211], а также в захоронении № 47 западного придела церкви «Святых 40 мучеников» в Велико-Тырново (Болгария) [47, с. с. 141, обр. 5]. В любом случае, такие серьги с асимметричной бусиной справедливо рассматривают как наиболее поздний дериват украшений типа IV (с симметричной биконической бусиной), имеющий и другой вариант (тип V) – биконическая бусина с коническими выступами на ней [36, с. 38, рис. 6, IV и V]. Е.А. Армарчук серьги с асимметричной бусиной датирует даже «XIV–XV вв.» [46, с. 211]. Однако с этнокультурной точки зрения серьги типов IV и V, следовательно, и серьги с асимметричной бусиной нередко называют сугубо «половецкими», категорически датируя их «домонгольской» эпохой [48, с. 127 – 140, 49, с. 42]. В других случаях исследователи полагают: «нельзя полностью исключать, что такой тип украшений мог бытовать у северокавказских кочевников и в XI – начале XIII вв.» [50, с. 239]. Однако ссылки С.Н. Малахова и его армавирских коллег на мнение Г.А. Федорова-Давыдова и Е.А. Армарчук, якобы, настаивавших на указанном, исключительно «половецком», их тождестве, не совсем соответствуют действительности. Книга Г.А. Фёдорова-Давыдова, на которую они ссылаются – это цельная и все время «развивающаяся» от первой до последней страницы

система размышлений Г.А. Фёдорова-Давыдова, из которой «выдергивать» отдельные фразы или предложения, не разобравшись во всей этой системе, как минимум, непродуктивно. Если набраться терпения и дочитать всю совокупность аргументов Г.А. Фёдорова-Давыдова, т.е. дочитать ту же самую работу чуть-чуть дальше, то речь идет о том, что «особое внимание ... вызывают серьги или височные кольца типа IV и (их вариант) типа V (т.е. с «рогатой» бусиной. – Авт.). Эти серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине. Такой узкий ареал ранних находок серег IV и V типов заставляет предположить, что они принадлежали черным клубкам» [36, с. 153], невзирая даже на то, что «в археологической литературе за серьгами типа IV закрепилось ни на чем не основанное название «половецкие серьги» или височные кольца» [36, с. 153, прим. 113]. В результате и была сформулирована версия Г.А. Фёдорова-Давыдова (1966 г.) о возможной миграции кочевников из Поросья (черные клубки) в Поволжье, в Пруто-Поднестровье и на Северный Кавказ, произшедшей в золотоордынское время. Наличие таких украшений (тип IV и V, а теперь и варианта типа IV с асимметричной бусиной) на Северном Кавказе золотоордынского времени, включая и такую находку в золотоордынском г. Маджаре на р. Куме, обусловило не только «реанимацию» этой версии. Такая миграция на Северный Кавказ, по мнению одного из авторов данной статьи, могла произойти под эгидой Ногая, уже контролировавшего территорию Поросья и в 1260-х гг. отправленного под Дербент для участия в военных действиях против Хулагуидов. Данное переселение вряд ли представляло собой передвижение только «ограниченного воинского контингента», как полагают, например, И.Н. Анфимов и Ю.В. Зеленский, а представляло собой массовое перемещение, напоминающее присущие и вполне традиционные для кочевников черты «освоения новых территорий», в рамках которого обычно происходило массовое перемещение целыми родами, ордами, хогонами и семьями [45, с. 212–223; 51, с. 138–150]. Е.А. Армарчук по поводу этого варианта версии отметила: «Е.И. Нарожный поддерживает и развивает гипотезу Г.А. Фёдорова-Давыдова о перемещении черных клубков в золотоордынское время». В качестве «археологической базы Е.И. Нарожный использует, главным образом, северокавказские комплексы с кочевническими украшениями, в т.ч. височными кольцами с биконической бусиной и дериваты». «Концепция Е.И. Нарожного интересна и, возможно, перспективна, если в дальнейшем будут подключаться не только вещевые комплексы, но и сопутствующий им погребальный обряд и обоснованные датировки. Пока же привлеченных комплексов слишком мало ... и часть их является случайными находками» [46, с. 204]. С этими утверждениями можно было уже тогда соглашаться не во всем. Указывая на типологизированные Г.А. Фёдоровым-Давыдовым черноклобуцкие погребальные обряды [46, с. 204], Е.А. Армарчук, на что уже указывалось в литературе [52, с. 713 – 732], ссылаясь именно на черноклобуцкие типы кочевнических захоронений (БХIII–БХIV) Г.А. Фёдорова-Давыдова, связывает их ... с «половцами» [53, 37–41]. Однако Г.А. Фёдоров-Давыдов писал совершенно об

обратном. Некоторую ясность в этом отношении недавно внес проф. В.А. Иванов. Расширяя исходную источниковую базу для новой статистической обработки средневековых кочевнических захоронений, он включил и соответствующие погребальные комплексы с территории Северного Кавказа, что позволило ему констатировать факт некоторой типологической обособленности курганов XIII–XIV вв. степей Северного Кавказа в сравнении с синхронными памятниками в большинстве локальных курганных групп Восточной Европы (за исключением Правобережной Украины и Волго-Донского междуречья). «На мой взгляд, – продолжает В.А. Иванов, – это хорошо согласуется с концепцией И.А. Дружининой, В.Н. Чхайдзе² и Е.И. Нарожного о переселении в середине XIII в. кочевников южнорусского пограничья – черных клубков – на Северный Кавказ. Их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть населения этого региона» [54, с. 61]. На этом фоне необходимо указать и на новые находки серег типа IV на территории Калмыкии, которые позволили их исследователям утверждать: «в целом, наиболее предпочтительной выглядит гипотеза Г.А. Фёдорова-Давыдова и Е.И. Нарожного о перемещении значительных групп кочевников (черных клубков) в золотоордынское время (XIII – XIV вв.) из Поросся и южнорусского пограничья в Поволжье и на Северный Кавказ» [50, с.239]. На этом фоне необходимо обратить внимание и на то, что некоторые погребальные обряды (типы Б XIII и Б XIV по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова), известные, например, в курганах под Анапой – Новороссийском [32, с. 112; 53, с. 37–41], на наш взгляд, не совсем обоснованно были датированы в пределах только XII в. [32, с. 112], что явно противоречит мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, который считал их характерными для черных клубков золотоордынского времени. Да и опубликованное относительно недавно еще одно захоронение этого типа из Цемдолинского могильника под Новороссийском, по мнению Е.А. Армарчук и А.А. Малышева, было с незначительными отличиями от «классических» захоронений типа Б XIII (по той же типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова). Это, в принципе, должно отражать различные реалии того времени, включая и активные миксационно-ассимиляционные процессы, приводившие, вероятно, к «модернизации» привнесенных сюда извне традиционных обрядов, включая и обряды, характерные для черных клубков, оказавшихся на Северном Кавказе [56, с. 138–142, 57, с. 208–215]. В итоге их активное участие в местных этнокультурных процессах, так или иначе, должно было не только трансформировать привнесенную обрядность, но и заметно влиять хотя бы на какую-то их часть местных обрядов. В других случаях, подобное

² В.А. Иванов, обосновывая свой вывод, ссылается на весь авторский состав коллектива использованной им коллективной монографии, но, наверное, не обратил внимания на то, что в целом ряде примечаний мы использовали такие ссылки: «прим. И.А. Дружининой и В.Н. Чхайдзе» или «прим. Е.И. Нарожного». Обусловлено это было отнюдь не тем, что «авторы не пришли к единой точке зрения», как полагает Ю.В. Зеленский [55, с.142]. Все три указанных автора заранее договорились о том, что, при наличии у них принципиально разных мнений об этнокультурной принадлежности публикуемых захоронений, каждый останется при своем мнении, обозначив это в соответствующих примечаниях. По-крайней мере, такая договоренность позволила совместно ввести в научный оборот публикуемый материал, сохранив при этом и свои убеждения.

этнокультурное взаимодействие могло приводить и к полному «растворению» части черных клубков в местной этнокультурной среде, на что явно указывает, например, одно из трупосожжений Цемдолинского могильника, в инвентаре урны которого была и серьга типа V. Среди других, также черноклобуцких, захоронений на том же могильнике были и коллективные [58, с. 154–158; 59]. Самые ранние из них изначально сопровождались скелетом лошади, но со временем эта традиция забывалась. Постепенная и неоднозначная интеграция черных клубков вполне объясняет и отмечаемые инновации, встречаемые не только в погребальной обрядности, но и в материальной культуре кочевников, наглядно демонстрирующей происходившие изменения. В результате чего происходит не только распространение в регионе украшений типов IV и V, но и, как это отмечает Е.А. Армарчук, малозаметные изменения таких украшений в их разновидности, которые были встречены в публикуемом захоронении № 177 (серьги варианта импа IV с асимметричной бусиной). Также «кривизна и длина цемдолинских сабель» стала вполне «укладываться в соответствующие параметры черноклобуцких древностей XII – первой пол. XIII в.» [33, с. 95]. Ныне известны и другие черноклобуцкие заимствования в военном деле обитателей Северного Кавказа [67, с. 599 – 640].

Вместе с тем, на фоне объективного нарастания тех или иных доказательств в пользу современных представлений о времени и условиях появления и пребывания черных клубков на Северном Кавказе, по-прежнему, сохраняется и определенный скепсис в отношении данной проблемы. Например, ссылаясь на другого своего предшественника, также являвшегося одним из основных наших оппонентов, В.Г. Блохина (г. Волгоград), В.Н. Чхайдзе практически отвергает вышеотмеченную гипотезу Г.А. Фёдорова-Давыдова и ее развитие Е.И. Нарожным. Аргументирует он это ссылкой на наблюдения Е.А. Армарчук 2006 г., полагая, что: «такие украшения не являются этноопределяющим» показателем [60, с. 231]. К тем же наблюдениям Е.А. Армарчук апеллирует и С.Н. Малахов вместе с группой своих армавирских коллег-историков [49, с. 42]. Е.А. Армарчук, стремясь разобраться в проблеме возможного этнокультурного генезиса интересующих нас украшений, действительно, писала о неясности их этнокультурной принадлежности. Тем не менее, она вполне определенно подчеркивала: «Те новые материалы, которые появились после выхода в свет трудов С.А. Плетневой и Г.А. Фёдорова-Давыдова о средневековых кочевниках, не позволяют нам уверенно связывать эти украшения с конкретным кочевым народом. Значит термин «половецкие серьги» следует применять только как дань традиции, помня о его условности, ибо он не исчерпывает реальное распространение этих украшений» [46, с. 213–214]. Кроме того, В.Н. Чхайдзе указывает, что появление на Северном Кавказе «височных колец³ с биконической нанизкой и коническими шипами Е.И. Нарожный связывает с высказанной им

³ Здесь мы солидарны с Е.А. Армарчук в том, что подобные украшения являются серьгами, а не височными подвесками или кольцами, как их называет В.Н. Чхайдзе.

гипотезой о переселении беклярибеком Ногаем⁴ в 60-е годы XIII в. черных клубков с территории Поднестровья и Побужья в Предкавказье. ... Однако какие-либо данные о деятельности Ногая в западном улусе Золотой Орды до 70-х гг. XIII в. отсутствуют», что не так однозначно [51, с. 138–150]. Ссылаясь на две работы В.Г. Блохина, к сожалению, недавно и безвременно ушедшего из жизни, В.Н. Чхайдзе разделяет его умозаключение о том, что появление «Ногая в 60-х гг. на Северном Кавказе не означает перемещения черных клубков в этот регион». Действительно, В.Г. Блохин последовательно, в нескольких своих публикациях (их полный перечень см.: [21, с. 165–169, 58, с. 154–158]), не соглашался с указанной версией. Однако В.Н. Чхайдзе не учитывает, например, еще одну из последних работ В.Г. Блохина, опубликованную им совместно с М.В. Кривошеевым. Публикуя новое кочевническое захоронение из Волгоградской области, в инвентаре которого были и серьги типа V (с «рогатой» биконической бусиной), указанные авторы признают: «наблюдения ... о перемещении в золотоордынский период поросских кочевников в Поволжье находят еще одно подтверждение» [61, с. 322]. Полагаю, что это – шаг к признанию того факта, что исход в XIII в. черных клубков из мест традиционных кочевий – мера, прямо связанная с политической обстановкой золотоордынского времени, во многом предопределившая не только сам этот исход, но и его широкую географию. Г.А. Фёдоров-Давыдов, картографировавший основные направления таких миграций, все же учитывал и опирался на гораздо более широкий спектр факторов таких перемещений.

В.Н. Чхайдзе солидарен и с Е.А. Армарчук в том, что «датировки Е.И. Нарожным височных колец завышены» [60, с. 231]. Тезис этот, в принципе, понятен, но в данном случае он выглядит в значительной мере голословным, т.к. нет никаких конкретно указанных тому доказательств. Наоборот, выше мы уже приводили примеры того, как те или иные авторы, ссылаясь на разные страницы одной монографии Г.А. Фёдорова-Давыдова, «отстаивали» разную, преимущественно «домонгольскую», а не золотоордынскую принадлежность одних и тех типов «половецких» или же не совсем «половецких» украшений.

Завершая свой обзор, мы сошлемся и на значительно более широкий ареал бытования серег типов IV, V, а также и с асимметричной бусиной, ныне известных не только в составе «клада XIV в. в Будешты» [36, с. 153]. Сегодня они присутствуют на территории Болгарии [47, с. 141, обр. 5, 62, с. 109, 63, с. 30, рис. 20, 1, 64, с. 33, фиг. 33, а] и Румынии [65, с. 303, рис. 1, 5–6, с. 304, рис. 2, 1–2, 5–6]. Вероятно, и эти артефакты также были связаны своими истоками с черными клубками Поросья, оказавшимися в орбите политической активности все того же Ногая, из-под Дербента, вернувшегося на приданайские границы Золотой Орды и возглавившего затем военные вторжения в пределы Юго-Восточной Европы. Возможно, что участие черных клубков в этих акциях

⁴ Если быть более точным, речь шла не о преднамеренном «переселении Ногаем» черных клубков, а об отправке золотоордынской администрацией Ногая к Дербенту. Ногай же вовлек в этот процесс многих из подчиненных ему кочевых подразделений с территории своего домена.

поспособствовало распространению указанных типов украшений и в отмеченных европейских ареалах. Любопытно, что там, в местных условиях, эти, явно привнесенные, украшения очень быстро превращаются в дериваты с явными следами их местной доработки [66].

Таким образом, вводимые в научный оборот всего лишь два грунтовых захоронения могильника поселения «Железнодорожное-2» не только представляют определенный научный интерес, но и дают конкретные поводы для их историко-культурной интерпретации. Они демонстрируют, например, приверженность части населения, оставившего этот некрополь, к общезолотоордынской культуре, ее торгово-ремесленным традициям, «обеспечивавшим» это население характерными для всей территории Золотой Орды предметами – предметами домашнего быта и обихода (проколки, иголки, зеркала и пр.), украшениями (раковины каури, стеклянные, сердоликовые и пр. бусы, привески и т.д.). Находясь в среде активных этномиксационных процессов, отдельные захоронения или даже их группы сохранили некоторые, хотя и не всегда яркие, маркеры тех или иных традиций, восходящих к возможным этнокультурным истокам явно «домонгольского» времени, что, бесспорно, может указывать на географию их происхождения. Другие материалы этого же могильника позволяют рассматривать отдельные аспекты, до сих пор являющиеся спорными и дискуссионными, но явно свидетельствующие о значительно более глубинных процессах формирования материальной культуры Золотой Орды, известный «синкрезизм» которой определяется участием в процессе значительно более широкого, евразийского этнокультурного представительства. Полагаем, что по мере дальнейшего ввода в научный оборот погребений данного грунтового могильника указанные явления и процессы получат еще большее подтверждение и развитие.

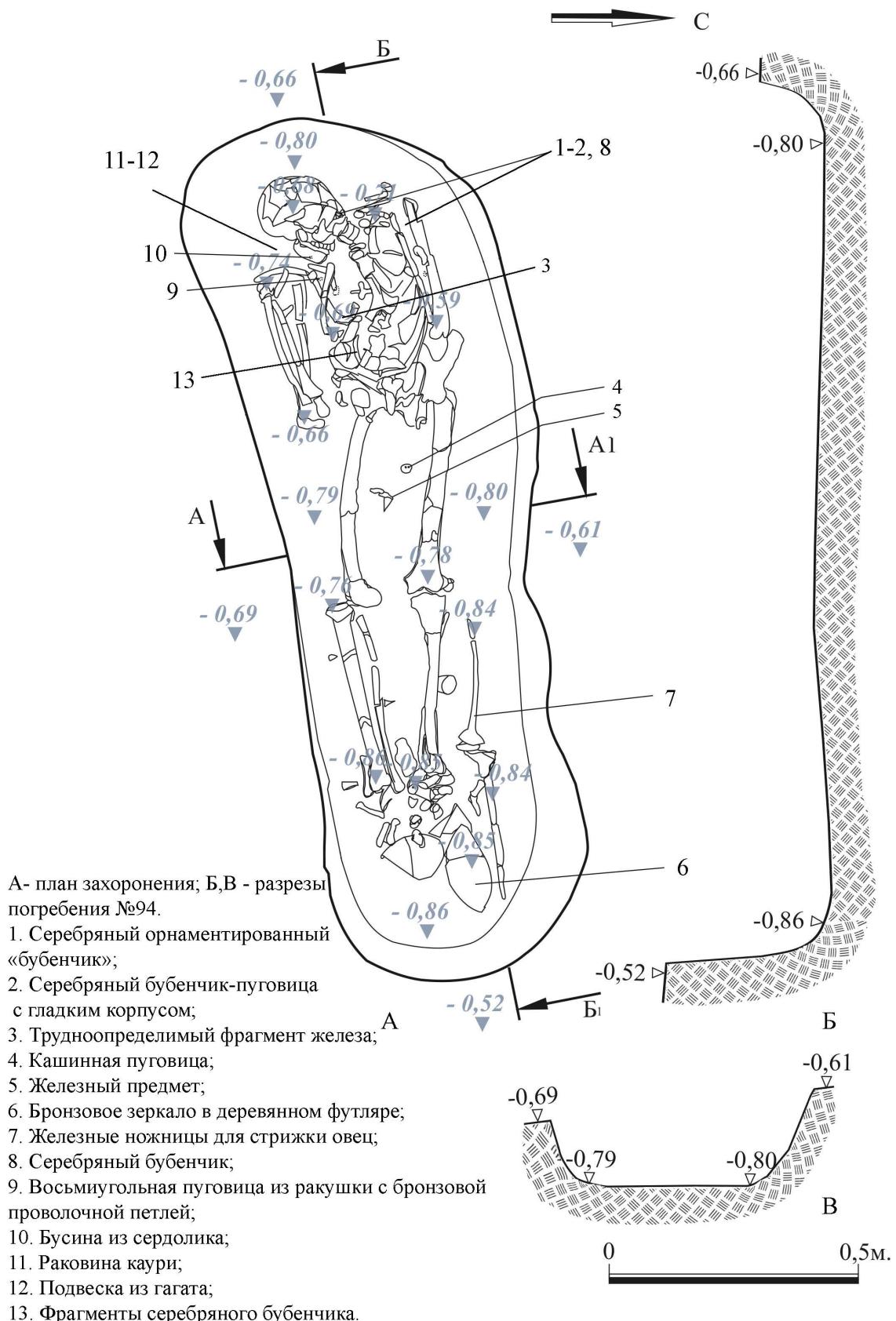

Рис.1. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 94. А – план; Б-В – разрезы

**Fig. 1. Soil burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnaya-2".
Plan and sections of burial No. 94. A-plan; B-C-sections**

Рис. 2. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». Погребальный инвентарь захоронения № 94

Fig. 2. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Burial inventory of burial No. 94

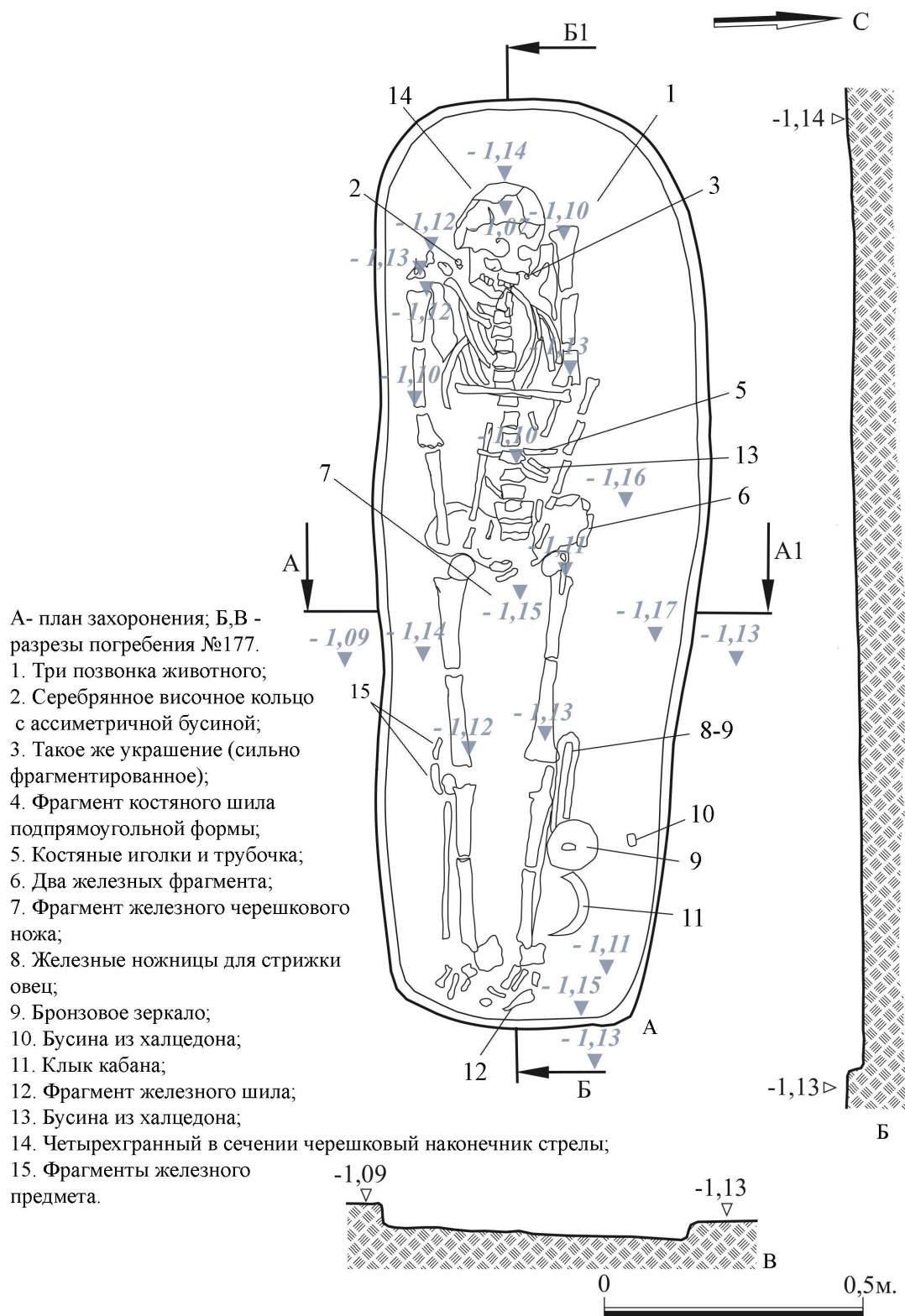

Рис. 3. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 177. А – план; Б-В – разрезы

Fig. 3. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Plan and sections of burial № 177. A-plan; B-C-sections.

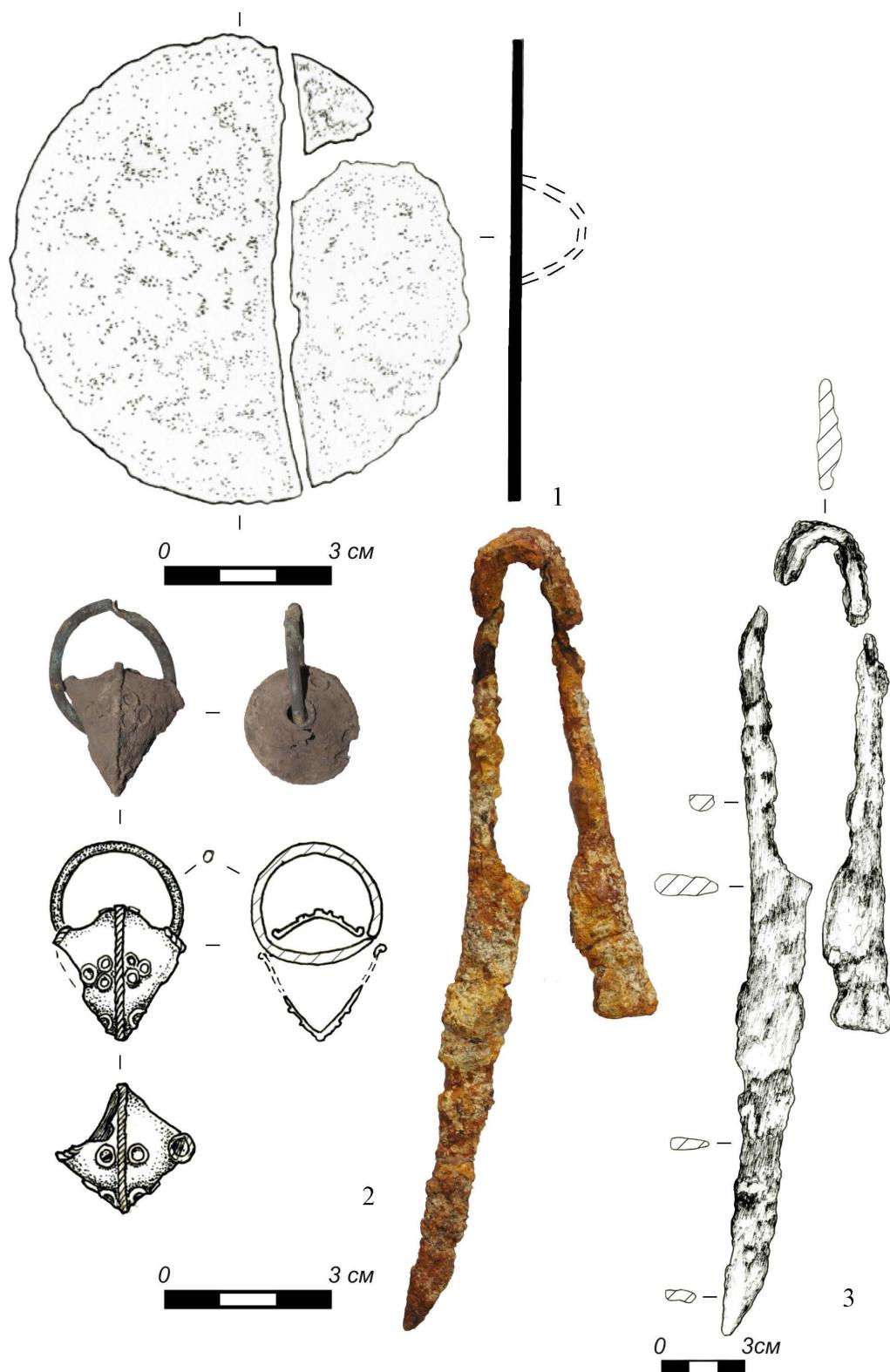

Рис. 4. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 177. Погребальный инвентарь

Fig. 4. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2".
Plan and sections of burial № 177

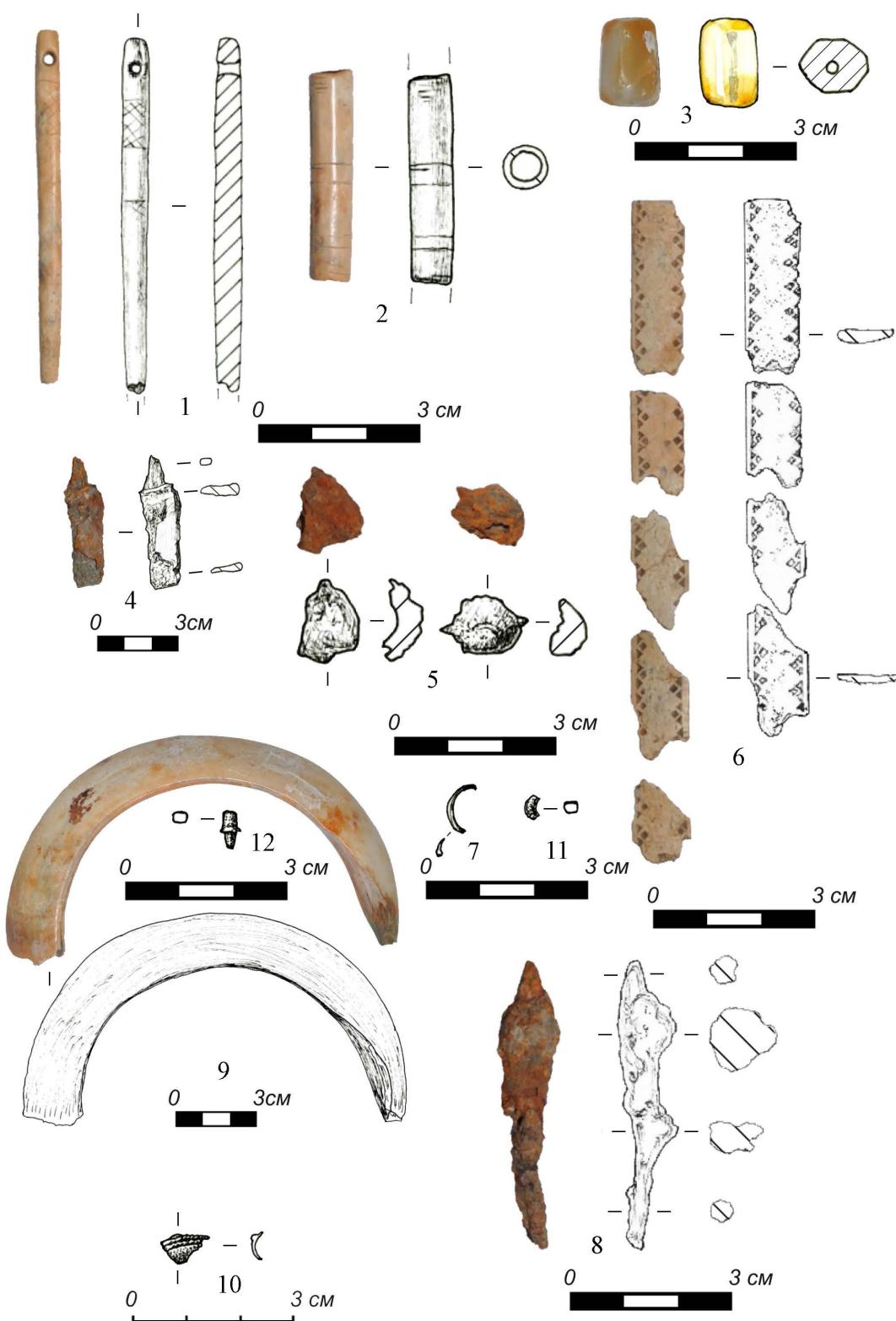

Рис. 5. Грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2». План и разрезы погребения № 177. Погребальный инвентарь

Fig. 5. Underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2". Plan and sections of burial № 177

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б. Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Круповские чтения». Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 374–376.

2. Василиненко Д.Э., Жеребилов С.Е., Тищенко И.Б. Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края (предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Круповские чтения / Ов. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 329–330.

3. Барагамян Р.А., Василиненко Д.Э., Тищенко И.Б. Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения Железнодорожное-2 // Археология и этнография Понтийско-кавказского региона / под ред. И. Кузнецова. Вып. 2. Краснодар: КубГУ, 2014. С. 29–42.

4. Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина реки Адагум) (XIII–XIV вв.) // Археология евразийских степей. Вып. 23: Материалы Первого межрегионального Маджарского археологического форума / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдиков. Составитель Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 10–15.

5. Мокрушин В.П. Нарожный Е.И., Соков П.В. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова). Казань – Ялта – Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 221–224.

6. Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс керамики XIII–XV вв. поселений и могильника в Крымском районе Краснодарского края // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: ФГБОУ ВО «АлтГУ», 2017. С. 186–187.

REFERENCES

1. Narozhnyj EI., Sokov PV., Tishenko IB. Security and rescue research at the underground burial ground of the settlement "Zheleznodorozhnoye-2" (Krymsky district of Krasnodar Krai). *E. I. Krupnov and the development of archeology in the North Caucasus. XXVIII "Krupnosti reading." Proceedings of the international scientific conference (Moscow, April 21-25, 2014).* [E.I. Krupnov i razvitiie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-25 aprelya 2014 g.). Moscow: IA RAS, 2014:374-376 (In Russ)].

2. Vasilinenko DE., Zherebilov SE., Tishenko IB. Archaeological research of the medieval settlement "Zheleznodorozhnoye-2" in the Crimean district of Krasnodar territory (preliminary report). *E. I. Krupnov and the development of archeology in the North Caucasus. XXVIII Kropkowski read (Moscow. April 21-25, 2014).* [E.I. Krupnov i razvitiie arheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-25 aprelya 2014 g.). Moscow: IA RAN, 2014:329–330. (In Russ)].

3. Baragamyan RA., Vasilinenko DE., Tishenko IB. Two groups of late medieval ceramic vessels from the settlement of Zheleznodorozhnoye-2. *Kuznetsov I, editors Archeology and Ethnography of the Pontic-Caucasus region-[Arheologiya i etnografiya Pontijsko-kavkazskogo regiona].* Vyp. 2. Krasnodar: KubGU, 2014. 29–42. (In Russ).

4. Zherebilov SE., Maslovskij AN. Ceramic complex of the settlement Zheleznodorozhny II (Western Zakubanye, Adagum river valley) (XIII-XIV centuries). *Archeology of the Eurasian steppes. Issue 23: Materials of the First interregional Madzhar archaeological forum (Pyatigorsk, Budennovsk, September 24-25, 2012).* [Materialy Pervogo mezhregionalnogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma (Pyatigorsk, Budyonnovsk, 24-25 sentyabrya 2012 g.)]. Kazan: publishing house "Kazan real estate", 2016: 10-15. (In Russ)

5. Mokrushin VP. Narozhnyj EI., Sokov PV. About the internal topography of the settlement of the XIII–XV centuries. "Railway-1" (Krymsky district of Krasnodar territory): preliminary observation. *Dialogue of urban and steppe cultures*

7. Василиненко Д.Э., Тищенко И.Б. Керамический комплекс Нижнего Прикубанья золотоордынского времени. Предварительное сообщение // Археология евразийских степей. (Материалы VIII международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова»). Казань, 2018. №4. С. 216–221.
8. Майко В.В., Василиненко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. Симферополь: КФУ, 2014. №. XXX. С. 329–337.
9. Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное», «Железнодорожное» № 1 и № 2 XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края) // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Барнаул: ФГБОУ ВО АлтГУ, 2017. С. 188–189.
10. Нарожный Е.И., Соков П.В. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе Сборник научных статей в 3-х томах. Т. 2. / Отв. ред. А.П. Деревянко и А.А. Тишкун. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 283–287.
11. Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. Грунтовый могильник XIII–XIV вв. поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Археология евразийских степей (Материалы VIII международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова»). Казань, 2018. №4. С. 141–148.
12. Нарожный Е.И. Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани: (некоторые актуальные направления в их изучении) // Социально-гуманитарный вестник. 2019. Вып. 24. С. 22–32.
13. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Средневековые курганы урочища «Молоканова Щель» (г. Геленджик – сел. Прасковеевка) // Археология евразийских степей Материалы VIII международной in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh international conference dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov). [Dialog gorodskoj i stepnoj kultur na evrazijskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy. Materialy Sedmoj mezhunarodnoj konferencii, posvyashchenoj pamjati G.A. Fedorova-Davydova]. Kazan-Yalta-Kishinev: Stratum plus, 2016. 221-224 (In Russ)
6. Vasilinenko DE., Narozhnyj EI., Sokov PV. Complex of ceramics of the XIII–XV centuries settlements and burial grounds in the Crimean district of Krasnodar territory. V (XXI) Vserossijskij Arheologicheskij sezda. Sbornik nauchnyh trudov. Barnaul: FGBOU VO «AltGU. 2017:186–187. (In Russ)
7. Vasilinenko DE., Tishenko IB. The ceramic complex of the Lower Kuban region of the Golden Horde time. Preliminary report. Archeology of the Eurasian steppes. (Materials of the VIII international conference " Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space, dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov).2018;4:216-221. (In Russ)
8. Majko VV., Vasilinenko DE., Sokov PV., Tishenko IB. Materials for the typology, chronology and branding of certain types of Byzantine amphorae of the XIII-XIV centuries. (based on the materials of the Eastern Crimea and Western Zakuban). Bosphoran research. 2014;XXX:329-337. (In Russ)
9. Vasilinenko DE., Narozhnyj EI., Sokov PV. Complex of weapons items from the cultural layer of the settlements "Railway", " Railway "№ 1 and №2 "XIII-XV centuries. (Krymsky district of Krasnodar territory). V (XXI) All-Russian Archaeological Congress. Barnaul: FGBOU IN Alt-su. 2017:188-189. (In Russ).
10. Narozhnyj EI., Sokov PV. Items of weapons from the cultural layer of the settlements of Zheleznodorozhnoye-1 and 2 (XIII-XV centuries) (Crimean district of Krasnodar territory). Derevyanko A.P. i Tishkin A.A. editors Proceedings of V (XXI) All-Russian archaeological Congress in Barnaul-Belokuriha Collection of scientific articles in 3 volumes. [Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda v Barnaule-Belokurihe Sbornik nauchnyh statej v 3-h tomah]. Vol. 2. Barnaul: publishing house of Altai State Technical University. 2017:283-287 (In Russ).

конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. 2018.№4. С. 399–446.

14. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Предварительные итоги раскопок археологических памятников урочища «Молоканова щель» (сел. Прасковеевка – г. Геленджик Краснодарского края) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Карачаевск, 22-29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КГУ, 2018. С. 448–451.

15. Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009-2010 гг. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2011. – 174 с.

16. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Авторы: Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, А.З. Винников, И.В. Волков, М.В. Козловская, А.Д. Пряхин, Цыбин М.В. Воронеж: ВГУ, 2002. – 200 с.

17. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Т.1. Запорожье: ЗГУ, 2001. – 275 с.

18. Нарожный Е.И., Соков П.В. К этнокультурной характеристике погребенных могильников №№1 и 2 поселения «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края) // Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения выдающегося учёного-кавказоведа Ю.Н. Воронова / Гл. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Дом печати, 2018. С. 191–199.

19. Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. 2006. Вып. 10. С. 487–517.

20. Табалдиеv К.Ш. Традиции, связанные с животными в погребальной практике кочевников Тянь-Шаня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. Археология и этнография. 2013. Т. 12. Вып. №:3. С. 157–167.

21. Нарожный Е.И. Два погребальных комплекса из золотоордынского Азака и их северокавказские аналогии // Донские

11. Narozhnyj EI., Tishenko IB. Soil burial ground of the XIII-XIV centuries. settlement "Railway-2" (Crimean district of Krasnodar territory). *Archeology of the Eurasian steppes (Materials of the VIII international conference "Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space, dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov").* 2018;4:141-148 (In Russ)

12. Narozhnyj EI. Archaeological sites of the XIII-XV centuries in the Kuban: (some current trends in their study). *Social and humanitarian Bulletin.* 2019;24:22-32. (In Russ)

13. Dmitriev AV., Narozhnyj EI., Sokov PV. Medieval mounds of the tract "Molokanova Schel" (Gelendzhik-village. Praskoveyevka). *Archeology of the Eurasian steppes. (Materials of the VIII international conference "Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space, dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov").* 2018;4:399-446. (In Russ).

14. Dmitriev AV., Narozhnyj EI., Sokov PV. Preliminary results of excavations of archaeological monuments of the tract "Molokanova gap" (village. Praskoveyevka-Gelendzhik, Krasnodar territory). Kochkarov U.Yu, editor. *The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the middle ages. XXX "Krupnosti reading." Materials of the international scientific conference (Karachayevsk, April 22-29, 2018) [Kavkaz v sisteme kulturnyh svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekove. XXX «Krupnovskie chteniya». Materialy mezhdurochnoj nauchnoj konferencii (Karachaevo, 22-29 aprelya 2018 g.)].* Karachayevsk: KSU, 2018:448-451 (In Russ).

15. Lapshin AS., Myskov EP. Research on the Vodyansky site of ancient settlement in 2009-2010. [Issledovaniya na Vodyanskom gorodishe v 2009-2010 gg.]. Volgograd: LLC "Tsaritsyn printing company". 2011:174. (In Russ)

16. Novoharkovsky burial ground of the Golden Horde epoch / Authors-TI. Alekseeva, AP. Buzhilova, AZ. Vinnikov, IV. Volkov, MV. Kozlovskaya, AD. Pryakhin, MV. Tsybin [Novoharkovskij mogilnik epohi Zolotoj Ordy /Avtory – T.I. Alekseeva, A.P. Buzhilova, A.Z. Vinnikov, I.V. Volkov, M.V. Kozlovskaya, A.D. Pryahin, Cybin M.V.]. Voronezh: VSU. 2002:200. (In Russ)

17. Elnikov MV. The medieval burial ground of Mamai-Surka (based on research materials from 1989-1992) Vol. 1 [Srednevekovyj mogilnik Mamaj-Surka (po materialam issledovanij

- древности. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во АМЗ, 2019. Вып. 12. С. 165–169.
22. Дружинина И.А., Чхайдзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / Отв. ред. М.В. Горелик. Армавир-Москва: РИЦ АГПА, 2011. – 266 с.
23. Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи /Отв. ред. Н.В. Анфимов, П. У. Аутлев – Майкоп (б.и.), 1984 – С.164–172.
24. Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее // Материальная культура Востока/Отв. ред. С.В. Волков – М.: Наука. 2005 – Вып.4 – С.186–202.
25. Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-гребенчатый могильник – Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История 2014 – 132 с.
26. Белов М.А., Раев Б.А. Могильник Аушедз как источник по истории племен Северо-Западного Кавказа в эпоху средневековья. Серия: Материалы и исследования Юга России – Вып. II./Оив. Ред. С.И. Лукьяненко – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019 – 88 с.
27. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи /Отв. Ред. Н.В. Анфимов. –Майкоп. 1985 – С.16–64.
28. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа /Отв. ред. Н.И. Кирей – Краснодар: КубГУ. 1984 – С.68–91.
29. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимовоздействия эпохи Золотой Орды) /Отв. ред. В.Б. Виноградов – Армавир: «Армавирский полиграфкомбинат» 2005. – 210 с.
30. Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. /Отв. ред. А.В. Евлевский – Донецк: ДонГУ, 2003 – Т.3. – С. 245 –274.
31. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.) – Т.II – Запорожье: ЗНУ, 2006. – 356 с.
- 1989–1992 гг.) Т.1]. Запорожье: ЗСУ, 2001:275. (In Russ).
18. Нарожный ЕИ., Sokov PV. To the ethnocultural characteristics of the buried burial grounds №1 and 2 of the settlement "Zheleznodorozhnoye-1" (Krymsky district of Krasnodar territory). *Bgazhba O.H., editor. Archaeological discoveries in the Caucasus and neighboring regions: chronology and interpretation of monuments". Collection of materials of the International scientific conference "dedicated to the 75th anniversary of the birth of the outstanding scientist-kavkazov Yu. N. Voronov (November 20-24, 2016, Sukhum)*. [Arheologicheskie otкрытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников». Сборник материалов Международной научной конференции», posvyashyonnoj 75-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya uchyonogo-kavkazoveda Yu.N. Voronova (20-24 noyabrya 2016 g., g. Suhum)]. Sukhumi: House of printing, 2018:191–199. (In Russ)
19. Chhaidze VN. Medieval rural settlement on the hillfort of Kepa. *Antiquities Of Bosporus. [Drevnosti Bospora]*. 2006;10:487–517. (In Russ)
20. Tabaldiev KSh. Traditions related to animals in the burial practice of nomads of the Tien Shan. *Bulletin of Novosibirsk state University. Series: History and Philology. Archaeology and Ethnography. [Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i filologija. Arheologija i etnografija]*. 2013;12(3):157–167. (In Russ)
21. Нарожный ЕИ. Two burial complexes from the Golden Horde Azak and their North Caucasian analogies. *Don antiquities. Materials of the international scientific conference [Donskie drevnosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii]* Azov: Publishing house:AMZ. 2019;12:165–169. (In Russ)
22. Druzhinina IA., Chhaidze VN., Narozhnyj EI. Medieval nomads in the Eastern Azov region [Srednevekovye kochevniiki v Vostochnom Priazove]. Armavir-Moscow: RIC AGPA 2011:266. (In Russ)
23. Tarabanov VA. Medieval burials of the Leninohablsky burial ground (according to excavations in 1975). *Anfimov NV. and Outlev PU, editors The questions of archaeology of the Republic of Adygea [Voprosy arheologii Adygei]*. Maykop. 1984:164–172. (In Russ).

32. Нарожный Е.И., Соков П.В. Фрагменты металлических зеркал с территории поселения «Железнодорожное -1» // МИА Северного Кавказа / Под. ред. Е.И. Нарожного – Вып. 15 – Амавир- Краснодар: НАО «Наследие Кубани», 2015 – С. 139–142.
33. Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах – Вып. 3 – Армавир-Москва, 1993. – С. 92–114.
34. Нарожный Е.И. Убинский средневековый археологический комплекс: актуальные проблемы изучения // Золотоордынское наследие. Материалы VI международного Золотоордынского форума. – Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2019 – С. 143–153.
35. Дружинина И.А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. канд. истор. наук. Исторические науки: 07.00.06 – археология – М.: ИА РАН – 622 с. Режим доступа: chromeextension://mhjfbmdgcfjbbraeojofohoefgehjai/index.html Дата обращения: 10.03. 2020 г.
36. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – Москва: МГУ, 1966 – 274 с.
37. Леонтьева А.С. Кашиные изделия в погребениях Змейского катакомбного могильника // Поволжская археология – 2018 – № 4 (26) – С. 56–70.
38. Жилина Е.В. Кашиные изделия из Келийского могильника XIII–XIV веков // Археологический журнал. – 2007 – №1 – С. 97–102.
39. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики – Вып. VI – Симферополь: СГУ, 1998. – С. 344–393.
41. Джорбенадзе В.А. Могильники развитого средневековья в Арагвском ущелье – Тбилиси: ЦАИГ, 1991 – 12 с.
42. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник / Под ред. В.К. Гарданова – Т. VII – М.: Наука, 1980 – С. 192–208.
43. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды – Москва: ИА РАН, 1991 – 112 с.
24. Noskova LM. Medieval burial ground on the Pshish river in Adygea. Volkov SV, editor *Material culture of East [Materialnaya kultura Vostoka]*. Moscow: Nauka. 2005;4:186–202. (In Russ).
25. Armarchuk EA., Dmitriev AV. *Tsem-doliny burial-ground burial ground [Cem-dolinskij kurganno-gruntovoj mogilnik]*. Moscow-Saint-Petersburg: Nestor-histories. 2014:132. (In Russ).
26. Belov MA., Raev BA. *Aushedz burial ground as a source for the history of tribes of the North-West Caucasus in the middle ages. Series: Materials and research of the South of Russia. Issue II [Mogilnik Aushedz kak istochnik po istorii plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v epohu srednevekovya. Seriya: Materialy i issledovaniya Yuga Rossii. Vyp. II]*. Rostov-on-Don: publishing house of SSC RAS, 2019:88. (In Russ)
27. Lovache NG. Burial grounds at the mouth of the river. Psekups. Anfimov N. V, editors *The questions of archaeology of the Republic of Adygea [Voprosy arheologii Adygei]*. Majkop, 1985:16–64. (In Russ).
28. Vinogradov VB., Narozhnyj EI. Burials of the Keli burial ground (mountain Ingushetia). Kirej N.I, editors. *Archaeological and ethnographic research of the North Caucasus [Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza]*. Krasnodar: Kubgu, 1984:68–91. (In Russ)
29. Narozhnyj EI. *Medieval nomads of the North Caucasus (some debatable problems of ethno-cultural interaction of the Golden Horde epoch). Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza (nekotorye diskussionnye problemy etnokulturalnogo vzaimovozdejstviya epohi Zolotoj Ordy)*. Armavir: "Armavir polygraph plant", 2005:210. (In Russ)
30. Narozhnyj EI. About Polovtsian statues and shrines of the XIII–XIV centuries. The North Caucasus and the Don. Evglevsky A. V, editors. *Steppes of Europe in the middle ages [Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya]*. Donetsk: DongU, 2003;3:245–274. (In Russ)
31. El'nikov MV. *The medieval burial ground of Mamai-Surka (based on research materials from 1993–1994). [Srednevekovyj mogil'nik Mamaj-Surka (po materialam issledovanij 1993–1994 gg.)]*. Zaporizhzhya: the Zaporizhzhya national University, 2006;2:356. (In Russ)

44. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Под ред. Г.А. Федорова-Давыдова –М: Наука. 1988 – С.149–217.
45. Нарожный Е.И. Половцы или черные клубки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) //МИА Северного Кавказа – Вып. 2 – Армавир: РИЦ АГПИ. 2003 – С. 212–223.
46. Армарчук Е.А. «Половецкие серьги» // МИА Поволжья. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плётневой /Под ред. Ю. Зеленеева – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. 2006 – С. 231–257.
47. Владимиров Г.В. Археологически находки от Западната пристройка на църквата «Св. Четиридесет мъченици» в Търново: волжкобългарски аристократ, кумански войн или златоордински посланик е погребан в гроб № 47? // Приноси към българската археология /Под ред. Б. Петрунова, А. Аладжова, Е. Василева – Т. VII – София, 2013 – С.139–152. (на болгарском яз.).
48. Goltbiolowska-Tobasz A. Baba kamienna z kolekcji Muzeum_Archeologicznego w Krakowie // Materiały Archeologiczne. – 2010 – Bd. XXXVIII – S. 127–140 (на польском яз.).
49. Малахов С.Н., Гурова Е.А., Басов В.И., Приймак Ю.В. Половецкое изваяние из окрестностей хутора Веселый // Семнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Тезисы докладов) – Армавир-Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020 – С. 40–44.
50. Лопатин В.А., Малышев А.Б. Два средневековых погребальных комплекса из Калмыкии // Археология Восточноевропейской степи. Межвузовский сборник научных статей /Под ред. В. А. Лопатина – Саратов: СГУ. 2018 – С. 227–243.
51. Нарожный Е.И. Черные клубки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья – Вып.14: Археология восточноевропейской лесостепи / Под ред. А.Д. Пряхина – Воронеж: ВГУ, 2000 – С. 138–150.
52. Нарожный Е.И. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблем) // Этногенез и этническая
32. Narozhny EI., Sokov PV. Fragments of metal mirrors from the territory of the settlement "Zheleznodorozhnoye-1». *Narozhny EI, editors. MIA of the North Caucasus-Issue [MIA Severnogo Kavkaza]*. Vol.15 Armavir – Krasnodar: NAO "the Heritage of Kuban", 2015:139–142. (In Russ)
33. Armarchuk EA., Malyshev AA. Medieval burial ground in the valley of the tsemes. *Munchaev RM, editors. Historical and archaeological almanac-Issue 3 [Istoriko-arheologicheskij al'manah]*. Vol. 3. Armavir-Moscow, 1993: 92–114. (In Russ).
34. Narozhny EI. Ubinsky medieval archaeological complex: current problems of study. *Mirgaleev IM, editors. Golden Horde heritage. Materials of the VI international Golden Horde forum [Zolotoordynskoe nasledie. Materialy VI mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo foruma]*. Cazan: Publishing house: SH. Marjani Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019:143–153. (In Russ).
35. Druzhinina IA. *Funerary monuments of the North-Eastern black sea region and the North Caucasus of the XIII–XVIII centuries as a source for the history of the Adyghe peoples*. Moscow: IA RAS:622.
36. Fedorov-Davydov GA. *Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans. [Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlast'yu zolotoordynskih hanov]*. Moscow: MSU, 1966:274. (In Russ)
37. Leontiev AS. *Kasynie products in Zmeyskaya the catacomb burials of the burial ground. Povolzhskaya arheologiya*. 2018;4(26):56–70. (In Russ)
38. Zhilina EV. Kashinny products from the Cell burial ground of the XIII–XIV centurie. *Arheologicheskij zhurnal*. 2007;1:97–102. (In Russ)
39. Makarova TI. Archaeological excavations in Kerch near the Church of John the Baptis. Aybabin AI., editors. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. Issue VI. Simferopol: SSU. 1998;6:344–393 (In Russ)
40. Jorbenadze VA. *Excavations of the Zhinvali Nakalakari burial ground in 1972. Zhinvali. Archaeological research in the Aragva gorge*. Tbilisi: Metsniereba,1983;1:163–180 (In Russ)
41. Jorbenadze VA. *Burial Grounds of the developed middle ages in the Aragva gorge [Mogilniki razvitetogo srednevekovya v Aragvs-kom ushchel'e]*. Tbilisi: CAIG, 1991:12.

- история народов Кавказа. Материалы I международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) / Отв. ред. Ш.А. Гапуров – Грозный: ЧГУ, 2018. – С. 713–732.
53. Армарчук Е.А. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. Т.В. Гусева – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 37–41.
54. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 208 с. + илл.
55. Зеленский Ю.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности кочевнических погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья XIII–XIV вв. // VI международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: «Экоинвест», 2013. – С. 142–143.
56. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья // Кочевые цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы. Сборник материалов III международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.И. Дроздов и др. Красноярск-Кызыл: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2012. – С. 138–142.
57. Нарожный Е.И. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII–XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. III международный конгресс средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. Н.Н. Крадин и А.Г. Ситников. – Владивосток: «Дальнаука», 2017. – С. 208–215.
58. Нарожный Е.И. Парные кочевнические захоронения XIII–XIV вв. на Северном Кавказе: аналогии и этнокультурный контекст // Кочевые Империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии / Отв. ред. Б.В. Базаров и Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во: Бурятского науч. центра Сибирского отд-я РАН, 2019. – С. 154–158.
42. Tsulaya GV. Georgian "X44. ronograph" of the XIV century about the peoples of the Caucasus. In: Gardanov VK, editors. *Caucasian ethnographic collection [Kavkazskij etnograficheskij sbornik]*. Moscow: Nauka, 1980;7:192–208 (In Russ).
43. Poluboyarinova MD. *Jewelry from colored stones of Bolgar and the Golden Horde [Ukrasheniya iz cvetnyh kamnej Bolgara i Zolotoj Ordy]*. Moscow: IA RAS, 1991:112. (In Russ).
44. Poluboyarinova MD. Glass products of the Bulgarian settlement. In: Fedorov-Davydov GA, editors. *City Of Bolgar. Essays on craft activities [Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoj deyatelnosti]*. Moscow: Nauka, 1988:149–217. (In Russ).
45. Narozhny EI. Polovtsy or black hoods? (About the critical notes of IN. Anfimov and Yu V. Zelensky). In: Narozhny EI, editors. *MIA of the North Caucasus- [MIA Severnogo Kavkaza]*. Issue 2. Armavir: RIC AGPI. 2003;2:212–223. (In Russ)..
46. Armarchuk EA. «Polovtsian earrings». In: Zelenev Yu, editors. *MIA of the Volga region. Collection of articles for the anniversary of Professor S. A. Pletneva [MIA Povolzh'ya. Sbornik statej k yubileyu professora SA. Plyotnevoj]*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 2006:231–257. (In Russ)..
47. Vladimirov GV. Archaeological finds from the Western extension of the Church of St. Forty martyrs in Tarnovo: volzhkobylgarsky aristocrat, cumanski warrior or zlatoordinsky Ambassador was buried in grave number 47? In: Petrunova B, Aladzhova A, Vasileva E, editors. *Contribution to Bulgarian archaeology. [Prinosi k "m b "lgarskata arheologiya]*. Sofia, 2013;7:139–152. (in Bulgarian).
48. GoltbioIowska-Tobasz A. Baba kamienna from the collection of the Historical Museum in Krakow. *Archaeological*. 2010;Bd. XXXVIII: 127–140 (in Polish).
49. Malahov SN., Gurov EA., Bass V., Pryimak V. Polovtsian statue from the vicinity of the farm Fun. *Seventeenth readings on the archaeology of the Middle Kuban (Abstracts). [Semnadcatye chteniya po arheologii Srednej Kubani (Tezisy dokladov)]*. Amavir-Stavropol: Dizan-Studio B, 2020:40–44.
50. Lopatin VA., Malyshov AB. Two medieval burial complex of Kalmykia Republic. In: Lopatin V. A, editors. *Archaeology of the Eastern European steppe. Intercollegiate collection of scientific*

59. Нарожный Е.И. Коллективные захоронения в курганах и грунтовых могильниках Северного Кавказа XIII–XV вв. // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения» по археологии Кавказа / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала. 2020 (в печати).
60. Чхайдзе В.Н. Детали женского головного убора из погребений кочевников восточноевропейской равнины XII–XIV вв. // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой /Отв. ред. А.В. Чернецов, сост. И.Н. Кузина – Москва: ИА РАН, 2017 – С. 218–234.
61. Кривошеев М.В., Блохин В.Г. Средневековое погребение из одиночного кургана в Котельниковском районе Волгоградской области // Степи Европы в эпоху средневековья – Т.10 /Под ред. А.В. Евлевского.– Донецк: ДонГУ, 2012 – С. 315–324.
62. Павлов П., Владимиров Г. Златната Орда и Българите – София: Военное изд-во ЕООД. 2009 – 176 с.(на болгарском яз)
63. Владимиров Г.В. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. – Казань: ИА АН РТ, 2018 – 128 с.
64. Владимиров Г.В. Обеци с форма на въпросителен знак от средновековна България (XIII–XIV в.). За материалните следи от куманите Златната Орда в културата на Второто Българско царство – София, 2019 – 88 с. (на болгарском яз.).
65. Оца С., Джорджеску М. К вопросу об уточнении датировки клада из Войнешть (жудец Яссы) // Stratum plus – №6 – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест: «Stratum», 2016. – С. 301–320.
66. Нарожный Е.И. Г.В. Владимиров о времени, путях и условиях распространения серег в виде знака вопроса на Балканах // Вестник Владикавказского научного центра РАН – №4 – Владикавказ. 2020 – (в печати).
67. Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два захоронения воинов кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда – Т.2 /Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова – Казань-Кишинев: Stratum plus, 2019. – С. 599–640.
- ic articles.[*Arheologiya Vostochno-Europejskoj stepi. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej*]. Saratov: SSU, 2018:227–243. (In Russ).
51. Narozhny EI. Black hoods in the North Caucasus. About the time and conditions of relocation. In: *Pryakhin AD, editors. Eurasian steppe and forest-steppe in the early middle ages. Issue 14: Archaeology of the Eastern European forest-steppe. [Evrazijskaya step'i lesostep' v epohu rannego srednevekov'ya. Vyp.14: Arheologiya vostochnoeuropejskoj lesostepi]*. Voronezh: VSU, 2000:138–150 (In Russ).
52. Narozhny EI. About "ethnocultural", "ethnomixation" and "ethnoforming" processes of the XIII–XV centuries in the North-Eastern black sea region (debatable aspects of the problem). In:, *Gapurov Sha. Editor. Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the Caucasus. Proceedings of the I international scientific Congress Nakh (the city of Grozny. September 11–12, 2018) [Etnogenез i etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza. Materialy I mezhdunarodnogo nakhskogo nauchnogo kongressa (g. Groznyj. 11–12 sentyabrya 2018 g.)]*. Grozny: ChSU, 2018:713–732 (In Russ)
53. Armarchuk EA. About Polovtsy in the North-West Caucasus. In: *Guseva TV, editor. Volga region in the middle ages. Abstracts of the all-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of G. A. Fedorov-Davydov (1931–2000) [Povolzh'e v srednie veka. Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu s dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000 gg.)]*. Nizhny Novgorod: publishing house of NGPU, 2001:37–41. (In Russ).
54. Ivanov VA. *Nomads of the Golden Horde: history, culture, religion [Kochevniki Zolotoj Ordy: istoriya, kul'tura, religiya]*. Ufa: publishing house of the BSPU, 2015:208. (In Russ).
55. Zelensky V. To the question on ethno-cultural background of steppe nomadic burials of the Kuban area and the Eastern Zakubanye the XIII–XIV centuries. In: *Marchenko II, editor. Sixth international Kuban archaeological conference. Conference proceedings [SHestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya. Materialy konferencii]*. Krasnodar: "Ekoinvest", 2013:142–143 (In Russ).
56. Narozhny EI. Medieval nomads of the Eastern black sea region. In: *Drozdov NI. et al., editor. Nomadic civilizations of the peoples of Central Asia: history, state of the problem.*

Collection of materials of the III international scientific and practical conference [Kochevye civilizacii narodov Central'noj Azii: istoriya, sostoyanie problemy. Sbornik materialov III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Krasnoyarsk-Kyzyl: KSPU named after VP. Astafiev, 2012:138-142 (In Russ).

57. Narozhny EI. Nomads of the North Caucasus: ethno-cultural representation and mutual influence (XIII-XV centuries). In: Kradin NN. and Sitdikov AG, editor. *Between East and West: the movement of cultures, technology, and empires. III international Congress of medieval archaeology of the Eurasian steppes [Mezhdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej]*. Vladivostok: Dalnauka, 2017:208-215. (In Russ).

58. Narozhny EI. Paired nomadic burial sites of the XIII-XIV centuries in the North Caucasus: analogies and ethnocultural context. In: Bazarov, BV. and Kradin NN, editor. *Nomadic Empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research. IV international Congress of medieval archaeology of the Eurasian steppes, dedicated to the 100th anniversary of Russian academic archaeology [Kochevye Imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezdisciplinarnykh issledovanij. IV mezdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej, posvyashchennyj 100-letiyu rossijskoj akademicheskoy arheologii]*. Ulan-Ude: Publishing house of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019:154-158. (In Russ).

59. Narozhny EI. Collective burials in mounds and ground burial grounds of the North Caucasus of the XIII-XV centuries. In: Gadzhiev MS, editor. *The archaeological heritage of the Caucasus: current problems of study and preservation. XXXI "Krupnovsky readings" on the archeology of the [Arheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izuchenija i sohraneniya. XXXI «Krupnovskie chteniya» po arheologii Kavkaza]*. Makhachkala, 2020 (in print) (In Russ).

60. Chkhaidze VN. Details of women's head-dress from the burials of nomads of the Eastern European plain of the XII-XIV centuries Chernetsov AV, editors. *Monuments of medieval archaeology in Eastern Europe. To the jubilee of M. D. Poluboyarinov the [Pamyatniki srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy]*.

K yubileyu M.D. Poluboyarinovoj]. Moscow: IA RAN, 2017:218-234. (In Russ).

61. Krivosheev MV., Blokhin VG. Medieval burial from a single mound in the Kotelnikovsky district of the Volgograd region. In: Yevglevsky AV, editors. *Steppes of Europe in the middle ages [Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya]*. Donetsk: DonGU, 2012;10:315–324 (In Russ).

62. Pavlov P., Vladimirov G. *Zlatnata Horde and Bylgaria [Zlatnata Orda i B"lgarite]*. Sofia: Military publishing house EOOD, 2009:176. (in Bulgarian)

63. Vladimirov GV. *Earrings in the form of a question mark from medieval Bulgaria (XIII-XIV centuries): about the material traces of the Cumans and the Golden Horde in the culture of the Second Bulgarian Kingdom. [Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoj Bolgarii (XIII-XIV vv.): o material'nyh sledah kumanov i Zolotoj Ordy v kul'ture Vtorogo Bolgarskogo carstva]*. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, IA, 2018:128. (in Russ.)

64. Vladimirov GV. *Earrings of the Golden Horde in the culture of the Second Bulgarian Kingdom were formed in the middle ages in Bulgaria (XIII-in the Fourteenth century). [Obeci sforma na v"prasitelen znak ot srednovekovna B"lgariya (XIII-XIV v.). Za materialnitte sledi ot kumanite Zlatnata Ordai v kulturata na Vtoroto B"lgarsko carstvo]*. Sofia, 2019:88. (in Bulgarian).

65. Oza S., Georgescu M. To the issue of clarifying the Dating of the hoard from Wonessty (County of Iasi). *Stratum plus*. Saint Petersburg – Kishinev-Odessa-Bucharest: "Stratum", 2016;6:301-320. (In Russ).

66. Narozhny EI. Vladimirov GV. About the time, ways and conditions of distribution of earrings in the form of a question mark in the Balkans *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vladikavkaz, 2020;4 (in print) (In Russ).

67. Dmitriev AV., Narozhny EI. Two burials of nomad warriors of the XIII–XIV centuries from the North-Eastern black sea region (to the history of the formation of the Golden Horde weapons complex). In: Bocharov SG. and Situdikov AG., editors. *Genoese Gazaria and the Golden Horde [Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda]*. Kazar-Chisinau: Stratum plus, 2019:599-640. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 29.10.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163714-759>

Кузеева З.З.,

младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

kuzeeva-zuhra@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ДЕРБЕНТА КОНЦА VIII–Х ВВ. (на примере материалов из раскопов XXVII и XXXIII)

Аннотация: Статья посвящена классификационному анализу глазурованной керамики Дербента, происходящей из материалов археологических раскопок (раскопы XXVII и XXXIII), проведенных в 2014–2015 гг. на территории города. Хронологические рамки исследования предположительно определены концом VIII (возможно, IX)–Х вв. Актуальность темы характеризуется важностью изучения поливной керамики Дербента как источника большого набора информации (историко-культурные и социально-экономические взаимодействия Дербента с широким кругом стран Ближнего и Дальнего Зарубежья).

Типология поливной керамики Дербента конца VIII–Х вв. рассматривается в статье на основе современных методических разработок, основывающихся на трех главных подходах к изучению любой керамики: изучение технологии совместно с морфологией и декором посуды. Вся исследуемая керамика, состоящая из обломков венчиков, тулов, донцев и ручек сосудов, входит в один большой раздел – бытовая керамика. Данный раздел включает четыре отдела, в основу которых положен анализ цвета глины черепка (красноглиняная, бежево-розовоглиняная коричневоглиняная, бежевоглиняная керамика), определяющий технологию производства посуды. Исходя из наличия ангоба на керамике или его отсутствия, в каждом отделе выделены по два подотдела. Следующим делением являются группы, которые образуются по степени прозрачности кроющей глазури. Их три: керамика с прозрачной, полупрозрачной, непрозрачной (глухой) поливой. Внутри некоторых групп дополнительно выделены четыре подгруппы, обусловливаемые по цвету глазури. По особенностям дополнительного декора выделяются типы (надглазурный, подглазурный орнамент) и подтипы (роспись, гравировка, сочетание росписи с гравировкой, рельефный орнамент) керамики. Таким образом, характеристика глазурованной керамики Дербента из указанных раскопов включает: раздел, отдел, подотдел, группу, подгруппу, тип, подтип.

Использованный принцип классификации демонстрирует развитие технологии производства этого вида керамики (особенности обжига, развитие химического производства, развитие технологии получения поливного слоя на керамике и т.д.). Эти данные дают возможность получения объективных датировок образцов керамики и четких представлений о развитии производства поливной посуды.

Ключевые слова: классификация; ранняя глазурованная керамика; Дербент; гончарство; импорт; Шамкир; Нишапур.

© Кузеева З.З., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163714-759>

Zukhra Z. Kuzeeva,

Junior Researcher

Institute of History, Archaeology and Ethnography

Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

kuzeeva-zuhra@mail.ru

CLASSIFICATION OF ORNAMENTAL GLAZED CERAMICS OF DERBENT OF THE END OF THE 8th-10th CENTURIES (ON THE MATERIALS OF EXCAVATIONS 27 AND 33)

Abstract. The article is devoted to the classification analysis of the glazed ceramics of Derbent, revealed from the materials of archeological excavations (digs 27 and 33), carried out in 2014-2015 in the territory of the city. The time-frame of the study is likely set in the end of the 8th (possibly 9th)-10th century. The relevance of the subject is characterized by the importance of studying glazed ceramics of Derbent as a source valuable information (historical-cultural and socio-economic interactions of Derbent with a wide range of countries of the near and far abroad).

The paper considers the typology of the glazed ceramics of Derbent of the end of the 8th-10th centuries on the basis of modern methodological work, consisting of three main approaches to the study of any ceramics: the study of technology along with the morphology and décor of ware. All ceramics under study, consisting of fragments of rims, bodies, bottoms and handles of vessels, is part of one bigger category – household ware. This category is divided into four sections, which are based on the analysis of the clay color (red clay, beige-pink clay, brown clay, beige clay ceramics), determining the technology of ware manufacture. Based on the presence or absence of engobe on ceramics, each section composes of two sub-sections. The next division is the groups that are formed according to the degree of transparency of the glaze: transparent ceramics, semi-transparent and opaque enamel. Within some groups, four subgroups are additionally distinguished, determined by the color of the glaze. According to the features of the additional decor, the types (overglaze, underglaze ornament) and subtypes (painting, engraving, combination of painting with engraving, relief ornament) of ceramics are distinguished. Thus, the characteristics of the glazed ceramics of Derbent from these excavations include: category, sections, sub-sections, groups, subgroups, types, subtypes.

The classification principle used demonstrates the development of the production technology of this type of ceramics (features of burning, the development of chemical production, the development of the technology for obtaining a glazed layer on ceramics, etc.). These data make it possible to obtain objective dating of ceramic samples and accurate picture of the development of the glazed ware manufacture.

Keywords: classification; early glazed ceramics; Derbent; pottery; import; Shamkir; Nishapur.

Художественная глазурованная (поливная)¹ керамика Дербента, найденная в слоях средневековых поселений, принадлежит к числу значимых памятников материальной культуры Дагестана. Однако, несмотря на это, она до сих пор остается недостаточно исследованной ее частью. Дербентская поливная керамика представляет собой так называемый симбиоз местных художественных традиций и внешних культурных влияний, иллюстрирующий историю и культуру города сквозь призму внутренних трансформаций и отношений с другими регионами. Как отмечает М.С. Гаджиев, в VIII – начале XIII в. Дербент (Баб ал-абваб) являлся не только важным военно-политическим, религиозным, но и торгово-ремесленным, культурным центром. Расположенный на Великом Шелковом пути, город был активным посредником в торговых взаимодействиях Востока и Запада, Севера и Юга [1, с. 12]. Благодаря сообщениям средневековых авторов и многочисленным археологическим находкам, известно, что Баб ал-абваб поддерживал тесные связи со многими городами и областями Передней и Центральной Азии, а также Восточной Европы. Развитие торговли в Дербенте было определено расцветом со второй половины VIII в. «арабской» торговли в Прикаспии, когда Прикаспийский путь получил такую же известность, как и знаменитый Шелковый путь [1, с. 13].

Уже факт масштабности взаимодействия Дербента с широким кругом культурных контактов позволяет отметить – поливная керамика, производимая как местными мастерами, так и привозимая из других регионов, или развитая на основе пришлых традиций, давно заслуживает серьезного и основательного изучения, как один из видов культурной деятельности человека, несущий в себе большой набор информации. За последние десятилетия в собраниях музеев² накопилось огромное количество археологического материала, который в полной мере может ответить на многие вопросы, связанные с историей зарождения и развития, проблемой выявления аналогий и характерных особенностей поливной керамики на территории средневекового города. При достаточно подробном анализе материала, его типологической и хронологической систематизации, глазурованная керамика может стать самостоятельным источником для изучения историко-культурных и социально-экономических взаимодействий Дербента с широким кругом стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Поливная керамика Дербента, несмотря на ведущиеся в городе многолетние раскопки³ и накопленное большое количество разнообразного материала, остается практически неизученной в формате исследований, требующем углуб-

1 Здесь и далее по тексту мы не делаем различий между понятиями «глазурованная керамика» и «поливная керамика», в данном исследовании они выступают синонимами.

2 Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Дербент), Музей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (г. Махачкала).

3 Впервые внимание исследователей к Дербенту было обращено в первой четверти XVIII в., когда его архитектурные остатки и его окрестностей были обследованы в ходе Персидского похода Петра I. Полноценное археологическое изучение города началось лишь в 1971 г. С этого времени на территории крепости Нарын-кала и в самом городе вплоть до современности ежегодно ведутся археологические исследования, в начале под руководством А.А. Кудрявцева, а затем М.С. Гаджиева.

бленный подход и анализ добытых артефактов, квалификационные работы по теме. Безусловно, вопросы, касающиеся определения хронологии и производства изделий, выявления особенностей их типологии и декора, в разной степени были рассмотрены еще в 70–80-х гг. XX в. в научных изысканиях главным образом А.А. Кудрявцева, а также Г.Г. Гамзатова и М.М. Маммаева [2, с. 74–103; 3, с. 111–132; 4, с. 78–109; 5, с. 112–120; 6, с. 72–77]⁴. Каждым из авторов была предложена своя система классификационного деления материала, основанная на принципах анализа, применявшимся в 50–70-х гг. при изучении поливной керамики Востока некоторыми исследователями [7; 8; 9; 10, с. 228–302; 11]. Но как показывает практика современных работ в данной области научного знания [12, с. 15], методики, на которые опирались ученые в своих исследованиях, имели просчеты. К тому же коллекция дербентской глазурованной керамики с каждым годом растет. Это значит, что за почти полувековой отрезок времени, материальная база предметов не просто увеличилась в количественном отношении, но и значительно расширила свой информационный ресурс.

С учетом всего вышеизложенного, в 2017 г. автору настоящей статьи в рамках выполнения трехлетней научно-исследовательской плановой работы была предложена тема по изучению ранней глазурованной керамики Дербента: «Глазурованная керамика Дербента конца VIII–X вв. (по материалам новейших археологических исследований)». Для разработки данной темы в распоряжение были предоставлены материалы из двух раскопов, выявленные в 2014 и 2015 гг. в ходе охранно-спасательных работ на территории Дербента (раскопы XXVII⁵ и XXXIII⁶). Полученные результаты отмечены в двух достаточно емких отчетах, составленных начальником экспедиции А.Л. Будайчиевым и командой исполнителей А.М. Абдулаевым и А.К. Абиевым. Отчеты включают научное исследование материала, полную и подробную описание находок, анализ стратиграфии, фотоснимки керамики и т.д.⁷ Научные данные из этих отчетов послужили основой для настоящего исследования. Более детально сама керамика была изучена нами в 2019 г. уже в Дербентском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, куда находки были

4 Работы этих авторов являются первыми и на сегодняшний день единственными специализированными исследованиями по поливной керамике Дербента.

5 Раскоп XXVII – заложен в 2014 г. в нижней части города на территории части Пограничной службы ФСБ РФ, в межстенном пространстве города на расстоянии 107 м к ЮЮВ от внутреннего угла башни северной городской оборонительной стены. Площадь раскопа составляет 78 кв. м. (Рис. 1).

6 Раскоп XXXIII – заложен в 2015 г. на месте, предусмотренном для строительства музеино-экспозиционного комплекса в охранной зоне объекта культурного наследия «Стены Дербентской крепости, VI в.: северная стена», входящего в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (UNESCO World Heritage List). Находится в нижней части города за северной оборонительной каменной стеной VI в. н.э., т.е. за пределами исторической части средневекового шахристана, расположенного в 110 м к северо-востоку от ворот Даши-капы (Шуринские ворота) и в 70 м к северо-востоку от башни № 15 (по нумерации Е.А. Пахомова). Площадь раскопа составляет 40 кв. м. (Рис. 1).

7 Будайчиев А.Л. Отчет о работе Дербентской новостроечной археологической экспедиции в Дербенте в 2014 г. (Раскоп XXVII), 2015 // Рукописный фонд ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. № 1126; Будайчиев А.Л. Отчет о работе Дербентской новостроечной археологической экспедиции в охранной зоне объекта культурного наследия «Стены Дербентской крепости, VI в.: северная стена». Раскоп XXXIII. Дербент, 2015. Рукописный фонд ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. № 1149а.

сданы на хранение после проведенных полевых археологических работ⁸.

Выбор материалов для разработки темы именно 2014 и 2015 гг., а не накопленных за годы коллекций, основывался на том, что, среди находок были изделия, которые, по полученным предварительным результатам археологических раскопок⁹ [13, с. 177–201], могли относиться к самым ранним (конец VIII–X вв.) и доселе не обнаруженным образцам искусства глазурованной керамики на территории Дербента. Соответственно, исследовать новейшие находки, привлекая по мере изучения поливной керамики уже имеющийся в арсенале материал, было, на наш взгляд, наиболее верным решением.

В данной статье мы представляем переработанную часть текста плановой работы за 2017–2019 гг.

Цель настоящего исследования – создание классификации ранней глазурованной керамики Дербента (хронологические рамки исследования предположительно определяются концом VIII–X вв.), построенной на материалах из раскопов XXVII и XXXIII. Для этого предлагается формирование базы данных поливной керамики, учитывающей все направления работы с керамикой, развивающиеся и реализуемые в последнее время в отечественной и зарубежной науке, основывающиеся на трех главных подходах к изучению любой керамики: изучение технологии совместно с морфологией и декором посуды [14, с. 30].

Рассмотренный круг фактологического материала даст возможность ответить на вопросы, касающиеся процессов производства и путей развития поливной посуды в конце VIII–X вв. в Дербенте и выявления наиболее общих закономерностей в ее декоре и стиле. Также надеемся, что принятый в данном исследовании метод классификации послужит, если не основой, так новым шагом для дальнейшего изучения богатой дербентской коллекции глазурованной керамики.

Для сравнительного анализа материала в процессе работы будут привлекаться археологические коллекции Закавказья, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, предметы из музеиных коллекций, опубликованные результаты археологических раскопок.

История изучения глазурованной керамики Дербента

Как упоминалось выше, известно всего несколько специализированных трудов, посвященных поливной керамике Дербента, в той или иной степени касающихся систематического ее изучения.

Одним из первых исследователей, кто впервые поднял важность постановки проблемы по дербентской глазурованной керамике, является А.А. Кудрявцев. Им было проведено квалификационное описание образцов этого вида гончар-

⁸ Материалы хранятся в едином музейном фонде в коробках, на которых указаны: название экспедиции, год исследования, номер раскопа, номера пакетов с находками (например, ДНАЭ (Дербентская новостроекная археологическая экспедиция - Авт.) - 2014, Раскоп XXVII, №№ 1-12).

⁹ Анализ стратиграфии и датировка сопутствующих керамике артефактов (главным образом, нумизматика).

ной продукции и на основе анализа типологических и художественно-стилистических особенностей посуды сделаны значительные проработки в группировке и установлении хронологических рамок керамического комплекса. Результаты его исследований раскрыты в трех достаточно обстоятельных статьях разных лет.

В статье, посвященной обзору исследований раскопок богатого здания в жилом квартале средневекового шахристана, делаются первые наметки определения времени появления поливной посуды в Дербенте. Благодаря разбору добытого керамического материала, предметов украшения и вооружения, изделий из стекла и кости, монет, А.А. Кудрявцевым установлена датировка времени функционирования здания (VIII–XIII вв.) и выявлены хронологические границы периодов его обживания. Он выделяет четыре отдельных периода обживания здания: VIII – начало IX вв. – первый период, IX – начало XI вв. – второй период, XI – начало XII вв. – третий период, XII – начало XIII вв. – четвертый период [2, с. 74–103].

Автор дает подробную информацию по керамике каждого из периодов (количественное соотношение найденных материалов, типы и формы посуды, способ орнаментации, цвет росписи и поливы и т.д.).

Хотя в работе нет однозначного мнения автора о времени появления поливной посуды в Дербенте, в таблице 2 данного исследования представлены фотоснимки двух глазурованных чаш, подписанные изделиями конца VIII–IX вв. [2, вкладка]. В целом, в ходе исследования А.А. Кудрявцев отмечает, что на первом известковом полу (первый период обживания здания) поливной керамики очень мало и связана она с врезными мусорными ямами. В основном она встречается в верхних слоях этого пола и в большинстве случаев покрыта темно-зеленой поливой плохого качества, нанесенной по белому ангобу. Аналогии данной керамике автор находит среди средневековой керамики древнего Байлакана, датируемой IX вв. [2, с. 80].

В следующей своей работе «Поливная художественная керамика Дербента VIII–X вв.» А.А. Кудрявцев указывает достаточно конкретную хронологическую отметку, определяющую время появления глазурованной керамики в Дербенте. По мнению автора, она относится ко времени не позднее середины VIII в. [3, с. 112–113]. Свою точку зрения исследователь подтверждает нумизматическими данными.

По своей структуре работа представляет первый опыт систематического анализа дербентской поливной керамики. В ней для составления типологической и хронологической классификации поливной посуды автор опирается на исследования глазурованной керамики Закавказья и особенно – средневекового Байлакана [7; 8; 9; 10]. Принцип классификации А.А. Кудрявцева состоит в том, что сначала керамический материал делится по эпохам бытования, а затем группируется по признакам технологии производства. Благодаря обстоятельному анализу керамического комплекса, А.А. Кудрявцев выделяет девять групп поливной посуды, давая полную характеристику каждой группе. По мне-

нию автора, хронологически все девять групп относятся ко второй половине VIII–X вв. При этом материалы из групп 1, 6 и 8 следует относить ко времени не позднее середины VIII в.

Как отмечает А.А. Кудрявцев, вся рассмотренная в работе поливная керамика Дербента находит аналогии с поливной посудой VIII–X вв. Закавказья, особенно Орен-калы, Ближнего Востока и Средней Азии [3, с. 131]. Резюмируя свое исследование, автор пишет, что, несмотря на это, «подавляющая масса поливных изделий была местного происхождения и имела свои специфические особенности, что указывает на высокий уровень развития керамического производства средневекового Дербента» [3, с. 131].

Еще одной работой А.А. Кудрявцева, посвященной систематизации керамики, но уже изделиям более позднего времени, является статья «Поливная керамика Дербента XI – середины XIII вв.» [4, с. 78–109]. Классификационный разбор материалов продолжает принятую автором систему деления поливной керамики на группы по признаку историко-художественной типологии. Градация материалов, продолжающая исчисление с 10-й группы происходит внутри двух больших групп, сформированных исходя из формы глазуревой керамики Дербента XI – середины XIII вв., цвета и качества поливы и орнамента: 1) XI – начала XII вв.; 2) XII – середины XIII вв. [4, с. 79].

Исследование керамики позволило А.А. Кудрявцеву сделать вывод о том, что в период с XI – середины XIII вв., несмотря на прекрасные импортные изделия, обнаруженные в Дербенте, подавляющая масса поливной посуды была местного происхождения. В указанный период в развитии керамического производства происходят большие изменения, связанные с усовершенствованием состава глазурей, освоением свинцовой поливы, использованием глубокой подглазурной гравировки, резьбы и техники «в резерве». Гравировка выступает в орнаментации на первом месте и, что немаловажно, – «особый расцвет техника подглазурной гравировки достигает в керамическом производстве города XII – середины XIII вв., когда Дербент становится крупнейшим на Кавказе центром изготовления подобной керамики» [4, с. 108].

Характеризуя работы А.А. Кудрявцева, хочется в первую очередь отметить несомненный вклад исследователя в изучение глазуревой керамики Дербента. Классификация, принятая А.А. Кудрявцевым, могла бы служить основой для дальнейшего изучения поливной посуды, однако принцип разбора керамики только по хронологическим и технологическим признакам, с обобщенным выделением художественно-стилистических особенностей, не позволяет детально раскрыть материал исследования и проследить характер развития орнаментального декора на различных этапах производства поливной керамики.

Еще один метод группировки керамики Дербента, но уже XIII–XVI вв., созданный на основе материалов раскопок 1980 г., был предложен Г.Г. Гамзатовым. Результаты его исследований раскрыты в статье «Поливная керамика Дербента XIII–XVI вв.» [5, с. 110–120]. Вся посуда (тарелки, чаши, блюда, кувшины, светильники) рассмотрена автором с точки зрения разделения ее на группы по

цвету кроющей поливы. В каждой группе исследователь выделил подгруппы по времени распространения того или иного цвета (первая подгруппа – вторая половина XIII – середина XV вв., вторая подгруппа – вторая половина XV – XVI вв.) [5, с. 110–120].

Таким образом, исследователь классифицирует пять групп и шесть подгрупп¹⁰ поливной керамики указанного периода. Аналогии обследуемой керамике автор находит в материалах Ближнего Востока, в керамике городищ Ургенча, Самарканда и Мерва, золотоордынских городов Поволжья и Северного Кавказа, в основном на Маджарском городище, на Селитренном Царевском, Водянском городищах и в Закавказье [5, с. 112–117].

Подводя итоги исследования, автор пишет, что керамика Дербента XIII–XVI вв., являющаяся одним из распространенных и массовых материалов ремесленного производства, демонстрирует высокий экономический и культурный уровень развития города [5, с. 118–119].

Анализируя классификационное деление глазурованной керамики Г.Г. Гамзатова, отметим, что похожая схема группировки была разработана в конце 60-х гг. в работе Н.М. Булатова для материалов золотоордынского Поволжья [11, с. 95–109]. С точки зрения технологических особенностей посуды объединение керамики в одну группу лишь по одному признаку – цвету глазури – является не совсем оправданным. Как отмечает В.Ю. Коваль – исследователь средневековой керамики, а именно статистических принципов ее изучения, опирающихся на технологии производства, – несмотря на удобство пользования подобной схемой деления, она «отражает только декоративные качества керамики и не зависит от технологии ее производства» [12, с. 14]. К тому же хронологическое выделение подгрупп в каждой из предложенных групп не совсем обоснованно и создает путаницу в изучении керамики. Но, несмотря на это, нельзя не отметить, что исследования Г.Г. Гамзатова представляют бесспорную научную ценность.

Кроме вышеизложенных работ, художественная поливная керамика Дербента рассматривается в труде М.М. Маммаева «Декоративно-прикладное искусство Дагестана» наряду с керамикой Армен-калы и Нижнечугутлинского городища, в параграфе, посвященном керамическому искусству [6, с. 72–77].

Глазированную керамику автор изучает с точки зрения ее художественно-стилистических особенностей, не затрагивая при этом вопросов технологии производства. Как отмечает сам автор, типологическая и хронологическая классификация разбирается по принципу систематизации керамики Байлакана, разработанной А.Л. Якобсоном [6, с. 72].

Автор выделяет восемь групп (не приводя таксономические единицы в указании групп, М.М. Маммаев дает вполне ясный обзор каждой группы) средневековой глазированной керамики Дагестана, в число которых входит и керамика Дербента, с полным описанием декора посуды, цвета и качества керамики.

¹⁰ Группы включают как две подгруппы, так и одну.

На основе проведенного анализа изделий, М.М. Маммаев констатирует, «что при всей общности средневековой поливной художественной керамики Дагестана с керамикой Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока, она отличается чертами своеобразия и самобытности, что проявляется в стилистических особенностях орнамента, в характере поливы и колорите росписи. Керамисты средневекового Дагестана достигли высокого мастерства в производстве посуды с растительными мотивами, выполненными резьбой – гравировкой толстой линией и полихромной росписью» [6, с. 76].

Анализируя работу М.М. Маммаева, необходимо оценить вклад, внесенный ученым в исследование поливной керамики не только Дербента, но и всего Дагестана, как части декоративно-прикладного искусства. В кратком разборе художественно-стилистических принципов глазурованной посуды автор выделил основные ее виды и дал возможное обобщение известного к тому времени материала.

В этом обзоре литературы следует также отметить два кратких тезиса докладов, написанных М.С. Гаджиевым в соавторстве с З.З. Кузеевой: «Ранняя глазурованная керамика Дербента (по материалам раскопок форта 1)» [15, с. 194–198] и «О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента» [16, с. 426–428]. Несмотря на то, что они не относятся к разряду классификационных исследований, они являются достаточно важным источником в изучении материала. Главной их ценностью является то, что они основаны на археологических исследованиях последних лет, что дополняет и расширяет представление об уже имеющихся материалах и выводах предшественников.

Так, характер коллекции ранней глазурованной керамики, происходящей из раскопок форта 1 Дербентского оборонительного комплекса, определяется в тезисах доклада «Ранняя глазурованная керамика Дербента (по материалам раскопок форта 1)». Опираясь на ранее полученные данные, вслед за А.А. Кудрявцевым авторы отмечают хронологические границы появления поливной керамики в Дербенте серединой VIII в.

Следующей публикацией исследователей, посвященной краткой характеристике и проблеме хронологии керамики Дербента, выявленной в 2015 г. на раскопе XXXIII, являются тезисы доклада «О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента». Авторы приводят данные, которые существенно расширили представления о ранней глазурованной керамике Дербента. Представительный нумизматический материал из культурных напластований раскопа позволил сделать вывод о том, что установленная А.А. Кудрявцевым хронологическая отметка появления глазурованной керамики в Дербенте, по всей видимости, является неверной.

К этой же группе современных исследований следует отнести ряд статей, написанных коллективом авторов: М.С. Гаджиевым, А.И. Таймазовым, А.Л. Будайчиевым, А.М. Абдулаевым, А.К. Абиевым, посвященных исследованию материалов раскопа XXXIII: «Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII» [13, с. 177–201], «Открытие и

исследование раннемусульманского некрополя в Дербенте» [17, с. 422–425] и «Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе)» [18, с. 202–226]. В этих статьях, помимо подробного изложения методики проведения исследования памятника и общего анализа добытого материала, имеются сведения и о поливной керамике.

Итак, мы рассмотрели тот сравнительно небольшой список научных изысканий, где, так или иначе, затрагивались вопросы, касающиеся глазурованной керамики Дербента. Важно отметить, что главным недостатком абсолютно всех вышеуказанных исследований являются черно-белые иллюстрации или наличие в работе одних лишь рисунков, что для атрибуции полихромной поливной керамики не всегда достаточно.

Датировка глазурованной керамики из раскопов XXVII и XXXIII

Как упоминалось выше, появление глазурованной керамики в Дербенте до недавнего времени исследователи относили к середине VIII в. на основании найденного в 1972 г. в слое дирхема 153 г.х. / 770 г. [2, с. 113; 15, с. 194–95]. Но, несмотря на казалось бы аргументирующий материал, данное утверждение ставится под сомнение. К тому же новейшие данные хронологии культурных напластований раскопов XXVII и XXXIII выдвигают другую возможную дату – конец VIII в., также ориентированную на результаты нумизматических исследований.

Сомнения по поводу столь раннего появления глазурованной керамики в Дербенте, отмеченного А.А. Кудрявцевым не позднее середины VIII в., возникают по одной единственной и главной причине: если во многих крупных центрах по производству керамики время появления глазурованных изделий отмечается лишь второй половиной – концом VIII в., а расцвет приходится только на IX–X вв., то может ли Дербент претендовать на звание одного из самых ранних регионов, где могла появиться поливная посуда? Даже в таком крупном центре как Нишапур (Иран), по утверждению исследователя Ч. Уилкинсона, невозможно говорить о появлении глазурованной керамики до периода Аббасидов (750 г.), по той причине, что доаббасидская поливная керамика не была там найдена, кроме нескольких изделий из стекла, которые, судя по всему, были импортированы из Ирака [19, Р. XLII]. Более того, как отмечает Ч. Уилкинсон, даже в последующий период, за исключением нескольких фрагментов, обнаруженных в крепости Каср-и-Абу-Наср, поливная посуда в VIII в. в Иране не встречена [19, Р. XLII].

Тот же период развития в других регионах отмечает и А.Л. Якобсон и другие исследователи. По мнению А.Л. Якобсона, датированная глазурованная керамика Самарры, столицы арабского халифата, относится к IX в. [10, с. 231]. В Закавказье наиболее ранние группы можно датировать в пределах второй половины IX – начала X в. [10, с. 220–246; 21, с. 309]. Судя по материалам Байла-

кана и Двина, поливная керамика там появляется не ранее второй половины IX в. В Византии наиболее ранняя глазурованная керамика относится к X в. (во всяком случае, не ранее второй половины IX в.) [22, с. 149]. По наблюдениям того же А.Л. Якобсона, глазурованная керамика в обширной зоне Средиземноморья, Причерноморья, в Закавказье и Средней Азии – на всем Ближнем и Среднем Востоке возникла более или менее одновременно [22, с. 149]. Соответственно, выдвигать категоричные утверждения о таком раннем времени появления поливной посуды в Дербенте, более чем нецелесообразно. И указываемую нами на сегодняшний день дату – конец VIII в. мы также выдвигаем с осторожностью.

На раскопе XXVII общей площадью 78 кв. м было выявлено несколько культурных напластований (три слоя общей толщиной до 2,0 м), соответствующих разным периодам обживания и жизнедеятельности на данном участке Дербента.

Как показывает анализ стратиграфии, в первом слое присутствовали материалы как предмонгольского периода (XI–XII вв.), так и нового и новейшего времени (XVIII–XX вв.), что, скорее всего, обусловлено поздними земляными и строительными работами. В нижележащем втором слое было найдено значительное количество фрагментов поливной керамики (чаши, тарелки, блюда), покрытых гравировкой в виде различных геометрических и растительных узоров и арабской надписи, относящихся к предмонгольскому времени, кухонная и тарная посуда. В третьем слое было обнаружено незначительное количество глазурованной, неполивной столовой, кухонной керамики, относящейся предположительно к концу VIII–XI вв. Обращает внимание почти полное отсутствие в третьем слое поливной полихромной керамики с подглазурной гравировкой «сграффито» по ангобу, характерной для XI–XIII вв.

Керамика третьего слоя раскопа XXVII позволяет датировать слой IX–XII вв. Об этом свидетельствуют и находки двух монет¹¹, выявленных примерно на одном уровне.

На раскопе XXXIII, общей площадью 40 кв. м, были выявлены мощные культурные напластования (четыре слоя общей толщиной до 2,4 м), включавшие большое количество поливной и неполивной керамики, обломки стеклянных сосудов и браслетов, медные монеты и иные археологические находки. Также были обнаружены впущенные в культурные слои мусульманские захоронения в каменных ящиках и средневековый мусульманский грунтовый могильник.

Верхний первый слой был насыщен современным строительным и бытовым мусором и нарушен перекопами и корнями деревьев. Следующий второй слой включал фрагменты керамики и битого средневекового обожжён-

¹¹ 1) медный фельс, Аббасиды, вторая пол. VIII–IX вв.; 2) медная круглая монета, диаметр 10 мм, слабо видимой куфической, горизонтально расположенной легендой – медный дирхем, малик Дербента (Баб ал-абваба) Музффар б. Мухаммад, тип 530–548 г.х. / 1136–1153 гг.

ного кирпича. Данный слой также был нарушен поздними перекопами, корнями деревьев, а также впущенными в него 2 погребениями в каменных ящиках. В третьем слое были зафиксированы фрагменты битого кирпича и керамической посуды. Комплекс керамики третьего слоя близок комплексу керамики второго слоя. Орнамент на фрагментах керамики обоих слоев, представленный в виде геометрических и геометризированных (растительно-геометрический) узоров, значительно отличается от орнамента на керамических изделиях, относящихся к XI–XIII вв.

Под третьим слоем отмечен предматериковый четвертый слой, нарушенный впущенными в него 25 погребениями.

Характер и содержание слоёв раскопа XXXIII, особенно третьего слоя, позволяет сделать заключение о расположении здесь городской свалки бытовых отходов, вынесенной за пределы шахристана и функционировавшей в арабский и сельджукский периоды, т.е. в VIII – начале XIII в.

Насыщенность предматерикового четвертого слоя археологическим материалом, по сравнению с перекрывающими его вторым и третьим слоями, небольшая. Обращает на себя внимание отсутствие в керамическом комплексе данного слоя образцов глазурованной керамической посуды, а также фрагментов стеклянных браслетов. Данные факты, стратиграфическое положение слоя, позволяют определить слой 4 раннеарабским временем, т.е. VIII в. Серия монет из слоя, относящихся к 720–770 гг.¹², подтверждает эту датировку и в целом хронологию культурных напластований данного раскопа. Так, судя по характеру и составу керамических комплексов и нумизматических находок, хронологический разрыв между третьим и четвертым слоями незначителен.

Близость комплекса керамики третьего и второго слоя позволяет в целом их синхронизировать, но учитывая стратиграфическое положение, отсутствие фрагментов керамики, характерной для XI–XII вв., третий слой следует предварительно датировать временем, предшествующим началу отложения второго слоя, т.е. концом VIII–X вв., может быть, концом VIII–IX вв.

Классификация художественной глазурованной керамики Дербента конца VIII–X вв.

Принципы классификации

Под основу классификации взяты элементы иерархической схемы деления, использованные в диссертационном исследовании Е.М. Болдыревой [14, с. 31–

12 1) две медных монеты ранних Аббасидов; 2) медный фельс чекана наместника Марвана б. Мухаммада (732–744) 121–122 гг. х. / 738–9 гг.; 3) медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 113 г. х. / 731 г.; 4) два медных фельса чекана наместника Баккара б. Муслима ал-Укайли (769–771) 153 г. х. / 770–1 г.; 5) медный фельс, вероятно, чекана Марвана б. Мухаммада; 6) медный фельс чекана ал-Баба (Дербент) 104(9) г. х. / 722 (727) г.

40], опирающиеся на классификационные разработки В.Ю. Коваля [12, с. 14-25, Рис. 1], Г.В. Шишкиной [23, с. 8-12] и А.А. Бобринского [24; 25], с внесенными нами незначительными правками. Необходимость изменений возникла в результате статистической обработки материала, выявивших локальные признаки посуды. В работах авторов выделяются приспособительные признаки, такие как обобщенный состав формовой массы, особенности обжига, уровень развития функций гончарного круга и т.д., что в нашей работе на сегодняшний день не представлено.

Вся исследованная керамика (обломки венчиков, тулов, донцев, а также ручек сосудов) является бытовой посудой и представляет собой один большой **раздел**. Общее количество обломков составляет 100 единиц. В основном это фрагменты мисок, чащ, тарелок, блюд, плошек, пиал, кувшинов (Рис. 2, 3, 4). Небольшое количество исследуемых предметов и сильная фрагментарность значительной их части не позволяет в полной мере провести анализ морфологических признаков керамической посуды. Предполагаем, что в дальнейшем, при изучении более широкого круга материалов, этот пробел будет восполнен и для типологии формы сосудов, исходя из их функциональной принадлежности (чаши, тарелки, кувшины и т.д.), будет принята еще одна система деления, включающая **подразделы**.

При создании же данной классификации, в основном были взяты во внимание такие характерные признаки керамики как тесто, ангоб, глазурь, декор. Поэтому пока мы будем рассматривать всю посуду, исходя из одного общего **раздела** – бытовая керамика.

Следующей таксономической единицей деления материала являются **отделы**. Выделение отделов связано с характеристикой основы сосудов, именно основа определяла дальнейшую технологию их изготовления. Исходя из выявленных зависимостей типологии керамических сосудов от технологии их производства в материалах раскопов XXVII и XXXIII, относящихся к концу VIII–Х вв. в керамической посуде Дербента указанного периода выделяется четыре отдела (в основу деления керамики на отделы положен единственный признак – цвет глины):

- Отдел 1 . Красноглиняная керамика
- Отдел 2 . Бежево-розоглиняная керамика
- Отдел 3 . Коричневоглиняная керамика
- Отдел 4 . Бежевоглиняная керамика

Третьей ступенью классификации являются **подотделы**. В зависимости от наличия или отсутствия ангоба, который наряду с глазурью мы относим к разряду декоративных элементов посуды, выделяются два подотдела керамики:

- Подотдел 1. Керамика с ангобным покрытием
- Подотдел 2. Керамика без ангобного покрытия

На следующем этапе необходимо перейти к анализу глазурного покрытия. Здесь в технологическом плане на первое место выдвигаются свойства глазури. По степени прозрачности глазури выделяются три **группы** поливной керамики:

Группа 1. С прозрачной бесцветной глазурью

Группа 2. С прозрачной или полупрозрачной цветной глазурью

Группа 3. С непрозрачной (глухой) глазурью

Внутри групп 2 и 3 образуются **подгруппы**, формирующиеся в зависимости от цвета кроющей глазури. В материалах раскопов XXVII и XXXIII представлены 4 цветовые палитры глазури:

Подгруппа 1. Желтая глазурь

Подгруппа 2. Светло-зеленая глазурь

Подгруппа 3. Зеленая глазурь

Подгруппа 4. Коричневая глазурь

Последней единицей классификации являются **типы**. Выделение типов производится по признакам технологии исполнения дополнительного декора на поверхности сосудов. В зависимости от наличия или отсутствия декоративных элементов на керамике выделяется три типа керамики:

Тип 1. Керамика с подглазурным декором

Тип 2. Керамика с надглазурным декором

Тип 3. Керамика без дополнительного декора

Различные технологии нанесения декора и их сочетания на поверхности сосудов образуют в первом типе 4 **подтипа**:

Подтип 1. Роспись красителями

Подтип 2. Гравировка по слою ангоба (сграффито)

Подтип 3. Сграффито в сочетании с росписью красителями

Подтип 4. Рельефный орнамент

Второй тип предполагает наличие на поверхности глазури росписи цветными красителями.

Для анализа композиции и мотивов орнамента в будущем предлагается в классификационное деление **подтипов** добавить буквенные единицы (подтип 1а, подтип 1б и т.д.), характеризующие виды орнамента, их сочетания, композиционное распределение и т.д. Например:

Подтип 1 а. Роспись красителями. Геометрический орнамент.

Подтип 1 б. Роспись красителями. Растительный орнамент.

Подтип 1а, б. Роспись красителями. Геометрический+растительный орнамент и т.д.

Классификация

Раздел 1. Бытовая посуда

Отдел 1. Подотдел 1. Группа 1 . Тип 1 . Подтип 1.

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием под прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью (55 экз.).

Среди материалов из двух раскопов было найдено 92 экз. красноглиняной керамики, 5 экз. бежево-розоглиняной, 2 экз. коричневоглиняной и 1 экз. бежевоглиняной керамики. Красноглиняная поливная керамика Дербента представлена многообразными типами форм, глазурей, росписей и орнаментации. Распространение красноглиняной (розовато-красной) керамики на начальных этапах развития поливной керамики Дагестана периода IX–X вв., отмечает М.М. Маммаев, который пишет: «Наиболее ранние образцы поливной посуды представлены фрагментами сосудов розовато-красного цвета с плотным черепком из хорошо отмученной глины» [6, с .72].

То же касается и ангоба – подавляющая часть изделий из рассматриваемых слоев раскопов XXVII и XXXIII покрыты ангобом¹³. Он так же, как и полива, не наносился на всю поверхность сосуда. Наиболее часто ангоб использовался для покрытия внутренней поверхности сосуда или для специального покрытия внешней поверхности вдоль края венчика. Это относится к сосудам открытого типа (тарелки, чаши, миски, блюда, плошки). Что касается сосудов закрытого типа (кувшины), то в этом случае, ангобом, так же, как и поливой, покрывалась внешняя сторона, а вовнутрь ангоб попадал в виде затеков. В керамических материалах раскопов XXVII и XXXIII практически все части ангобированные изделия покрыты белым, светлым ангобом.

В данный тип керамики представленного отдела входят обломки керамических сосудов открытого типа, внутренняя поверхность которых покрыта белым ангобом под прозрачной бесцветной глазурью. Большая часть обломков керамики приходится из XXXIII раскопа (слой 2, 3), лишь четыре фрагмента относятся к раскопу XXVII (слой 3).

Настоящий отдел керамики представлен 55 фрагментами посуды с росписью марганцевыми, желтыми, зелеными, коричневыми и черными красителями. В основном красители использовались в сочетании друг с другом. Подтип отдела, характеризующий технологию нанесения декора красителями, насчитывает 8 колористических вариаций:

1. Марганцевый краситель;
2. Марганцевый+изумрудно-зеленый (окись меди?) красители;
3. Марганцевый+серо-зеленый красители;

¹³ Здесь следует отметить, что в среднеазиатских материалах самая ранняя керамика не ангобирована.

4. Марганцевый+зеленый (изумрудно-зеленый, сине-зеленый, серо-зеленый, салатный)+желтый красители;
5. Марганцевый+желтый красители;
6. Зеленый+желтый красители;
7. Серо-зеленый+коричневый красители;
8. Изумрудно-зеленый+желтый+черный красители.

1. Роспись марганцевым красителем (2 экз.).

К данной росписи относится один обломок кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта марганцевыми кружочками. Керамика, украшенная марганцевым декором по ангобному покрытию, встречается в материалах Шамкира [26, с. 657-658, Ри с. 13, 4-10]. У Т.М. Достиева похожая керамика датируется XII – началом XIII в.

2. Роспись марганцевым и изумрудно-зеленым красителями (1 экз.).

Роспись представлена на фрагменте венчика с невыраженным скругленным краем тарелки в виде широких полос, края которых обрамлены тонкими марганцевыми линиями. Полосы заполнены марганцевыми и зелеными потеками. Росписью покрыта внутренняя поверхность изделия.

3. Роспись марганцевым и серо-зеленым красителями (2 экз.).

К данной категории относится фрагмент кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта серо-зеленой росписью в виде геометрического орнамента, состоящего из расположенных друг подле друга окружностей, заполненных небольшими марганцевыми точками, по три-пять в каждой (Рис. 5, 1). Такое сочетание красок представлено на фрагментах придонной части стенки бортика и кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта полихромной росписью в виде мелких марганцевых и крупных серо-зеленых точечных пятен (Рис. 5, 2).

Аналогичные орнаментальные мотивы встречаются на керамике второй половины VIII – середины IX вв. Согда [23, Табл. XLI, Рис. 2, 3].

4. Роспись марганцевым, зеленым (изумрудно-зеленым, серо-зеленым, салатным) и желтым красителями (43 экз.).

Всего представлено 43 фрагмента керамики с данным цветовым декором. Охарактеризуем наиболее яркие из них.

Это обломок тарелки с загнутым наружу краем, округлым плавно сужающимся книзу бортиком на кольцевом поддоне. Внутренняя поверхность тарелки покрыта геометрическим орнаментом в виде желтых кругов, поверх которых расписаны меньшего диаметра круги изумрудно-зеленого цвета. Область вокруг второго круга обрисована контуром из марганцевых однорядных точек. Свободное поле от орнамента сплошь заполнено марганцевыми точками (Рис. 5, 3). Второй обломок представляет собой фрагмент стенки тарелки,

внутренняя поверхность которой покрыта геометризованным орнаментом в виде чередующихся желтых и темных (марганцевым красителем) лепестков, оконтуренных линией изумрудно-зеленого цвета. Пространство между орнаментом декорировано ритмически расположенными пятнами в виде штрихов (Рис. 6, 2).

Третий обломок – фрагмент стенки выступающего плоского поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта полихромной росписью в виде геометризированного орнамента из лепестковидных узоров (Рис. 7, 7).

Четвертый обломок представлен в виде стенки сосуда (кувшин ?), внутренняя поверхность которой покрыта полихромными растеками. Судя по всему, изделие было бракованное, т.к. заметно, что орнамент на керамике носил другой характер (Рис. 7, 4).

Пятый обломок – часть тарелки с невыраженным скругленным краем и плавно сужающимся книзу округлым бортиком. Внутренняя поверхность тарелки покрыта марганцевой росписью в виде контура бутона и двух лепестков, заполненных желтой краской, рядом расположены две продольные полосы из марганцевого красителя, между которыми наложен мазок серо-зеленого цвета (Рис. 9, 1).

Шестой небольшой обломок – фрагмент стенки тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта геометрическим орнаментом в виде перекрещающихся линий серо-зеленого цвета, взятых, судя по узору, в окружность, сделанную тем же красителем. Область за окружностью расписана желтой краской. Внутри образованных линиями клеток расположены желтые круговые пятна, окруженные контуром из марганцевых однорядных точек (Рис. 5, 4).

Седьмой обломок представляет собой стенку красноглиняной тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта геометрическим орнаментом в виде перекрещенных линий серо-зеленого цвета, внутри которых нанесены круги того же цвета, оконтуренные марганцевой краской, поле тарелки покрыто краской желтого цвета (Рис. 11, 4).

Геометрический орнамент представлен на фрагменте венчика чаши, состоящий из линий, частых черточек и широких желтых и зеленых мазков (Рис. 8, 1).

К представленному отделу керамики относятся также 3 фрагмента большой тарелки с невыраженным скругленным краем и округлым сужающимся книзу бортиком. Внутренняя поверхность керамики покрыта геометризованным орнаментом, из двух, напоминающих по форме широких каплевидных лопастей, заполненных косой сеточкой. Орнамент выполнен краской серо-зеленого цвета. Внутри сеточки расположены небольшие тройные марганцевые черточки, соединенные с одного конца. Между двумя каплевидными лопастными узорами расположен орнамент в виде трех небольших листочеков. Два листочка выполнены марганцевым красителем и заполнены штриховыми линиями, напоминающими прожилки листов. Третий, расположенный между ними, выполнен се-

ро-зеленой краской и заштрихован косой сеточкой. Область вокруг орнаментов закрашена желтой краской (Рис. 10, 1, 2, 3).

Еще один обломок представлен фрагментом донца и плавно расширяющейся стенки плоскодонной тарелки. Орнамент на изделии выполнен тонкими линиями из марганцевого и зеленого красителей в виде крыла (?) или лепестковидного узора, заполненного чешуйчатым декором. Все внутренне поле «крыла» заполнено желтым красителем. Фон изделия белый (Рис. 9, 4).

Также в данную категорию керамики входят обломки 32 разных сосудов. Оттенок зеленого цвета в данном случае точно не определен, поэтому краситель отмечается зеленым, который может подразумевать оттенки как серо-зеленого, так и изумрудно-зеленого и сине-зеленого цвета, наиболее часто встречающиеся в материалах из двух раскопов. В основном это венчики и кольцевые поддоны тарелок, украшенные полихромной росписью в виде геометризированного орнамента. Некоторые фрагменты показаны на Рис. 7, 1, 2, 5, 6.

Аналогичные геометрические орнаменты, нанесенные марганцем, желтым и зеленым красителями, в виде остролистников, миндалевидных фигур, сеток, ромбов, треугольников и др. также были характерны для раннеглазурованной керамики Байлакана (Орен-калы) [10, с. 234, Табл. II, с. 235, Табл. III, с. 241, Таблица XVII] Афрасиаба и Согда [23, Табл. XL, Рис. 4, 5, 8], Шамкира IX–X вв. [26, с. 652–653, Рис. 10, 1–7], Мерва IX–X вв. [23, с. 34], Нишапура [19]. Как считают некоторые исследователи, такие детали, как густая сетка или мелкие мазки (что наблюдается на поливной керамике Дербента – Авт.), появляются под влиянием орнамента металлических изделий [23, с. 33].

5. Роспись марганцевым и желтым красителями (1 экз.).

Обломок представляет собой фрагмент венчика с невыраженным скругленным краем тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта марганцевыми мазками-полосками и покрывающим их расплывчатым желтым пятном. Определить аналогии данного подтипа керамики весьма сложно из-за его небольшого размера, т.к. керамика вполне могла иметь и другие расцветки в декоре.

6. Роспись зеленым и желтым красителями (1 экз.).

В данную категорию относится один обломок венчика тарелки с невыраженным скругленным краем, внутренняя поверхность которой покрыта полихромными растеками из зеленой и желтой красок. К сожалению, керамика плохой сохранности и определить характер орнамента, а тем более найти к керамике аналогии не представляется возможным.

7. Роспись серо-зеленым и коричневым (марганцевым?) красителями (1 экз.).

Роспись представлена на обломке выступающего плоского поддона тарелки. На внутренней поверхности изображен геометрический орнамент в виде наложенных друг на друга перекрещивающихся треугольников из коричневого

красителя в виде шестиконечной звезды. Внутренняя область орнамента украшена круглым пятном серо-зеленого цвета, оконтуренным полоской коричневой краски. По всем углам треугольников расположены коричневые двойные черточки, параллельные друг другу (Рис. 11, 6).

Практически идентичный орнамент встречается на керамике Шамкира (XII – начала XIII в. по Т.М. Достиеву), исполненный марганцем на светлом ангобированном фоне под прозрачной поливой [26, с. 657, Рис. 13, 9]. Похожие шестиконечные звезды наблюдаются в декоре керамики IX–Х вв. Орен-калы [10, с. 247, Таб. XIX]. Как отмечает Якобсон, изделия с таким орнаментом, скорее всего, являются импортом месопотамского происхождения и завезены из Самарры. Также автор пишет, что такая роспись, особенно радиальными мазками, является подражанием китайской глазурованной керамике [10, с. 246]. Наибольшее распространение подобный орнамент в виде шести-восьмиконечной звезды получает в кашинной керамике золотоордынского времени [27, Рис. 24, 25, 51, 65, 74].

8. Роспись изумрудно-зеленым, желтым и черным красителями (3 экз.). Представлена на трех экземплярах керамики. Первый обломок – фрагмент кольцевого поддона тарелки, украшенный остролистными фигурами в черном контуре, точками и расплывчатыми зелеными полосами, нанесенными на желтом фоне (Рис. 6, 3). Второй – фрагмент загнутого наружу венчика с невыраженным скругленным краем и части стенки чуть округлого, плавно сужающегося книзу бортика тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта черными короткими линиями в виде елочки и желтыми и зелеными небольшими растекающимися пятнами. Характер декора, цветовое решение идентичны с образцами керамики подтипа 5, исключение составляет лишь черный цвет красителя, вместо темно-коричневой расцветки из окиси марганца. Третий обломок – часть стенки сосуда. Орнамент на изделии представлен рядом чередующихся линий из черного и зеленого красителей и желтого пятна в свободном от линий поле (Рис. 7, 3).

Отдел 1. Подотдел 1. Группа 1 . Тип 1 . Подтип 3.

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием под прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью в сочетании с гравировкой «сграффито» (1 экз.).

«Сграффито» (или «граффито», итал. sgraffito или graffito – выцарапанный) – это особая техника декора, в которой на слегка подсушенную поверхность сосуда покрытого слоем ангоба, как правило, светлого, или шликера, контрастирующего с фоном, острым инструментом протравливается или прорезался рисунок, обнажая поверхность изделия. При глазировании гравированные участки сосуда, заполняясь поливой, приобретали более насыщенный темный цвет глазури по сравнению с окружающим фоном.

«Вариантом сграффито является резерв, когда выполнялась та же техноло-

гическая операция, но предназначенная для визуального восприятия в обратном порядке. В этом случае фон становился более темным, а рисунок, оставался светлым и рельефным – в зарубежной литературе такую технику называют «шамплеве» (champllevé)» [14, с. 47].

С хронологической точки зрения появление в Дербенте посуды, изготовленной в данной технике в VIII – X вв. маловероятно. Как оказалась такая керамика в материалах слоев, датируемых концом VIII – X вв., пока остается неясным. Возможно, она была завезена из Ирана в конце X – на рубеже XI вв., т.к. самое ранее появление данной техники в культуре Ирана определяется X–XI вв. [28, Р. 253]. Происхождение техники сграффито связывают с распространенной еще в сасанидский период гравировкой металла [29, Р. 150].

К подтипу относится один фрагмент стенки тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта гравировкой по белому ангобу и полихромными растениями (зеленая и марганцевая краски) под прозрачной поливой.

Отдел 1. Подотдел 1. Группа 1. Тип 2. Подтип 1.

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием и надглазурной полихромной росписью под прозрачной поливой (5 экз.).

В материалах из двух раскопов керамика конца VIII–X вв. с надглазурным декором представлена обломками 5 экз. сосудов. Это 1 фрагмент керамики из слоя 3 XXXIII раскопа и 4 фрагмента из хозяйственной ямы слоя 3 раскопа XXVII.

Орнамент на данных изделиях практически идентичен декору керамики Отдела 1. Типа 1. с единственной разницей – общий тон рассматриваемой керамики с надглазурной росписью более теплый. Скорее всего, это объясняется тем, что при обжиге характер красителей менялся в зависимости от того, в каком порядке они наносились – под глазурью или над глазурью. И поэтому в расцветке мы желтый пигмент обозначили охристо-желтым красителем. Также нанесенные красителями линии и мазки имеют более четкие контуры, нежели те, что на керамике с подглазурным декором.

Итак, декор керамики Отдела 1. Типа 2. с надглазурной росписью состоит из двух колористических сочетаний:

1. Марганцевый+изумрудно-зеленый+охристо-желтый красители;
2. Зеленый+охристо-желтый+коричневый красители.

1. Роспись марганцевым, зеленым и охристо-желтым красителями (1 экз.). Представлена на обломке кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта белым ангобом под прозрачной поливой. Поверх поливы сделана роспись в виде розетки марганцевым красителем из шести ромбических фигур, вместе образующих собой шестиконечную звезду, в каждую из фигур нанесены охристо-желтые мазки- пятна и по три марганцевые точки по центру. Пространство между фигурами заполнено зеленой краской.

2. Роспись зеленым, охристо-желтым и коричневым красителями (4 экз.)

Состоит из 3 венчиков разных сосудов с невыраженным краем и части стенки плавно сужающегося книзу бортика тарелки и фрагмента одного кольцевого поддона. Роспись на фрагменте первого венчика состоит с одной стороны из чередующихся охристо-желтых и зеленых бороздок, между которыми проходят разделительные линии коричневого цвета, с другой стороны – широкая часть фрагмента расписана коричневой краской, внутри которой оставлены не закрашенные пятна в виде кружочков (Рис. 12, 3). На втором венчике мазками и линиями изображены желтые и коричневые полосы и сеточки, свободное пространство от которых укращено растекающимся (?) зеленым пятном (Рис. 12, 1). На третьем венчике (Рис. 12, 2) и на кольцевом поддоне тарелки (полива на изделии сильно протерта) так же изображены линии, мазки и пятна из коричневых, желтых и зеленых красок.

Говоря об аналогиях данной поливной посуды, следует сказать, что орнамент, схожий с орнаментом керамики Типа 1, приравнивает эти два типа керамики и, можно было бы сказать, что подобная керамика встречается там, где находят аналогии керамика Типа 1, однако существенная деталь в виде надглазурного нанесения декора все же не дает нам право для такого обобщения материала.

Отдел 1. Подотдел 1. Группа 2. Подгруппа 1. Тип 1. Подтип 1.

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием и подглазурной полихромной росписью под прозрачной или полупрозрачной желтой поливой (7 экз.).

Роспись данного подтипа состоит из следующей цветовой палитры:

1. Марганцевый краситель;
2. Марганцевый+желтый краситель;
3. Марганцевый+изумрудно-зеленый+желтый краситель;
4. Зеленый+коричневый краситель.

1. Роспись марганцевым красителем (1 экз.).

К данной группе относится фрагмент донца пиалы (?) с кольцевым поддоном. Внутренняя поверхность керамики декорирована марганцевым красителем геометрическим рисунком в виде круга, внутри которого изображены два треугольника, соединяющихся между собой острыми углами и четыре крапинки в свободном от треугольников поле. Край круга обрамлен отходящими от него двойными линиями (всего четыре линий) (Рис. 13, 5).

2. Роспись марганцевым и желтым красителями (2 экз.).

Состоит из фрагментов двух невыраженных венчиков и части стенки округлого бортика тарелки (возможно, части одного сосуда), внутренняя поверхность которых покрыта марганцевой росписью в виде горизонтальных и вертикальных полос, перекрещивающихся полос, образующих сетку и желтых

мазков, заполняющих пространство между марганцевыми линиями.

3. Роспись марганцевым, изумрудно-зеленым и желтым красителями (3 экз.).

Роспись представлена фрагментом кольцевого поддона тарелки, с марганцевыми и изумрудно-зелеными тонкими полосками и мелкими марганцевыми точками, которые образуют собой декор в виде крыла (?) или листьев, и желтых пятен, заполняющих пространство между марганцевыми контурами узора (Рис. 9, 2). Также сюда входит фрагмент тарелки с невыраженным скругленным краем и плавно сужающимся книзу окружным бортиком. Внутренняя поверхность тарелки расписана марганцевой краской в виде отходящих от центра трехрядных лучей, образующих вероятно лепестки (?), которые заполнены чешуйчатым орнаментом и зелеными растеками. Фон тарелки желтый (Рис. 9, 3).

4. Роспись зеленым и коричневым красителем (1 экз.).

Роспись представлена фрагментом тарелки, внутренняя поверхность которой орнаментирована двумя широкими коричневыми полосками, параллельными друг другу и криволинейным орнаментом, а также зелеными пятнами в виде кружочка и растеков.

Отдел 1. Подотдел 1. Группа 2. Подгруппа 2. Тип 1. Подтип 1.

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием и подглазурной полихромной росписью под прозрачной или полупрозрачной светло-зеленой поливой (1 экз.).

Керамика представлена обломком кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта зелеными растеками.

Отдел 1. Подотдел 1. Группа 2 . Подгруппа 2. Тип 3 .

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием под прозрачной или полупрозрачной светло-зеленой поливой (2 экз.).

В данную категорию керамики входит два обломка (обломок круглой в сечении ручки кувшина и обломок плоского поддона тарелки), которые не имеют дополнительного декора, кроме подглазурного ангобного покрытия. Следует отметить, что в представленных материалах раскопов XXVIII и XXXIII обломки ручек от кувшина встречаются только в двух экземплярах.

Отдел 1. Подотдел 1 . Группа 3 . Подгруппа 3. Тип 3.

Красноглиняная керамика с ангобным покрытием с непрозрачной зеленой поливой (1 экз.).

В данную категорию керамики входит один обломок придонной части стени и кольцевого поддона тарелки.

Отметим, что керамические изделия, покрытые зелёной глазурью, нанесённой по слою белого ангоба, получили широкое распространение в Дербенте в X–XII вв. (группа 8 по А.А. Кудрявцеву) [3, с. 128–129]. Самой распространён-

ной эта монохромная поливная посуда была и на памятниках указанного времени Азербайджана (группа 10 по А.Л. Якобсону) [10, с. 278; 30, с. 196–198, Рис. 3.; 31, с. 63, 64, Рис. 17, 5, 6], Грузии [21, с. 309], Армении [7, с. 24–27, 29, 30, Рис. 9–11; 20, с. 346, Табл. 163, 4].

Отдел 1. Подотдел 2. Группа 1. Тип 1. Подтип 1.

Красноглиняная керамика без ангобного покрытия с подглазурной росписью под прозрачной поливой (16 экз.).

Отдел представлен обломками сосудов, которые глазуровались без предварительной обработки поверхности светлым ангобом. По сравнению с ангобированной, не покрытой ангобом керамики в материалах раскопов, относящихся к нижним слоям и предположительно датируемых концом VIII–X вв., количественно гораздо меньше.

Тип 1 данного подотдела насчитывает 16 экз. обломков керамики с подглазурным декором.

Подтип категории включает в себя восемь цветовых сочетаний:

1. Марганцевый+серо-зеленый+желтый красители;
2. Марганцевый+зеленый+коричневый красители;
3. Зеленый+коричневый красители;
4. Зеленый+желтый+коричневый красители;
5. Изумрудно-зеленый+желтый+черный красители;
6. Ангоб+марганцевый краситель;
7. Ангоб+марганцевый+зеленый краситель;
8. Ангоб+марганцевый+зеленый+желтый красители.

1. Роспись марганцевым, серо-зеленым и желтым красителями (2 экз.).

Представлена обломком кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта геометрическим орнаментом в виде косой сеточки из марганцевого красителя образующей ромбы. Внутренняя часть ромбов заполнена в шахматном порядке желтой и зеленою (небольшие пятна) красками (Рис. 11, 5). Следующий обломок, входящий в состав подтипа с данной росписью – фрагмент стенки круглого бортика плавно сужающегося к кольцевому поддону тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта марганцевой росписью и полихромными потеками.

2. Роспись марганцевым, зеленым и коричневым красителями (1 экз.).

Представлена обломком венчика и части стенки круглого бортика тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта марганцевой росписью растительно-го характера и потеками зеленою и коричневой красок.

3. Роспись зеленым и коричневым красителями (1 экз.).

Сюда относится обломок кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта коричневой росписью и зелеными потеками.

4. Роспись зеленым, желтым и коричневым красителями (2 экз.).

Представлена обломками невыраженного венчика и части стенки кругло-

го бортика тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта марганцевой росписью и полихромными потеками и округлой в сечении ручки кувшина, покрытого полихромными неширокими перекрещивающимися линейными мазками из коричневой и зеленой красок, а также желтыми пятнами.

5. Роспись изумрудно-зеленым, желтым и черным красителями (1 экз.).

К данному цветовому сочетанию относится роспись на обломке кольцевого поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта рядом параллельных черных линий, между которыми расположены желтые, изумрудно-зеленые мазки и мелкие черные точки.

6. Роспись ангобом и марганцевым красителем (2 экз.)

К данному подтипу керамики относятся фрагмент венчика чаши и фрагмент донца с кольцевым поддоном.

Венчик с внутренней стороны украшен вдоль края марганцевой горизонтальной полоской. Чуть ниже от нее идет выстроенная в линейный ряд полоса из ангобных крапинок.

Фрагмент донца сосуда орнаментирован центральной розеткой, состоящей из пересекающихся сетчатых линий внутри круга. Пространство между линиями заполнено ангобными пятнами. Ближе к месту излома керамики можно наблюдать декор в виде кругов (?) и линий (Рис. 13, 7). Аналогичная керамика встречается в материалах Шамкира [26, с. 642]. Данную группу керамики автор относит к VIII–X вв.

7. Роспись ангобом, марганцевым и зеленым красителями (2 экз.).

Представлен двумя фрагментами донца сосуда с кольцевым поддоном (возможно, фрагменты одного сосуда). Внутренняя поверхность на обоих фрагментах орнаментирована марганцевыми линиями в виде петельчатых узлов и ангобными пятнами. Местами имеются зеленые растеки (Рис. 13, 8).

8. Роспись ангобом, марганцевым, зеленым и желтым красителями (5 экз.).

Состоит из одного венчика сосуда, фрагмента стенки тарелки и трех фрагментов донцов сосудов с кольцевым поддоном, фрагмента стенки тарелки и одного венчика. На одном из донцов от центра посуды к краю идут желтые лучи-полосы, оконтуренные тонкими марганцевыми линиями. Пустые секторы между полосами декорированы зеленым красителем. Второе донце украшено широкими полосами-секторами, выделенными марганцевыми линиями и заполненными ангобом и красками желтого (краска нанесена поверх ангоба) и зеленого цвета. Третий фрагмент, включенный в данную категорию керамики, также украшен цветными линиями (зеленый краситель) и пятнами (марганцевый и желтый краситель, нанесенный поверх ангобного пятна). Четвертый фрагмент, представленный в виде венчика украшен растительным орнаментом из марганцевого красителя и пятнами зеленого и желтого цвета (нанесен поверх ангобного пятна) (Рис. 6, 1). Пятый фрагмент представлен кольцевым поддоном тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта полихромной росписью в виде геометрического орнамента, состоящего из линий, образующих секции в виде квадратов и треугольников, которые заполнены косыми мелкими сеточками.

ми, выполненными марганцевым и изумрудно-зеленым красителями. Внутри образованных ячеек сеточки, расписанной изумрудно-зеленой краской, нанесены марганцевые точки, между которыми проходят разделительные желтые полосы, нанесенные по ангобу (Рис. 8, 5).

Отдел 1. Подотдел 2. Группа 3. Подгруппа 3. Тип 1. Подтип 4.

Красноглиняная керамика без ангобного покрытия с подглазурным рельефным декором под непрозрачной зеленой поливой (2 экз.).

В данный подтип входят два обломка стенок кувшина, покрытого зеленой глухой поливой и рельефным декором. Декор носит очертания растительного орнамента.

Отдел 1. Подотдел 2. Группа 3. Подгруппа 3. Тип 3.

Красноглиняная керамика без ангобного покрытия с непрозрачной зеленой поливой (3 экз.).

Состоит из трех обломков разных сосудов. Это фрагмент кольцевого поддона красноглиняной тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта темно-зеленой глухой поливой, фрагмент резко отогнутого наружу венчика кувшина, покрытого темно-зеленой глухой поливой (Рис. 11, 2), фрагмент тарелочки, покрытой зеленой глухой поливой, с невыраженным скругленным краем венчика, прямым плавно сужающимся к плоскому донцу бортиком (Рис. 11, 1). Венчик последней тарелочки вогнут внутрь, образуя волнистый верхний край.

Отдел 1. Подотдел 2. Группа 3. Подгруппа 4. Тип 3.

Красноглиняная керамика без ангобного покрытия с непрозрачной коричневой поливой (1 экз.).

Отдел представлен одним фрагментом придонной части стенки туловища и плоского донца кувшинчика. Края донца слегка выступают.

Отдел 2. Подотдел 1. Группа 1. Тип 1. Подтип 1.

Бежево-розовоглиняная керамика с ангобным покрытием с подглазурной полихромной росписью под прозрачной бесцветной поливой (5 экз.).

Представлена материалами из слоя 3 раскопа XXVII.

Декор данной категории керамики состоит из следующих цветовых решений:

1. Марганцевый+коричневый красители;
2. Марганцевый+зеленый красители;
3. Марганцевый+зеленый+желтый красители.

1. Роспись марганцевым и коричневым красителями (3 экз.).

К подтипу относятся фрагмент отогнутого наружу венчика и два фрагмента

стенок сосудов. Все предметы декорированы геометрическим орнаментом.

Отогнутый плоский край венчика с обеих сторон обрамлен коричневыми полосками и заполнен внутри повторяющимися марганцевыми короткими линиями (Рис. 13, 4).

Стенки сосудов украшены геометрическим орнаментом в виде марганцевых кружочков, с точкой по центру из такого же красителя, коричневых растеков, полос и марганцевых линий (Рис. 13, 2, 3).

2. Роспись марганцевым и зеленым красителями (1 экз.).

Представлен фрагментом округлого и чуть смещенного вовнутрь венчика и стенки миски. Внутренняя поверхность изделия орнаментирована продольными и поперечными марганцевыми линиями и точками. Заполнение между линиями декорировано полосой из красителя светло-зеленого цвета (Рис. 13, 1).

3. Роспись марганцевым, зеленым и желтым красителями (1 экз.).

Состоит из фрагмента стенки сосудов, украшенных геометрическим орнаментом в виде полос, линий, точек.

Отдел 2. Подотдел 1. Группа 2. Подгруппа 1. Тип 1. Подтип 1.

Бежево-розоглиняная керамика с ангобным покрытием с подглазурной полихромной росписью под прозрачной желтой поливой (1 экз.).

1. Роспись марганцевым и коричневым красителями (1 экз.).

Категория представлена одним фрагментом донца тарелки с кольцевым поддоном. Внутренняя поверхность изделия украшена геометрическим орнаментом в виде кругов, пятен и полос, выполненных марганцем и коричневой краской (Рис. 13, 6).

Отметим, что представленный отдел керамики по цвету теста и наложенному декору (цветовая гамма, элементы и мотивы орнамента) имеет некоторые сходства с образцами иранской керамики X–XI вв. (изделия типа чаш Сари) [33, pl. 17; 28, P. 243; 14, с. 210].

Отдел 3. Подотдел 1. Группа 1 . Тип 1. Подтип 1.

Коричневоглиняная керамика с ангобным покрытием с подглазурной полихромной росписью под прозрачной бесцветной поливой (1 экз.).

Как было отмечено выше, из выборки слоя 3 раскопа XXVIII и слоев 2, 3 раскопа XXXIII насчитывается всего 2 экз. коричневоглиняной керамики. По одному фрагменту с каждого раскопа.

К данному подтипу отдела относится 1 обломок выступающего чуть вогнутого по центру поддона тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта полихромной росписью.

Отдел 3. Подотдел 2. Группа 3. Подгруппа 4. Тип 3.

Коричневоглиняная керамика без ангобного покрытия с непро-

зрачной коричневой поливой (1 экз.).

В категорию керамики представленного отдела входит обломок выступающего плоского поддона с чуть вогнутым центром и придонной части стенки бортика тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта темно-коричневой глухой поливой (Рис. 11, 3).

Отдел 4. Подотдел 1. Группа 2. Подгруппа 2. Тип 3.**Бежевоглиняная керамика с ангобным покрытием под прозрачной зеленой поливой (1 экз.).**

Отдел представлен одним обломком керамики из второго слоя раскопа XXVII. Это обломок венчика с утолщенным наружу краем тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта белым ангобом под прозрачной зеленой поливой.

Возможно, проведенная нами классификация, в основе своей имеет недоработки и с точки зрения художественной оценки керамики не совсем оправдана – имеет слишком много таксономических единиц, мешающихциальному восприятию материала и не позволяющих уловить стилевые модификации в декоре. Но учитывая то, что это наш первый опыт, и весь материал, что имеется у нас в распоряжении, это всего лишь часть глазуревой керамики Дербента, не исчерпывающая всего ее разнообразия, то надеемся, что в последующем, все погрешности будут откорректированы.

Заключение

Период конца VIII–X вв. в истории гончарного промысла Дербента отмечен рождением нового стиля в оформлении керамических изделий – в регионе получает развитие массовое производство поливной керамики.

Появление глазуревой керамики ученые связывают с исторически сложившимися контактами Дербента с регионами Передней и Центральной Азии и проникновением ислама. Но, несомненно, ведущую роль в освоении производства глазуревой продукции сыграли экономический и культурный уровень развития города и традиции гончарного промысла местного населения в предшествующие эпохи, а также наличие в регионе богатой сырьевой базы [3, с. 113].

Ранняя поливная керамика Дербента поражает уникальностью художественных решений. В основном среди этих изделий, обнаруженных в ходе археологических раскопок, выделяются чаши, тарелки, блюда и кувшины. Глазурь на керамических изделиях Дербента представлена в различных вариациях – от непрозрачных глухих до прозрачных/полупрозрачных цветных или абсолютно прозрачных. По своей структуре глазурь скрепляла керамику, делая ее прочной и защищая от воздействия сырости. Одновременно она служила и украшением, придававшим посуде декоративный глянцевый вид.

Неизвестно, когда именно стали применять различные виды глазурей – было ли применение разных приемов глазурования синхронным явлением или во времена начального их освоения какое-то время применялась одна техника. Здесь можно отметить, что, например, одной из ранних находок на территории Афрасиаба были изделия, покрытые непрозрачной зеленой глазурью [23, с. 31–32]. В этнографических материалах начала XX в. встречается интересное наблюдение, в Иране посуду, покрытую глухой зеленой поливой, называли чини (этим термином же обозначали фарфор), что значит «китайский». Видимо, так делалась отсылка на происхождение изделия, но что примечательно, в Китае такая керамика не производилась [33, с. 409–410]. Для получения глухой зеленой поливы в состав глазури добавлялся оксид олова, выступающего при определенном процентном соотношении в качестве глушителя глазури [12, с. 28].

Керамика, покрытая прозрачными или полупрозрачными глазурами, в состав которых входил оксид свинца и оксид олова, украшалась различными видами подглазурной росписи. В создании красителей использовались оксиды металлов: зеленый – оксид меди, коричневый – марганца, желтый – железа. Для создания надглазурной росписи применялись щелочно-оловянно-свинцовые глазури, где преобладающим компонентом в них являлась щелочь [34, с. 29].

Представленные в данной работе образцы керамических изделий не исчерпывают всего богатства и многообразия глазурованной посуды Дербента, но бесспорно являются яркой ее частью.

Если дать краткую характеристику всей группе керамики, рассмотренной в настоящем исследовании, то можно сделать следующие выводы.

Подавляющая часть керамических обломков (92 экз.) выполнена из красного/розово-красного хорошо отмученного теста, которые в большинстве своем покрыты полихромной росписью. Для керамики Дербента конца VIII–X вв. характерен в основном геометрический и геометризованный (растительно-геометрический) полихромный орнамент, который чаще всего покрывался прозрачной бесцветной глазурью, но встречаются изделия, покрытые желтой, зеленой и коричневой прозрачной или полупрозрачной глазурью. Среди всего керамического материала лишь в одном экземпляре представлена керамика, украшенная гравировкой «сграффито» в сочетании с полихромной росписью. По всей внутренней поверхности подавляющая часть керамики украшена светлым ангобом, поверх которого нанесена роспись и затем кроющая глазурь. Лишь несколько фрагментов имеют надглазурную роспись. Небольшим количеством материала представлена керамика с нанесением росписи по непокрытому черепку и покрытая прозрачной бесцветной или прозрачной, полупрозрачной цветной поливой.

Из материалов раскопок приходится всего пять фрагментов керамики с бежево-розовым тестом. Четыре из них имеют на внутренней поверхности слой ангоба, поверх которого нанесена полихромная роспись.

Та малая часть керамики из коричневой (2 экз.) и бежевой глины (1 экз.),

что была исследована, покрыта либо глухой зеленой/коричневой глазурью, либо полупрозрачной зеленой. Керамика с зеленой непрозрачной глазурью по непокрытому ангобом фону встречается всего на пяти обломках. На двух из них имеется рельефный растительный (?) орнамент. Коричневоглиняная керамика представлена в двух вариантах – с полихромной росписью по белому ангобу и с глухой коричневой поливой, нанесенной на изделие, не покрытое ангобом. Полупрозрачной зеленой поливой покрыта бежевоглиняная керамика с ангобом, представленная в нашей коллекции лишь одним фрагментом.

Уходя корнями в искусство гончарного производства мусульманских, иранских, среднеазиатских стран поливная керамика Дербента конца VIII–X вв. проявила в себе все лучшее из их традиций. Даже при небольшом количестве исследуемых нами материалов и, соответственно при относительно небогатом выборе орнаментальных элементов, глазурованная керамика из раскопов XXVII и XXXIII имеет свое «лицо» и «характер», демонстрирующие художественно-стилистические и технологические особенности декора.

Стиль и мотивы орнамента на керамике из данной коллекции, при сравнительном анализе, несомненно, сближают поливную керамику Дербента с керамикой того же Шамкира IX–X вв., например, или Нишапура. С некоторыми образцами керамики из Шамкира [26, с. 652, 653. Рис. 10, 2, 4, 7] дербентская керамика практически идентична, но вот о явных аналогиях с керамикой Нишапура говорить сложно. Расписной декор, на дербентской керамике, несмотря на угловатость орнаментальных элементов, ложится на поверхность посуды более широко и мягко, нежели орнамент на керамике Нишапура, где узор на изделиях более тонкого исполнения. Или, если рассматривать композиционное распределение орнамента, то фон на посуде из рассмотренной нами коллекции имеет больше свободного пространства, нежели на иранской. Можно предположить, что керамика Дербента – это заимствованная копия Нишапура, изготовленная керамистами, если не самого Баб ал-абваба¹⁴, то, возможно, какого-нибудь промежуточного пункта, лежащего на пути между Ираном и Дербентом и/или Закавказьем, где она также была широко развита. Однако выводы делать на сегодняшний день рано, для этого необходимо изучить широкий круг материалов. Надеемся, что в будущем исследователям удастся восполнить пробел в изучении этой отрасли гончарного производства и дать исчерпывающие ответы на интересующие вопросы.

¹⁴ Нет ни прямого, ни косвенного свидетельства производства глазурованной керамики на территории Дербента в рассматриваемый период времени.

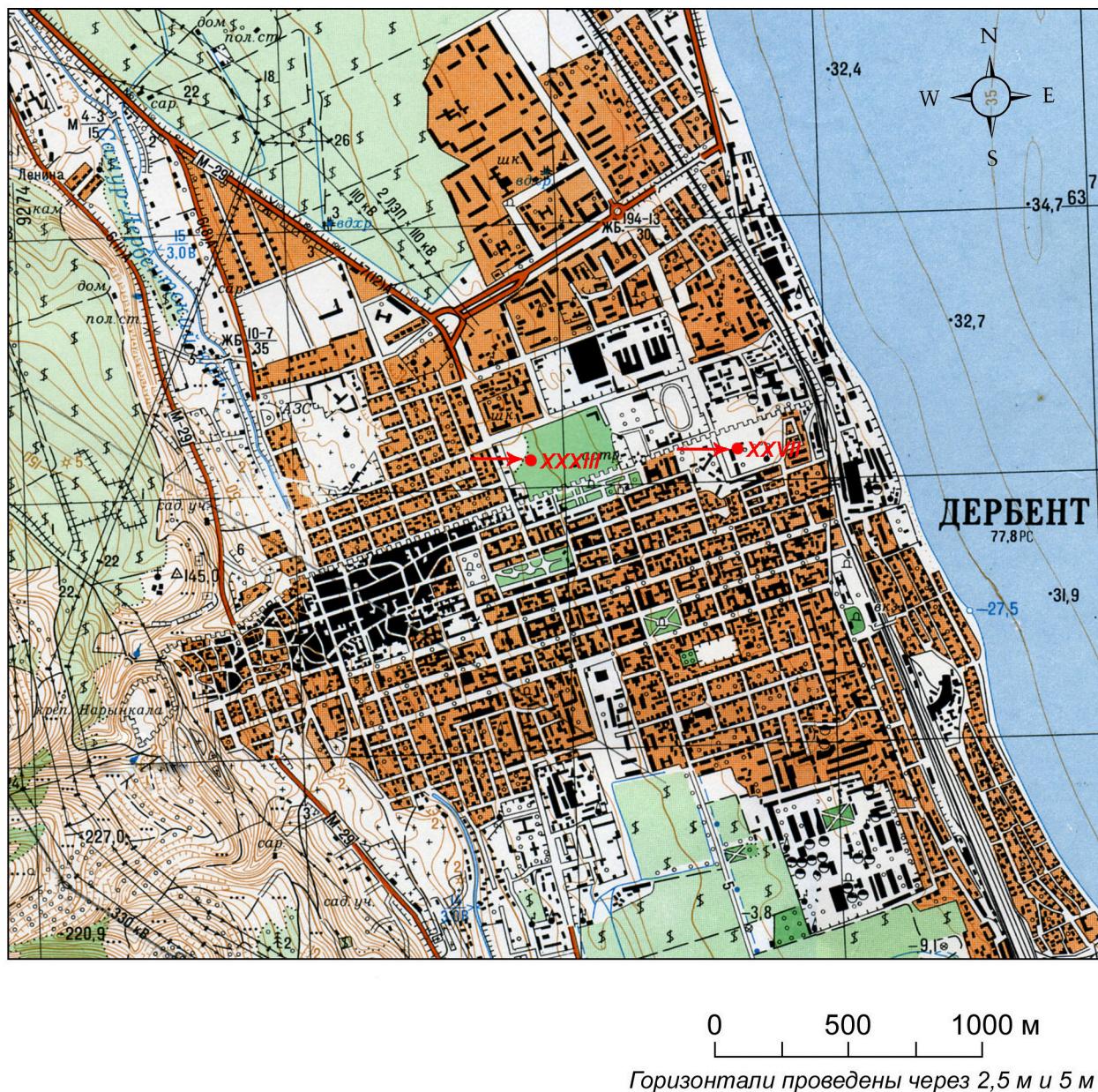

Рис.1. Топографический план г. Дербента
с указанием места расположения раскопов XXVII и XXXIII

Fig. 1. Topographic plan of the city of Derbent
with indication of the location of excavation sites XXVII and XXXIII

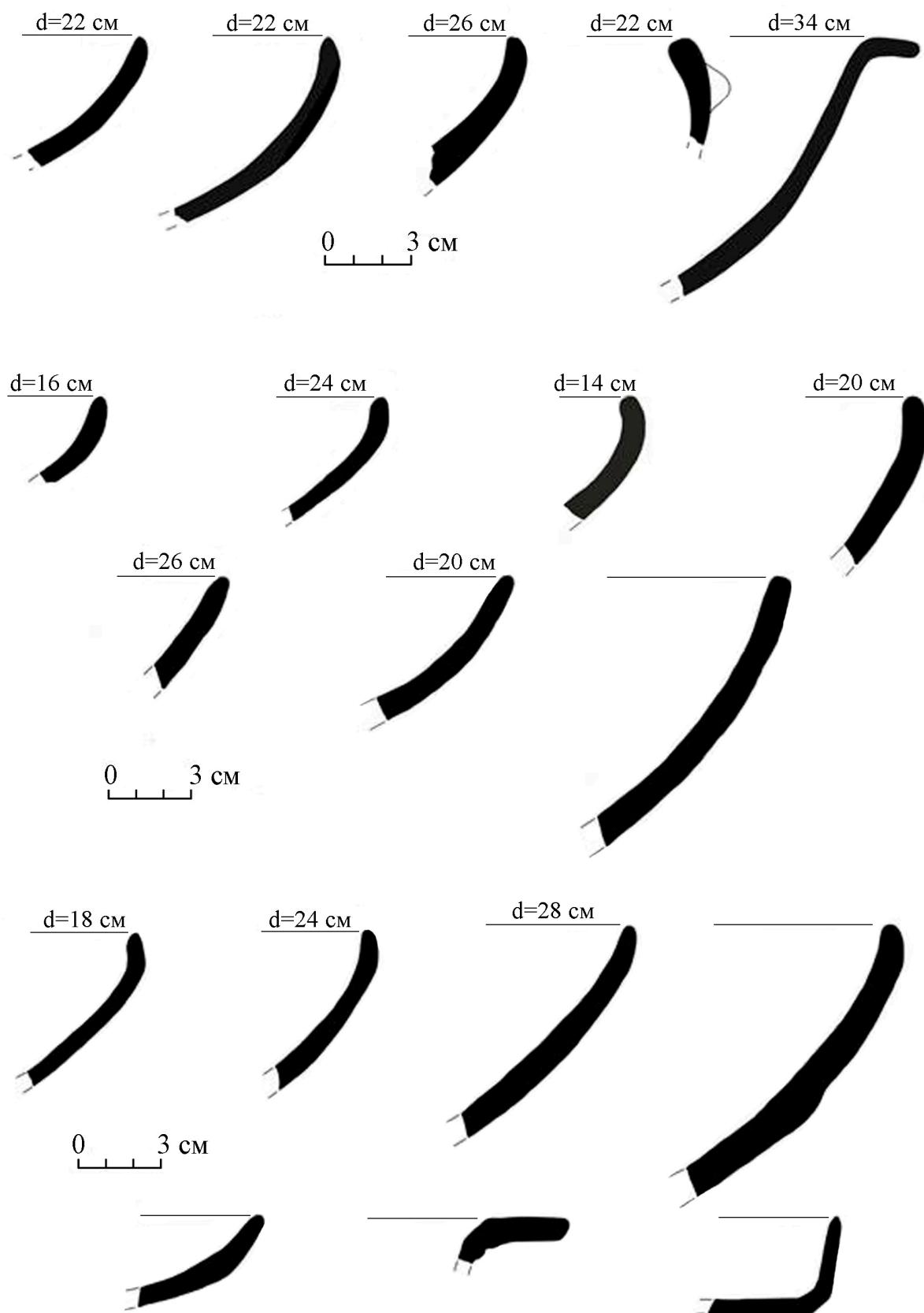

Рис. 2. Варианты оформления венчиков глазурованных сосудов

Fig. 2. Decor variants of the rims of glazed vessels

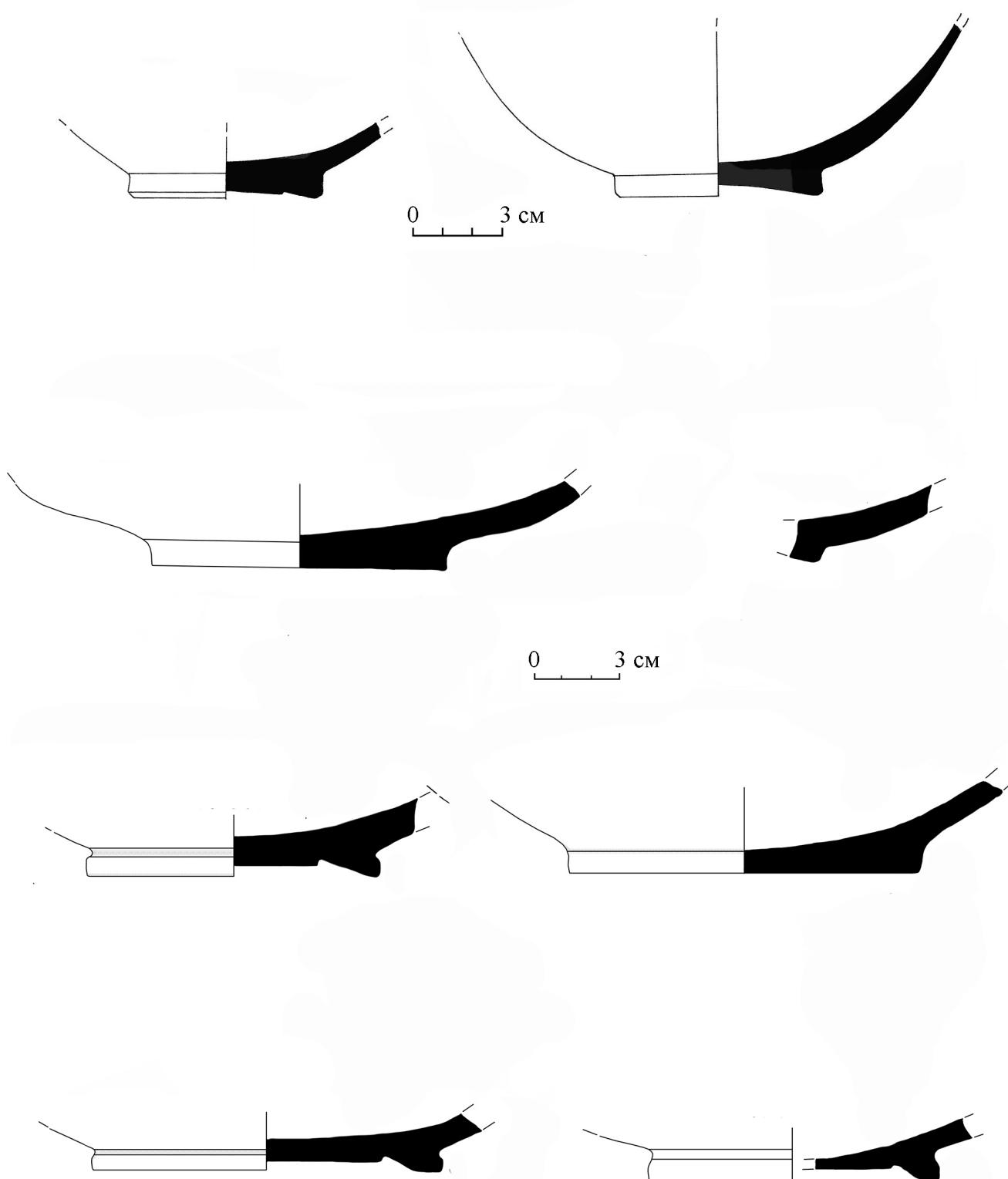

Рис. 3. Варианты оформления целой формы и донцев глазурованных сосудов

Fig. 3. Decor variants of the whole body and the bottoms of glazed vessels

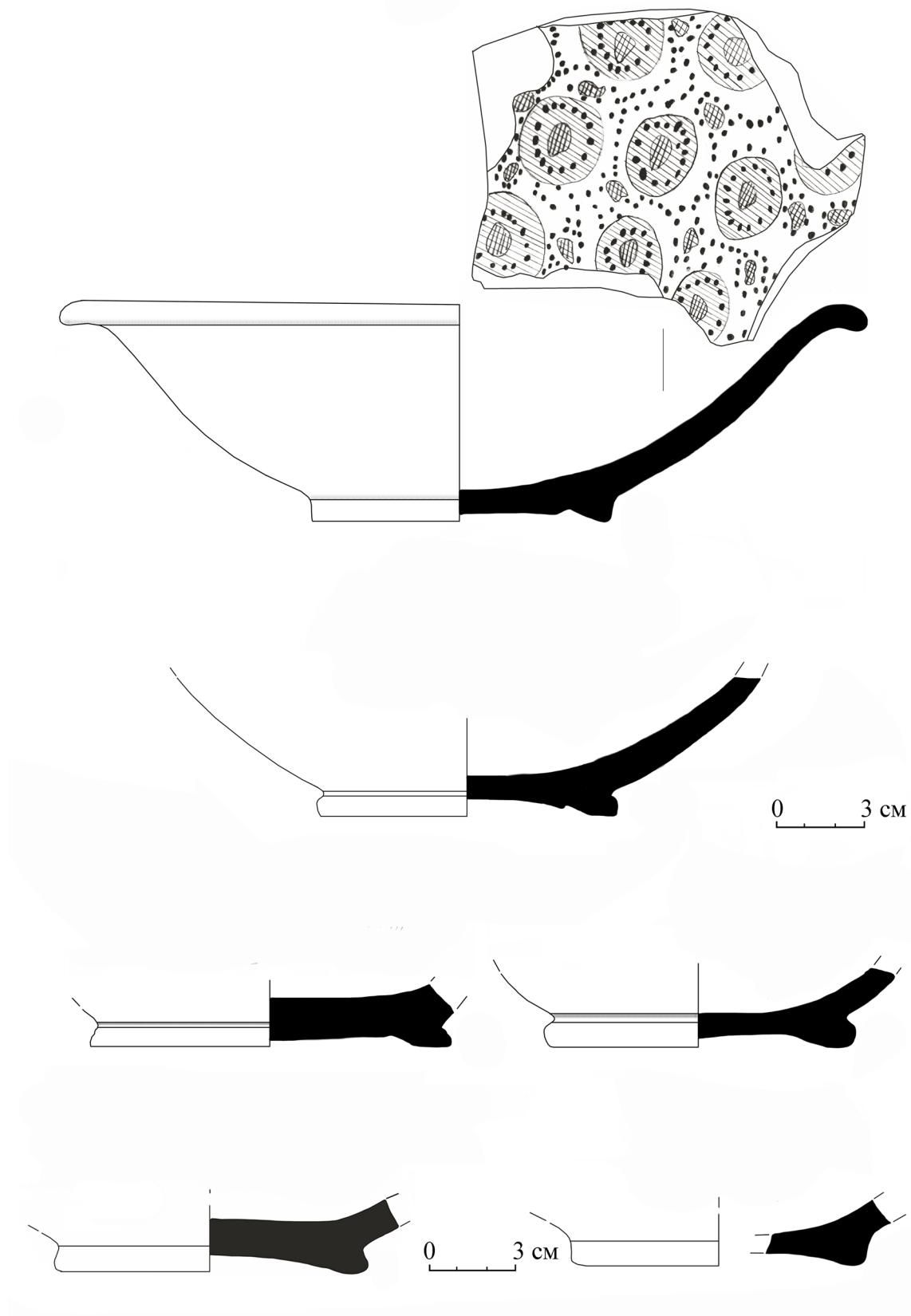

Рис. 4. Варианты оформления донцев глазурованных сосудов

Fig. 4. Decor variants of the bottoms of glazed vessels

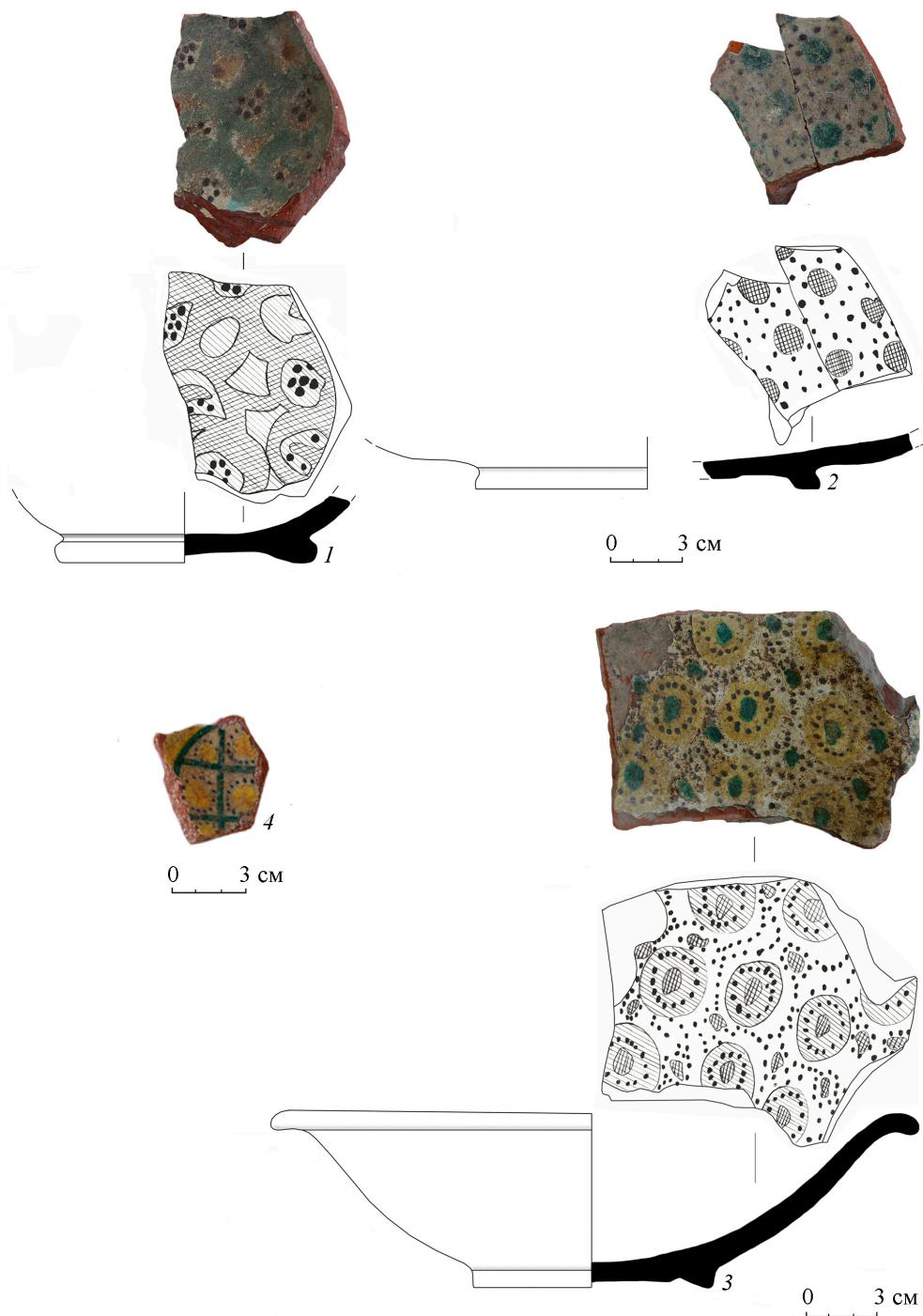

Рис. 5. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXXIII

Fig. 5. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXXIII

Рис. 6. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXXIII

Fig. 6. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXXIII

Рис. 7. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXXIII

Fig. 7. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXXIII

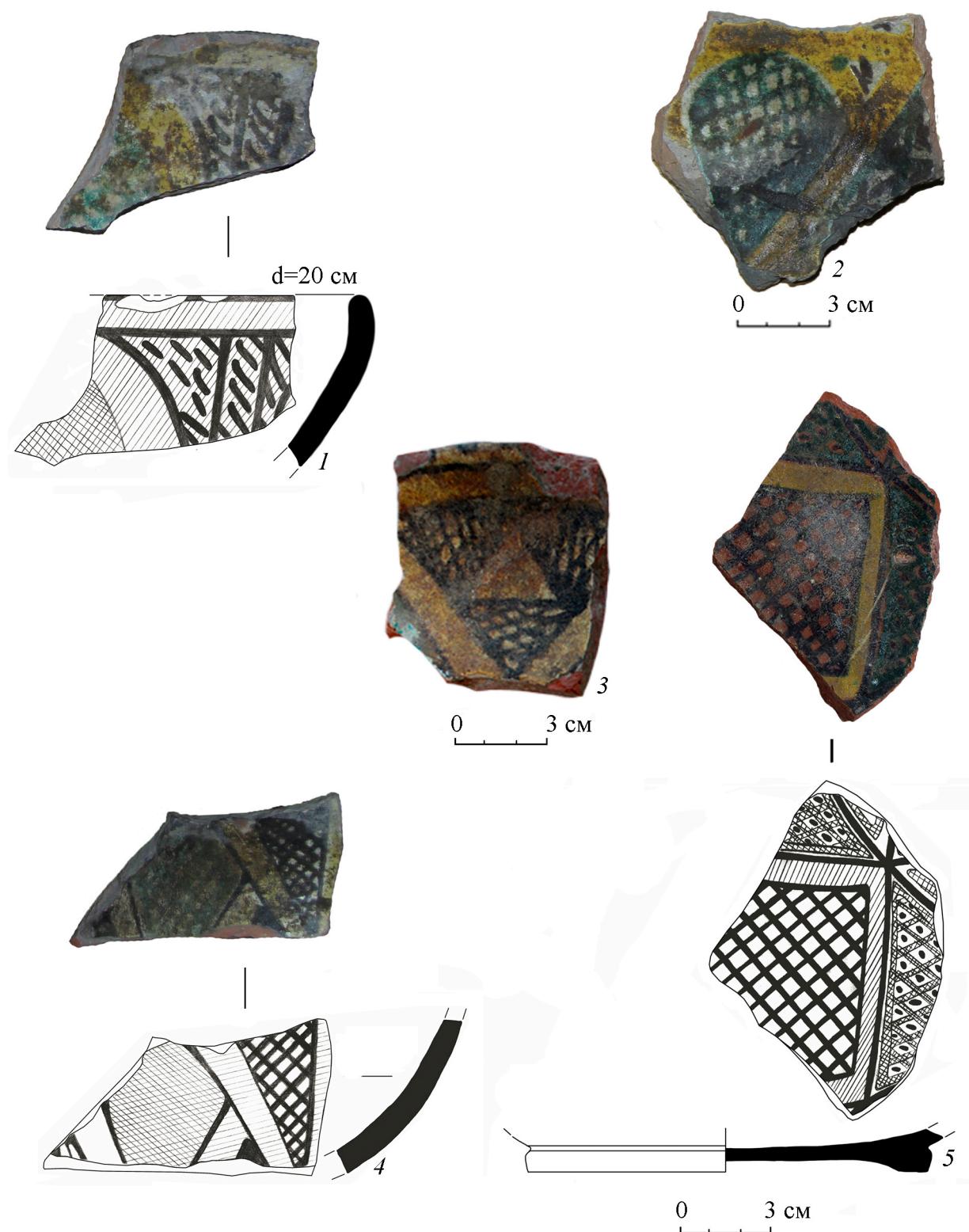

Рис. 8. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXXIII

Fig. 8. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXXIII

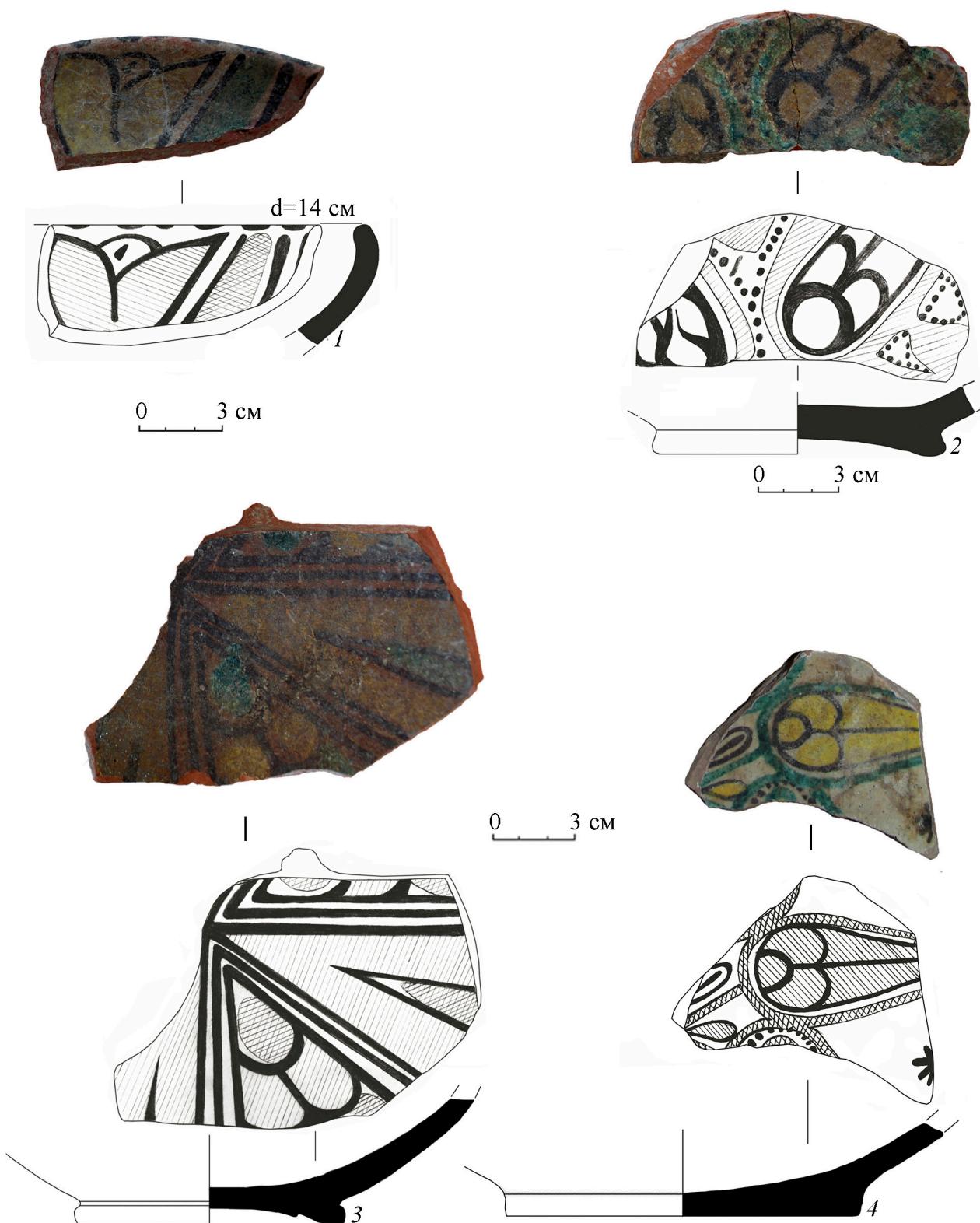

Рис. 9. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXXIII

Fig. 9. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXXIII

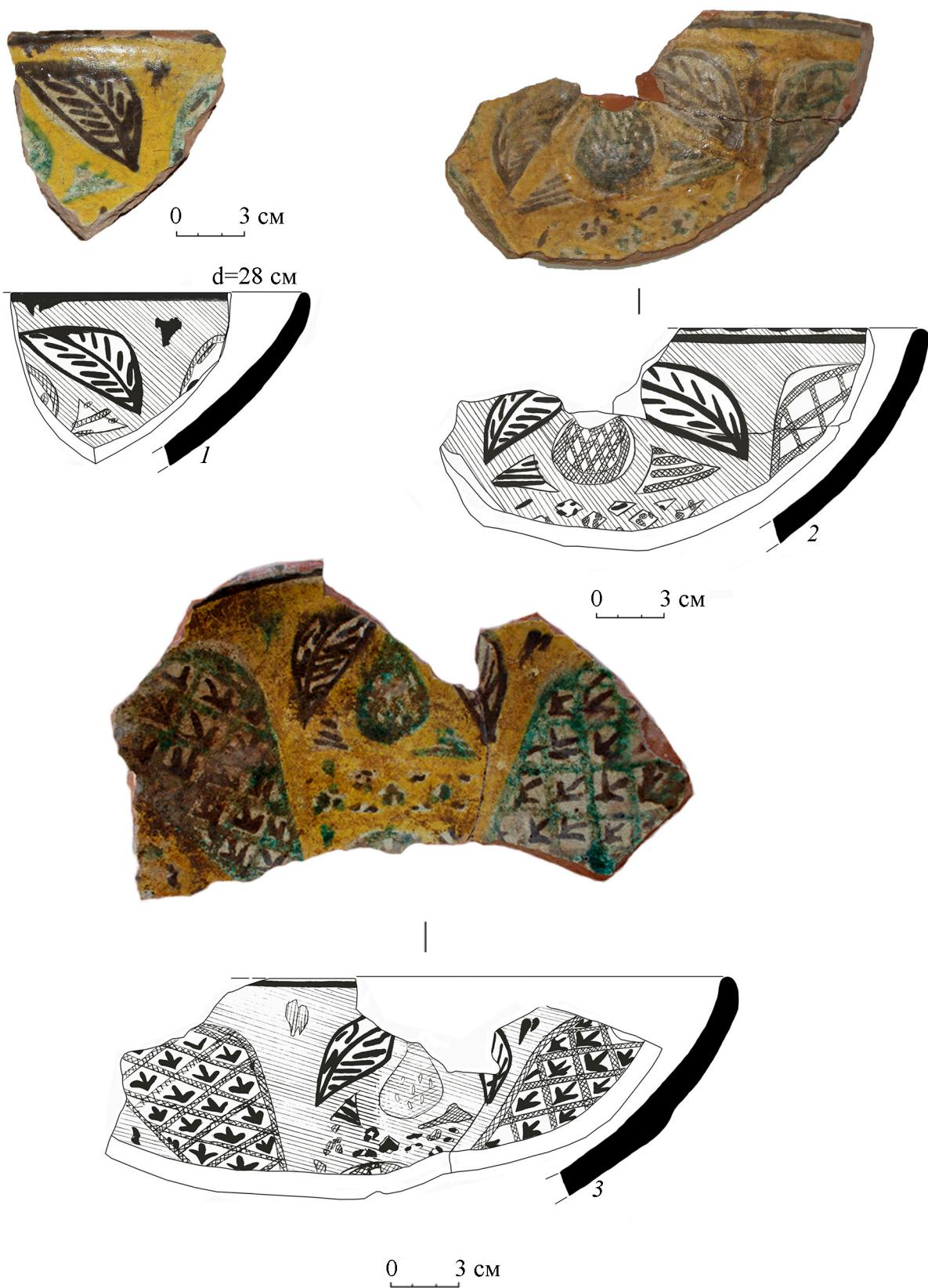

Рис. 10. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXXIII

Fig. 10. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXXIII

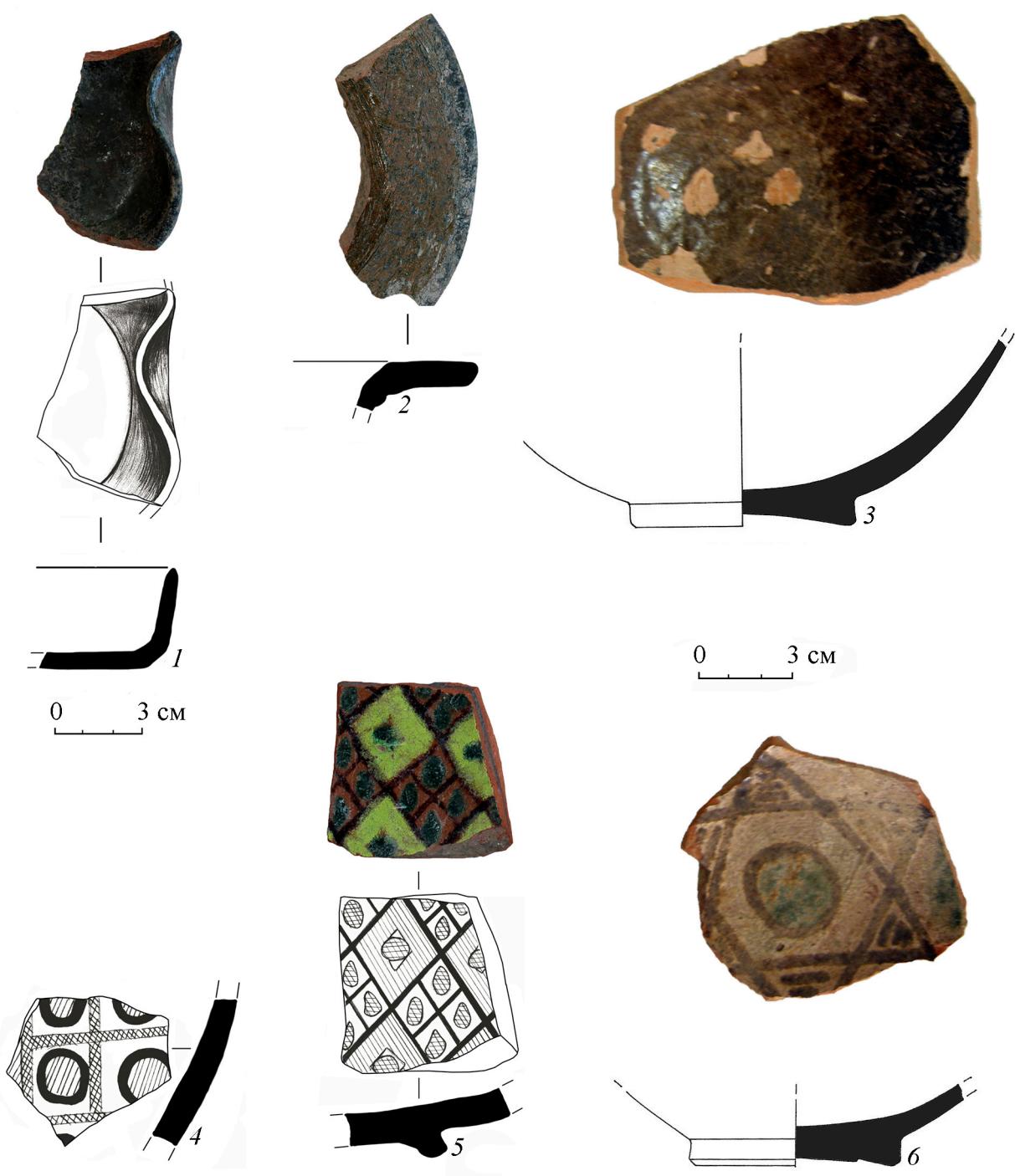

Рис. 11. Обломки глазурованной керамики из раскопов XXVII (рис. 3, 6) и XXXIII

Fig. 11. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXVII (Fig. 3, 6) and XXXIII

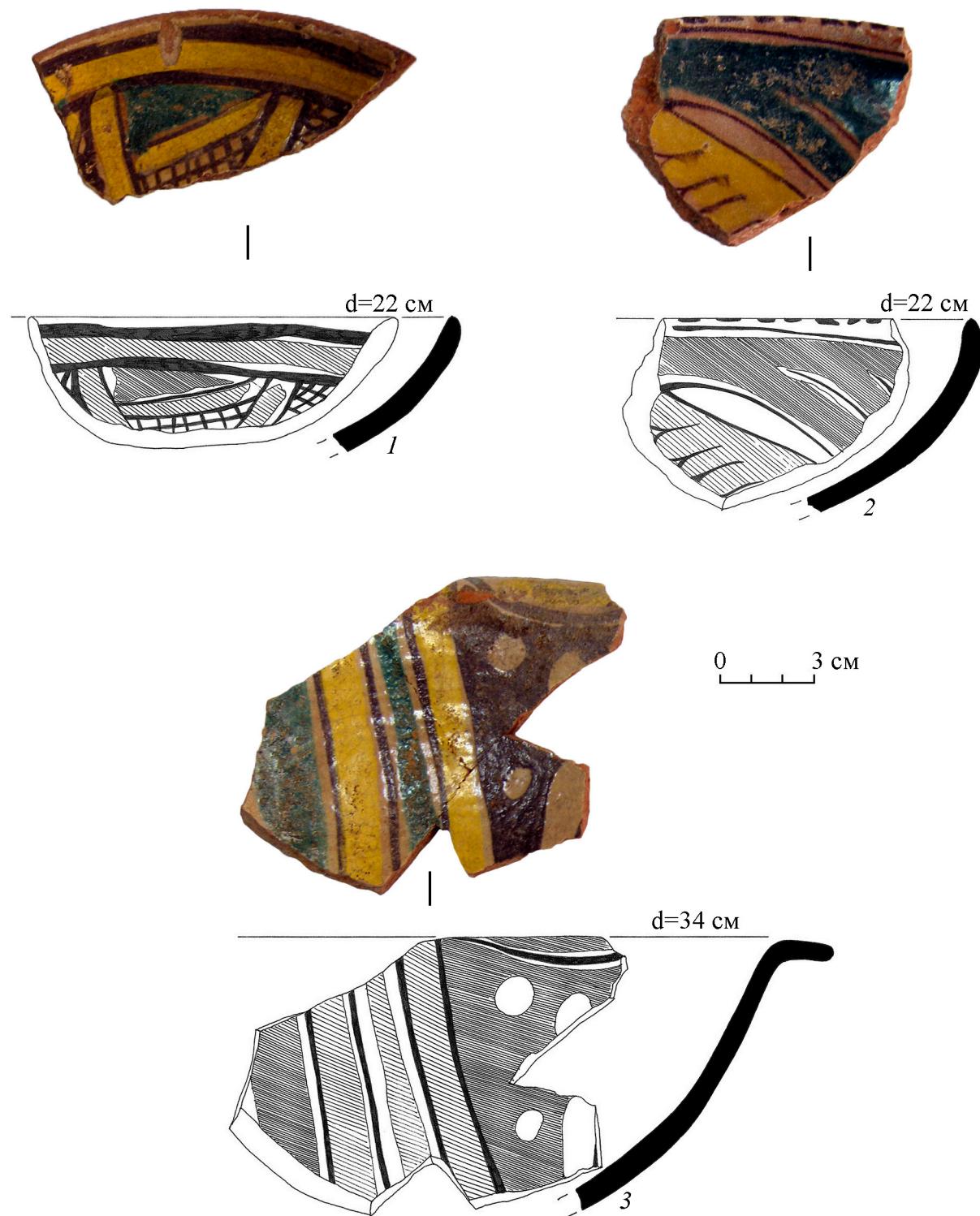

Рис. 12. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXVII

Fig. 12. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXVII

Рис. 13. Обломки глазурованной керамики из раскопа XXVII

Fig. 13. Fragments of glazed ceramics from excavation site XXVII

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев М.С. Дербент – памятник мировой истории и культуры // Вестник ИИАЭ. №1(41). 2015. – С. 5–20.
2. Кудрявцев А.А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1977. – С. 74–103.
3. Кудрявцев А.А. Поливная художественная керамика Дербента VIII–Х вв. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1979. – С. 111–132.
4. Кудрявцев А.А. Поливная керамика Дербента XI – сер. XIII вв. // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1981. – С. 78–109.
5. Гамзатов Г.Г. Поливная керамика Дербента XIII–XVI вв. (По материалам раскопок 1980 г.) // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1981. – С. 110–119.
6. Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала: Даг. кн. изд., 1989. – 348 с.
7. Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1952, т.1. – 298 с.: ил.
8. Левиатов В.Н. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII–XV вв. // Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Баку: АН Азерб. ССР, 1946. – №7. – С. 36–48.
9. Шелковников Б.А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1957. – 101 с.: 2 цв. ил.
10. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) (По материалам раскопок 1953–1955 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 67. – С. 228–302.
11. Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. – С. 73–107.
12. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. – 269 с.
13. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчиеев А.Л., Абдулаев А.М., Абиев А.К. Спай

REFERENCES

1. Gadzhiev MS. Derbent as a monument of world history and culture [Derbent – pamyatnik mirovoy istorii i kul'tury] *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015;1(41):5-20.
2. Kudryavtsev AA. Excavations of a rich building of the 8th-13th centuries in a residential area of medieval Derbent [Raskopki bogatogo zdaniya VIII-XIII vv. v zhilom kvartale srednevekovo-go Derbenta] *Archaeological monuments of early medieval Dagestan [Arkheologicheskiye pamyatniki rannesrednevekovogo Dagestana]*. Makhachkala: Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1977:74-103.
3. Kudryavtsev AA. Glazed art ceramics in Derbent of the VIII-X centuries [Polivnaya khudozhestvennaya keramika Derbenta VIII-X vv.] *Folk arts and crafts of Dagestan and the present [Narodnoye dekorativno-prikladnoye iskusstvo Dagestana i sovremennost']*. Makhachkala: Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1979:111-132.
4. Kudryavtsev AA. Glazed ceramics of Derbent of the XI – middle XIII centuries [Polivnaya keramika Derbenta XI - ser. XIII vv.] *Ceramics of ancient and medieval Dagestan [Keramika drevnego i srednevekovogo Dages-tana]*. Makhachkala: Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1981:78-109.
5. Gamzatov GG. Glazed ceramics of Derbent, 13th-16th centuries (Based on materials from excavations in 1980) [Polivnaya keramika Derbenta XIII-XVI vv. (Po materialam raskopok 1980 g.)] *Ceramics of ancient and medieval Dagestan [Keramika drevnego i srednevekovogo Dages-tana]*. Makhachkala: Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1981:110-119.
6. Mammaev MM. Decorative and applied art of Dagestan. Origins and formation [Dekorativno-prikladnoye iskusstvo Dagestana. Isto-ki i stanovleniye]. Makhachkala: Dagestan book publ., 1989.
7. Kafadaryan K. *The city of Dvin and its excavations [Gorod Dvin i yego raskopki]*. Yerevan: AN Arm SSR Publishing, 1952;1.
8. Leviatov VN. On the types of glazed ceramics in Azerbaijan in the 7th-15th centuries [O tipakh glazurovannoy keramiki Azerbaydzhana v VII-XV vv.] *Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR*. Baku: AN Azerbaijan SSR, 1946;7:36-48.
9. Shelkovnikov BA. *Glazed ceramics from the excavations of the city of Ani [Polivnaya keramika iz raskopok goroda Ani]*. Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of

сательные археологические исследования в Дербенте в 2015 г.: раскоп XXXIII // Вестник ИИАЭ. 2017. №3(51). – С. 177–201.

14. Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища): дисс...канд. ист. наук. М., 2016. – 250 с.

15. Гаджиев М.С. Кузеева З.З. Ранняя глазурованная керамика Дербента (по материалам раскопок форта 1) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. – с.194–198.

16. Гаджиев М.С., Кузеева З.З. О хронологии ранней глазурованной керамики Дербента // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карабаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карабаевск, 2018. – с.426–428.

17. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчев А.Л., Абдулаев А.М., Абиеев А.К. Открытие и исследование раннемусульманского некрополя в Дербенте // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Карабаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карабаевск, 2018. – с. 422–425.

18. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будайчев А.Л., Абдулаев А.М., Абиеев А.К. Раннемусульманский некрополь в Дербенте (Баб ал-абвабе) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. №1(63). – с. 202–226.

19. Wilkinson, Charles K. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973. – 374 р.

20. Аракелян Б.Н. Армения в IX–XIII веках. Ремесло, декоративное искусство, письменность // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука, 2003. – С. 335–350.

21. Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху развитого средневековья (Х–XIII в.). Материальная и духовная культура // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука, 2003. – С. 297–320.

the Armenian SSR, 1957.

10. Yakobson AL. Artistic ceramics of Baylakan (Oren-kala) (Based on materials of excavations in 1953-1955) [Khudozhestvennaya keramika Baylakana (Oren-kala) (Po materialam raskopok 1953-1955 gg.) Materials and research on archeology of the USSR [Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR]. Vol.67: 228-302.

11. Bulatov NM. Classification of red clay glazed ceramics of the Golden Horde cities [Klassifikatsiya krasnoglinyanoy polivnoy keramiki zolotoordynskikh gorodov] Medieval monuments of the Volga region [Srednevekovyye pamyatniki Povolzh'ya]. Moscow: Nauka, 1976: 73-107.

12. Koval VY. Ceramics of the East in Russia. IX-XVII centuries [Keramika Vostoka na Rusi. IX-XVII vv.]. Moscow: Nauka, 2010.

13. Gadzhiev MS., Taymazov AI., Budaichiev AL., Abdulaev AM., Abiev AK. Rescue archaeological research in Derbent in 2015: excavation site XXXIII [Spasatel'nyye arkheologicheskiye issledovaniya v Derbente v 2015 g.: raskop XXXIII] Bulletin of IHAE. 2017;3(51):177-201.

14. Boldyreva EM. Glazed ceramics of the Lower Volga region in the X - 1st half of the XIV centuries (based on materials from the Samosdelsky settlement) [Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha)]: PhD thesis. M., 2016.

15. Gadzhiev MS., Kuzeeva ZZ. Early glazed ceramics of Derbent (based on materials of the excavations of Fort 1) [Rannaya glazurovannaya keramika Derbenta (po materialam raskopok forta 1)] Archeology, Ethnology and Folklore Studies of the Caucasus: Proceedings of the International Scientific Conference "Latest Archaeological and Ethnographic Research in the Caucasus" Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye issledovaniya na Kavkaze»]. Makhachkala, 2007:194-198.

16. Gadzhiev MS., Kuzeeva ZZ. On the chronology of the early glazed ceramics of Derbent [O khronologii ranney glazurovannoy keramiki Derbenta Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the XXX International Scientific Conference "Krupnovskie Readings" on the archeology of the North Caucasus. Karachaevsk, April 22–29, 2018 Karachaevsk, 2018: 426-428.

17. Gadzhiev MS., Taymazov AI., Budaichiev AL., Abdulaev AM., Abiev AK. Discovery and re-

22. Якобсон А.Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // Византийский временник. Т.39. С.148–159.
23. Шишина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, Изд. ФАН Узбекской ССР, 1979. – 157 с.
24. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. С. 27.
25. Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья: Сборник статей. Вып. 4. Самара, 2006. – с. 413–421.
26. Достиеев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шамкир // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т.2. Казань- Кишинев: Stratum Plus, 2017. – с. 639–674.
27. Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Археология евразийских степей. Вып.1. Казань, 2012. – 184 с.+24 с. цв. вкл.
28. Watson, O. Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The alsaban collection / O. Watson. – London: Pub. By Thames & Hudson, 2005. – 512 p.
29. Pope, A.U. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present /A.U. Pope. – New York: Oxford University Press, 1938-1958. – Vols 1-6.
30. Достиеев Т.М. Поливная керамика средневекового города Шабрана (XI–XIII вв.) // Советская археология. 1989. №3. – С. 193–206.
31. Достиеев Т.М. Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX – середина XIII в.). Баку: Изд. Бак. ун-та, 1999. – 154 с.
32. Islamic pottery from the ninth to the fourteenth centuries A. D. (third to eighth centuries A. H.) in the collection of sir Eldred Hitchcock with introduction by Arthur Lane (keeper of ceramics Victoria and Albert museum). – London: Pub. by Faber&Faber,1956. – 36 p.
33. Кубель Е.Л. Среднеазиатская керамика в собрании Российского этнографического музея (коллекционные сборы 1900-1912 гг.) // http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-277-7/978-5-88431-277-7_14
34. Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я., Имамбердыев Р.А., Исхакова Е.А. «Нет блага в search of the early Muslim necropolis in Derbent [Otkrytiye i issledovaniye rannemusul'mansko-gо nekropolya v Derbente] *Caucasus in the system of cultural ties of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the XXX International Scientific Conference "Krupnovskie Readings" on the archeology of the North Caucasus*. Karachaevsk, April 22-29, 2018 Karachaevsk, 2018:422-425.
18. Gadzhiev MS., Taymazov AI., Budaichev AL., Abdulaev AM., Abiev AK. Early Muslim necropolis in Derbent (Bab al-abwab) [Rannemu-sul'manskiy nekropol' v Derbente (Bab al-abvabe) *Problems of history, philology, culture*. 2019;1(63):202-226.
19. Wilkinson, Charles K. *Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973.
20. Arakelyan BN. Armenia in the IX-XIII centuries. Craft, decorative arts, writing [Armeniya v IX-XIII vekakh. Remeslo, dekorativnoye iskusstvo, pis'mennost'] *Archeology. Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: IV-XIII centuries* [Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV-XIII veka]. Moscow: Nauka, 2003:335-350.
21. Ramishvili RM. Georgia in the era of the developed Middle Ages (X-XIII centuries). Material and Spiritual Culture [Gruziya v epokhu razvito-gо srednevekov'ya (X-XIII v.). Material'naya i duchovnaya kul'tura] *Archeology. Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: IV-XIII centuries* [Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV-XIII veka]. Moscow: Nauka, 2003: 297–320.
22. Yakobson AL. Medieval glazed ceramics as a historical phenomenon [Srednevekovaya polivnaya keramika kak istoricheskoye yavleniye Byzantine periodical *[Vizantiyskiy vremennik]*. Vol. 39:148-159.
23. Shishkina GV. *Glazed ceramics of Sogd (second half of the 8th - early 13th century)* [Glazurovannaya keramika Sogda (vtoraya polovina VIII-nachalo XIII v.)]. Tashkent, FAN of the Uzbek SSR, 1979.
24. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study* [Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya]. P. 27.
25. Bobrinsky AA. Technology data on the origin of pottery [Dannyye tekhnologii o proiskhozhdenii goncharstva] *Questions of archeology of the Volga region: Collection of articles* [Vo-

богатстве...» Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX–XII веков. М.: Фонд Марджани, 2016. – 596 с.: ил.

prosy arkheologii Povolzh'ya: Sbornik stately]. Samara, 2006:4:413-421.

26. Dostiev TM. Glazed ceramics of the medieval city of Shamkir [Polivnaya keramika srednevekovogo goroda Shamkir] *Glazed ceramics of the Mediterranean and Black Sea regions of the 10th-18th centuries [Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.]*. Kazan-Chisinau: Stratum Plus, 2017;2:639-674.

27. Lisova NF. *Ornament of glazed ware of the Golden Horde cities of the Lower Volga region. Archeology of the Eurasian steppes [Ornament glazurovannoy posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya. Arkheologiya yevraziiskikh stepey]*. Kazan, 2012;1.

28. Watson, O. *Ceramics from Islamic lands. Kuwait national museum. The Alsaban collection /* O. Watson. - London: Pub. By Thames & Hudson, 2005.

29. Pope AU. *A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present /*A.U. Pope. - New York: Oxford University Press, 1938-1958. Vol. 1-6.

30. Dostiev TM. Glazed ceramics of the medieval city of Shabran (XI-XIII centuries) [Polivnaya keramika srednevekovogo goroda Shabran (XI-XIII vv.) Soviet archeology. 1989;3:193–206.

31. Dostiev TM. *Medieval archaeological sites of Northeastern Azerbaijan (IX - mid XIII century) [Srednevekovyye arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Vostochnogo Azerbaydzhana (IX – середина XIII в.)]*. Baku: Baku University Press, 1999.

32. *Islamic pottery from the 9th to the 14th centuries A. D. (third to eighth centuries A. H.) in the collection of sir Eldred Hitchcock with introduction by Arthur Lane (keeper of ceramics Victoria and Albert museum)*. London: Pub. by Faber & Faber, 1956.

33. Kubel EL. *Central Asian ceramics in the collection of the Russian Ethnographic Museum (collections of 1900-1912) [Sredneaziatskaya keramika v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya (kollektionskiye sbory 1900-1912 gg.)] // http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-277-7/978-5-88431-277-7_14*

34. Ilyasova SR., Ilyasov JY., Imamberdiev RA., Iskhakova EA. "There is no good in wealth..." Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the 9th-12th centuries [«Net blaga v bogatstve...» Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa IX-XII vekov]. Moscow: Marjani Foundation, 2016.

Статья поступила в редакцию 16.09.2020 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163760-769>

Рамазанова Зоя Буттаевна

д.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

zoya.ram@mail.ru

Сулейманова Севда Алиевна

к.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения им. академика З.М. Бунягова

Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан

sevdabasilav@gmail.com

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ У НАРОДОВ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧ. XX ВВ. (ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: Статья основана на полевых этнографических материалах, собранных в разные годы в Южном Дагестане и характеризующих вспомогательные хозяйствственные постройки XIX – нач. XX вв. Вспомогательные помещения и постройки, носившие дополнительные (прикладные, подсобные) функции, влияли не только на объем жилища, но и существенным образом определяли его внешний облик, планировку жилищно-хозяйственного комплекса, состав строительных материалов, величину и застроенность двора, санитарное состояние. В статье указывается на привязанность к жилищу кладовой для продуктов и других вспомогательных построек.

При написании статьи были использованы общенаучные методы (анализ, синтез), позволяющие рассматривать роль и место вспомогательных построек в этнокультуре народов Южного Дагестана, показать и особенное в связи с различными условиями (экологическими). Наряду с общенаучными, в статье использованы частные методы исследования: выявление конкретного, описательный метод и т.д. В статье показано, что рассматриваемые вспомогательные (хозяйственные, подсобные) постройки выполняли две основные экологические функции: а) хранение продуктов питания и хозяйственного инвентаря (амбар, навесы); б) содержание домашнего скота.

Расположение хозяйственных построек в зависимости от географических особенностей местности носило приспособительный характер. Наиболее выгодным в экологическом отношении являлся открытый тип двора, так как он был более удобен для просыхания после различного рода осадков и для проветривания.

Ключевые слова: народы Южного Дагестана; традиционное жилище; хозяйственные постройки; хлев; навес; овчарня; сарай; этноэкология.

© Рамазанова З.Б., Сулейманова С.А., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163760-769>

Zoya B. Ramazanova,
D.Sc. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
zoya.ram@mail.ru

Sevda A. Suleymanova,
PhD (History), Assistant Professor, Leading Researcher
Buniyatov Institute of Oriental Studies
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
sevdabasilav@gmail.com

UTILITY BUILDINGS AMONG THE PEOPLES OF SOUTH DAGESTAN IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (ETHNOLOGICAL ASPECT)

Abstract. Basing on field ethnographic material, collected in various years in South Dagestan, the article describes economic buildings of the 19th – 20th centuries. Such auxiliary premises and structures, which had additional (utility) functions, affected not only the size of the household, but also determined its appearance, the layout of the housing and utility complex, the composition of building materials, the size and development of the yard, and the sanitary condition. The study points out the attachment to the dwelling of the pantry for groceries and other functional buildings.

The authors use general scientific methods (analysis, synthesis), allowing to consider the role and place of utility buildings in the ethnic culture of South Dagestan, as well as to reveal distinctive features related to various ecological conditions. Along with general scientific methods, the study uses private research methods: identification of particular, descriptive method, etc. The article shows that the considered auxiliary (utility, ancillary) buildings performed two main ecological functions: a) storage of food products and household tools (barn, sheds); b) livestock housing.

The location of the utility buildings, depending on the geographical features of the area, was of accommodating nature. As we learned, the open type of the yard was the most advantageous one from the ecological point of view: more convenient for drying out after various kinds of precipitation and for airing.

Keywords: peoples of South Dagestan; traditional dwelling; utility buildings; cowshed; barn; ethnic ecology.

У народов Южного Дагестана (лезгин, табасаранцев, агулов, цахур) комплекс вспомогательных (подсобных) или хозяйственных построек обычно состоял из помещения для скота, крытого двора для хранения сельскохозяйственных орудий, дров, кизяка, сенника и помещения для хранения продуктов питания.

Большое экологическое значение имели хозяйственные постройки, расположенные в непосредственной близости от жилища. Размещение хозяйственных построек также зависело от этажности жилища.

Все хозяйственные постройки имели одну экологическую функцию – создание и сохранение запасов пищи. Они делились на две категории: 1) для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря; 2) для содержания скота. К первой группе относятся кладовые, подвалы, погреба, различные навесы; ко второй – хлева, летние помещения для скота с навесами и открытые и т.д.

В горной зоне Южного Дагестана сложилась двухэтажная форма жилища с помещениями хозяйственного назначения на первом этаже. Данная форма отмечена как господствующая в горной и высокогорной зонах многими наблюдателями [1, с. 346; 2, с. 174; 3, с. 535; 4, с. 78; 5, 6, с. 8; 7, с. 103; 8, с. 308; 9, с. 69]. Примечательно, что у горцев Дагестана все хозяйственные помещения имеют собирательное наименование именно хлева [10, с. 111]. Множественность термина, обозначающего сенник, показывает позднее происхождение самого сеновала, а включение его в совокупность хозяйственных помещений под названием «хлева», показывает вторичность его по отношению к хлеву [10, с. 111]. Как отмечает М.О. Османов, первоначальная камера – дом, которая генетически имела, по всей вероятности, перегородку для скота, на следующем этапе эволюции присоединила к себе помещение (пристройку) для скота. Рост этого двухкамерного комплекса вверх превратил и второе помещение в хлев, но поскольку это произошло уже при сравнительно развитых навыках содержания скота, второй хлев превратился постепенно в сенник. Это представляется правильным еще и потому, что содержание скота намного предшествовало заготовке кормов для него, и первоначально корма хранились, или в специально огороженном отсеке, или в стогах (затем сенниках) на дворе [10]. Кстати, в вышеупомянутых домах старой конструкции можно видеть такую планировку (хлев с местом-отсеком для фуража).

В предгорном и горном Южном Дагестане двухэтажная конструкция стала господствующей, в селениях, расположенных на крутых рельефах, сложилась и многоэтажная форма. В данном случае хлева располагаются на первом и втором этажах, жилье – на третьем и четвертом. При очень крутом рельефе, когда каждый этаж имеет свою площадку, хлева располагаются иногда рядом (и под) жилой частью. Например, в четырехэтажном доме в агульском селении Буршаг первый, т.е. полуподвальный этаж занимал мелкий рогатый скот, второй этаж был предназначен для крупного рогатого скота, вычного скота и т.д., а в одном из помещений хранили сено, мякину [11, с. 73].

Во всех случаях на сеновал было мало входов (чаще всего один) и все пространство заполняли сеном или соломой, делая продухи в сторону пропасти.

Здесь двора не было, была только небольшая часть навеса, не застроенная хлевами или сенниками, где держали инвентарь, запасы топлива, скот, перед тем как его загнать или вывести, доили коров и т.д.

В горной и высокогорной зонах преобладающими формами хозяйственных построек были закрытые или полузакрытые комплексы, особых различий в хозяйственных помещениях немного. А вот по сравнению с горной зоной в предгорье и на равнине площадь двора и величина хозяйственных помещений были гораздо больше. Также здесь наблюдается еще одна особенность – более выраженная функциональная специфичность назначений помещений – много места занимают постройки для крупного рогатого скота, сена, соломы, зерна. В одноэтажном доме сельскохозяйственные орудия, запасы топлива хранились в хлеве или же в сарае для сена.

Крытый двор у народов Южного Дагестана был предназначен еще и для устройства погреба, где хранили зерно, картофель, фрукты. Погреб – «фурар» – вырывали глубиной два-три, диаметром полтора метра. Стены укрепляли обтесанными камнями, затем обмазывали глиной. Погреб сверху прикрывали плоским камнем, делали земляную насыпку [1, с. 175]. В крытом дворе часто стояли большие амбары для хранения зерна. Там же устраивали печи – «*тIанур*» и «хъар» для выпечки хлеба, которые располагались в одном из углов крытого двора. Печь «*тIанур*», в основном, распространена в предгорных и равнинных регионах Южного Дагестана, а «хъар» применяется в горных и высокогорных зонах.

В расположении жилого дома и хозяйственных построек наблюдается определенная взаимосвязь, вытекающая из бытовых и хозяйственных потребностей. Связи жилых и хозяйственных построек у народов Южного Дагестана имели значительные различия, во многом объясняющиеся этническими традициями того или иного народа, а также в большей степени физико-географическими и экологическими условиями.

В исследуемое время комплекс хозяйственных помещений в подавляющем большинстве случаев располагался под одной крышей с жилым помещением, занимая целиком весь первый этаж. Здесь располагались, как уже отмечалось, хлев, овчарня, конюшня. Разумеется, большую часть хозяйственного комплекса занимал хлев. Он был перегорожен деревянными жердями на несколько частей, поскольку там обычно содержали мелкий рогатый скот, молодняк, лошадь, корову, осла и др. Иногда вместо деревянных перегородок устраивали каменные. Света здесь не было, температуру регулировали небольшие щели в стене.

У некоторых народов (цахуры) сеноvalы часто выносились на окраину села, сено привозилось по мере надобности и хранилось под навесами рядом с домом.

Следует отметить, что хозяйственные постройки выносили за черту аула еще и гидатлинцы, багулалы, каратинцы, часть буркунцев и др. Данный фактставил исследователей в тупик, так как он нарушает обычные представления о

дагестанском ауле как о поселении, стремящемся к исключительной замкнутости и собранности [12, с. 92]. Данное положение вызывало у некоторых исследователей неверное мнение, считая это отражением существования общественной собственности на скот, так как, по их мнению, это «общие для всего аула» постройки, предназначенные для совместного содержания скота [13, с. 163]. Однако каждая из этих построек, как уже указывалось выше, имела своего хозяина, строго индивидуальна по своей величине и конструкции, и скот в них содержался раздельно по хозяйствам [12, с. 92].

Как отмечает М.О. Османов, «в предгорье и горно-долинной части почти нет многоэтажных ансамблей, все вспомогательные помещения располагаются здесь на первом этаже. Функционально в горных долинах уже прорисовывается перемещение центра тяжести на помещения для хранения фруктов. В качестве кладовой служит часть или одно помещение в жилой части. Оно не имеет специального названия. Однако на нее переносится название задней части первоначальной камеры-дома, служившей местом хранения припасов» [10, с. 112]. Данное положение можно отнести и к другим народам Южного Дагестана.

У народов Южного Дагестана «при одноэтажном варианте все хозяйствственные постройки (кроме сарая для сена) первоначально находились под одной крышей с жилым домом. Когда же одноэтажный дом стал чисто жилым, хлев для скота начали строить рядом с жилым домом, под отдельной крышей [1, с. 174].

Следует отметить, что при наличии одноэтажного дома сельскохозяйственные орудия и запасы топлива хранились в хлеве или же в сарае для сена. А при наличии двухэтажного дома в нижнем этаже помещался скот – помещение для скота «цур» (лезг.).

Молочные продукты хранились у даргинцев на первом или втором этаже (чаще всего в сеннике), для них отводилось специальное место. В некоторых предгорных и равнинных селениях богатых лесами такие сооружения делали и для хранения орехов, фруктов и ягод (лесных).

Древнейшими хозяйственными постройками в Южном Дагестане были ямы. «Для хранения зерна использовали ямы «фурар», в предгорье они были гораздо больше и вмещали несколько тонн зерна. Здесь ее выкапывали внутри двора, густо обмазывали глиной и в сыром виде обклеивали тонкими ветвями с листьями (для предупреждения осыпания земли и загрязнения зерна, защиты от сырости). В горной части ямы были проще и располагались, как правило, в сеннике.

Пекарни, как мы уже говорили, были далеко не в каждом доме. Располагались они в специальном углу на дворе, подальше от сенника и ближе к штабелям дров и кизяка. В домах лоджийного типа они изредка ставились в углу лоджии [10, с. 113]. Во многих горных селениях Дагестана для общественных пекарен строились небольшие помещения на улице: «хъар» (цахур.; рут.); «хъран-къвал» (лезг.).

Здесь же следует отметить, что наиболее древним способом хлебопечения у народов Южного Дагестана являлась выпечка на «садже». «Садж» – это

круглый по форме, выпуклый железный лист, толщиной 3–4 мм и диаметром 45–50 см, напоминающий по виду щит [1, с. 177]. В древности саджи были глиняные, а некоторые народы Южного Дагестана пекли тонкий хлеб на каменных плитах «дукъур» (агульск.).

Место для пчел отводилось на крыше, или небольшой выступающей части лоджии (за перегородкой), покоящейся на чуть удлиненных консолях. Если ульев было много, пчельник устраивали в виде небольшого строения, разделенного на секции-ульи.

Практика устройства навесов в середине XIX века не получила еще развития, ввиду закрытого характера дома, но в некоторых селениях, особенно долинных, где раньше других утвердилась веранда, появляются и навесы, крыши которых служат продолжением веранды. Назначение их – держать скот летом, складывать топливо, навоз, устраивать пекарню, доить скот и т.п.

Отхожее место устраивалось в помещении для скота, рядом с кучей навоза или в конце двора, на втором этаже – в конце навеса. При возможности сюда пробивали дыру сверху и устраивали наверху помещение для туалета (чаще обходились без помещения). Если дом был обращен в пропасть, мостки с отверстием делали на краю навеса, над пропастью. В некоторых селениях навоз и фекалии туалета имели выход в специальную нишу – углубление, выходящую на улицу. Отсюда их весной вывозили на поля.

Летом в горах для скота делали лишь загоны, складывая насухо невысокие заборы из камня в таких местах, которые по рельефу подходили для этого (впадина вплотную к скале, утесу, имеющая подход лишь с одной или двух сторон).

На зиму они строились поблизости от пригревов, используемых зимой в качестве пастбищ, монументальные постройки из камня, рассчитанные на несколько сот овец («махьи»). В более ранние периоды истории они принадлежали крупным родственным коллективам (тухум, большая семья), но в XIX в. они уже частные. Однако любой член общины имел почти абсолютное право пользоваться ими без всякого вознаграждения, при условии, что оставит хозяину загона навоз своего скота.

Строились эти овчарни по уже описанному нами способу безлесного строительства: аркады и блоки, и плиты на них. Для чабанов здесь же, у овчарни пристраивалась одна комната с очагом (центральным, пристенным или угловым). Для тепла (и возможно, в целях лучшей охраны ночью) комната чабанов вписывалась в овчарню, две и даже три его стены находились внутри помещения для овец.

Во второй половине XIX – начале XX в. вспомогательные постройки претерпели существенные изменения. Они были вызваны главным образом ускорением развития производительных сил, усилением специализации и связанной с ней интенсификацией отдельных отраслей хозяйства. Немалую роль сыграли в этом изменения в планировке жилищно-хозяйственного комплекса, связанные с переменами в общественном и семейном быте, культурно-бытовым влиянием соседей и городского населения.

Изменился облик самого жилищно-хозяйственного комплекса, он перестал быть закрытым. Формы его раскрытия мы указывали выше: жилище открыто лоджией или верандой, двор открыт; дом открыт, двор открыт в центре, что является предтечей двора с навесами по периметру двора.

В другой части (северной) горных селений и в горных долинах двор раскрывается раньше и эволюционирует в открытый двор с навесами по периметру, которые получают функции хозяйственного двора. Не меньшую роль играют крыши навесов, которые, являясь продолжением веранды, приобретают ряд хозяйственных функций (временное складывание сена, хранение топлива, инвентаря, сушка фруктов и пр.).

В горных долинах большая часть хозяйственного комплекса приобретает функции, связанные с хранением, обработкой, сушкой фруктов, при одновременном уменьшении функций фуражного и животноводческого назначения.

Повсюду возрастает значение кладовых, связанное с ростом специализации и обмена, становится правилом наличие отдельного помещения для кладовой. Им нередко служит помещение первого этажа (третье), которое используется также и в качестве зимнего помещения при сильных холодах.

Ямы для зерна также претерпевают существенные изменения. В горных долинах это объясняется специализацией на садоводстве и спадом производства зерна, в части же горных и высокогорных аулов они трансформируются в ямы для картофеля. Для пекарен характерен рост числа и значения во всех зонах. В золе хлеб пекут все меньше, печенье хлеба в *таруме* отнимает много времени и топлива, а в общественной пекарне можно испечь за короткий срок.

Как и любой другой компонент жилища, вспомогательные помещения и постройки периода зрелого социализма претерпевают настолько большие изменения, что можно говорить о совершенно качественном перерождении их по причине перемещения основной хозяйственной жизни и главных припасов, инвентаря и скота в колхозы, снижение роли индивидуального хозяйства.

Переходя к отдельным видам вспомогательных помещений, отметим уменьшение и исчезновение в новом строительстве многоэтажных сенников, обращенных в пропасть, падение роли заульных комплексов индивидуальных хозяйственных построек (хлев-сенник), роль которых частично взяли на себя общественные постройки.

Маломощность индивидуального хозяйства, наличие в нем только небольших запасов продукции, не требующих специальных хозяйственных помещений, система централизованного снабжения – все это лишило вспомогательные помещения, особенно с функциями хранения (кладовые), экономического и бытового значения и зональной (и тем более этнической) специфики. Как отмечает М.О. Османов: «Создаются условия (как и в общей типологии жилища) для унификации профильного назначения помещений разных этно-зональных регионов (ввиду перемещения функции товарообмена главным образом в общественное хозяйство, превращения ее (в основном) в прерогативу государства).

Этим же процессом объясняется исчезновение из жилищно-хозяйственных комплексов зерновых ям, хотя, что на первый взгляд странно, сохраняются ямы для овощей (картофеля, моркови, капусты). Это объясняется сохранившейся еще обменной (продажной) ценностью овощных культур (мука промышленного производства не хуже муки кустарной, местной, собственного производства, чего еще нельзя сказать об овощах и фруктах государственной и кооперативной торговли)» [10, с. 123].

На летних пастбищах, ввиду кратковременного пребывания там скота, не получили развития капитальные помещения. Просто местные зимние помещения, поскольку они теперь общественные, легче стало использовать и для тех, кто пригоняет стада на лето. Летние чабанские шалаша сохранились, но все больше они переходят на палатки промышленного производства. В садах и огородах, как общественных, охраняемых, так и индивидуальных, сохранилась роль шалашей из жердей и травы [10, с. 123].

Следует отметить, что многие вспомогательные помещения (постройки) жилища, в основном составляли органически единое целое с существующим жилым комплексом. Однако природные условия и бедность отражались на уровне их развития. В советское время развитие хозяйства и подъем благосостояния способствовало росту и развитию более интенсивно, так что коренной переворот в экономике, выразившийся в перемещении основы хозяйства, главных ресурсов, припасов и хозяйственных усилий в общественное хозяйство, пристановил развитие индивидуальных и привел к активному развитию специализированных общественных хозяйственных построек.

В советское время во вспомогательных, и особенно хозяйственных помещениях, произошли кардинальные изменения. В первые годы Советской власти, до победы колхозного строя, изменения происходили в сторону роста почти всех видов вспомогательных построек и помещений. Основой этого послужил процесс осреднения горцев.

Процесс изменения хозяйственных построек происходил в тех основных направлениях: 1) постепенного уменьшения количества и размеров построек, а также замены назначения некоторых хозяйственных служб; 2) усовершенствования конструкций построек и замены строительных материалов; 3) появления новых хозяйственных построек [10, с. 124].

В настоящее время из традиционных хозяйственных служб еще сохраняются скотный двор (в меньшем количестве сараи, хлевы), баня, кладовые, у некоторых подвалы. Постройки отличаются от дореволюционных совершенством материала и конструкций их сооружения. Некоторые постройки крытого двора (хлев), при отсутствии коров, быков предназначаются только для домашней птицы, мелкого рогатого скота. Подвалы применяются населением не для хранения «добра», а для хранения овощей, домашней утвари.

Итак, все хозяйственные постройки имели две экологические функции: хранения продуктов питания и хозяйственного инвентаря (амбар, навесы) и для содержания домашних животных, скота. Расположение хозяйственных

построек в зависимости от географических особенностей местности носило приспособительный характер. Наиболее выгодным в экологическом отношении был открытый тип двора, так как он был более удобен для просыхания после различного рода осадков и для проветривания. Это уменьшало возможность размножения болезнетворных микроорганизмов и распространения различного рода заболеваний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – нач. XX вв. М., 1978.
2. Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М.О.Косвена и Х.-М.Хашаева. М., 1958.
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.
4. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ Вып. VII Тифлис, 1873
5. Пантиюхов И. Современные лезгины. «Кавказ», 1901. № 233;
6. Омаров А. Как живут лаки // Сборник сведений о кавказских горцах. III. Тифлис, 1870.
7. Габиев С. Лаки, их прошлое и быт // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 36. Тифлис, 1906.
8. Байерн Ф.О. О древних сооружениях на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1. Тифлис, 1871.
9. Васильев А.Г. Казикумухцы // Этнографическое обозрение. 1899. № 3.
10. Османов М.О. Жилище даргинцев в XIX–XX веках. Махачкала, 2009.
11. Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008.
12. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971.
13. Никольская З.А. Из истории аварского жилища // Советская этнография. 1947. № 2.

REFERENCES

1. Agashirinova SS. *Material culture of the Lezgins of the 19th – early 20th centuries [Material'naya kul'tura lezgin XIX – nach. XX vv.]*. Moscow, 1978. (In Russ.)
2. Gene FI. *Information about highland Dagestan [Svedeniya o gornom Dagestane] History, geography and Ethnography of Dagestan in the XVIII-XIX centuries. Archival material. Editor M. O. Kosven and H.-M. Kashaev. [Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII-XIX vv. Arkhivnye materialy. Pod red. M.O.Kosvena i Kh.-M.Khashaeva]*. Moscow, 1958.
3. Dubrovin NF. *History of the war and domination of the Russians in the Caucasus [Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze]*. Saint Petersburg, 1871. Vol. I. Book 1.
4. Amirov G-M. Among the highlanders of Northern Dagestan (From the diary of a gymnasium student) [Sredi gortsev Severnogo Dages-tana (Iz dnevnika gimnazista)] *Collection of information about the Caucasian highlanders [Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh]*. Issue. VII. Tiflis, 1873
5. Pantyukhov I. Modern Lezgins [Sovremennyye lezginy]. "Caucasus", 1901. № 233.
6. Omarov A. Laks' way of living [Kak zhivot laki] *Collection of information about the Caucasian highlanders [Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh]*. III. Tiflis, 1870.
7. Gabiev S. Laks, their past and everyday life [Laki, ikh proshloye i byt] *SMOMPK (Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus) [SMOMPK Sbornik materialov dlya opisaniya mestnosti i plemen Kavkaza]*. 36. Tiflis, 1906.
8. Bayern FO. On ancient structures in the Caucasus [O drevnikh sooruzheniyakh na Kavkaze] *Collection of information about the Caucasian highlanders [Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh]*. Vol. 1. Tiflis, 1871.

9. Vasiliev AG. Kazikumukhs [Kazikumukhs] *Ethnographic Review [Etnograficheskoye obozreniye]*. 1899. № 3.

10. Osmanov MO. *Dwelling of the Dargins in the 19th – 20th centuries [Zhilishche dargin-tsev v XIX–XX vekakh]*. Makhachkala, 2009.

11. Bulatova AG., Islammagomedov AI., Mazanaev ShA. *Aguls in the 19th – early 20th centuries. Historical and ethnographic research [Aguly v XIX – nach. XX vv. Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye]*. Makhachkala, 2008.

12. *Modern culture and life of the peoples of Dagestan [Sovremennaya kul'tura i byt narodov Dagestana]*. Moscow, 1971

13. Nikolskaya ZA. From the history of the Avar dwelling [Iz istorii avarskogo zhilishcha Soviet Ethnography [Sovetskaya etnografiya]. 1947. № 2.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163770-796>

Magomedhan M. Magomedhanov,
D.Sc. (in History), Prof., Head of Dept. of Ethnography,
The Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

Robert Chenciner,
Honorary Researcher, Prof.,
St. Antony's College,
University of Oxford, United Kingdom
chenciner@clara.net

Marian Chenciner,
Honorary Researcher,
St. Antony's College,
University of Oxford, United Kingdom
chenciner@clara.net

Maysarat K. Musaeva,
Ph.D. (in History) Leading Researcher
The Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
maysarat@yandex.ru

Saida M. Garunova,
Junior Researcher,
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
saida-mag@yandex.ru

DAGESTAN. MOUNTAIN-VALLEY HORTICULTURE: DEFINING AGRICULTURE, HORTICULTURE AND GARDENING

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163770-796>

Магомедханов М.М.,
д.и.н., заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

Роберт Ченсинер,
почетный научный сотрудник, проф.
Колледж Св. Антония,
Оксфордский университет, Великобритания
chenciner@clara.net

Мариан Ченсинер,
почетный научный сотрудник,
Колледж Св. Антония,
Оксфордский университет, Великобритания
chenciner@clara.net

Мусаева Майсарат Камиловна
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
majsarat@yandex.ru

Гарунова С.М.,
младший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
saida-mag@yandex.ru

ДАГЕСТАН. ГОРНО-ДОЛИННОЕ САДОВОДСТВО: ДЕФИНИЦИИ «АГРОКУЛЬТУРА», «ХОРТИКУЛЬТУРА», «САДОВОДСТВО»

© Магомедханов М.М., Ченсинер Р., Ченсинер М.,
Мусаева М.К., Гарунова С.М., 2020
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2020
 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Abstract. The article is devoted to the historical and ethnographic description of mountain gardening in Dagestan. A brief overview of the definitions of agriculture, horticulture and gardening is given. The importance of avoiding confusion between these basically close and partly identical terms in anthropological and ethnographic studies is illustrated in the case of mountain-valley horticulture. This approach examines a) the symbiosis of the economic and cultural traditions of the region; b) components of ethno-economics and ethno-ecology; c) technological modernization of the agricultural industry; d) an indicator of the resource potential of sustainable development of mountainous areas, the population of which retains traditional economic specialization; e) economic integration of mountainous territories into the region, the country, and the formation of interregional ties that give stability to the ethnic economy; f) criteria for the appropriate preservation of traditional ethno-culture.

The multiethnic composition of the population of the Russian Federation, different geographic conditions and socio-economic levels of development of its regions predetermine the relevance of the development of projects and programs for sustainable development of territories adapted to specific historical and cultural areas, the use of recreational potentials, ethnic identity as "brands" with the obligatory consideration of probable, often negative consequences.

In this regard, the social problems associated with the need to preserve the historical, cultural and natural heritage, traditional life support systems, and the economic specialization of mountain areas are considered. The importance of craft centers that continue to preserve the traditions of Russian "brands", create authentic, ethnographically colorful "regional" products is emphasized. It is noted that since the 1990s, mountain-valley gardening in Dagestan has been in a state of stagnation due to socio-political, legal (land use and land use) and demographic (depopulation of mountainous territories) factors.

Keywords: Dagestan; mountain valleys; ethnoeconomics; ethnoecology; agriculture; horticulture; mountain-valley gardening.

Аннотация. Статья посвящена историко-этнографическому описанию горного садоводства в Дагестане. Приведен краткий обзор определений "agriculture", "horticulture", "gardening". Отмечена важность избегания путаницы между этими, в основном близкими и, отчасти, идентичными терминами в антропологических и этнографических исследованиях горно-долинного садоводства, рассматриваемого как: а) симбиоз экономических и культурных традиций региона; б) компонент этно-экономики и этно-экологии; в) технологическая модернизация агропромышленного комплекса; г) показатель ресурсного потенциала устойчивого развития горных территорий, население которых сохраняет традиционную экономическую специализацию; д) экономическая интеграция горных территорий в регион, страну и формирование межрегиональных связей, придающих стабильность национальной экономике; е) критерии надлежащего сохранения традиционной этнокультуры. Подобные исследовательские подходы позволяет выделить проблемы не только на Кавказе, но и в отличающихся по уровню социально-экономического развития многонациональных регионах страны, многие из которых ошибочно видят устойчивое развитие в рекреационном потенциале территории и использовании этнической самобытности как «бренда», не учитывая потенциальных, а зачастую и негативных последствий. В этой связи обращено внимание на выявлении социальных проблем, связанных с необходимостью сохранения исторического, культурного и природного наследия традиционных систем жизнеобеспечения, экономической специализации, на развитии ремесленных центров, сохраняющих традиции российских «брэндов» и аутентичность региональных продуктов, а также на то, что с 1990-х годов горно-долинное садоводство в Дагестане находится в состоянии стагнации из-за социально-политических, правовых (землепользование и землепользование) и демографических (депопуляция горных территорий) факторов.

Ключевые слова: Дагестан; горные долины; этноэкономика; этноэкология; агрокультура; хортикультура; горно-долинное садоводство.

Market economy and decline in agricultural production

The transition to a market economy has led to a decline in agricultural production. Since the 1990s, in Dagestan, as in several other regions of the Caucasus, mountain-valley horticulture has been in a terminal state. Field data that we collected during our ethnographic expedition in 2019 to the areas of the traditional distribution of Mountain-valley Gardening (Gergebilsky, Khunzakhsky, Botlikhsky districts) allowed us to examine the structure and function of land areas, the technology of constructing artificial terraces for orchards and vineyards, irrigation systems, the locally ordered processes of irrigation and deciding on garden boundaries.

Currently, there is a real threat of irretrievable disappearance of local varieties. This is due to the privatization of land, the reconstruction of ancient gardens, and the flooding of areas of mountain-valley gardening. They are much larger in Dagestan than anywhere else because of the water basins/artificial lakes at hydroelectric power stations.

The poor support of the government has aggravated an already difficult situation in this industry. As a result, by the year of 2000, the area of orchards was reduced to 22.1 thousand hectares, and fruit production to 45.3 thousand tons. The nursery base practically ceased to exist, and the canning industry enterprises were left without raw materials and stopped functioning and/or were mothballed, as a result of which the economy of the republic suffered significant damage and people were left without work. The restoration of these canneries on an old obsolete and economically disadvantageous technological basis is futile. Gardens in the mountain valleys are in disrepair, the main areas are unproductive. Even branded fruit varieties such as Arakan Red, Golotlinsky, Dzhir-Haji, Kakhar-ich, Renet Akhtynsky, Dakur Chukhver, and Kal Chukhver have practically disappeared.

Dagestan possesses all necessary conditions for growing and processing a wide range of fruits and berries, providing both the domestic market and processing enterprises, but it must be recognized that the existing potential is not used effectively. Previously, the Dagestan market was saturated exclusively with local products, and today, as we know, the Dagestan consumer uses imported products of dubious origin. There are more imported products in our markets than our own.

However, government measures to protect the population from low-quality imports are not applied. Fruit and berry products are imported from Moldova, Azerbaijan, Iran, Morocco, Israel, Argentina, Brazil and Egypt. As background, the opportunity and conditions to develop local production are neglected, bearing in mind that local products are not inferior to imports in taste and sometimes even significantly superior in environmental characteristics. High potential yields, winter hardiness, profitability, the possibility of fresh and processed sales are the main advantages of Dagestan varieties. Development is further hindered by bans from Russia's Federal Veterinary and Phytosanitary Oversight Service (Rosselkhoznadzor) on importing seeds, cuttings, and trees to Russian Federation for various given reasons such as

pests and avoidance of GM plants. For example, in April 2013 there was a temporary ban on seed-potato imports from the EU affecting 21,000 tons of seed potatoes annually exported by EU member states to Russia, due to alleged pest risk.

The following reveals this unfortunate state of affairs and proposes possible solutions.

Essential Irrigation

Mountainous gardening is an ancient and traditional branch of the economy of the Highland Dagestan. Terracing slopes is one of the most ancient, large-scale and powerful forms of anthropogenic engineering, surpassing all other forms of human impact on the earth's landscape, including roads and cities. Terracing of mountain slopes to enlarge the conservation and accumulation of soil, moisture, and thus increase yields, is recognized as one of the greatest achievements of the Ancient World, along with the domestication of plants and animals. "A person changed a mountain, but in return, it also changed the consciousness of the mountaineer. It changed society itself, that had created this culture" [1, p. 30]. Dagestan is part of the zone from where it is believed terrace culture spread across the globe, making it one of the oldest original centers of terrace farming. Archaeological data consisting of findings of fruit seeds in the Irganai and Chirkei settlements of the Bronze Age (II millennium BCE) suggest how early the inhabitants of mountain-valley settlements were engaged in horticulture.

Fig. 1. Garden terraces, Igali village. Photo by M.A. Aglarova, 2005

Рис. 1. Садовые террасы, сел. Игали. Фото М.А. Агларова, 2005 г.

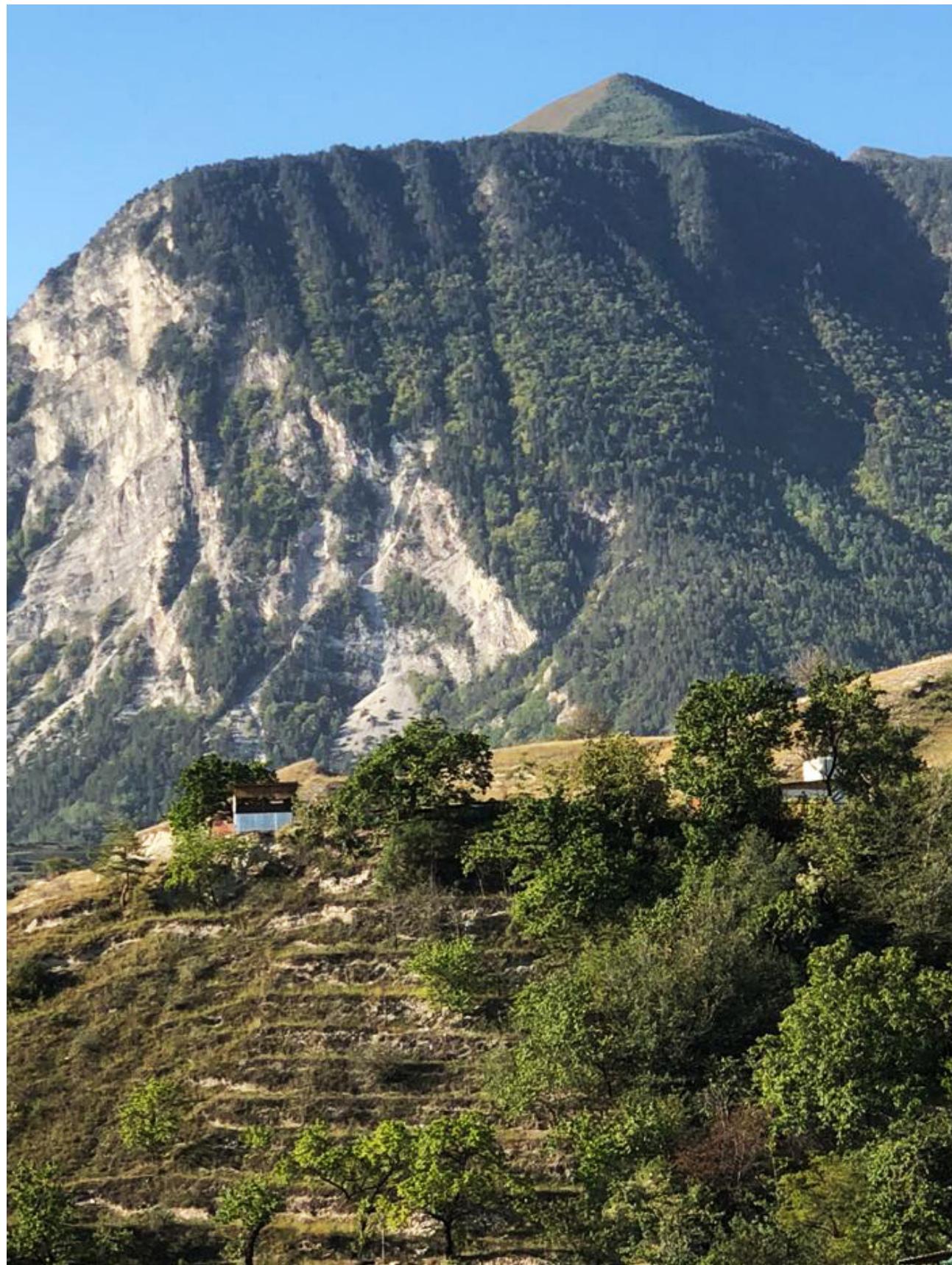

Fig. 2. Garden terraces, Untsukul village. Photo by M. Gadzhidadaev, 2020

Рис. 2. Садовые террасы, сел. Унцукуль. Фото Гаджидадаева М., 2020 г.

Fig. 3. Terraced fields between the villages of Kahib and Goor. Photo by M.M. Magomedkhanov, 2017

Рис. 3. Террасированные поля между селами Кахиб и Гоор. Фото Магомедханова М.М., 2017 г.

Fig. 4. Terraced fields, Karata village. Photo by M.M. Magomedkhanov, 2017

Рис. 4. Террасные поля, сел. Карата. Фото М.М. Магомедханова. 2017 г.

Terracing from Antiquity

Since the Bronze Age, thanks to the warm mild climate and the possibility of artificial irrigation in the mountain river valleys, [1] horticulture developed in all the varieties of fruit plant species. Almost all the most important cultivars of fruit trees were cultivated in the gardens of Dagestan: Caucasian persimmons, peaches, apricots, pears, apples, cherries, plums, walnuts, almonds and others. Many valuable varieties of garden crops grew here, most of which unfortunately have disappeared without a trace. According to the reports of our informants during expeditions to the mountain-valley territories of Dagestan, as well as Dr Magomed Abdulgamidovich Magomedov and other scientists from the Institute of "Mountain Botanical Garden", most local varieties were more resistant to diseases and pests than imported ones. The fruits were distinguished by good taste, marketability, large (nowadays uniform) size, and good transportability and storage, even under adverse conditions. The natural and climatic conditions of Mountain Dagestan form unique conditions for growing apricots and peaches that are unmatched in taste and are in high demand in both domestic and outside markets.

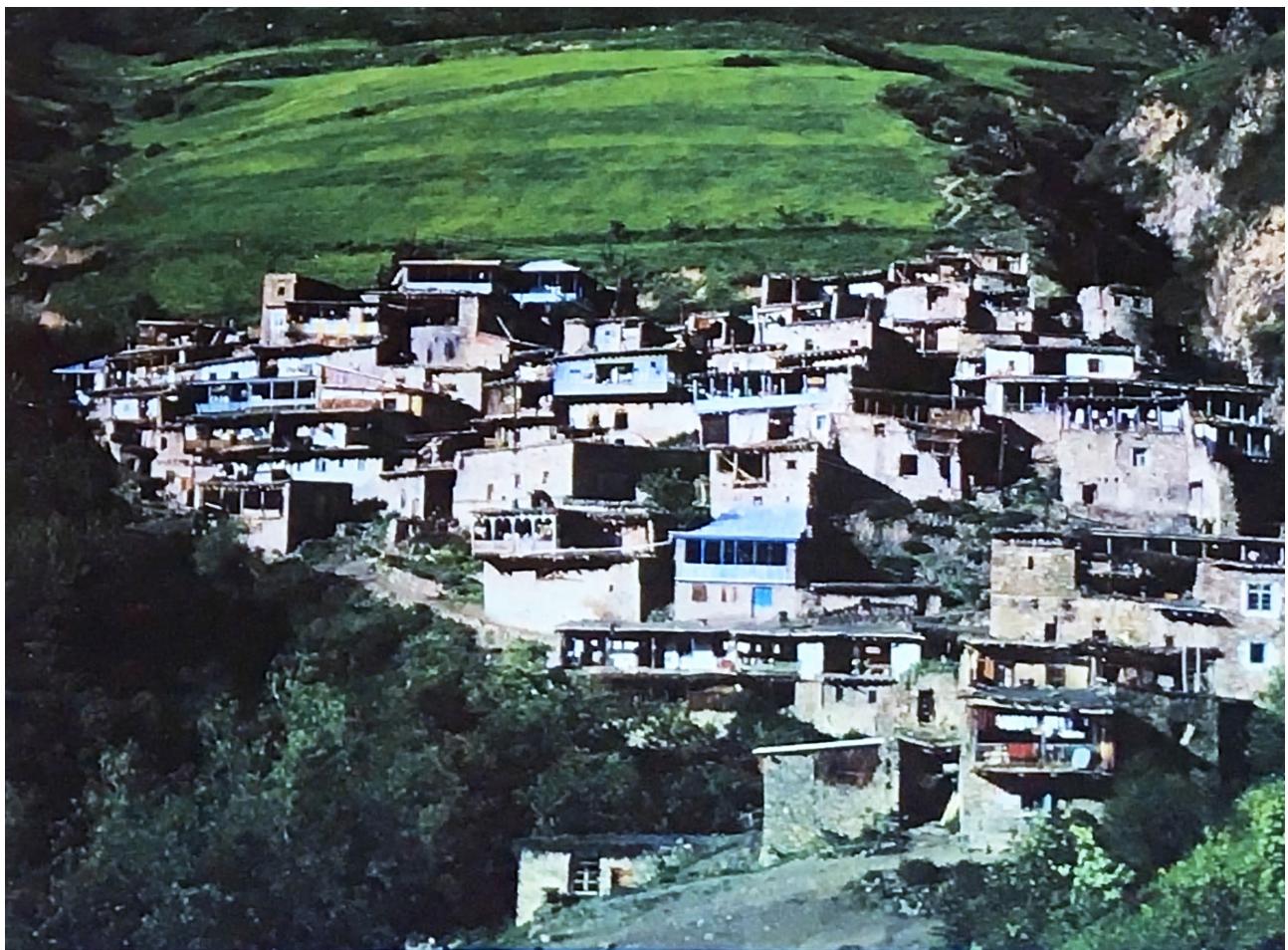

Fig. 5. The village of Rugelda, the "capital" of the Keleb community // Movchan G.Y. Old Avar dwelling. M., 2001: 179

Рис. 5. Селение Ругельда, «столица» общества Келеб // Мовчан Г.Ю. Старый аварский дом. М., 2001. С. 179

Importance of Horticulture

In many villages located in the mountain valleys, horticulture was the main branch of agriculture.

Although almost everywhere in Dagestan, the cultivation of grain and the production of meat was of major importance, some mountain communities specialized exclusively in one type of production (later known as ethno-economy), for example, salt mining (in the village of Kwanhidatl), fruit growing (Botlikh), the production of edged weapons and firearms (Harbuk), forging steel (Amuzgi), jewelry (Kubachi), etc. In the economy of Dagestan, gardening occupied a very important, but still not the first place in the traditional ethno-economy (In Dagestan there are 31 indigenous ethnic groups and while some villages have said four ethnic quarters many villages and districts are mono-ethnic and have their own specialties, for example, Archi are known as shepherds and Dargin Levashi grew cabbages for Russian market).

Farm gardening, called cottage gardening in England from perhaps XV century, was a rational activity for the population in terms of its high productivity. Horticultural products were exchanged for grain and livestock products in both the plains and high mountains of Dagestan, which ensured economic stability in these areas [2; 3].

Fig. 6. Saving fertile land as the basic principle of the settlement culture of the peoples of Dagestan. Mekegi village. Photo from the personal archive of M.K. Musaeva, 2014

Рис. 6. Экономия плодородной земли – основной принцип поселенческой культуры народов Дагестана. Сел. Мекеги. Фото из личного архива Мусаевой М.К., 2014 г.

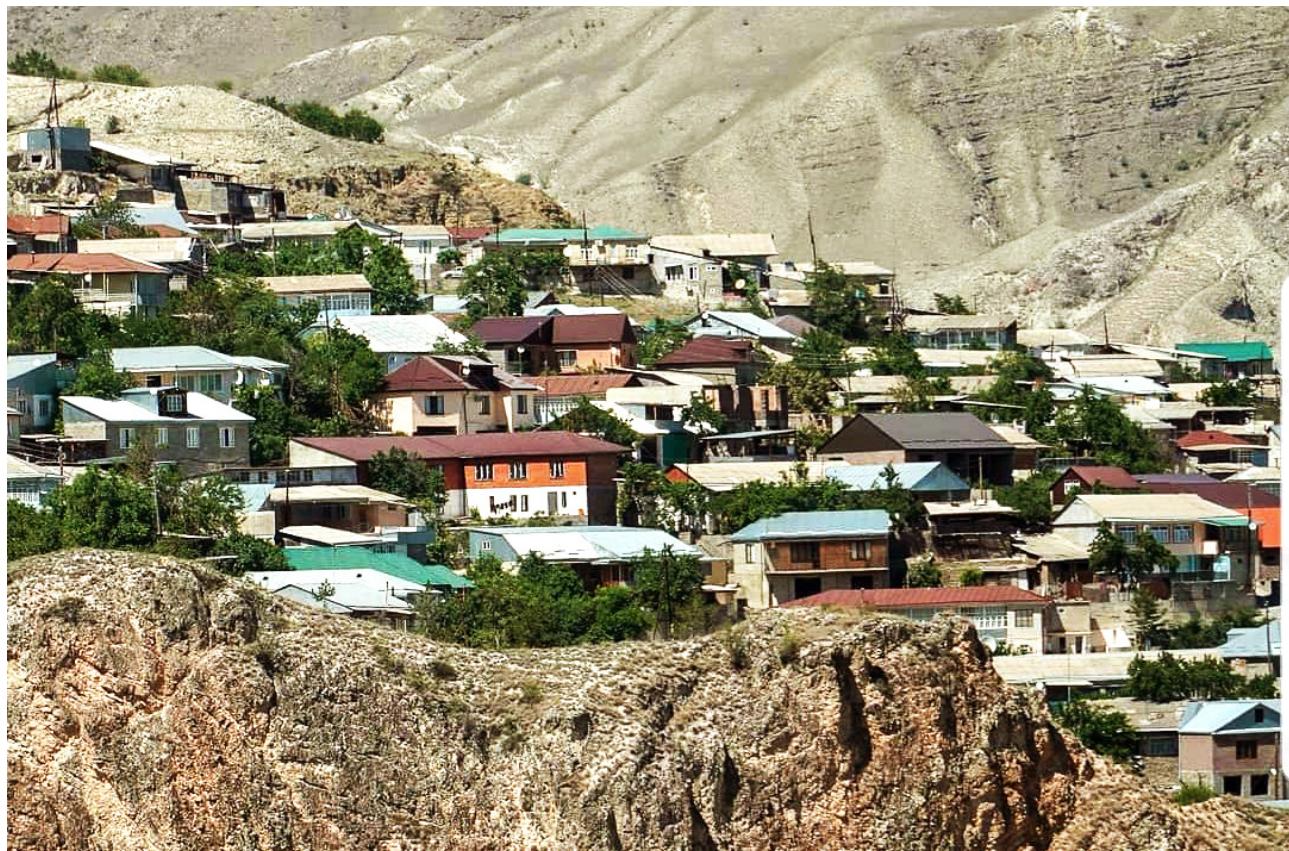

Fig. 7. Saving fertile land // Gadzhidadaev M. "Untsukul vicinity", 2020

7. Экономия плодородной земли // Гаджидадаев М. «Окрестности Унцукуля», 2020 г.

Fig. 8. Saving fertile land // Gadzhidadaev M. "Untsukul vicinity", 2020

Рис. 8. Экономия плодородной земли // Гаджидадаев М. «Окрестности Унцукуля», 2020 г.

Bringing the fruit harvest to market was a tricky business. Over long distances, only dried fruits, nuts, and apricot kernels could be exported. Fresh, delicate fruits such as apricots, peaches, and cherries could not be transported over long distances, especially on horse-drawn or pack transport at least till the end of the XIX century when the Russian railway line arrived in Dagestan.

It is noteworthy that in all feudal societies of Dagestan, fruits were included in the list of taxes to feudal lords. The Ummah Khan of Avar taxed his subject villages specifically in gardening products, and other villages with developed cattle breeding paid their tax in livestock products.

Regulation

The mountain-valley jamaats (local councils) paid attention to the regulation of economic activities, including horticulture and winemaking. From *adat* customary law records (XVI-XVII centuries), harsh penalties were provided for violating the established order, “a ban on eating grapes,”

In the Dagestan *adats*, punishment involved material payment-in-kind by land, cattle, copper boilers, textiles, but never by fruits and vegetables. It was possible to pay financial fines in say gold or silver instead, but in-kind was more visible. However, any attempt to spoil the arable field and, moreover, the garden, fruit trees were punished severely. In particular, the adats of the Tindal naibstvo of the Khvarshin community contain the following items: “Chapter XII. On cutting down a tree from someone else’s property, mulk.

§ 1. If a fruit tree is cut down, the perpetrator pays a fine of 50 kopecks in favor of the village and the tree value to its owner. If it is a non-fruit tree, then he pays half of the fine, that is, 25 kopecks.” In the adats of the Karata community, the punishment is the same, but the amount of the fine is higher: “Chapter 11. On cutting down trees of fruit and private forests. § 1. For cutting down a fruit tree, the guilty person pays the victim the cost of it or returns the same tree to him and pays a fine in favor of the community in the amount of 1 ruble.”» [4, p. 132; p. 150]. Thus, according to the *adat* of the village of Kudutl, “if someone cuts off an apricot tree, take a measure of grain.” Setting fire to a field with a harvest, a hayloft, stacks of straw, a garden at any time of the year, as well as setting fire to a house, destroying a bridge and killing an innocent person in Dagestani *adats* were equated with terror, and those guilty of this were terrorists with all the most severe consequences. Fruit picking, according to custom, was required to start at the same time on a certain day. Violation of the rules was punishable by a severe fine.

Development since the 1860s

With the accession of Dagestan to Russia and the establishment of reliable trade and economic ties, horticulture began to develop rapidly and became the second most important branch of the economy of Mountain Dagestan after cattle breeding.

Fig. 9. Apricots drying. Miarso village, Botlikh district. Photo by M.M. Magomedkhanov, 2016

Рис. 9. Сушка абрикосов. Сел. Миарсо, Ботлихский район. Фото Магомедханова М.М., 2016 г.

The first decades of the twentieth century were especially favourable for the horticultural economy.

As M.M. Yakhyaev, the economic historian, noted: “*The area of gardens in Dagestan has increased many times over. According to existing data, over 14 years (from 1900 to 1914) in the Darginsky district, which included the villages of Khadzhalmakhi and Tsudakhar, the area under garden cultivation increased 5.15 times, in Avar – 3.83 times, in the Andean – 4.55 times, in Gunib – 17 times.*

At one of Temir-Khan-Shura's (then the capital, now Buinaksk) factories for the production of vegetable and fruit purees and canned fruit, owned by Khizri Hajiyev in 1902, 20 thousand poods of canned food and 18 thousand poods of mashed apricots and plums were produced. He also had two more factories, one in the village of Arakani in the Avar district and the other in the Khadzhalmakhi of the Dargin district. These factories gave 800 poods of canned puree to the amount of about 50 thousand rubles. Already in 1914, 45 small handicraft factories were founded in the Hindalal, which produced up to 500 tons of products. In pre-revolutionary Dagestan, the number of dried fruits reached 980 tons (dried fruits - first of all, we mean dried apricot-dried apricots 50% and 15% plums). “Products exported from Dagestan, especially dried fruits, canned food, mashed potatoes, ended up in the Nizhny Novgorod province, from there to Manchuria, China, where they successfully competed with canned food produced in California” [5, p. 17].

In comparison with the area used for grain crops, gardening in Dagestan was significant. For example, in 1913, out of 208.7 thousand hectares of sowing areas, 199.75 thousand hectares, or 95.7% were grain crops. The share of industrial crops was 4.11 thousand hectares, vegetables and melons 2.14 thousand hectares and forage 2.7 thousand hectares. The area of the orchards was 4.4 thousand hectares, and a similar amount was occupied by vineyards. Judging by numerous testimonies some parts of Dagestan were covered with orchards, their main treasures. In other regions, gardening was only an auxiliary activity, and in others, it began to develop only in Soviet times, during the years of mass collectivization [6, p. 10].

Climate

One of the important factors that determined the degree and nature of the development of horticulture and the entire economic activity of the population were the climatic and geographical features of the region. Therefore, gardening was most developed on the plains in the south, Kyurinsky district, near Derbent “in the residence of large feudal lords” and in the southern foothills of the Kaitago-Tabasaran district. Especially suitable were the high plateaus of the North-Tabasaran area, about the villages of Nizhne Kaitagsky and Urkarakhsky and in the northern foothills of Temirkhan-Shurinsky district. Horticulture also developed significantly in the valleys of mountainous Dagestan: the Avar, Andy, Gunib, Samur and part of Darginsky districts [7, p. 235]. Sometimes, too, grain fields were cultivated in lowlands and higher, and gardens in the plains.

One advantage of mountain river valleys is the hot climate and the absence of sharp fluctuations in temperature. The availability of numerous free water sources allows general use of irrigation. Thus, the mountain valleys benefited from the ancient and intensive settlement. Mountain-valley gardening had a higher level of development, in comparison with flat and foothill gardening, which was mainly of a consumer nature, because of the strong grain base. Almost all the important varieties of fruit trees were cultivated in the gardens of Dagestan: Caucasian persimmons, peaches, apricots, pears, apple trees, cherries, plums, walnuts, almonds, and cherries.

Seeds and Grafting

In the past gardening was carried out in different ways: by sowing seeds obtained from wild fruits or by replanting young trees from the forest. On the plains and foothills, the establishment of gardens was mainly due to the clearing of forest areas, where there were many wild fruits in forest gardens. At the same time, forest trees were uprooted, leaving wild fruits, which were re-grafted with cultivated varieties. Almost everywhere in Dagestan, the characteristic feature was that the grafting of wild trees was carried out at a height of 1-2 meters so that grazing cattle could not spoil the grafts and tree crowns.

Fruit trees rarely made up continuous plantations, but mostly formed small gardens in many estates, in forest glades, and near houses. Gardeners sought, as far as possible, to arrange gardens around their village, near their houses and winter pastures of livestock, by replanting wild fruits from the forest. Then cuttings of the

Fig. 10. Untsukul gardens // Gadzhidadaev M. "Untsukul vicinity", 2020

Рис. 10. Унцукульские сады // Гаджидадаев М. «Окрестности Унцукуля», 2020 г.

Fig. 11. Untsukul gardens // Gadzhidadaev M. "Untsukul vicinity", 2020

Рис. 11. Унцукульские сады // Гаджидадаев М. «Окрестности Унцукуля», 2020 г.

Fig. 12. Untsukul gardens // Gadzhidadaev M. "Untsukul vicinity", 2020

Рис. 12. Унцукульские сады // Гаджидадаев М. «Окрестности Унцукуля», 2020 г.

Fig. 13. Modern garden terrace near the house. Untsukul village. Photo by M.K. Musaeva, 2020

Рис. 13. Современная садовая терраса возле дома. Сел. Унцукуль. Фото Мусаевой М.К., 2020 г.

best local varieties were grafted onto them. In the foothills, gardens and terraces were widely planted. Gardens in Mountain Dagestan were concentrated mainly in river valleys, as well as on terraces [8, p. 145].

Their expertise in the selection made it possible for the highlanders to breed dozens of local varieties of fruits. The old gardens of Dagestan consisted almost entirely of local varieties. Each gardener developed his own methods of tree care and was a breeder in the selection and propagation of varieties adapted to local soil and climatic conditions. Many of them were first cultivated in one area and then transferred to other areas and villages.

There were separate centers for breeding nurseries, and the seedlings were then sold on to other villages. Good fertile areas were chosen for breeding nurseries, they were well prepared and seeds were planted. The nurseries were private, as were the gardens. With good care, the planted seedlings yielded crops in 7 or 8 years. In addition, local gardeners grafted larger wild-growing individual fruit trees located on hay and other field plots.

Preparing for Winter

Winter preparation of the gardens began immediately after the harvest. Usually, by autumn, the soil was carefully dug manually (i.e. not ploughed). Where there were a need and availability, organic fertilizers were applied. A thorough sanitary cleaning was carried out by pruning dry branches, and from weeds, which were burned. Very often, the trunks of young trees were tied with straw to protect them from being damaged by hares and other rodents. Then they pruned the trees, depending on the species, variety and condition.

In the spring, early watering was carried out, followed by loosening of circles of soil about the roots. Over the summer, five to six more irrigations were carried out, depending on the weather that year. Since early spring, pest and disease control was dealt with. Usually, when pests appeared, manual collection of weevils and other pests was the favored method.

Irrigation System

The irrigation system of Dagestan, created over many centuries, is characterized by its specific features. These include specific distribution of water for irrigation of the fields of community/ jamaat members. Traditionally, the construction of irrigation facilities and the regulation of the irrigation system was under the strict control of the jamaat. Jamaat established the sequence of irrigation of fields and gardens. It should be noted that in the past, this priority was established once and for all. Then the village foreman and irrigators watched over the correct observance of the order. For the slightest violation of the unwritten provision on watering, the perpetrators were severely punished. According to informants, one bull was taken from the violator of the irrigation order in favour of his community or he was deprived of his place in the queue that immediately led to unenviable consequences. The irrigators also strictly observed the watering. If an irrigator-inspector on his rounds, discovered that, due

to the carelessness of the owner, water flows out of his garden, then he was deprived of his next turn.

Without the permission of the jamaat, it was forbidden to divert water for other household needs such as the preparation of adobe. In fact, the irrigation system artificially regulated the watering sequence. Since ancient times, fields were divided into sections. The main water canal was a complex engineering structure with supporting stone walls, and water supply tunnels. A special "lock" was used to divert water from the river into the canal. Next, by means of a distributor, water was diverted from the main channel into the middle channels. At one time, P.P. Nadezhdin wrote admiringly of the highlanders' irrigation system: "In Dagestan, the water has been supplied not only into the valleys – I have seen water outlets even high in the

Fig. 14. Wooden aqueducts in gardens. Gimry village. Photo by M.A. Aglarov, 2005

Рис. 14. Деревянные акведуки в садах. Сел. Гимры. Фото М.А. Агларова, 2005 г.

Fig. 15. Transfer of water through the gorge.
Canal tunnels at the top. Gergebil village.
Photo by M. Aglarov, 1967

Рис. 15. Переброска воды через ущелье.
Наверху тоннели-каналы.
Сел. Гергебиль. Фото М. Агларова, 1967 г.

Fig. 16. Sheltered channel in the gardens.
Igali village.
Photo by M.A. Aglarov, 1965

Рис. 16. Крытый канал в садах. Сел. Игали.
Фото М.А. Агларова, 1965 г.

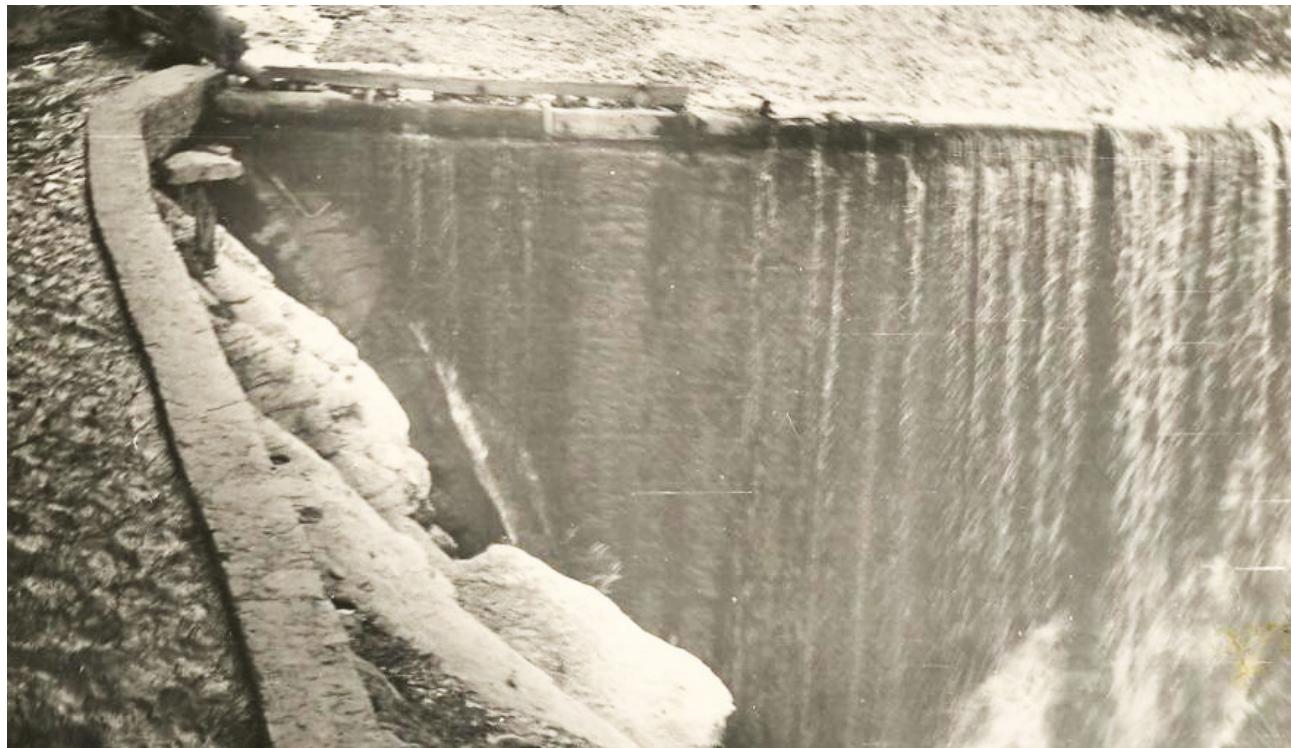

Fig. 17. Dam for water supply to irrigation canals in Stary Chirkei. Photo by M.A. Aglarov, 1965

Рис. 17. Плотина для подачи воды в ирригационные каналы в Старом Чиркее.
Фото М.А. Агларова, 1965 г.

Fig. 18. Water distribution devices. Old Chirkey. Photo by M.A. Aglarov, 1965

Рис. 18. Водораспределительные устройства. Старый Чиркей. Фото М.А. Агларова, 1965 г.

mountains. Often a native leads water from one height to another, even though a whole gorge, in wooden gutters, almost hanging in the air, on thin and high supports, and sometimes he leads water underground in pipes” [9, p. 63].

All plots belonging to individual farms were located on the top-bottom principle. The first-year watering began from the top and the second from the bottom. This contributed to the observance of the watering sequence between adjacent owners. If irrigation began from the upper section, then the principle of top-bottom irrigation was also observed between the owners of neighbouring plots. This regulation was maintained for all plots. In the event that the owner of the next plot from below did not appear for watering on time, his turn passed to the next one. Even if he came late, he still lost the right to water. Again, the irrigation system itself regulated the sequence of irrigation. When irrigating the terraced areas, the most complex techniques were used, since, with the slightest error, water could flow along the terrace, which threatened the retaining walls. You can often find special pipes in the terraces to drain excess water. Naturally, it was easier to water hayfields, and the even fields, without retaining walls.

In the old days, watering began after the holiday of the First Furrow/ Pervay Borozda. The main channel was kept in top condition. The whole village participated in its repair and cleaning, and the secondary canals were kept in a well-cared-for condition by the owners of the plots through which they passed. Water was considered communal property, the jamaat ruled on the right to water, and private ownership of water in the mountains is still not known. Maintenance of the canals was a communal duty for the entire population, according to the decision of the elders, as announced by their messenger. The construction of walls, aqueducts and their repairs were entrusted to craftsmen. And the rest of the improvised work, like breaking the line and digging the canal, was work for everyone. Those who avoided repair work were fined according to tariffs adopted by each jamaat. Absence from the village during the renovation was not allowed. If someone needed to leave, he had to provide someone who would do his job.

The irrigators monitored the health of the main and secondary channels. All preparatory work for cleaning and repairing the irrigation system was carried out before the water was turned on. The mountaineers did not have special tools for digging, clearing and processing canals – they mainly used ordinary picks, crowbars, shovels, and hand carts. Accordingly, as necessary, the whole jamaat also built a few reservoirs. The current state of the traditional irrigation systems is that they are largely neglected, and replaced by spraying.

Fresh and Canned Fruit Slump After 1917

Fresh fruits, apricot pits (kernels), and walnuts were also exported to the Russian market. In 1916, canneries in Dagestan put on the market about 4800 tons of canned fruits, which amounted to approximately 15% of the total Russian Empire production. During the Civil War (1918-1921) due to the impossibility of acquiring sugar and the absence of sales outside of Dagestan, the factories were impoverished and by the time of the establishment of Soviet Power in 1920, they were in a dilapidated state. In

1921 all ten factories only produced 193,3 tons of canned fruits, that was 25 times less compared with 1916 [10, p. 45].

In 1921, the industry of Dagestan was producing 10 times less than in 1913. Most of the cities were destroyed and ruined - Khasavyurt was completely destroyed, Derbent - three quarters, Kizlyar - half, Port-Petrovsk (now Makhachkala) and Temir-Khan-Shura (now Buinaksk) - by one third. Less than half of the 48 fisheries that were the main industry in Dagestan remained. Fish production fell 40% from pre-war levels [11, p. 145].

Handicraft production, which also fed many thousands of mountain families, fell sharply. Due to the narrowing of the basic raw materials and sales markets, the value of its production decreased from 6.4 million to 1.2 million roubles from 1915 to 1923 as the number of artisans decreased from 132.5 thousand to 46 thousand. Agriculture was in an even worse position. The number of working livestock in comparison with 1913 decreased by 60-75%, the sown area decreased by 54%. Bread in the republic was produced 12 times less than necessary. In 1922, there were 200 thousand hungry people here [11, p. 145-146].

Soviet Recovery

In Soviet times, radical changes took place in the organization of gardening in Dagestan. The first major step was the opening of the Dagestan experimental fruit-growing station in Buinaksk at the beginning of 1931, which studied and developed gardening in the republic.

Basically, the mountainous region remained the centre of horticultural culture in the 1930s. In addition, fruit trees were planted in the highland regions. As before, the largest number of fruit trees (46.1%) were planted in mountainous regions. In southern Dagestan, orchards accounted for 33.3%, in the foothills of the republic 17.6%, in the northern plains 2.4% and in the alpine regions 1.3 % [6, p. 121-122].

Artificial Terracing and Soviet Technology

As in the past, the terraced system of planting gardens prevailed in mountainous areas, associated with the relief of the mountains that meant there was a general lack of land that could be ploughed. Natural terraces for planting gardens were widespread in all-mountain zones, but as a rule, there were not enough. In the alpine part, the gardens were laid out exclusively on artificial terraces. Most of the opportunities to build gardens on natural terraces were in the foothills. These natural terraces, located compactly near the villages, were systematically fertilized and irrigated as required.

Gardens in the 1930s mainly grew local varieties. The Fruit Experimental Station had 70 varieties of apple, up to 30 varieties of pear, over 40 varieties of apricot, and over 30 varieties of peach. For example, in the 1950s, the village of Khadzhalmakhi handed over to the state more than 1.5 thousand tons of apricots and 2-3 thousand tons of apples and pears in a regular harvest year. There were local varieties of pears in the gardens, which produced 2-3 tons per tree. Nowadays there are almost no such trees left, and the harvests are estimated at a few hundred tons [12, p. 200].

In the years before WW2, there were 21 canneries operating in the republic. In 1939, 5.5 million conventional cans of fruit (capacity 353.4 cubic centimetres i.e. 1/3 litre) were produced.

The period from 1946 to 1950 witnessed the radical restructuring of the horticulture of the republic, through an urgent speedy reconstruction of old unsystematic gardens. Old trees were uprooted, replaced by young trees, introducing more promising varieties.

The area of commercial market gardens increased especially from 1954 to 1956 when over 13 thousand hectares of new market gardens were planted by collective state farms (Kolkhoz). To complement this, fruit processing also increased dramatically. The annual output of canned goods amounted to 100 million conventional fruit cans. For example, in the Tsudakhar, Botlikh, Kaitag, Gergebil, Kasumkent, Uitsukul, Akhtynsky and other areas, the sale of horticultural produce accounted for 70% to 80% of total income.

In the 1980s, the area under horticultural cultivation amounted to 65.5 thousand hectares or 1.6% of the agricultural land of Dagestan. This land provided production of over 6 per cent of gross agricultural output and 16% of crop production of Dagestan.

The industrial upsurge gave a powerful impetus to the development of processing enterprises in areas with well-developed horticulture. Thanks to the development of a relatively efficient canning industry it became possible to solve many socio-economic problems in the countryside, especially employment more than 30 thousand people. Horticulture reached its highest level of development in 1989 when 149.0 thousand tons of fruits were produced.

Kolkhoz Collapse of 1990

With the collapse of the collective and state farm systems, in which all economic activity was planned, with harvest quotas and harvest plan, collective care of the gardens was discontinued. For some reason, unlike most state enterprises, gardens were left without "new" private owners and came to a neglected state. Abandoned orchards became unproductive, and yields became extremely low. From the 1960s in the mountainous and foothill areas of Dagestan, especially after the liquidation of the farm system, many lands were banned from habitation by families, because they were too far from kolkhoz settlements, so manual labour was all that was available and mechanization was abandoned.

The mechanization of horticultural production processes in Dagestan was solved much more slowly than in other industries. Heavy labour mechanization processes in horticulture were hampered by the lack of machines that could be used in terraced gardens. In Russia, as a whole so-called "small mechanization" was not to be found in farms. Special horticulture machines had increased significantly but were of little use in mountain horticulture. In the decay, many old gardens were uprooted.

The decay was in spite of climatic and natural conditions that made it possible to grow high yields of a wide variety of fruits of good quality on large areas at a low

cost. In the past, they did not just exploit nature but had long been familiar with, for example, the art of grafting, without which cultural gardening is unthinkable, as passed down from generation to generation.

Degradation of Horticultural Land

However, over the past 30 years, the area of garden land, especially in the mountains, has been decreasing, despite the technology of gardening remaining extensive. More than 20 years ago, the Dagestan ethnographer Magomedzagir Osmanov wrote regretting this tendency: “Earlier, the mountaineer never created a plot without making it a productive area. He was already planting a tree in order to “catch on” to the slope, gradually levelling it. But, by the end of 1980s in the mountains, 6 thousand hectares of ready-made garden land was empty, not to mention the slopes that could be turned into excellent garden plots” [12, p. 149].

Explaining the deep social causes of the degradation of the traditional agriculture of the Dagestanis, Professor Mamaykhan Aglarov wrote that “private traders still felt that gardens were not only of economic benefits for them but also for their ecology. A thousand-year hereditary occupation in gardening is their peculiar religion. Accordingly, the order and aesthetics of the garden were observed in the private sector” that the alienation of the garden economy from the owners and the creation of large horticultural collective farms led to the degradation of the horticultural culture. “The introduction of agrotechnical achievements proceeded in the order of the reconstruction of gardens according to methods developed not in Dagestan conditions”. It was clear that the intensification of the economic and horticultural culture is not the same thing, that “the modernization of agriculture was inevitable, but it had to be introduced gradually, modified by a comprehensive scientific and practical rationale” [13, p. 31].

A brief overview of the definitions

To paraphrase P. M. Bauer, anthropologist and since the early 2000s a leading advocate of re-wilding: ...*Understanding the differences between horticulture and agriculture can be confusing because some agricultural strategies cross over into horticultural strategies. The word agriculture is derived from the Latin ager (field) and culture (culture/cultivation). Horticulture derives from the Latin Hortus (garden) and culture. Cultivating a field is different from cultivating a garden. The implications of agriculture's mono-cropping primary succession plant obsession are evident its very origin. In contrast horticulture's diversity of plants and smaller-scale style is also a result of its origins.*

Agriculture exploits transplanting, seeding, tilling, burning, pruning, fertilizing, selective harvesting, crop-rotation, etc. But the main difference between agriculture and horticulture involves agriculture's focus on using these tools to create one habitat; the mono-crop meadow or “field.” Horticulture uses the same strategies of cultivation to promote ecological succession and bio-diversity of landscapes

– the garden of forest succession. Thus, the term “sustainable agriculture” is an oxymoron¹.

A complementary view is given by NC State University, Horticultural Science University. Perhaps, you see horticulture as small-scale, like gardening, and see agriculture as large-scale, like farming. Generally speaking, this assumption is somewhat true, but greater differences exist. Horticulture can be classified as a field under the umbrella of agricultural science. That being said, they both use many of the same techniques for crop cultivation and overlap with crop and turf sciences.

Horticultural science includes the research, study and practice of plant cultivation, plant propagation, plant breeding, production of crops and plant physiology. The plants focused on are mainly vegetables, trees, flowers, turf, shrubs, fruits and nuts. The key difference is that horticultural products have to both look good and taste good! For example, if you are enjoying a fresh, juicy tomato on a sandwich—a horticulturist grew it. If you are dipping French fries into ketchup, a crop science graduate running an agricultural farm grew it².

David Rae, emeritus director of horticulture at Royal Botanic Garden Edinburgh, defined *Gardening and Horticulture* in Horticulture: Plants for people and places (pp. 1307-1338) December 2013, Springer: *Gardening and horticulture are both activities concerned with the cultivation of plants. While there is much overlap between the two activities, the former refers to a leisure activity practiced by home or hobbyist gardeners, while the second refers to a scientifically underpinned, and highly specialized, professional occupation. Different types of cultivation, such as organic gardening, are used to highlight the differences in approach between gardening and horticulture, while garden styles or practices such as patio gardening or small allotments (provided free by the municipality in the UK) gardening are used to show that while gardeners are the consumers of products and services, professional horticulturists are not only providers of the products and services, but have also developed the technology to make the style or practice possible [14].*

Prospects

Market conditions are inefficient. Horticulture in the republic encounters difficulties in selling its products, which are either sold below cost or not sold at all. For example, in 2019, apricots fetched 5 roubles each at the Tlokh cannery factory, and 6 roubles at the Gotsatlinsky cannery.

To address issues ensuring the restoration and further development of horticulture in the Republic of Dagestan, the republican target program “Development of gardening in the Republic of Dagestan” for 2011-2016 was adopted. It will be very

¹ Horticulture vs. Agriculture, 28 February 2008, Peter Michael Bauer <https://www.petermichaelbauer.com/horticulture-vs-agriculture/>

² Agricultural Science and Horticulture, 23 January 2017, NC State Horticulture Science, NC State University <https://horticulture.cals.ncsu.edu/online/horticulture-vs-agriculture/>

frustrating if, as seems likely, the centuries-old traditional experience of mountain-valley management remains dormant, and yet is ironically a key source of knowledge about the environment.

Summarizing, it should be noted that the transformation of horticulture as a subsystem of life support in the mountain enclaves of Europe, the Caucasus and Dagestan requires a monographic, comparative historical study, using the achievements in this area in Russian and world science.

Acknowledgement: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the RFBR projects 19-09-00490 А “The use of ethno-cultural traditions in the strategy of social, economic and environmental development of the mountain territories of Dagestan” and 19-29-05205 “Anthropogenic soil agricultural terraces of the Caucasus”.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проектов РФФИ 19- 09-00490 А «Использование этнокультурных традиций в стратегии социально-экономического и экологического развития горных территорий Дагестана» и 19-29-05205 «Антropогенные почвы земледельческих террас Кавказа».

REFERENCES

1. Aglarov MA. Once again on agricultural terraces of Dagestan [Eshhe raz o zemledel` cheskix terrasax Dagestana] *Herald of the Dagestan Scientific Center [Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAN]*. 2016;62: 30-53.
2. Aliev BG. *Unions of rural communities in Dagestan in the 18th – first half of the 19th centuries (Economics, land and social relations, administrative structure)* [Soyuzy Sel'skikh obshchin Dagestana v 18 – pervoy polovine 19 v. (Ekonomika, zemel'nye i sotsial'nye otnosheniya, struktura vlasti)]. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 1999.
3. Aliev BG. *Agriculture and land tenure in late feudal Dagestan [Zemledeliye i zemlevladieniye v pozdnefeodal'nom Dagestane]*. Makhachkala: ALEF, 2014.
4. *Monuments of customary law in Dagestan in the 17th – 19th centuries. Archive materials. Compilation, preface and notes by H.M. Khashaeva [Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII–XIX vv. Arkhivnye materialy. Sost., predisl. i prim. KH.-M. Xashaeva]*. Moscow: Nauka, 1965.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агларов М.А. Еще раз о земледельческих террасах Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2016. № 62. С. 30–53.
2. Алиев Б.Г. Союзы Сельских общин Дагестана в XVII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999.- 339 с.
3. Алиев Б.Г. Земледелие и землевладение в позднефеодальном Дагестане. Махачкала: АЛЕФ, 2014. - 540 с.
4. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. Сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965. - 280 с.
5. Яхъяев М.М. Экономическая эффективность горно-долинного садоводства Дагестана. Махачкала, 1974. - 78 с.
6. Сельское хозяйство Дагестана. Москва; Ленинград. Изд-во АН СССР. 1946.- 334 с.
7. История Дагестана. Т.1. М.: Наука, 1967. - 433 с.
8. Магомедова П.М., Мусаева М.К. Горно-долинное садоводство в Дагестане:

5. Yakhyaev MM. *Economic efficiency of mountain-valley gardening in Dagestan [Ekonomicheskaya effektivnost' gorno-dolinnogo sadovodstva Dagestana]*. Makhachkala, 1974.
6. *Agriculture of Dagestan [Sel'skoe khozyajstvo Dagestana]*. AN SSSR Press. Moscow, 1946.
7. *History of Dagestan [Istoriya Dagestana]*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1967.
8. Magomedova PM., Musaeva MK. Mountain-valley horticulture in Dagestan: issues of preserving folk traditions of householding [Gorno-dolinnoye sadovodstvo v Dagestane: problema sokhraneniya narodnykh traditsiy khozyaystvovaniya] *Proceedings of the 3rd International Congress of Caucasologists*. Tbilisi: I. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, 2013: 415–416.
9. Nadezhdin PP. *Caucasian region. Nature and people [Kavkazskij kraj. Priroda i lyudi]*. Second edition. Tula, 1895.
10. *Dagestan industry in five years [Dagestanskaya promyshlennost' za pyat' let. 1920-1925]*. Buinaksk, 1925.
11. *History of Dagestan [Istoriya Dagestana]*. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1968.
12. Osmanov M-ZO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era: patterns of development and transformation, the extinction of traditional forms [Xozyajstvenno-kul'turny'e tipy' (arealy') Dagestana v sovetskuyu e'poxu: zakonomernosti razvitiya i transformacii, vy'myvanie tradicionnyx form]*. Moscow: Nauka, 2002.
13. Aglarov MA. *Hindalal. Avars of the Mountain valleys of Central and Western Dagestan. Studies on traditional culture and ethno-economics. [Xindalal. Avarcy gorny'x dolin Central'nogo i Zapadnogo Dagestana. Ocherki tradicionnoj kul'tury i e'tnoe konomiki]*. Maxachkala: Mavraevъ, 2018.
14. David Rae. *Gardening and Horticulture Horticulture: Plants for people and places*. Volume 1. Production Horticulture. December 2014, Springer: Dordrecht Heidelberg New York London, pp.1307–1338.
- проблема сохранения народных традиций хозяйствования // Материалы 3-го Международного Конгресса Кавказоведов. Тбилиси: Тбилисский государственный университет им. Ивана Джавахишвили, 2013. С. 415–416.
9. Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Второе издание. Тула, 1895. – 449 с.
10. Дагестанская промышленность за пять лет. 1920-1925. Буйнакск, 1925. – 237 с.
11. История Дагестана. Т. 3. М.: Наука, 1968. – 426 с.
12. Османов М.-З.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. – 222 с.
13. Агларов М.А. Хиндалал. Аварцы горных долин Центрального и Западного Дагестана. Очерки традиционной культуры и этноэкономики. Махачкала: Мавраевъ, 2018. – 152 с.
14. David Rae. *Gardening and Horticulture. In: Horticulture: Plants for people and places. Volume 1. Production Horticulture. December 2014, Springer: Dordrecht Heidelberg New York London, pp.1307–1338.*

Статья поступила в редакцию 14.09.2020 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163797-810>

Басирова Карина Касумовна,
младший научный сотрудник
Институт истории археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
karina_basirova@mail.ru

НАРОДНАЯ МУЗЫКА И ТАНЦЫ КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ДЕТЕЙ

Аннотация: В данной статье с точки зрения этнографической науки рассмотрено, трудовое, физическое воспитания детей средствами народной музыки и танцев. В статье показаны этнографические примеры успешного воспитания детей посредством народной музыки (песни, танца), использование самобытных музыкальных жанров, национальных инструментов, мелодий, танцев, танцевального и песенного этикета, который частично сохраняется и в настоящее время. Подчеркнута важность сохранения национальных традиций, в том числе и музыкальных, проведения осознанной культурной политики. Показано, что техника исполнения любого танца и песни в Дагестане неразрывно связана с процессом воспитания детей. Раскрыта специфика и роль этно-музыкальных традиций в многоуровневой структуре идентичностей народов Дагестана.

Ядром музыкальной культуры дагестанских народов выступают ритм (временной фактор музыки) и интонация (высотный фактор), обусловившие прочность инструментальной и танцевальной традиций. Песня и танец, чабанская свирель, призыв «зурнача» и дробь барабана всегда сопровождали жизнь горцев. Танец горцев – «лезгинку» – можно назвать национальным, народным, так как без него не проходит ни один праздник в Дагестане. Большое значение имеет приобщение маленьких детей к национальной культуре, к традициям дагестанского народа, к его духовным ценностям посредством музыкальной культуры. Включение спектра музыкальной культуры в контекст культурной политики способно обеспечить эффективность социокультурного развития региона.

Ключевые слова: детский цикл; эстетическое воспитание; народы Дагестана; музыкальные инструменты; народная музыка; танцы; мелодии; ритмы; художественные средства.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163797-810>

Karina K. Basirova,

Junior Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

karina_basirova@mail.ru

TRADITIONAL MUSIC AND DANCES AS MEANS OF EDUCATION OF DAGESTAN CHILDREN

Abstract. The paper examines work training, physical upbringing of children with the use of national music and dances from the ethnographic standpoint. The paper provides examples of successful education of children through national music (songs, dances), the application of original musical genres, national instruments, melodies, dances, dance and singing etiquette, which are partially preserved to this day. The importance of preserving national traditions, including musical ones, as well as conscious cultural policy are highlighted. The technique of performing dances and songs in Dagestan is inextricably linked with the process of upbringing children. The features and the role of ethno-musical traditions in a multilayered stratum of identities of Dagestan peoples are revealed.

The core of the musical culture of Dagestan peoples lies in the rhythm (temporary musical factor) and intonation (high factor), which conditioned the integrity of instrumental and dance traditions. Songs and dances, chaban's pipe, the call for "zurnach" (zurna player) and drum rolls always accompanied lives of the mountaineers. The mountaineer's dance "lezginka" can be considered national, since no festival in Dagestan would pass without it. Of great importance is the familiarization of young children with the national culture, traditions of the Dagestan peoples, their spiritual values through musical culture. The inclusion of the spectrum of musical culture in the context of cultural policy can ensure the effectiveness of the socio-cultural development of the region.

Keywords: children cycle; esthetic education; peoples of Dagestan; musical instruments; folk music; dances; melodies; rhythm; artistic means.

В воспитании человека особое место принадлежит музыке. «Музыка, — пишет Шостакович Д.Д. — сопровождает человека всю жизнь, в ней он находит выражение самых высоких чувств и самых тонких душевных переживаний. В горе и радости; в труде и отдыхе — музыка всегда с человеком... Насколько беднее стал бы мир, лишившись прекрасного, своеобразного языка, помогающего людям лучше понимать друг друга» [1, с. 5].

Основной целью нашего исследования является изучение использования народной музыки и танцев в эстетическом, трудовом, физическом развитии дагестанских детей и демонстрация процесса их нравственно-эстетического воспитания с использованием традиционного и современного опыта. Поставленная цель может быть достигнута на примерах живого, ныне существующего искусства дагестанцев. Хронологические рамки статьи охватывают XX–XXI вв. В статье мы не делали акценты на конкретных хронологических рамках, а постарались на фоне настоящего времени делать экскурсы в прошлое. События XX века в работе описываются более подробно. С середины XX в. в дагестанской традиционной музыке и танцах происходили перемены, но очень медленно, а уже с конца XX в. и особенно в начале XXI в. пошли стремительные изменения.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью сохранения в условиях ускоряющегося мирового глобализационного процесса народного искусства и культуры, в частности, традиций народной песни и танца, которые, если не поддерживать, не развивать посредством эстетического воспитания подрастающего поколения, ускоренно теряют свои позиции.

Дагестанская народная музыка сопровождала жизнь многих поколений наших отцов, дедов и прадедов, своей мелодичностью приводила в восторг, всех, кто когда-либо посещал многонациональный Дагестан. Знаменитая русская певица Любовь Ивановна Кармалина (1834–1903), побывавшая на Кавказе в 1862 г., сопровождая своего мужа Н.Н. Кармалина, генерал-квартирмейстера, который находился в распоряжении командующего Кавказской армией, и оказалась в Гунибе по делам службы мужа, в письме от 18 июня 1866 г. композитору А.С. Даргомыжскому сообщала: «Я собираю дагестанские мотивы и мелодии. Что за дивные мотивы! Их я собрала уже до двадцати пяти. Подобного Вы ничего не слыхали» [2, с. 90]. Также профессор Агаев А.Г. пишет: «Ни один композитор и ни один хореограф, даже все композиторы и хореографы вместе не смогут создать такую яркую симфонию красок, звуков, движений, какую творит сам народ» [3, с. 164].

Танцы некоторых народов Дагестана вызывали неоднозначные чувства и эмоции путешественников и исследователей. В частности, А.М. Завадский, в своем докладе о поездке вверх по Андийскому Койсу в 1903 г., отмечал, что «Танцуют хваршинцы... крайне неграциозно. Это все та же лезгинка, но плавности движений нет, скорее танец можно сравнить с виртуозным гимнастическим упражнением. Женщины танцуют плавнее, но без грации. В своих платках с растопыренными руками, в которых держат концы его, они производят

какое-то странное впечатление, а фантазии легко переносят в Вальпургиеву ночь из «Фауста» [4, с. 32].

В дагестанской народной музыке, в звуках чабанской свирели, чунгуре, агач-кумуза, кеманчи, зурны, дудука, бубна, барабана, в искрометных национальных танцах выражена искренняя любовь к родине, красоте величественных гор, в них – вся духовная культура народа. Воинственные, героические, детские, колыбельные, игровые, трудовые, песни, связанные с сельскохозяйственными работами, охотничьи и чабанские наигрыши, танцевальные мелодии показывают, что «не отдельные люди, а целые народы в оставленных ими памятниках народной мудрости пытались от имени всего человечества истолковать музыку как потребность и необходимость для развития человека » [5, с. 99].

Первыми «музыкальными инструментами», с которыми сталкивался ребенок были игрушечные деревянные и глиняные «свистелки» («фитгалан» – азер.; «шутухи» – агул.; «фит» – горс. евр.; «сызгъырчыкъ» – кум.; «пистияр» – лезг.; «сызгырышык» – ног.; «шут» – табас.; «щинкьеро», «тлонкъ» – авар.; «щют^тлухи», «щюрщют^тала» – лакс.; «изоттане» – дарг.), призванные отгонять от ребенка злых духов. Возможно, именно через эти игрушки, созданные взрослыми для детей грудного и самого младшего возраста, каковыми являлись погремушка и свистелка, дети получали первоначальное музыкальное «образование». Обучающими игрушками являлись свистелки, так как благодаря им ребенок знал, что птицы издают мелодичные звуки [6, с. 207; 7, с. 170; 8, с. 42].

Практически везде на Кавказе, где имелись гостевые дома или особые помещения («кунацкая», «нарядная комната») для гостей, хранились музыкальные инструменты (чунгур, кумуз, зурна, тар), как и многие иные престижные и дорогие предметы. Часто приход долгожданного гостя становился поводом для праздника в родственном коллективе, где его принято было развлекать игрой на музыкальных инструментах.

Песни сопровождали ребенка с самой колыбели, вначале оберегали, а затем они становились его неизменными спутниками и в играх, и во время работы, и на досуге [9, с. 109; 10, с. 98; 11, с. 136-137]. Сочетая слова и движения с народной музыкой, мамы убаюкивали детей, исполняли им потешки и пестушки, демонстрировали словесные игры [12, с. 363; 13, с. 322]. Музыкой, рифмованными словами и стишками, ласковыми – песнями, играми пользовались при пеленании, одевании, купании ребенка. [14, с. 58]. Нежные мотивы успокаивают ребенка, при их звучании он переставал плакать, поворачивался в сторону звучания (пения), удивленно замирал и не двигался.

В Грузии дети с раннего возраста учились играть на музыкальных инструментах. Мальчики с 4-5 лет играли на глиняных дудочках, лет с восьми – на тростниковой дудке «ствири», лет с 14 – на свирели из бузины – «саламури», особенно популярной у пастухов. С малых лет, наблюдая за взрослыми, дети обучались песням и танцам [15, с. 101]. На праздниках лет с 12-13 они уже участвовали в танцах наравне со взрослыми.

В совместном труде и на праздниках животноводы и земледельцы мастерили детям свирели, камышовые дудки, барабаны, учили их играть простейшие мелодии, исполнять трудовые песни. Дети младшего возраста чаще упражнялись на простой дудке («дудук»), изготовленной из камышового стебля [16, с. 119]. Музыка для юного исполнителя становилась фактором утверждения своего авторитета, средством добрых форм общения с ровесниками. Когда признанные народные музыканты старшего поколения говорили о своем становлении как профессионалов, они утверждали, что задатки своего музыкального развития получили в раннем детстве. Например, в горах чабаны для защиты своего стада овец использовали свирель, дудку, специальный бубен, который был меньше, чем используемый женщинами-певицами для музыкального сопровождения, барабан, погремушку из бычьего мочевого пузыря, в качестве отпугивающего средства от диких животных и птиц. Этими музыкальными инструментами и предметами они создавали не просто громкие звуки, которые могли испугать и стадо, а создавали упорядоченные ритмические звуки-мелодии.

Народная песня

Народная песня – сочетание родного языка и родной мелодии – представлена различными жанрами: колыбельные, детские, игровые, пестушки, шуточные, трудовые, бытовые, героические, песни-призывы, патриотические, лирические и др.-Нет у народа ни одного занятия, которое обходилось бы без песни. Некоторые песни славили общественные ценности (величальные песни), другие высмеивали и порицали антиобщественные поступки (песни-насмешки, песни-проклятия), третья, как бы проверяя ум, смекалку, загадывали загадки (песни-загадки) [17, с. 8–10]. В песнях отражены буквально все требования к становлению совершенной личности.

Ведущей идеей многих песен являлась хвала труду. В песнях «Мой заработок» (авар.), «Трудовая песня», «Вдалеке клубится пыль» (дарг.), «Песня ковровщицы» (таб.), «Путь девочки», «Чекмень» (ног.) [18, с. 79] народ с помощью музыки и слов сумел выразить и сформулировать ясное понимание «сознательной цели» трудового обучения и воспитания.

Подобные песни служили наилучшим средством закрепления у детей представлений о трудовых навыках.

В наши дни на дагестанских свадьбах, у большинства народов, считается престижным, встречать свадебный кортеж жениха у дома невесты, игрой на традиционных музыкальных инструментах. Как правило, играют барабанщик и зурнач.

Народ предпочитает исполнять песню там, где она соответствует настроению окружающих, семьи, односельчан (на общественных праздниках, свадьбах, приеме почетного гостя, особенно приехавшего издалека). Есть общеизвестное дагестанское выражение: «На похоронах – плачь, на свадьбе – танцуй!». В этой связи следует подчеркнуть, что в Дагестане, как и у всех народов Кавказа,

обязательной нормой в период траура (для родственников первой линии – в течение года, для жителей села – неделю, для родственников – 40, а сейчас 52 дня), считалось совершенно недопустимым музыкальное сопровождение любого мероприятия, не отмененного по какой-то веской причине, если в селении кто-то умер. В некоторых случаях, если за несколько дней до свадебного торжества умер престарелый или долго и тяжело болевший (до нескольких лет) человек, родственники умершего, как правило, сами рекомендовали не переносить свадебное мероприятие. И сегодня соблюдается это правило, учитывая особенно, что для свадебных мероприятий заранее (до полугода) арендуется банкетный зал с частичной предоплатой немалых денег. Безусловно, сам факт такого служил и ныне служит для окружающих средством воздействия на сознание, укрепляет нормы уважения, почтания, признания людей. Но при наличии соответствующих условий считалось обязательным всякое торжество (рождение ребенка, свадьба) сопровождать музыкой и пением. По народному поверью, музыка отгоняет «вредоносные силы» от праздничного мероприятия. У некоторых аварцев есть традиция, по которой, если друг за другом в селе умирают люди, прекращать череду смертей увеселительным мероприятием.

Согласно суфийской традиции ислама, которой придерживаются многие дагестанские этносы, музыка является миниатюрой гармонии всей вселенной. «Музыка помогает нам тренировать себя в гармонии, и именно в этом магия, или тайна, стоящая за музыкой. Так, индийский суфий начала XX века, музыкант, поэт, философ Хазрат Инайят Хан, рассуждая о природе музыки, определяет место и ценность музыки как вида искусства: «Когда вы слышите музыку, которая вам нравится, она настраивает и приводит вас в гармонию с жизнью. Поэтому человек нуждается в музыке; он стремится к музыке» [21, с. 88]. У дагестанских народов получили развитие в основном те музыкальные формы, которые связаны с исламской литургией (чтение Корана, *азан*), с религиозными праздниками (*мавlid*, *нашид*), опирающимися прежде всего на местный музыкальный фольклор.

Песня, музыка в опыте народа служили испытанным средством поднятия патриотического духа. Эту истину подчеркивает пословица: «На целое войско хватит одного зурнача» (авар.). Применение музыки, песни-призыва в бою придавало силы, воодушевляло бойцов и приближало победу. Есть легенда о том, что, в разгар боя городского красного отряда с аскерами Нажмутдина Гоцинского у села Унчукатль, поднялась на крышу дома известная всему селу исполнительница народных песен Хадижат Мударисова. Она звала сельчан биться с врагом насмерть. Как говорят, из тысячи ста аскеров Гоцинского ни один не мог доползти до стен села [22, с. 42].

Народные танцы

Народные танцы в Дагестане многообразны. Их примерно столько, сколько в нем народов (аварский, лезгинский, даргинский, лакский, кумыкский, тат-

ский и др.); сколько населенных пунктов (ругуджинский, акушинский, кубачинский, аштинский, бежтинский, танец «Цовкра», знаменитые коллективные ритуальные – лакская «гиргичу», келебская «сапа», даргинский «тугълааяр» и т.д.); сколько традиционных народных профессий, сколько народных героев и заступников (танец Шамиля, танец Хочбара, танец Шарвели) и т.д. Отражены в народных танцах и (половозрастные особенности взрослого горского населения) возрастные особенности по половозрастному признаку: девичий танец, танец трех джигитов, танец старика и т.д. Не встречались у дагестанцев лишь специальные детские танцы – они по-детски повторяли танец взрослых.

Устойчивость древнейших элементов рисунка танца, делает их ценным историко-этнографическим источником. В них часто сохраняются свидетельства о социальном строе, общественных институтах, верованиях, материальной культуре [23, с. 166]. Горцы издавна использовали танец как форму проведения досуга для формирования физических, трудовых, нравственных и эстетических качеств человека.

Однако надо отметить, что только ко второй половине XX века изменилось отношение к тем (особенно женщинам), кто посвятили себя музыке и сделали танцы и исполнение песни своей профессией.

Дагестанцы, хоть и любили музыку, танцы, песни, считали, что это не должно быть их профессией. Скорее считали, талант игры на музыкальных инструментах, умение петь песни должно быть частью досуга мужчины, для создания праздничной обстановки на общественных и семейных мероприятиях. Дочерям петь песни разрешалось только там, где присутствовали только женщины (на посиделках-помочах, в комнате невесты), или в домашней обстановке, где могли себе позволить находиться дед, отец, братья.

К умению танцевать относились более благосклонно, слыть красиво танцующей девушкой было довольно престижно, если ею соблюдались определенные этикетные правила. Желательно было танцевать только с родственниками или пожилыми мужчинами. Заставлять ждать пригласившего, отказываться танцевать, если для этого не было веских причин (повторное приглашение, развязное поведение во время танца, неприязненные отношения между семьями и т.д.), считалось неприличным, это могло задеть мужское самолюбие.

В прошлом не у всех народов Дагестана женщины во время праздничных танцев должны были ждать индивидуального приглашения. Например, в с. Ругуджа (соврем. Гунибский р-он) мужчина входил в круг на площадку для танца и к нему тут же, после первых па выходила женщина-родственница, иногда две-три почти одновременно с разных сторон. Потом оставалась старшая, другие садились на свое место. Дело в том, что девушек с детства учили, что для мужчины, вышедшего танцевать, большой позор и унижение, если никто из женщин, пока он сделает круг, не выйдет к нему. Коллективным выходом родственницы этого мужчины поддерживали его престиж в обществе.

На свадьбах исполняли как парные, так и групповые танцы. При этом групповые танцы не всегда исполняли хороводом, как например, было принято на

свадьбе у даргинцев, лакцев; или как у некоторых кавказских народов, в частности, у адыгов был популярен своеобразный хороводный круговой танец – «уджхъурай», который по технике исполнения кажется весьма простым – состоял только из ритмических движений тела сначала назад, а затем вперед. К примеру, групповой танец у ругуджинцев исполнялся не хороводом, а одной парой танцоров на площадке в кругу, причем первой танцевать выходила пара самых старших, затем поочередно, следующая пара, и таким образом танец исполняли все, кто находился в кругу [24, с. 55–56]. До 20 пар одновременно, образовав мужской и женский круги, принимали участие в лакском свадебном танце «гиргичу», подробно описанном А.Г. Булатовой [25, с. 166–167]. При этом круг для танцев, которые устраивались, как правило, на квартальных площадках, во дворах (азбара), а не в помещениях, создавали, густо засыпав площадку соломой, которую периодически окропляли водой, чтобы не поднималась снизу пыль.

Как справедливо заметил руководитель специальной искусствоведческой экспедиции по Дагестану О. Виноградов: «Дагестан – море музыки, ритмов, пластики. Здесь все танцуют с раннего детства и до самой смерти. Горцы отдаются стихии движений целиком, до конца. И это увлекает. А какая сложность и изобретательность движений, какое богатство средств выражения» [26, с. 4].

В народе было принято обучать детей традиционному национальному танцу с раннего детства. Еще в грудном возрасте, вынув из люльки и поддерживая на руках, мать заставляла ребенка под музыку в такт двигать руками и ногами («кIусди бах» – аварское выражение, характеризующее танец младенца). В этом танце был и практический смысл: после долгого лежания в люльке ребенку было полезно размять ножки и ручки.

Девочки проходили свою домашнюю школу женского танца, а мальчики школу мужского танца. Детей специально обучали правилам танцевальных движений, умению прислушиваться к ритму мелодий, нравственным правилам приглашения к танцу и сопровождения партнера – танцевальному этикету, правилам обращения к музыкантам, к старшим, к руководителю торжества и т.д. Большое внимание воспитанию в танце придавали в семье. В минуты отдыха под руководством родителей, старших братьев и сестер, близких родственников дети обучались танцам. Старший выходил в круг, становился ведущим, а дети шли за ним, повторяя буквально все его действия: меняли положение рук, переходили в быстрый пляс и т.д.

Многие родители, родные и близкие стремились воспитывать детей путем непосредственного введения их в танец перед односельчанами. И чем более взросло танцевал маленький ребенок, тем больше одобрительных возгласов и похвалы получал он от своих зрителей. Как правило, хорошо танцующего малыша вызывали в круг для исполнения соло. Иногда партию ему могла составить сестра или другая родственница его же возраста. В настоящее время на свадьбах хорошо танцовщую детскую пару родственники поощряют деньгами, которые прямо во время танца дают в руки, как девочке, так и мальчику.

У лезгин, табасаранцев и других народностей Дагестана, например, во время свадебных вечеринок, праздничных торжеств часто можно было наблюдать такие картины. Родители, близкие подзывают к себе мальчика 5–7 лет, напутствуют его перед танцем. Вышедший танцевать, почти как взрослый, ведет в танце ровесницу или взрослую женщину, путем грациозных движений демонстрирует окружающим достойные мужчины качества.

На горских свадьбах нередко можно было заметить воспитательные уроки, когда приглашенная на танец взрослая родственница в процессе танца подсказывала детям движения, свойственные мужчине, выражения танцевальных эмоций, знаков благодарности и т.д. Девочкам, у которых еще не было танцевальных навыков, аналогичным образом прививали их пригласившие ее на танец родственники – мужчины. В результате, со временем дети становились, если не мастерами танца, то хорошими танцорами, могли исполнять различные танцы, демонстрировать в обществе правила образцового поведения на веселительных мероприятиях. В горах не знали случаев, чтобы юноша и девушка, пришедшие на свадьбу или вечеринку, не умели танцевать, не могли соблюдать в танце общественно принятые нормы поведения, следовать национальным традициям.

Каждое село имело свои танцы, по-своему отражающие особенности быта горцев. И танцы были различные, и танцевать их следовало по-разному [27, с. 47; 28, с. 52]. Все зависело от характера и возраста человека. Многие сельские юноши и девушки демонстрировали свою манеру танца, свои танцевальные движения, достойно выполняемые в ритме выбранной ими мелодии с четким соблюдением правил приличия и уважения [29, с. 26; 30, с. 38]. Связь народного танца с личностью исполнителя была в горах настолько велика, что большинство взрослых имели негласно закрепившиеся за ними танцевальные мелодии. По этому поводу профессор Р.М. Магомедов пишет: «Вся прелесть сельских танцев заключается, что они неповторимы. Плавность в танце чередуется со стремительными, как вихрь, движениями танцора. Каждый из танцующих чем-то хочет отличиться, внести что-то свое» [31, с. 45]. Так народная мелодия становилась личной, а личность, слившись в единое целое с мелодией народа, превращалась в образец красоты родных мотивов, традиционных движений, общественно признанных высоких нравственных и физических качеств. И не только это было поучительным для детей.

Техника исполнения любого танца в Дагестане неразрывно связана с процессом воспитания. Так, например, вовремя танца следовало проявлять уважение к старшим, к женщинам, к гостям, соблюдать определенную градацию: сначала танцуют старшие, затем молодые и дети. У лезгин, например, мужчина, намеревавшийся исполнить подряд несколько танцев, сначала приглашал к танцу уважаемых женщин, затем девушек и, наконец, девочек. При этом соблюдался определенный порядок: сначала приглашались родственницы, затем близкие, а уже потом остальные. Если на вечеринке появился гость, то в знак уважения очередь уступали ему. Ни в коем случае

нельзя было вклиниваться в танец, когда танцевали старшие, смеясь над их неудачными движениями.

У народов, у которых практиковались танцы через приглашение специальным предметом (красиво украшенная палка, зеленая ветка), своеобразная танцевальная эстафета, принятие женщины приглашения к танцу считалось одобрением ею танцевального партнера. На танец с молодыми людьми, танцующими развязно, вразвалку, имеющими в тухуме и обществе плохую репутацию, женщины шли с большой неохотой. Отказывая в должном внимании такому молодому танцору, женщины как бы давали ему возможность осознать свои ошибки.

Танцы использовались и как форма физического испытания. Среди молодежи и детей проходили соревнования на продолжительность танца, выносливость, на исполнительское мастерство, на знание и умение исполнять танцы родного или соседнего села, других народов и т.д. Наиболее отличившихся танцов награждали призами.

Особое значение в горах придавали обучению детей отдельным, получившим широкое распространение именно в этом селе или обществе танцам. Народ не представлял себе овцеводов, не способных исполнять чабанские мотивы и танцы; канатоходцев, не умеющих плясать на канате или исполнять танец «Цовкра»; воинов, не знающих танца Шамиля, «Джигиты» и т.д. Эти танцы, воспроизводя сбор винограда, тканье ковра, полотна, прядение шерсти, отражение натиска врагов, популяризовали народные профессии, подчеркивали достоинства канатоходцев, танцов, демонстрировали мужество джигитов. Танцы, отображающие различные бытовые и профессиональные действия, носили игровой характер. Особенно ярко выглядели они на традиционных народных праздниках: празднике первой борозды, празднике черешни, празднике цветов, проводы чабанов.

Из глубины веков идет у человека понимание танца не как формы беззаботного проведения времени, а как эффективной формы демонстрации физического, нравственного, трудового и эстетического совершенства человека. Лучшие образцы народного танца, являясь одной из действенных форм эстетического воздействия на сознание, развивали в детях хороший вкус, чувство красоты, ритмичность и координацию движений, вырабатывали хорошую осанку, манеры, походку, все то, что испокон веков было и остается необходимым компонентом физического совершенства всесторонне развитой личности.

В настоящее время отношение к исполнителям песен, к танцам в обществе кардинально изменилось. Быть профессиональным певцом, танцором, стало материально мотивировано, престижно, как для мужчин, так и для женщин. По этой причине, родители с удовольствием целенаправленно развивают различные музыкальные и хореографические таланты детей. Но первые азы музыкального воспитания (особенно танцевального), дети получают в семье, на традиционных семейных и общественных праздниках. Народный танец «лезгинка» – яркий показатель духовной культуры дагестанцев – стал популярным

танцем в нашей многонациональной стране, вошел в репертуар многих заслуженных ансамблей и самодеятельных коллективов, завоевал широкую известность за рубежом. Его могут и любят танцевать все, от малышей до старейшин. При этом, каждый танцует его по-своему.

Народная музыка была начальной школой становления дагестанских композиторов М. Кажлаева, Ш. Чалаева, Н. Дагирова, Г. Гасanova, С. Керимова, М. Гусейнова, М. Касумова, Ш. Шамхалова и др. [32, с. 31; 33, с. 34]. Народные песни и танцы стали фундаментальной основой дагестанских народных театров, ансамблей: «Лезгинка», «Песни и танцы народов Дагестана», «Молодость Дагестана», «Казикумух», многих фольклорных фестивалей и праздников. Всеобщее признание получили в республике детские ансамбли народного танца «Асса» и «Виртуозы Дагестана – Счастливое детство» г. Махачкалы.

Дети исполняют разные по ритму и внутреннему содержанию: лирические, шуточные, характерные танцы: «Аварский перепляс», «Татский лирический танец», «Горская лезгинка», лезгинский танец «Кавха», «Кумыкский трудовой танец», «Танец чабана», аварский танец «Ахвах» «Озорные ребята», «Озорные девчата» и др.

Таким образом, посредством музыки и танца народы Дагестана развивали в детях творческие способности и физические качества. Ребенок, получавший на ранней стадии развития художественные, эстетические и нравственные представления о культуре своего народа, края, даже если он затем не становился танцором или музыкантом, на всю жизнь у него вырабатывал умение ценить и понимать прекрасное, что способствовало формированию гармонически развитой личности. Поэтому большое значение имеет приобщение подрастающего поколения к национальной культуре, к традициям дагестанского народа, к его духовным ценностям посредством музыкальной культуры.

В XX в. духовные качества дагестанских этносов стали проявляться в несколько иной музыке: активно начала развиваться городская музыкальная культура – массовая (эстрадная) и академическая. Однако традиционная музыка не утратила свои приоритетные позиции в структуре культурной идентичности, поскольку все жизненно важные события, связанные с обрядами семейно-бытового цикла, по-прежнему связаны с традиционным музыкальным наполнением. Поиск этнической идентичности активизировал этномузикальную составляющую художественной культуры Дагестана. Проблему сохранения этномузикальных и танцевальных традиций на современном этапе развития в определенной степени решают семьи, в которых родители и близкие родственники обучают детей танцам, а также многочисленные фольклорные коллективы, создаваемые на базе районных, городских, республиканских учреждений культуры.

Чем раньше народная музыка и танцы войдут в жизнь человека, тем глубже и точнее это искусство займет место в его душе. Все то, что получает ребенок в младенческом возрасте, во многом определяет, что приносит он обществу в будущем. Именно в эту раннюю пору жизни закладываются основы разнообразных

качеств и свойств в формирование личности ребенка, её интересы и способности. Психологи отмечают, что большая часть приобретенного в этот период, усваивается исключительно быстро, и запоминается на долгие годы, порой до конца жизни. Музыка и танцы помогают развивать у детей память, слух, речь, поэтому необходимо уделять пристальное внимание музыкальному развитию детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шостакович Д.Д. Мир музыки // Рассказы о музыке. М.: Музыка, 1968. С. 5–11.
2. Пекелис М.С. Русская певица Л.И. Кармалина // Советская музыка. 1972. № 2. С. 90–96.
3. Агаев А.Г. Патриотизм и интернационализм советского человека. М.: Советская Россия, 1975. 352 с.
4. Завадский А.М. Поездка вверх по Андийскому Койсу // ИКОРГО. Тифлис, 1903. Т. 16. Вып. 5. С. 24–32.
5. Диалоги о воспитании / Под ред.: В.Н. Столетова. М.: Педагогика, 1982. 336 с.
6. Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.
7. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006. 220 с.
8. Мусаева М.К. Традиционные детские игрушки народов Южного Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махачкала, 2009. № 34. С. 40–47.
9. Магомедов З.Н. Об игровых детских песнях табасаранцев и дагестанских азербайджанцев // Фольклор в контексте культуры. Махачкала, 2009. С. 109–110.
10. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М.: Московская типография, 2007. 415 с.
11. Агиева Л.Т. Этнография ингушей. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2011. 551с.
12. Мусаева М.К. О традициях формирования гендерных стереотипов у народов Нагорного Дагестана // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2007. С. 363–365.
13. Мусаева М.К. Дагестанский детский фольклор как средство воспитания и социализации подрастающего поколения // Новые археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007. С. 321–323.

REFERENCES

1. Shostakovich DD. The world of music [Mir muzy'ki] Stories about music [Rasskazy o muzy'ke]. Moscow: Muzyka, 1968:5-11. (In Russ.)
2. Pekelis MS. Russian singer L.I. Karmalina [Russkaya pevica L.I. Karmalina] Soviet music = Sovetskaya myzuka. 1972;2:90-96. (In Russ.)
3. Agaev AG. Patriotism and internationalism of the Soviet people [Patriotizm i internacionalizm sovetskogo cheloveka]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975. (In Russ.)
4. Zavadsky AM. A trip up the Andi Koisu [Poezdka vverx po Andijskomu Kojsu] ICORGO. Tiflis, 1903;16(5):24-32.
5. Dialogues about education [Dialogi o vospitanii] / Ed.: VN. Stoletov. Moscow: Pedagogika, 1982.
6. Musaeva MK. Ethnography of childhood of the peoples of Dagestan (Traditions of the peoples of Low and Southern Dagestan) [E'tnografiya detstva narodov Dagestana (Tradicii narodov Ravninnogo i Yuzhnogo Dagestana)]. Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2007.
7. Musaeva MK. Traditional customs and rituals of the peoples of Nagorno Dagestan associated with the birth and upbringing of children [Tradicionny'eoby'chai i obryady narodov Nagornogo Dagestana, svyazannyye s rozhdeniem i vospitaniem detej]. Makhachkala: DSC RAS Publishing House, 2006.
8. Musaeva MK. Traditional children's toys of the peoples of Southern Dagestan [Tradicionny'e detskie igrushki narodov Yuzhnogo Dagestana] Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala, 2009;34:40-47.
9. Magomedov ZN. On children's play songs of Tabasaran and Dagestani Azerbaijanis [Ob igrovyx detskix pesnyax tabasarancev i dagestanskix azerbajdzhancev] Folklore in the context of culture [Folklor v kontekstekul'tury]. Makhachkala, 2009:109-110.

14. Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995. 130 с.
15. Курбанов М.-З.Ю. Сюргинцы: историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX в.). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006.186 с.
16. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.
17. Жанры фольклора народов Дагестана / Отв. ред.: Хайбуллаев С.М. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1979. 223 с.
18. Антология дагестанской поэзии. Т. 1. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. 363 с.
19. Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары: Чувашкнигиздат, 1974. 376 с.
20. Мирзоев Ш.А. Народная педагогика: Словесные средства воспитания. Махачкала: Дагучпедгиз, 1984. 112 с.
21. Хазрат Инайят Хан. Мистицизм звука. М.: Сфера, 1998. 148 с.
22. Омаров М.М. Унчукатлинская легенда // Аулы революционной героики. М.: Дагкнигоиздат, 1972. С. 42–49.
23. Курбанов М.-З.Ю. К вопросу об исходной форме в танцевальной культуре буркундаргинцев // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка. Нижний Архыз, 2015. С. 166–169.
24. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик: Госкомиздат КБССР, 1991. 188 с.
25. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 198 с.
26. «Асият» на берегах Невы // Комсомолец Дагестана. 1984. 30 июня. С. 3.
27. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. 240 с.
28. Умаханова А.М. Танцевальные традиции агульцев: Формы и жанровые особенности // Вестник Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН. Махачкала, 2015. № 56. С. 46–50.
29. Умаханова А.М. Сценическая интерпретация традиционного хореографического искусства Дагестана. Махачкала, 2008. 175 с.
30. Умаханова А.М. Хореографическое искусство кумыков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. 134 с.
31. Умаханова А.М. Хореография народов Южного Дагестана. Махачкала, 1993. 194 с.
32. Коркмасова М.А. Дагестанская симфония: Проблемы становления. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 104 с.
10. Khasbulatova ZI. *Raising children among the Chechens: customs and traditions (19th – early 20th centuries)* [Vospitanie detej u chechencev: oby`chai i tradicii (XIX – nachalo XX vv.)]. Moscow: Moscow Printing House, 2007.
11. Agieva LT. *Ethnography of the Ingush* [E`tnografiya ingushej]. Maikop: JSC Polygraph-YUG, 2011.
12. Musaeva MK. On the traditions of the formation of gender stereotypes among the peoples of Nagorny Dagestan [O tradiciyakh formirovaniya gendernyx stereotipov u narodov Nagornogo Dagestana] *Archeology, Ethnology and Folklore Studies of the Caucasus* [Arxeologiya, e`tnologiya i fol'kloristika Kavkaza]. Tbilisi, 2007:363–365.
13. Musaeva MK. Dagestan children's folklore as a means of educating and socializing the younger generation [Dagestanskij detskij fol'klor kak sredstvo vospitaniya i socializacii podrastayushhego pokoleniya] *The latest archaeological and ethnographic research in the Caucasus* [Novejshie arxeologicheskie e`tnograficheskie issledovaniya na Kavkaze]. Makhachkala, 2007:321–323.
14. Solovieva LT. *Georgia: Ethnography of Childhood* [Gruziya: E`tnografiya detstva]. Moscow: IEA RAS, 1995.
15. Kurbanov M-Z.Y. *The Surgins: Historical and Ethnographic Study (XIX – early XX centuries)* [Syurgincy: Istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie (XIX – nachalo XX v.)]. Makhachkala: Publishing house of the DSC RAS, 2006.
16. Gadzhieva SS. *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries* [Sem`ya i brak u narodov Dagestana v XIX - nachale XX v.]. Moscow: Nauka, 1985.
17. *Folklore genres of the peoples of Dagestan* [Zhanry' fol'klora narodov Dagestana] / ed.: Khaibullaev S.M. Makhachkala: IHLL Dag-FAN USSR, 1979.
18. *Anthology of Dagestan poetry* [Antologiya dagestanskoy poe'zii]. Vol. 1. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1980.
19. Volkov GN. *Ethnopedagogy* [E`tnopedagogika]. Cheboksary: Chuvashknigizdat, 1974.
20. Mirzoev SA. *Folk pedagogy: Verbal means of education* [Narodnaya pedagogika: Slovesnye sredstva vospitaniya]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1984.
21. Hazrat Inayat Khan. *The mysticism of sound* [Misticizm zvuka]. Moscow: Sfera, 1998.

33. Якубов М.А. Очерки истории дагестанской советской музыки (1917–1945). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974. 188 с.
22. Omarov MM. Unchukatlin legend [Unchukatlinskaya legenda] *Auls of revolutionary heroics [Auly' revolyucionnoj geroiki]*. Moscow: Dagknigoizdat, 1972:42-49.
23. Kurbanov M-Z.Y. On the question of the original form in the dance culture of the Burkun-Dargins [K voprosu ob isxodnoj forme v tanceval'noj kul'ture burkun-dargincev] *Problems of preserving the Circassian folklore, culture and language [Problemy soxraneniya cherkesskogo fol'klora, kul'tury i yazyka]*. Nizhny Arkhyz, 2015:166-169.
24. Bgazhnokov BKh. *Circassian merry-making [Cherkesskoye igrishche]*. Nalchik: Goskomizdat KBSSR, 1991.
25. Bulatova AG. Traditional festivals and rituals of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [Tradicionnye prazdniki i obryady narodov Dagestana v XIX – nachale XX veka]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1988.
26. “Asiyat” on the banks of Neva [«Asiyat» na beregax Nevy] // Komsomolets of Dagestan. 1984. 30 June. P. 3.
27. Magomedov R.M. Legends and facts about Dagestan [Legendy i fakty o Dagestane]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1969.
28. Umakhanova AM. Dancing traditions of the Aguls: Forms and genre features [Tanceval'nye tradicii agul'cev: Formy i zhanrovye osobennosti] *Bulletin of the Institute of Language, Literature and Art, DSC RAS*. Makhachkala, 2015. № 56:46-50.
29. Umakhanova AM. Stage interpretation of the traditional choreographic art of Dagestan [Scenicheskaya interpretaciya tradicionnogo xoreograficheskogo iskusstva Dagestana]. Makhachkala, 2008.
30. Umakhanova AM. *Choreographic art of the Kumyks [Xoreograficheskoe iskusstvo kumykov]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1991.
31. Umakhanova AM. Choreography of the peoples of South Dagestan [Xoreografiya narodov Yuzhnogo Dagestana]. Makhachkala, 1993.
32. Korkmasova MA. *Dagestan Symphony: Problems of Formation [Dagestanskaya simfoniya: Problemy stanovleniya]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1990.
33. Yakubov MA. *Studies on the history of Dagestan Soviet music (1917-1945) [Ocherki istorii dagestanskoy sovetskoy muzyki (1917-1945)]*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1974.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020 г.

ЭКСПЕДИЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163811-829>

Кадзаева Залина Петровна,
научный сотрудник

Институт истории и археологии РСО-Алания, Владикавказ, Россия
zalina.kad@mail.ru

Канукова Мария Маратовна,
научный сотрудник

Институт истории и археологии РСО-Алания, Владикавказ, Россия
mashe_kan@mail.ru

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ГУСАРА I В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Аннотация: В 2003 г. Алагирский отряд Института истории и археологии при Северо-Осетинском государственном университете имени К.Л. Хетагурова (ныне Институт истории и археологии РСО-Алания) проводил раскопки могильника Гусара I в Алагирском районе Республики Северная Осетия-Алания. Исследовался разрушающийся и разграбляемый участок могильника площадью около 70 кв. м. Всего были раскопаны три грунтовые катакомбы. Они содержали немногочисленный, но довольно выразительный вещевой материал (фибулы, пряжки, бусы и др.). Раскопанные погребения были совершены в Т-образных катакомбах типа I. По оформлению деталей погребального сооружения выделяются две разновидности. Первая разновидность: входные ямы узкие и длинные; дно входной ямы и камеры находятся на одном уровне, дромос не выражен, свод камер плоский. Камеры небольшие, скорее всего, предназначены для погребения одного человека. Предположительно, погребенные были захоронены головой влево от входа. Вторая разновидность: входная яма короткая; дно входной ямы отделено от дна камеры через ступеньку; дромос выражен; свод оформлен в виде арки; под погребенными прослежена подстилка органического происхождения. Погребенные лежали головой влево от входа; зафиксирован искусственно деформированный череп. По погребальному обряду и инвентарю, раскопанные погребения относятся к раннесредневековому этапу аланскои культуры Северного Кавказа в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. Вещевой комплекс из раскопанных погребений близок материалам, как раннего этапа аланскои культуры, так и гуннского времени. Целью статьи является введение в научный оборот материалов могильника.

Ключевые слова: Республика Северная Осетия-Алания; могильник Гусара I; аланская культура; аланы; раннее средневековье.

EXPEDITION

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163811-829>

Zalina P. Kadzaeva,
Researcher
Institute of History and Archaeology, Vladikavkaz, Russia
zalina.kad@mail.ru

Maria M. Kanukova,
Researcher
Institute of History and Archaeology, Vladikavkaz, Russia
mashe_kan@mail.ru

EARLY MEDIEVAL BURIAL GROUND GUSARA I IN NORTH OSSETIA

Abstract: In 2003 the Alagir archaeological team of the Institute of History and Archaeology (IHA) at Khetagurov North Ossetian State University (now the IHA of the Republic of North Ossetia-Alania) carried out excavation works at the Gusara I burial ground in the Alagirsky district of the Republic of North Ossetia-Alania. A destroyed and looted part of approximately 70 square meters of the burial ground was studied. In total, three underground catacombs were excavated. They contained a little, but quite extensive archaeological material (fibulae, buckles, beads, etc.). The studied catacombs are built in the T-shaped catacombs of type I. There are two varieties of burials according to the details of its constructions: 1) the entrance pits are narrow and long; the bottom of the entrance pit and the chamber are at the same level, the dromos is not expressed, the vault of the chamber is flat. The chambers are small, most likely intended for the burial of a single person. Presumably, the buried people were put with their heads to the left of the entrance; 2) the entrance pit is short; a step separated the bottom of the entrance pit from the bottom of the chamber; the dromos is expressed; the vault is designed in the form of an arch; a bed of organic origin under the buried is traced. The buried lay with their heads to the left of the entrance; an artificially deformed skull was recorded. According to the funerary rite and equipment, investigated underground catacombs belong to the early medieval stage of the Alan culture in the North Caucasus during the second half of the VI – the first half of the VII centuries A.D. The studied archaeological inventory resembles the materials of both early Alan culture and the Hun period. The aim of the article is to present the archaeological materials of Gusara I to the scientific community.

Keywords: Republic of North Ossetia-Alania; burial ground of Gusara I; Alan culture; Alans; Early Medieval period.

В 2003 г. Алагирский отряд ИИА при СОГУ им. К.Л. Хетагурова (ныне ГБУ «ИИА РСО-А») проводил раскопки могильника Гусара I в Алагирском районе Республики Северная Осетия-Алания (рис. 1, А). Все раскопанные погребения были совершены в грунтовых катакомбах. Они содержали немногочисленный, но довольно выразительный материал, относящийся к эпохе раннего средневековья. Целью статьи является введение в научный оборот материалов могильника.

Могильник находится в ущелье р. Карцадон, на левом ее берегу, на расстоянии 1,3 км к западу от сел. Гусара по дороге в сел. Карца (рис. 1, Б). Лесистый склон, на котором находится могильник, имеет понижение в южном направлении к пойме р. Карцадон. Площадь могильника составляет около 1000 кв. м. Высота над уровнем моря около 900–980 м.

Могильник Гусара I был открыт в 1989 г. во время строительных работ по расширению дороги между селениями Гусара и Карца. Памятник исследовался в 1990–1991 г. Р.С. Сосрановым. Тогда были раскопаны 13 погребальных комплексов – катакомбы и погребения коней (материалы не опубликованы).

В 2003 г. нами исследовался разрушаемый и разграбляемый участок могильника, непосредственно примыкающий к срезу дорожной полки, площадью около 70 кв. м. (рис. 1, В) На раскопанном участке прослеживалась следующая стратиграфия: верхний слой представлен гумусом черного цвета толщиной до 50 см; под ним находился осадочный слой каменистого суглинка желтого цвета мощностью до 45 см с линзами песка; ниже лежал слой очень плотных глинистых сланцев. В слое гумуса зафиксированы скопления камней без следов обработки. Такие же скопления визуально фиксировались на территории могильника за пределами раскопа. Из слоя желтых суглинков были впущены входные ямы катакомб. Камеры были устроены в слое глинистых сланцев. Всего были раскопаны три катакомбы (рис. 2, А).

Катакомба 14¹ (рис. 3, А). Погребение подверглось ограблению в древности. Входная яма трапециевидной в плане формы, ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Длина входной ямы по верхнему контуру составила 4,3 м, ширина у задней торцевой стенки – 0,55 м, в средней части – 0,78 м. Стенки входной ямы наклонные, сужались ко дну. Грабительская яма нарушила контур входной ямы у входа в камеру. На уровне дна входная яма имела трапециевидную в плане формы, длиной 3,55 м и шириной 0,42–0,64 м. Дно входной ямы почти горизонтальное с незначительным повышением в средней части. Заполнение входной ямы состояло из рыхлого мешаного суглинка желтого цвета. Грабительская яма была заполнена мешанным грунтом, состоящим из желтого суглинка вперемешку с гумусом. В заполнении, на всех уровнях, находилось большое количество камней. Несколько фрагментов угля зафиксированы в придонной части заполнения входной ямы у входа в камеру. В заполнении входной ямы находились фрагменты стенок сосудов, изготовленных на гончарном круге: в родном заполнении – фрагмент стенки тонкостенного

¹ Нумерация катакомб продолжила нумерацию погребений 1990–1991 гг.

лощенного сосуда черного цвета; в заполнении грабительской ямы – фрагменты стенок сосуда черного цвета со следами лощения.

Вход в камеру находился в передней торцевой стенке входной ямы. Заклад был разрушен грабителями. Размеры плит: 0,74x0,63x0,24 м; 0,56x0,5x0,1 м. Входной проем неправильной овальной формы высотой 0,65 м и шириной 0,64 м. Переход в камеру не выражен – дно входной ямы находится на одном уровне с дном камеры.

Камера неправильной овальной в плане формы размерами 1,78x0,83 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Камера располагалась под углом по отношению к входной яме. Дно камеры нарушено при ограблении так, что у входа образовалась невысокая ступенька. Ровный и тщательно заглаженный участок пола сохранился в северо-восточной части камеры. Северо-западная и северо-восточная стенки камеры почти отвесные, переходят в горизонтальный свод. Юго-западная стенка камеры наклонная. Высота свода от пола в центральной части камеры 0,66 м.

Заполнение камеры состояло из затекшего из входной ямы грунта. В заполнения найдены несколько мелких фрагментов человеческого скелета.

Оставшиеся после ограбления предметы погребального инвентаря находились в заполнении камеры.

Инвентарь. Мелкая серебряная пряжка с трапециевидной рамкой, прямым язычком (рис. 3, 1; 5, 8). Передняя часть рамки имеет прямоугольный вырез для язычка. Язычок в передней части плотно охватывает рамку на всю ее высоту; изготовлен из сегментовидной в сечении заготовки. Геральдический щиток имеет прямоугольные вырезы по бокам и круглое отверстие ближе к краю. На обратной стороне щитка имеется отлитый вместе с пряжкой короткий штифт для крепления ремня. Внутренняя поверхность пряжки полая. Общая длина пряжки 2,1 см. Размеры рамки: 1,65x1,06 см. Длина щитка 1 см, ширина 1,1 см; ширина проема 1 см.

Серебряная пряжка с округлой, утолщенной в передней части рамкой, незначительно прогнутым в средней части язычком (рис. 3, 2; 5, 9). Язычок с низким уступом у основания не доходит в передней части до середины сечения рамки; у основания орнаментирован тремя поперечными линиями, расположенными рядом с уступом; изготовлен из прямоугольной в сечении заготовки. Размеры рамки: 1,5x1,6 см; ширина проема 1 см.

Полиэдрическая бусина из синего непрозрачного стекла (рис. 3, 4; 5, 11). Канал слабо усеченно-конический (почти цилиндрический), незначительно деформирован. Бусина имеет правильный контур, грани четко выражены. Изготовлена из отрезка тянутой палочки с дополнительным прессованием на плоскость. Высота 0,9 см; размеры граней: 0,8x0,8 см.

Уплощенно-округлая бусина из синего, слегка просвечивающего стекла (рис. 3, 5; 5, 12). Канал цилиндрический. Высота 0,37 см; диаметр 0,68 см.

Шарнирная дуговидная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника (рис. 3, 3; 5, 10). Сегментовидная в сечении спинка фибулы равномерно

сужается от шарнира к ножке. Ножка узкая с декоративным выступом прямоугольной формы посередине. Завиток не сохранился. Круглая в сечении игла снабжена выступом конической формы для фиксации механизма. Все части фибулы изготовлены из бронзы. Длина фибулы 4,5 см.

Разрушенный окислами фрагмент бронзового пластинчатого предмета размерами 0,8x0,7 см.

Катакомба 15 (Рис. 4, А). Входная яма трапециевидной в плане формы со скругленной задней торцевой стенкой, ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Длина входной ямы по верхнему контуру составила 1,95 м, ширина 0,54–0,75 м. Стенки входной ямы наклонные, сужались ко дну, юго-юго-восточная стенка значительно наклонена. На уровне дна входная яма трапециевидной в плане формы длиной 1,61 м и шириной 0,44–0,67 м. Дно ровное, с небольшим понижением к входу. Вход в камеру устроен в передней торцевой стенке входной ямы и был закрыт каменной плитой размерами 0,83x0,68x0,15 м. Заклад был дополнительно укреплен камнями на глиняном растворе. Входной проем неправильной овальной формы с арочным верхом высотой 0,8 м, и шириной 0,6 м. Переход в камеру выполнен ступенькой высотой 0,17 м.

Камера овальной в плане формы, ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Размеры камеры по дну 1,83x1,12 м. Камера располагалась под углом по отношению к оси входной ямы. Дно камеры относительно ровное с повышением к стенкам. Стенки камеры наклонные, плавно переходили в арочный свод высотой 0,95 м. Свод камеры ближе к входу не сохранился.

В камере находились два скелета и погребальный инвентарь. В юго-восточной части камеры на полу, ближе к входу, лежал скелет ребенка в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Скелет плохой сохранности, от черепа и костей туловища сохранились полуистлевшие фрагменты, кисти и стопы не сохранились (истлели). Руки были вытянуты вдоль туловища. Погребальный инвентарь не зафиксирован.

В северо-западной части камеры на полу лежал скелет женщины на боку с подогнутыми ногами головой на юго-запад. Кости скелета хорошей сохранности. Сильно деформированный череп лежал на правой стороне, слегка завалился к юго-западу. Нижняя челюсть завалилась и лежала на костях грудной клетки. Руки погребенной были согнуты в локтевых суставах, кисти лежали перед лицом. Ноги погребенной были согнуты в коленных суставах и подтянуты к туловищу, левая нога лежала поверх правой. Несколько фаланг стопы находились на некотором отдалении у северо-восточной стенки камеры. Под скелетом прослеживались пятна темного органического тлена, вероятно, от подстилки.

Инвентарь. Под черепом находилась миниатюрная золотая округлая серьга (№ 8) размерами 0,83x8 см (рис. 4, 8; 5, 3). Серьга изготовлена из круглой в сечении тонкой проволоки диаметром 0,12 см; один край заострен.

В области грудной клетки погребенной находилась мелкая округлая бусина из зеленого непрозрачного стекла (рис. 4, 4). Канал цилиндрический. Высота 0,25 мм; диаметр 9,45 мм.

На правом плече погребенной лежала серебряная пряжка с округлой, утолщенной в передней части рамкой, длинным хоботковым язычком (рис. 4, 2; 5, 2). Язычок с высоким уступом у основания выступает за середину сечения рамки, не прилегая к ней плотно; изготовлен из квадратной в сечении заготовки. Передняя часть язычка со следами износа от ремня. Размеры рамки 1,8x1,7 см.

У локтя правой руки лежала бронзовая шарнирная дуговидная фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 4, 1; 5, 1). Уплощенно-прямоугольная в сечении спинка фибулы имеет два боковых выреза у головки. Спинка декорирована двумя желобками и насечками по краям. В передней части спинки, у ножки имеется прямоугольный или крестовидный выступ, декорированный косой сеткой. Узкая ножка украшена двумя прямоугольными выступами. Ось шарнира и игла – железные (игла не сохранилась). Длина фибулы 4,3 см.

Перед грудной клеткой в ряд лежали бусы, в т.ч.:

– округлая мозаичная бусина с глазчатым декором (рис. 4, 5; 5, 4): овальные и эллипсоидные, растянутые поперечно каналу сине-бело-красно-желтые глазки на фоне зеленого непрозрачного стекла (глазки расположены на всей поверхности бусины). Бусина получена путем однократного обертывания полихромной полоски вокруг инструмента (имеется шов). Канал усеченно-конический, ровный. Высота бусины 1,3 см, диаметр 1,75 см.

– крупная круглая бусина из отполированного коричнево-бордового с темными прожилками и светлыми включениями просвечивающего агата (рис. 4, 3; 5, 5). Канал слабо усеченно-конический. Высота 2,8 см, диаметр 3,2 см.

– круглая бусина с основой из зеленого прозрачного стекла с накладным глазчато-реснитчатым декором (рис. 4, 6; 5, 7). Овальной формы глазки непрозрачные, зелено-желто-белые с красными ресничками на внешнем (белом) поле. Канал цилиндрический, проходит сквозь глазки. Высота 1,8 см, диаметр 1,95 см.

– цилиндрическая бусина из красно-бурого просвечивающего янтаря (рис. 4, 7; 5, 6). Канал цилиндрический, широкий. На вершинах имеются фаски. Высота 0,9 см, диаметр 0,17 см.

Катакомба 16 (рис. 2, Б). Входная яма трапециевидной в плане формы, ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Юго-юго-восточный участок (задняя часть) входной ямы был уничтожен при строительстве дороги. Погребение было ограблено в наше время. Грабительская яма незначительно нарушила верхние участки стенок входной ямы у камеры. Сохранившаяся длина входной ямы по верхнему контуру составила 1,94 м, ширина 0,63–0,88 м. Стенки входной ямы наклонные, сужались ко дну. На уровне дна входная яма трапециевидной в плане формы. Дно входной ямы относительно ровное. Сохранившаяся длина входной ямы по дну 1,91 м, ширина у разрушенного края около 0,42 м, у камеры 0,73 м. Вход в камеру находился в передней торцевой стенке входной ямы. Заклад был разрушен грабителями. Входной проем четырехугольной формы со скругленными углами размерами 0,56x0,56 м. Переход

в камеру не выражен. Дно входной ямы находится на одном уровне с дном камеры. Камера окружной в плане формы размерами 0,94х0,9 м. Пол камеры ровный, к стенкам повышался. Стенки камеры наклонные, плавно переходят в свод. Дальняя от входа стенка отвесная, переходит в почти горизонтальный свод. Высота свода 0,49 м. В заполнении камеры в беспорядке находились kostи одного погребенного. Судя по расположению костей, предположительно, погребенный находился головой влево. В заполнении камеры найден небольшой железный однолезвийный нож длиной 7,7 см (рис. 2, В, 1; 5, 13).

Все раскопанные погребения были совершены в катакомбах типа I (Т-образные) по К.Ф. Смирнову [1, с. 73–81], ориентированы длинной осью вверх по склону по линии ССЗ-ЮЮВ. По оформлению деталей погребального сооружения выделяются две разновидности. Первая разновидность (катакомбы 14, 16): входные ямы узкие и длинные; дно входной ямы и камеры находятся на одном уровне, дромос не выражен, свод камер плоский. Камеры небольшие, скорее всего, предназначены для погребения одного человека. Предположительно, погребенные были захоронены головой влево от входа. Вторая разновидность (катакомба 15): входная яма короткая; дно входной ямы отделено от дна камеры ступенькой; дромос выражен; свод оформлен в виде арки; под погребенными прослежена подстилка органического происхождения. У женщины, погребенной в этой катакомбе, череп искусственно деформирован.

Ниже рассмотрим погребальный инвентарь из раскопанных катакомб в аспекте его хронологии.

В катакомбах 14 и 16 находились две бусины, две пряжки, фибула и железный нож (рис. 2, В, 1; 3, 1–5). Наиболее изученными на сегодняшний день являются полиздрические бусы из синего стекла (рис. 3, 4). Стеклянные полиздрические бусы разных цветов В.Б. Ковалевская включила в ячейку МЕР 117 [2, с. 21]. Подробно полиздрические бусы из синего стекла рассматривались А.А. Маstryковой. Данные бусы существуют от римского времени до средневековья включительно, но более всего популярны во второй половине III в. и в течение всего IV в. н.э. [3, с. 438–440; 4, с. 106–108]. Известны синие полиздрические бусы в VII в. н.э. и позднее [5, с. 366].

На территории горных районов Центрального Кавказа (Северная Осетия) полиздрические бусы из синего стекла происходят с могильника Дагом из катакомб 1, 7, 18 «первого хронологического периода» и катакомбы 9 «второго хронологического периода» могильника по Э.Ю. Шестопаловой [6, рис. 81, 9, 10/2, 200, 11, 17]. Фрагмент полиздрической бусины из синего стекла находился в погребении 4 могильника Чми 1 (Беахни-Куп) из раскопок М.П. Абрамовой [7, с. 70, рис. 3, 18]. Единичные экземпляры полиздрических бус из синего стекла происходят с могильников Архон [6, с. 141] и Садон (раскопки З.П. Кадзаевой; не опубликованы). Известны они также в Чми (Суаргом) в катакомбе Е из собрания Ф. Хегера [8, табл. XXIV, 1, 2] периода 2 по И.О. Гавритухину [9, рис. 83; 10, с. 411]. Таким образом, исходя из изложенного выше, полиздрические бусы из синего стекла существуют от римского времени и до VIII в. включительно.

Бронзовая шарнирная дуговидная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника² (рис. 3, 3), соотносится с фибулами группы 13 по А.К. Амброзу [11, с. 46-47, табл. 6, 3-9]. На Северном Кавказе шарнирные фибулы известны в комплексах II – первой пол. III в. н.э. [12, с. 130-137], а также с VI в. н.э. и до IX в. н.э. [10, с. 411; 11, с. 46]. Со второй половины III в. по VI в. н. э. в погребальных комплексах данные застежки не известны.

Шарнирные дуговидные фибулы с кнопкой или завитком на конце сплошного приемника выделены В.Ю. Малашевым в самостоятельную «центрально-кавказскую серию» и происходят из памятников раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа и синхронных памятников типа «Подкумок–Хумара» – от Верхней Кубани и Пятигорья до Северной Осетии [12, с. 130–137, рис. 32]. По мнению В.Ю. Малашева, исходной формой для фибул «центрально-кавказской серии», скорее всего, послужили шарнирные римские застежки типа «Avcissa», происходящие из комплексов I в. н.э.; большая часть находок относится ко II в. н.э. и продолжают встречаться в первой половине III в. н.э. Эти фибулы, являясь репликами римских застежек, по всей видимости, приходят на смену последним после окончания поступления импортных образцов [12, с. 131–132]. Из изложенного следует, что на Северном Кавказе, начиная с первой половины II в. н.э. и до середины III в., существовало местное производство шарнирных фибул «центрально-кавказской серии» по В.Ю. Малашеву.

Как отмечалось выше, позднее эти фибулы не известны. Только в раннем средневековье фибулы данной конструкции вновь появляются в материалах северокавказских могильников. А.В. Маstryкова рассмотрела шарнирные и пружинные образцы «дуговидных прогнутых фибул со сплошным приемником, треугольной спинкой и завитком на конце ножки» из могильников Северного Кавказа и Закавказья [4, с. 45–46]. Из представленных в исследовании фибул, отнесенных к позднему IV – раннему VI в. – всего две застежки шарнирные (с могильников Чми I и Едыс; см. ниже) [4, рис. 17, 5; 18, 1]. В исследовании фибул Даргавса З.Х. Албегова и П.С. Успенский предположили, что раннесредневековые даргавские шарнирные фибулы с завитком на конце приемника генетически связаны с застежками II–III вв. «центрально-кавказской серии» по В.Ю. Малашеву, в частности, из Брутского могильника [13, с. 96–97]. Большой хронологический разрыв, разделяющий эти серии, заполнялся гипотетической возможностью соотнести некоторые приведенные в монографии А.В. Маstryковой железные подвязные фибулы IV–VI вв., конструкции которых не всегда определялись, с шарнирными, имеющими завиток на конце сплошного приемника [13, с. 96–97].

Самые ранние находки кавказских шарнирных фибул («северокавказской подгруппы») И.О. Гавритухин относит к VI в. н.э., а происхождение их связывает с античными традициями, скорее всего, сохранившимися в Закавказье,

² Здесь рассматриваются фибулы с шарнирным механизмом (ниже приводятся ссылки на находки, конструкция которых определена или понятна по рисунку в публикации).

откуда они распространились на Северный Кавказ [10, с. 411], однако пути формирования данных застежек в регионе не ясны.

Наиболее ранней на Северном Кавказе, по мнению И.О. Гавритухина, находкой шарнирных фибул с завитком на конце сплошного приемника является застежка из погребения 4 могильника Чми 1 (Беахни-Куп), вещевой комплекс которого М.П. Абрамова датировала временем «не позже первой половины VI в.» (7, рис. 2, 13; 14, с. 92). Позднее дата комплекса погребения 4 могильника Чми I была расширена И.О. Гавритухиным до всего VI в. [10, с. 411]. Более ранним временем А.В. Маstryкова датировала комплекс погребения из Чми I – «гуннским или ранней частью «шиповского» горизонта, от 360/370 по 500/510 гг.» [4, с. 252]. Найдка шарнирной фибулы с завитком происходит из комплекса погребения 2 могильника Едыс, датируемого второй пол. VI – началом VII в. по Р.Г. Дзаттиаты [15, с. 198–209, рис. 2, 6], со стеклянным стаканом и хоботковыми пряжками V – раннего VI в. н.э. [4, с. 45].

В катакомбе 14 найдены две пряжки. Пряжки с геральдическим щитком (рис. 3, 1) имеют широкое распространение; они объединены И.О. Гавритухиным в «ИС-5» цельнолитых пряжек с трапециевидной рамкой и фигурным щитком с датировкой для кавказских находок в рамках первой половины VII в. н.э. [9, с. 89]. Щиток пряжки соотносится обоймами В-образных «маленьких пряжек с боковыми вырезами на обойме» согласно типологии И.О. Гавритухина; хронология находок основной серии и производных вариаций укладывается в рамки от начала до середины VII в., хотя и не исключает некоторого удревнения [16, с. 185–189]. Вторая пряжка выглядит довольно «архаично»³ (рис. 3, 2). Морфологически (по форме рамки и язычка) она соотносится с пряжками типа П8 по В.Ю. Малашеву, датируемыми второй половиной III в. н. э. с территории Северного Кавказа и Нижнего Дона [17, с. 196]. По мнению В.Ю. Малашева во второй пол. III в. распространяется такой прием, как оформление основания язычка сначала в виде уступа спереди и вслед за этим в виде низкого уступа сзади (иногда это низкий рельефный выступ) [17, с. 209]; в настоящее время он рассматривает появление этого признака в середине III в. [18, с. 136, 139]. Найдка в катакомбе 14 могильника Гусара I ременной застежки «раннего образца», определяет ее место в комплексе, как предмета вторичного использования.

Для определения датировки погребений 14 и 16 может оказать помощь сравнение конструктивных особенностей погребальных сооружений с катакомбами из других северокавказских могильников. Например, такой признак как «дно камеры и дно входной ямы находится на одном уровне» в могильнике Брут 2 фиксируется в конце VI – первой трети VII в. н.э. (курганы 13 и 18) [12, 70, 128, рис. 83, 90]. В горных районах Северной Осетии, население которых формировалось за счет переселения людей с равнины – городищ типа Брутского, Зилгинского и др. – фиксируются катакомбы с данным признаком.

³ Авторы глубоко признательны В.Ю. Малашеву за помощь в определении пряжек и рекомендации в процессе написания статьи.

Катаомба, у которой дно камеры почти на одном уровне с дном входной ямы, зафиксирована в Дагоме (катаомба 1), погребальный комплекс которой датирован Э.Ю. Шестопаловой второй четвертью – серединой VI в. н.э. [6, с. 200]. Набор вещей в катаомбе 1 в Дагоме, включающий В-образную пряжку с обоймой, соответствующей типу «маленькие пряжки с боковыми вырезами на обойме» по И.О. Гавритухину (см. выше); выразительный набор ременной гарнитуры геральдического стиля наряду с вещами, бытование которых относится к более раннему времени, например, хоботковая пряжка и стеклянный стакан с синими каплями [6, с. 200, рис. 10–15; 12, 1; 14, 41/7; 13, 28], скорее всего, свидетельствует о более поздней дате комплекса. Катаомбы, у которых переход дна в камеру не выражен, происходят также с могильника Садон; там встречены 3 катаомбы (28, 31 и самая поздняя в группе – 68), датируемые по погребально-му инвентарю в рамках около второй-третьей четверти VII в. н.э.; позднее на могильнике их нет (раскопки З.П. Кадзаевой; не опубликованы). Хотя, здесь представлена небольшая серия погребальных комплексов, но на уровне тенденции можно предположить, что данный признак, в основном, характерен для катаомб конца третье – 3-й четверти VII в. н.э.

Исходя из всего изложенного выше, наиболее вероятной датой для конструктивно идентичных катаомб 14 и 16 можно считать первую половину VII в. н.э. Основание для датировки – пряжка «ИС-5» по И.О. Гавритухину. Этой датировке не противоречат найденные в погребениях предметы.

В катаомбе 15 найдена небольшая круглая серьга из тонкой золотой проволоки (рис. 4, 8). Наиболее простые серьги из проволочных колец известны в могилах Западного и Центрального Предкавказья эпохи великого переселения народов в пределах позднего IV – раннего VI в., а также в позднеримское время [4, с. 71]. В.Б. Ковалевская серьги описываемого типа считает характерными для погребений середины IX в. и более позднего периода [19, с. 155]. Таким образом, время бытования серег данного типа довольно широко – с первых веков н.э. до IX в. и позже.

В катаомбе находились пять бусин из стекла, камня и янтаря (рис. 4, 3–7). Подбор аналогий для данных бус не информативен, т.к. территориальные и хронологические рамки, например, янтарных и агатовых бус простых форм достаточно широки, а также далеко не всегда возможно сравнение по публикациям. Обратим внимание лишь на шарообразную бусину из зеленого полупрозрачного стекла с накладным глазчатым декором и каналом, проходящим сквозь глазки (рис. 4, 6). Похожие бусы происходят с некрополя Дагом (катаомба 18) «первого хронологического периода» по Э.Ю. Шестопаловой [6, рис. 83, 21/n] и с могильников неволинской культуры Прикамья VII–IX вв. (Тип IVБ14д) [20, рис. 23].

В катаомбе 15 находилась бронзовая шарнирная дуговидная фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 4, 1), соотносимая с застежками группы 13 по А.К. Амброзу (см. выше). Наличие щитка на передней части спинки, на первый взгляд, сближает ее с фибулами серии V двучленных

крестовидных фибул по А.К. Амброзу, распространенных во второй половине V-VI вв. и использовавшихся до VIII-IX вв. в Восточной Грузии, Абхазии, Азербайджане, изредка на Северном Кавказе [11, с. 55, табл. 9, 21]. Однако крестовидный щиток на фибуле из Гусары образован боковыми вырезами на спинке фибулы. У фибул серии V по А.К. Аброзу крестовидный щиток специально сформирован в виде боковых выступов (шире самой спинки). В целом, данная застежка выглядит архаичнее, чем представленная в катакомбе 14 разновидность, но пока это не доказывается.

Хоботковая пряжка, найденная на плече женщины, захороненной в камере (рис. 4, 2) соотносится с 3-й группой ременных застежек могильника Паласа-сырт, которые в свою очередь синхронизируются с центральноевропейским периодом D2 и датируются концом IV (рубежом IV – V) – первой половиной V в. н.э. [21, с. 100]. Подборка находок хоботковых пряжек для северокавказского региона приведена А.В. Маstryковой. По ее мнению, на Северном Кавказе хоботковые пряжки, возможно, существуют до середины – второй половины VI в.; на это указывает наличие подобной ременной застежки вместе с находками геральдического стиля в погребении 6 могильника Едыс [4, с. 57]. Выше также отмечалась находка хоботковой пряжки с геральдическими вещами в катакомбе 1 могильника Дагом.

Основанием для датировки катакомбы 15 является хоботковая пряжка (рис. 4, 2). Однако дата комплекса не может быть однозначной, т.к., исходя из изложенного выше, хоботковые пряжки в горных районах Центрального Кавказа доживаются до эпохи геральдических поясов. Учитывая близость расположения рассматриваемого погребения на общем плане могильника к катакомбам 14 и 16, можно предположить их близкую хронологию – около второй половины VI в. н.э. с возможностью незначительного удревнения или омоложения. Возможно, укороченные пропорции входной ямы указывают на несколько более раннюю датировку комплекса, чем катакомбы 14 и 16.

Подводя итоги, отметим, что по погребальному обряду и инвентарю, раскопанные комплексы относятся к раннесредневековому этапу аланская культуры Северного Кавказа и датируются в рамках второй половины VI – первой половины VII в. н.э. Вещевой комплекс из раскопанных погребений близок материалиям, как раннего этапа аланской культуры, так и гуннского времени.

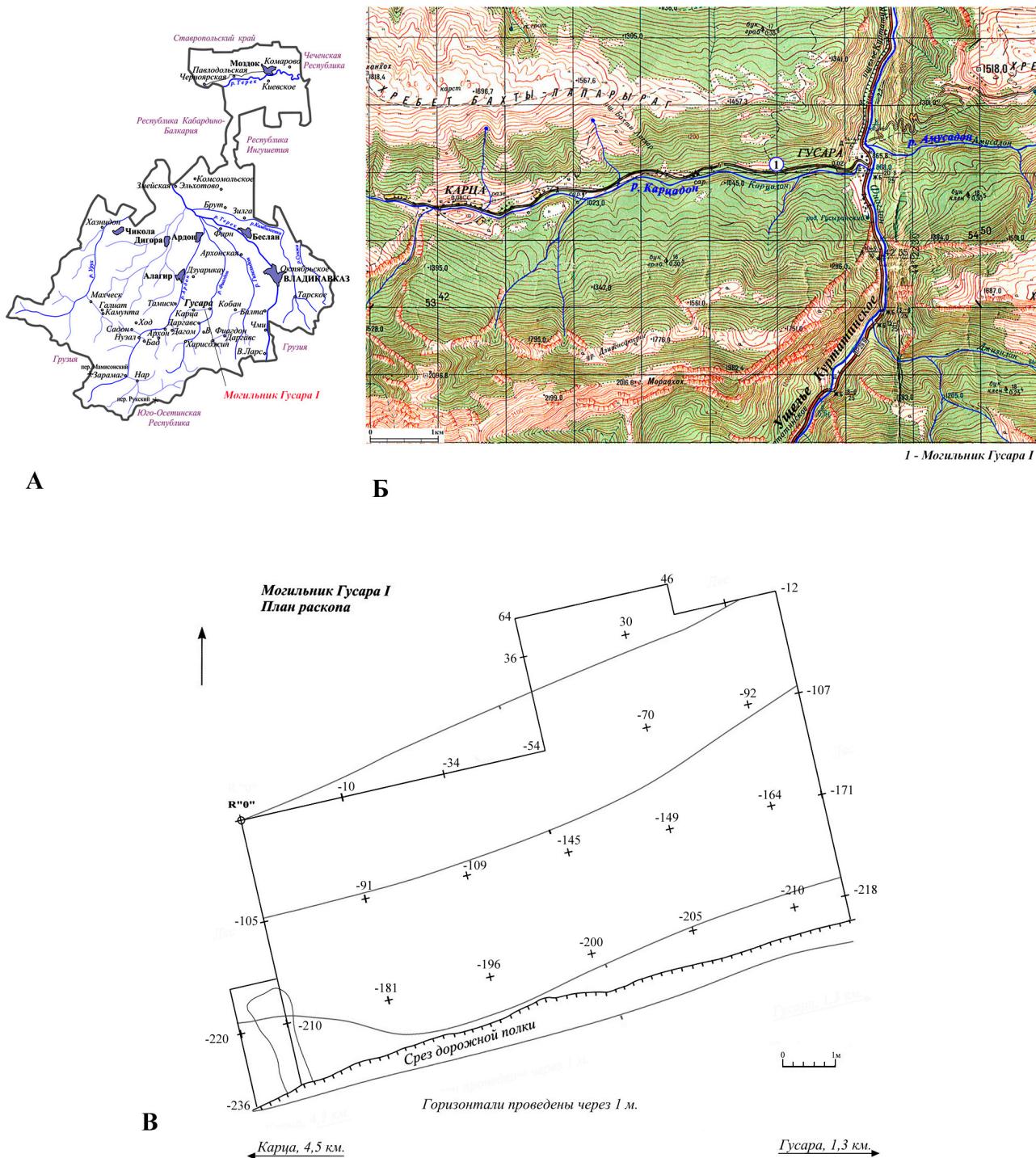

Рис. 1. А – Местонахождение могильника Гусара I на схематической карте Республики Северная Осетия-Алания. Б – Местонахождение могильника Гусара I на карте местности. В – Могильник Гусара I. Общий план раскопа с нивелировками дневной поверхности (раскопки З.П. Кадзаевой в 2003 г.)

Fig. 1. A – The location of the Gusara I burial ground on the sketch map of the Republic of North Ossetia-Alania. B – The location of the Gusara I burial on the general map. C – Gusara I burial ground. General plan of the dig with the levelling marks of the day surface (excavated by Z. Kadzaeva in 2003)

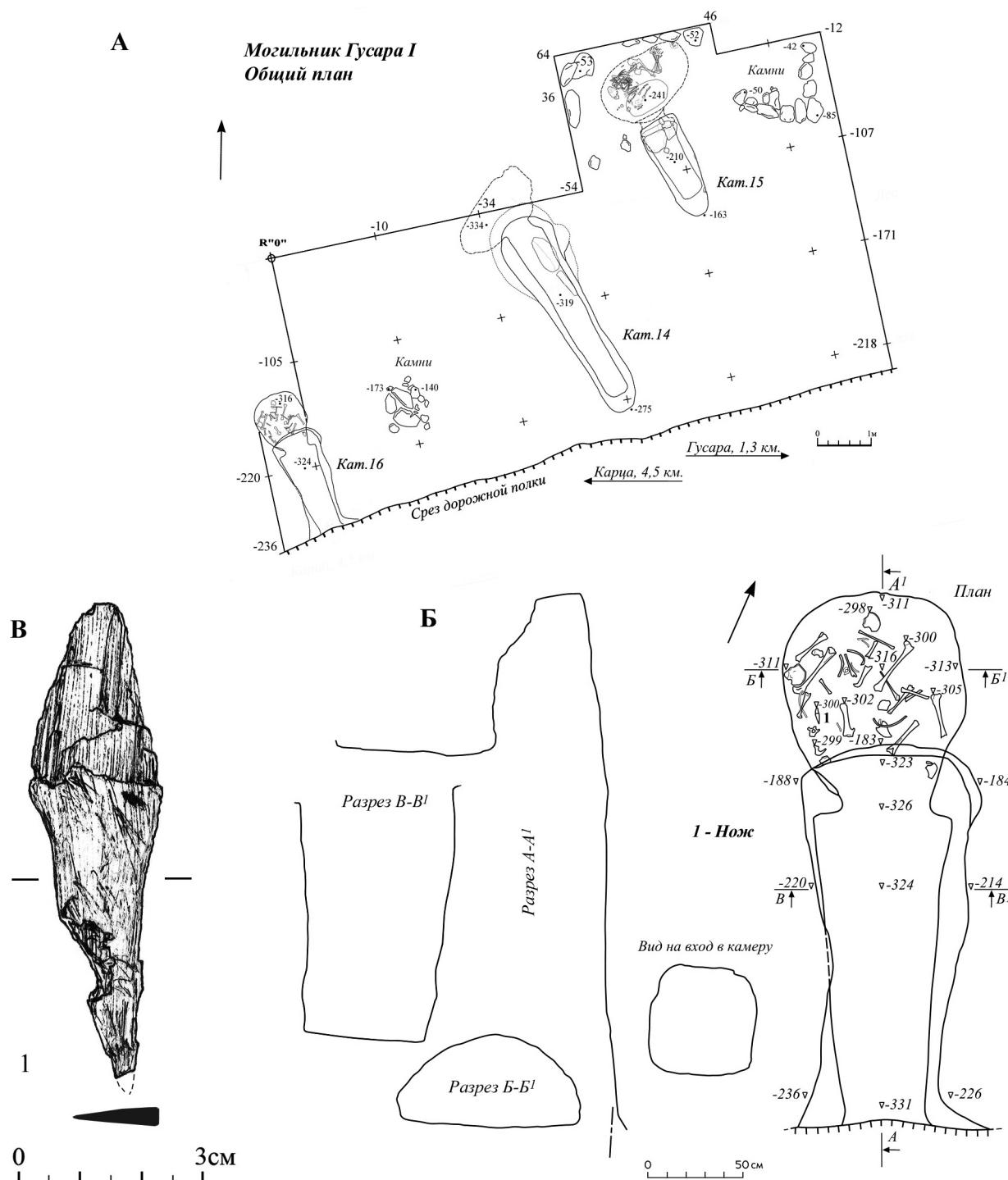

Рис. 2. А – Могильник Гусара I.

Расположение погребальных комплексов на общем плане раскопа (раскопки З.П. Кадзаевой в 2003 г.). Б – Могильник Гусара I. Катаkomба 16. План и разрезы погребального сооружения. В – Нож железный из катакомбы 16 (№ 1)

Fig. 2. A – Gusara I burial ground.

The location of the burial set on the general plan of the dig (excavations of Z.P. Kadzaeva, 2003). B – Gusara I burial ground. Catacomb 16. Layout and cross-sections of the burial structure. C – Iron knife from the catacomb 16 (№ 1)

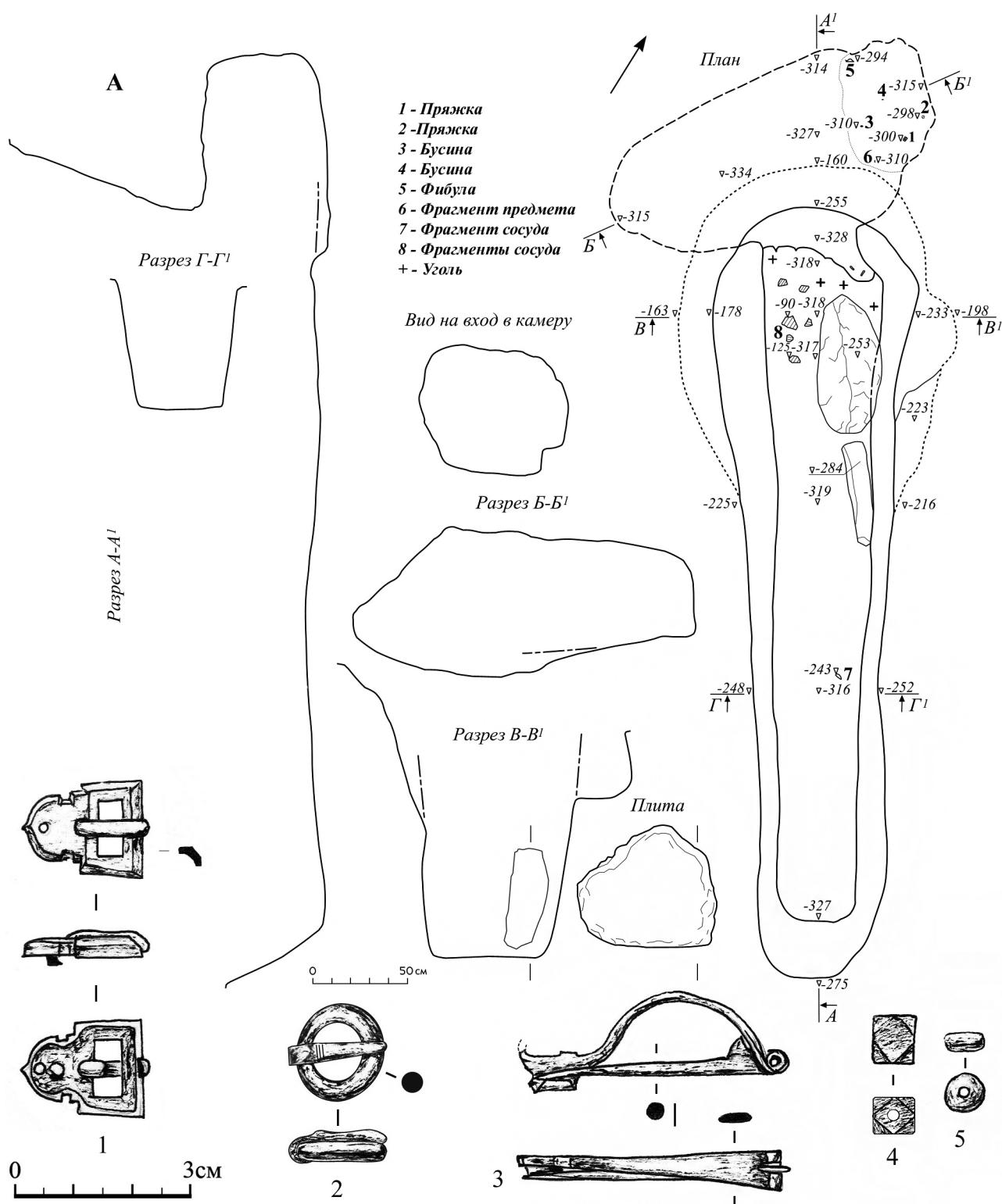

Рис. 3. Могильник Гусара I.

А – Катаомба 14. План и разрезы погребального сооружения.

1 – 5 – находки из катакомбы 14: 1, 2 – пряжки серебряные (№№ 1, 2); 3 – фибула бронзовая (№ 5); 4, 5 – бусы стеклянные (№№ 3, 4)

Fig. 3. Gusara I burial ground.

A – Catacomb 14. Layout and cross-sections of the burial structure. 1-5 – findings from the catacomb 14: 1,2 – silver buckles (№ 1, 2); 3 – bronze fibula (№ 5); 4-5 – glass beads (№ 3, 4)

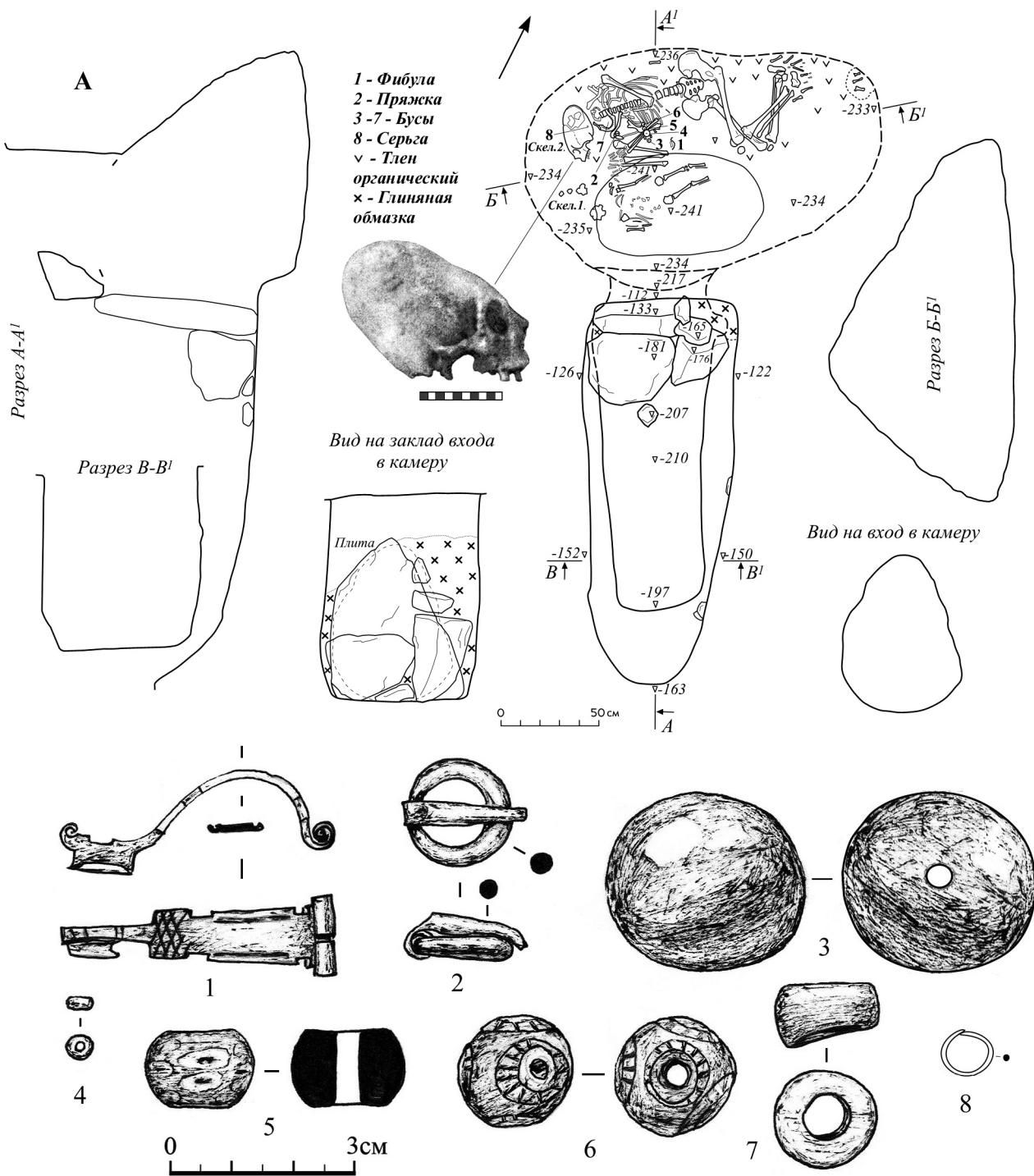

Рис. 4. Могильник Гусара I.

А – Катаомба 15. План и разрезы погребального сооружения. 1 – 8 – находки из катакомбы 15: 1 – фибула бронзовая (№ 1); 2 – пряжка серебряная (№ 2); 3 – бусина агатовая (№ 4); 4 – бусина стеклянная (№ 7); 5 – бусина стеклянная мозаичная (№ 3); 6 – бусина стеклянная с накладным глазчатым декором (№ 5); 7 – бусина янтарная (№ 6); 8 – серьга золотая (№ 8)

Fig. 4. Gusara I burial ground.

A – Catacomb 15. Layout and cross-sections of the burial structure. 1–8 – findings from the catacomb 15:
 1 – bronze fibula (№ 1); 2 – silver buckle (№ 2); 3 – agate bead (№ 4); 4 – glass bead (№ 7); 5 – glass mosaic bead (№ 3); 6 – glass bead with an overhead ocular decoration (№ 5); 7 – amber bead (№ 6);
 8 – gold earring (№ 8)

Рис. 5. Могильник Гусара I. Находки из катакомб.

1 – 7 – катакомба 15: 1 – фибула бронзовая (№ 1); 2 – пряжка серебряная (№ 2);
3 – серьга золотая (№ 8); 4 – стеклянная мозаичная бусина (№ 3); 5 – бусина агатовая (№ 4);
6 – бусина янтарная (№ 6); 7 – бусина стеклянная с накладным глазчатым декором (№ 5); 8 – 12 –
катаомба 14: 8, 9 – пряжки серебряные (№№ 1, 2); 10 – фибула бронзовая (№ 5); 11, 12 – бусы
стеклянные (№№ 3, 4); 13 – катакомба 16 – нож железный (№ 1)

Fig. 5. The burial ground Gusara I. Findings from the catacombs.

1-7 – catacomb 15: 1 – bronze fibula (№ 1); 2 – silver buckle (№ 2); 3 – gold earring (№ 8); 4 – glass mosaic bead (№ 3); 5 – agate bead (№ 4); 6 – amber bead (№ 6); 7 – glass bead with an overhead ocular decoration (№ 5); 8-12 – catacomb 14: 8, 9 – silver buckles (№ 1, 2); 10 – bronze fibula (№ 5);
11, 12 – glass beads (№ 3, 4); 13 – catacomb 16 – iron knife (№ 1)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов. К.Ф. Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
2. Ковалевская В.Б. (при участии Р.А. Бахтадзе, В.А. Галибина, З.А. Львовой). Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М: Пущино, ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.
3. Мастыкова А.В. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М: Тauc, 2009. С. 438–466.
4. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV–середине VI в. н. э. М: ИА РАН, 2009. 502 с.
5. Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 второй половины II – середины III в. // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М: Тauc, 2009. С. 341–437.
6. Шестопалова Э.Ю. Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю., 2018. 362 с.
7. Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 49–71.
8. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 184–258.
9. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.
10. Гавритухин И.О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археолог. исслед. 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М: Тauc, 2010. С. 410–428.
11. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // Свод археологических исследований. Д1-30. М: «Наука», 1966. 142 с.

REFERENCES

1. Smirnov KF. Sarmatian chamber (catacomb) burials of the Southern Transurals, the Volga region, and their connection to the catacombs of the North Caucasus [Sarmatskie katakombnie pogrebeniya Yuzhnogo Priuryalya, Povolzhya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza]. *Sovetskaya Arheologiya = Soviet Archeology*. 1972(1):73-81. (In Russ).
2. Kovalevskaya VB. (with the participation of R.A. Bahtadze, V.A. Galibina, Z.A. Lvovoj). *Computer processing of mass archaeological materials from the early medieval monuments of Eurasia [Kompyuternaya obrabotka massovogo arheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii]*. Moscow: DSTI PSC RAS Publ., 2000. (In Russ).
3. Mastykova AV. Early medieval beads of the burial ground Brut 2 [Rannesrednevekovye busy mogilnika Brut 2.] Gabuev TA., Malashev VYu. *Monuments of the early Alans of the Central regions of the North Caucasus [Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Taus, 2009:438-466. (In Russ).
4. Mastykova AV. Women's costume of the central and western Ciscaucasia in the late 4th – mid-6th centuries A.D. [Zhenskij kostyum Centralnogo i Zapadnogo Predkavkazyja v konce IV – seredine VI v. n. e.] Moscow: Institute of Archeology, RAS, 2009. (In Russ).
5. Rumyanceva OS. Beads of the grave site Brut 2 in the second half of the II – middle of the III century [Busy mogilnika Brut 2 2-j poloviny II–serediny III v.] Gabuev T.A., Malashev V.Yu. *Monuments of the early Alans of the Central regions of the North Caucasus. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza*. Moscow: Taus, 2009:341-437. (In Russ).
6. Shestopalova EY. Ancient Dagom. The materials of archaeological excavations of the Dagomsky catacomb burial ground of the VI–VIII centuries [Drevnjij Dagom. Po materialam arheologicheskikh raskopok Dagomskogo katakombnogo mogilnika VI–VIII vv.] Vladikavkaz: Tsopanova IPC IP Publ., 2018. (In Russ).
7. Abramova MP. Early medieval burial ground near the village of Chmi in North Ossetia [Rannesrednevekovyj mogilnik u s. Chmi v Severnoj Osetii. Novye materialy po arheologii Severnogo Kavkaza]. Ordzhonikidze, 1986:49–71. (In Russ).

12. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М: Тайс, 2009. 468 с.
13. Албегова (Царикаева) З.Х., Успенский П.С. Фибулы Даргавского раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993–2009 гг.) // Скифо-аланская наследие Кавказа. Сборник научных трудов. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. С. 87–114.
14. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М: 1997. 165 с.
15. Дзаттиаты Р.Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // Советская археология. № 2. 1986. С. 198–209.
16. Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Вып. 1. Ижевск, 1999. С. 160–208.
17. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
18. Малашев. В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа, 2014. С. 130–140.
19. Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 123–182.
20. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв). Ижевск: ОАО «Ижевская республиканская типография», 2010. 264 с.
21. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскотов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. – 452 с.
8. Hajnrih A. Early medieval catacomb burial grounds near the Chmi and Koban (based on the materials of the Vienna Natural History Museum) [Rannesrednevekovyye katakombnyye mogil'niki u seleniy Chmi i Koban (po materialam Venskogo Yestestvenno-Istoricheskogo muzeya)]. *Alany: istoriya i kul'tura = Alans: history and culture*. Vladikavkaz, 1995:184–258. (In Russ).
9. Gavrituhin IO. Oblomskij AM. *Gaponovsky treasure and its cultural and historical Context* [Gaponovskij klad i ego kulturno-istoricheskij kontekst]. Moscow, 1996. (In Russ).
10. Gavrituhin IO. Fibulae of the Mamisondon burial ground in the context of Caucasian findings [Fibuly mogilnika Mamisondon v kontekste kavkazskikh nahodok Albegova Z.H., Vereshinsky-Babailov L.I. Early medieval burial ground of Mamisondon: results of archeological studies of 2007-2008 in the construction area of Zarmagsky Hydroelectrical powerplant [Rannesrednevekovyj mogilnik Mamisondon: rezultaty arheolog. issled. 2007-2008 gg. v zone stroitelstva vodohranilisha Zaramagskih GES]. Moscow: Taus, 2010: 410–428. (In Russ).
11. Ambrose AK. Fibulae of the south European part of the USSR (II century BC – IV century BC) [Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.) Collection of archaeological studies [Svod arkheologicheskikh issledovaniy]. D1-30. Moscow, 1966. (In Russ).
12. Gabuev TA., Malashev VY. *Monuments of the early Alans of the central regions of the North Caucasus* [Pamyatniki rannikh alansentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza]. Moscow: Taus, 2009. (In Russ).
13. Albegova (Tsarikaeva) Z.H., Uspenskiy P.S. Fibulae of the Dargavsky early medieval Alanian catacomb burial ground (on materials of excavations of R. G. Dzattiaty, 1993–2009). [Fibuly Dargavskogo rannesrednevekovogo katakombnogo mogil'nika alanskoy kul'tury (po materialam raskopok R.G. Dzattiaty 1993–2009 gg.) *The Scythian-Alanian heritage in the Caucasus. Collection of scientific articles [Skifo-alanskoye naslediye Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov]* Vladikavkaz: SOIGSI VSC, RAS, 2017:87–114. (In Russ).
14. Abramova MP. *The Early Alans of the North Caucasus* [Rannie alany Severnogo Kavkaza]. Moscow: Institute of Archeology, RAS, 1997. (In Russ).

15. Dzattiaty RG. *Early medieval burial ground in the Edys village (South Ossetia) [Rannesrednevekovyyj mogilnik v selenii Edys (Yuzhnaya Osetiya)]*. SA. Moscow: «Nauka», 1986(5):198-209. (In Russ).
16. Gavrituhin IO. B-shaped buckles made with shield holder [V-obraznye pryazhki, izgotovленные вместе с щитовидной обоймой] *Permian world in the Early Medieval age [Permskij mir v rannem srednevekove]*. Izhevsk, 1999(1): 160-208. (In Russ).
17. Malashev VYu. Periodization of belt garniture of Late Sarmatian time [Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni] *The Sarmatians and their neighbors on the Don [Sarmaty i ikh sosedni na Donu]*. Rostov-on-Don: Terra, 2000(1):194-232. (In Russ).
18. Malashev. VYu. Some aspects of contacts of bearers of Late Sarmatian culture of the South Urals steppes with the population of the wood and forest-steppe belt of the Volga region and the Ural area [*Sarmaty i vneshnjij mir. Materialy VIII Vserossijskoj (s mezhunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii» IIYaL UNC RAN, 12-15 maya 2014 g.*] J. Ufimskij arheologicheskij vestnik. Ufa, IHLL UNC RAS Publ., 2014(2):130-140. (In Russ).
19. Kovalevskaya VB. Chronology of antiquities of the North Caucasian Alans [Khronologiya drevnostey severokavkazskikh alan] *Alans: history and culture Alany: istoriya i kul'tura*. Vladikavkaz, 1995:123-182. (In Russ).
20. Goldina EV. *Beads of burial grounds of the Nevolinsky culture (end of the IV-IX centuries) [Busy mogilnikov nevolinskoy kultury (konec IV-IH vv.)]*. Izhevsk: OAO «Izhevskaya respublikanskaya tipografiya» Publ., 2010. (In Russ).
21. Malashev VYu., Gadzhiev MS., Ilyukov LS. *The Land of Maskuts in the Western Caspian region. Burial mounds of the Caspian Dagestan of the III – V centuries AD [Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyе mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.]* Makhachkala, Mavraev Publ., 2015. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 09.05.2020 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163830-841>

Гаджиева У.Ш.,
к.и.н., ведущий научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан
all.ulviyy@mail.ru

О КРИТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ИСТОЧНИКУ

(Рецензия на статью: Акопян А.Е., Хапизов Ш.М. «Путешествие в Армению, Турцию и Киликию» епископа Вардана Одзнеци как важный источник по истории Кавказа XVIII-XIX вв. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 1. 2020. С. 76-84)

Аннотация: Данная публикация представляет собой отклик на статью А.Е. Акопяна и Ш.М. Хапизова «Путешествие в Армению, Турцию и Киликию» епископа Вардана Одзнеци как важный источник по истории Кавказа XVIII–XIX вв.». Приводимые в статье сведения касаются исключительно этнополитических событий на Южном Кавказе конца XVIII в., что не позволяет дать оценку сочинения Одзнеци, как «важного источника по истории Кавказа XVIII–XIX вв.». Авторы рассматривают данный источник вне исторической географии региона XVIII в., когда в восточной части Южного Кавказа существовал ряд ханств и султанатов, возглавляемых до начала XIX в. азербайджанскими тюркскими династиями, а территория исторической Армении располагалась на востоке Османской Турции в Анатолии. Некоторые сведения Одзнеци, приводимые в статье, относительно исторических событий, происходивших в указанном регионе в конце XVIII в. не подтверждаются другими источниками XVIII–XIX вв. и современной историографией. Особенно это касается информации об этнодемографической ситуации в регионе в XVIII в. Следует отметить некритический подход авторов к источнику. Авторы статьи смогли бы избежать отмеченные ошибки, если бы коррелировали сведения епископа Вардана Одзнеци (автора второй половины XIX века) с более надежными источниками и документами XVIII–XIX вв. Допущенные ошибочные утвержденияискажают этнополитическую картину Южного Кавказа XVIII в. Это демонстрирует необходимость критического подхода при анализе письменного источника, ответственного, беспристрастного и объективного взгляда историка на историю Кавказа нового времени, события которой отдаются «эхом» и на новейшей истории региона.

Ключевые слова: Азербайджан; Южный Кавказ; Карабахское; Нахчыванское; Иреванское (Эриванское) ханства

© Гаджиева У.Ш., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163830-841>

Hacijeva Ulvia Sh.
Ph.D., Leading Researcher,
Institute of Archeology and Ethnography of ANAS, Baku, Azerbaijan
all.ulviyy@mail.ru

ABOUT THE CRITICAL APPROACH TO THE HISTORICAL SOURCE

(Review on the article: Hakobyan H.E., Khapizov Sh.M. "A Journey to Armenia, Turkey and Cilicia" by the Bishop Vardan Odznetsi as an important source on the history of the Caucasus of the 18th – 19th centuries // History, archeology and ethnography of the Caucasus. Vol. 16. No. 1. 2020. P. 76-84)

Abstract. This publication is a response to the article by H.E. Hakobyan and Sh.M. Khapizov "A Journey to Armenia, Turkey and Cilicia" by the Bishop Vardan Odznetsi as an important source on the history of the Caucasus of the 18th–19th centuries". The information given in the article refers exclusively to ethno-political events in the South Caucasus at the end of the 18th century, which does not allow us to evaluate the work of Odznetsi as "an important source on the history of the Caucasus of the 18th–19th centuries." The authors consider this source outside the historical geography of the region of the 18th century, when a number of khanates and sultanates existed in the eastern part of the South Caucasus, headed until the beginning of the 19th century Azerbaijani Turkic dynasties, and the territory of historical Armenia was the region of Ottoman Turkey in Anatolia. Some information of Odznetsi given in the article regarding historical events that took place in this region at the end of the 18th century not confirmed by other sources of the 18th–19th and modern historiography. This is especially true of information on the ethno-demographic situation in the region in the 18th century. It should be noted the uncritical approach of the authors to the source. The authors of the article could have avoided the noted errors if the information of Bishop Vardan Odznetsi (author of the second half of the 19th century) were correlated with more reliable sources and documents of the 18th–19th centuries. The erroneous statements made distort the ethno-political picture of the South Caucasus of the 18th century. This demonstrates the need for a critical approach when analyzing a written source, a historian's responsible, impartial and objective view of the modern history of the Caucasus, the events of which are echoed on the recent history of the region.

Keywords: Azerbaijan, South Caucasus, Karabakh, Nakhchivan, Irevan (Erivan) Khanates

Написание рецензии на небольшую по объему и не содержащую свежих идей статью, как правило, не является общепринятой практикой в научном мире. Однако бывают случаи, когда не следует оставлять без ответа материалы, в которых авторы сознательно искажают историческую реальность в угоду определенным, далеким от науки интересам. Этим случаем и обусловлена наша рецензия на статью А.Е. Акопяна и Ш.М. Хапизова «Путешествие в Армению, Турцию и Киликию» епископа Вардана Одзнеци как важный источник по истории Кавказа XVIII–XIX вв.», опубликованную в журнале «История, археология и этнография Кавказа» (Т. 16. № 1. 2020. С. 76-84).

Введение в научный оборот новых письменных источников всегда является важным событием в исторической науке и приветствуется научным сообществом. При исследовании любого нарративного источника, для установления достоверности сведений, содержащихся в нем, следует определить время, условия и обстоятельства его создания, цель написания, его характер и направленность и, что особенно важно, провести сопоставление исторических данных, изложенных в нём, со сведениями других источников – синхронных как самому источнику, так и описываемым в источнике событиям. Такая корреляция является необходимым условием для выявления исторической правдивости и реальности приведенной информации и в итоге его ценности для реконструкции исторической картины. Это тем более важно, когда автор сочинения излагает события, очевидцем которых он не являлся.

Статья А.Е. Акопяна, Ш.М. Хапизова «Путешествие в Армению, Турцию и Киликию» епископа Вардана Одзнеци как важный источник по истории Кавказа XVIII–XIX вв.» фактически анонсирует такой новый письменный источник, хранящийся в Матенадаране, информация о котором известна еще с 1970-х гг. Введение в научный оборот нового источника, безусловно, следует приветствовать. Но авторы лишь частично и выборочно знакомят читателей с содержанием этого сочинения, приводя лишь фрагменты, отдельные цитаты из труда Одзнеци касательно некоторых событий конца XVIII в. и свои комментарии без критического подхода к сведениям данного источника.

Само название статьи – «Путешествие в Армению, Турцию и Киликию» епископа Вардана Одзнеци как важный источник по истории Кавказа XVIII–XIX вв.» – выглядит некорректным, т.к. в ней затрагиваются некоторые политические события на Южном Кавказе исключительно конца XVIII века. Хотя в аннотации к статье авторы указывают, что в труде Одзнеци подробно рассказывается про двор грузинского царя Ираклия II (1720–1798), приводятся сведения о Крымской войне (1853–1856), о разрушении Тбилиси, переходе царства Картли–Кахети, а впоследствии и всего Кавказа, под покровительство Российской империи, однако в самой статье авторы не касаются данных тем, что придает их статье неполноценный, беглый характер. То есть статья далеко не раскрывает анонсируемое название – «важный источник по истории Кавказа XVIII–XIX вв.».

Здесь необходимо сделать краткий экскурс в историческую географию восточной части Южного Кавказа XVIII века, чтобы объективно представить события, описываемые в рассматриваемом источнике и статье.

Применительно к рассматриваемому времени следует отметить, что в указах российских императоров Петра I, Петра II, Павла I, в международных соглашениях, подписанных между Российской, Персидской империями и Османской Турцией (1724, 1727 гг.), Карабах, Ширван, Гянджа, Эривань, Нахчыван указаны в числе «ардебиженских провинций», под Азербайджаном (в источниках – Адирбижан) понимается «...все пространство, заключающееся между Курою и Араксом» [1, с. 306; 2, с. 77–78, 96, 135]. Ген.-майор, картограф С.Д. Бурнашев (1743–1824) указывал, что «к теперешнему положению тех земель, которые под именем Адребижен разумеются, начиная с севера прилежит Грузия, то есть царства Кахетинское и Карталинское; (хотя и оные пред сим в числе земель Адребиженских почитались) от востока море Каспийское и провинция Гилян, от полудня область Аракс, от запада Турция» [3, с. 3].

На протяжении средневековья этот регион, его отдельные части находились в составе таких государств, как Кавказская Албания, Сасанидский Иран, Арабский халифат, государства Ширваншахов, Саджидов, Саларидов, Джифаридов, Раввадидов, Шеддадидов, Сельджукидов, Ильдегезидов, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу [4, с. 7-45; 5, с. 46-87; 6, с. 88-92; 7, с.93-97; 8, с. 98-109; 9, с. 110-119; 10, с. 61-70]. В XVI – первой половине XVIII в. (за исключением 1590–1612 гг.) земли Азербайджана вошли в состав государства Сефевидов. Здесь были созданы беглярбегства: Ширванское (с центром в г. Шемаха), Чухур-саадское (с центром в г. Иреван (Реван, Риван) и Нахчыван), Карабахско-Гяндинское (с центром в г. Гянджа) [1, с.306; 11, с. 4, 282, 285-286].

Северные границы Ширванского беглярбегства проходили по Дербенту, р. Самур и отрогам Большого Кавказского хребта, южные достигали р. Кура. В него входили районы Дербента, Кубы, Шабрана, Колхана, Баку, Сальяна, Шеки, Ареша, Алпоута, Агдаша, Чемишкезека, Махмудабада [9, с.113; 12, с. 89; 13, с. 120, 124-125].

Чухур-саадское беглярбегство простипалось по обоим берегам Аракса, согласно Искендеру Мунши, соседствуя с Ахалцихом. В него входили области Шурагел, Сурмалы, Абаран, Хинзирак, Игдыр, Карби, Даачичаг, Гырхбулаг, Гейча, Зарзами, Веди, Аралыг, Маку, Пащак, Шарур, Дарапагез, Сисиан, Нахчыван (Нахчыван, Алинджа, Саир Мавази, Дарапахбуз, Мульки-Арслан, Мавазии-Хатун, Гарабаг, Гышлагат, Дарапашам, Азадджиран, Шорлут, Дарапургют) [9, с.114-117; 12, с. 88; 13, с. 123; 14, с.32, 35, 184].

В Карабахско-Гяндинское беглярбегство входили области Карабаха, Гянджи, большая часть Аррана между Курой и Араксом; г. Ахстабад, г. Барда, области Баргушат, Арасбар, Джеваншир; в зависимости находились Казах, Шамшадил. В XVII в. в него входили районы Загам и Караагач (в составе Кахетии в 1703–1706 гг.), Лори и Памбак [9, с.114; 12, с. 88; 13, с. 123, 127; 15, с. 340].

На протяжении XVI–XVIII вв. одной из главных целей сефевидо-османских войн было стремление обоих государств удержать в составе своих владений земли Азербайджана, имеющие важное стратегическое и экономическое значение, и свое влияние на Южном Кавказе [11, с. 74, 95, 148, 167, 175, 196].

Согласно Амасьинскому мирному договору 1555 г., весь Азербайджан, Восточная Грузия (Месхетия, Картли, Кахетия) и восточная часть Самцхе-Саатабаго остались под властью Сефевидского государства [11, с. 95–99; 15, гл. X, §4]. Согласно Стамбульскому мирному договору 1590 г. шах Аббас I уступил земли Азербайджана (Гянджа, Карабах, Ширван, Тебриз, Караджадаг), Грузию, Нихавенд, Луристан Османской Турции, образовавшие в соответствии с административным делением отдельные санджаки и эялеты [11, с. 196–199; 13, с. 121; 16; 17, с. 22–31, 92–93]. Турецкие реестры – «Пространный реестр Гянджа-Карабахской провинции» (*Gence-Karabağ eyaletinin Mufassal Defteri*) (1593 г.), «Краткий реестр Иреванской провинции» (*Irevan eyaletinin İcmal Defteri*) (1728 г.), «Пространный реестр Нахчыванского санджака» (*Naxchivan sancaginin Mufassal Defteri*) (1727 г.) [14, с. 35–183; 18, с. 7–13; 19, с. 24–371], «Пространный реестр эялета Тифлисской провинции» [37] – содержат важные сведения о наименованиях всех сёл и переписи населения, доказывающие преобладание азербайджанского (турецкого) населения в XVI – начале XVIII в. в Гянджа-Карабахской, Иреванской, Нахчыванской, Казахской, Борчалинской областях.

Оккупация Азербайджана Османской империей до начала XVII в., упадок экономики региона, внутренняя политика шаха Аббаса I положили конец господствующему положению азербайджанской кызылбашской знати в Сефевидском государстве, уступившей свои позиции персам [11, с. 284]. В ходе войн 1603–1618 гг. были подписаны соглашения (1612, 1619 гг.), по которым Сефевидам возвращались земли Азербайджана, и граница устанавливалась в соответствии с условиями Амасьинского договора 1555 г. [12, с. 82]. Война 1623–1639 гг. завершилась подписанием Зухабского (Касри-Ширинского) мирного договора 1639 г., по условиям которого Иреван (Реван, Риван) с прилегающими к нему территориями оставался в составе Сефевидского государства [13, с. 121; 20, с. 509]. Политические события в 1700–1736 гг. привели к тому, что Ширван (без прикаспийских областей), приобретя некоторую самостоятельность, в 1721–1735 гг. находился в зависимости от Османской Турции; по Стамбульскому договору 1724 г. территория Азербайджана была поделена между Османской империей и Россией; прикаспийские провинции Азербайджана после Персидского (Каспийского) похода Петра I вошли в состав Российской государства на период 1722–1735 гг. После Гянджинского договора 1735 г. и ухода отсюда русских войск власть вновь перешла к Сефевидам. В 1736 г. деление на беглярбегства было отменено [21, с. 132–133].

Ослабление политической власти в Сефевидском государстве создало в первой половине XVIII в. такие geopolитические условия, при которых правители беглярбегств провозгласили себя независимыми ханами.

Таким образом, на территории от Дербента до р. Аракс возникли ханства, возглавляемые до начала XIX в. азербайджанскими тюркскими династиями: Бакинское, Губинско-Дербентское, Шемахинское, Талышское, Гянджинское, Шекинское, Карабахское, Иреванское (в российской историографии – Эриванское), Нахчыванское. Также были созданы султанаты (Сальянское, Джавадское, Куткашенское, Кабалинское, Арешское, Казахское, Шамсадильское) и Джаро-Белоканские вольные общества [3, с. 4–19; 21, с. 133–137; 22, с. 95–100; 23, с. 255–269]. Весь XVIII в. характеризуется междуусобицей между ханствами за преобладающее господство в регионе [24, с. 23, 25–26, 31–32] и борьбой за сохранение своей независимости и против персидских нашествий.

Следует отметить, что Карабахское ханство включало в себя земли пяти меликств, входивших в Карабагско-Гянджинское беглярбегство. Как известно, в XV в. албанский княжеский Хасан-Джалаловский род получил от Джахан-шаха Кара-Коюнлу титул «мелик», после чего распался на пять меликств – автономных княжеств на территории Карабаха (Гюлистан, Джерабед, Хачен, Варанда, Дизак). Албанские князья носили титул «мелик» в отличие от армянских феодалов, именуемых титулом «тер», «ишхан». Титул «мелик» прилагался к владетельным фамилиям: Мелик-Аслановы, Мелик-Егановы, Мелик-Шахназаровы. Следует отметить, что отдельные ветви этих фамилий, приняв мусульманскую веру, исламизировались, консолидируясь с азербайджанским этносом; другие же, сохранив христианское вероисповедание, стали впоследствии этнически причислять себя к армянам [25, с. 14].

Авторы статьи некритически подходят к данным армянского священника XIX века, создавая тем самым искаженное видение этнической картины Южного Кавказа XVIII в. Так, А.Е. Акопян и Ш.М. Хапизов пишут (не приводя дословный текст источника), что в XVIII в., «согласно Одзнеци основное население ханств восточной части Южного Кавказа было представлено армянами» (с.79) и «многие армянские населенные пункты подверглись ограблениям» в Нахчыване (с .81). Следует еще раз отметить, что в этот период на территории Нахчыванского ханства армянское население было весьма малочисленно, что доказывается такими вышеуказанными источниками как «Краткий реестр Иреванской провинции» (*Irevan eyaletinin Ictmal Defteri*) и «Краткий реестр Нахчыванского санджака» (*Naxchivan sancaginin Mufassal Defteri*) [14, с. 35–183; 19, с. 24–371]. Основное население Карабаха составляли тюрки-азербайджанцы, на его территории также проживали удины-христиане, персы, курды. Даже по переписи 1823 г. в Карабахской области из 662 сёл и кочевий было 149 армянских сёл, т.е. менее чем 1/4 часть населенных пунктов края [26, с. 20–110, 172–188, 228–234, 310–340, 394–396, 406–408], что отражало и количественный состав населения. После завоевания Кавказа Россией согласно Туркманчайскому (1828 г.) и Адрианопольскому (1829 г.) договорам армяне массово были переселены царской администрацией из Персии и Турции в Карабах и на земли Иреванского (Эриванского) и Нахчыванского ханств [25, с. 18; 27, с. 648–655; 28, с. 125–130]. Н.Н. Шавров (1858–1915), один из авторитетных русских

деятелей своего времени на Кавказе, председатель Тифлисского патриотического общества, отмечал, что «с 1828 по 1830 гг., мы переселили в Закавказье свыше 40.000 персидских и 84.000 турецких армян и водворили их на лучших казенных землях в губерниях Елизаветпольской и Эриванской, где армянское население было ничтожно, и в Тифлисской – в Борчалинском, Ахалцихском и Ахалкалакском уездах. Для поселения им было отведено более 200.000 десятин казенных земель и куплено на более чем 2.000.000 руб. частновладельческих земель у мусульман. Нагорная часть Елизаветпольской губернии и берега озера Гокча заселены этими армянами. Необходимо иметь в виду, что за 124.000 армян, официально переселенных, переселилось сюда и множество неофициальных, так что общее число переселившихся превышает 200.000 человек», «...из 1 млн. 300 тыс. душ проживающих в Закавказье армян более 1 млн. не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами», «широко использовав лжесвидетельство, армяне из безземельных пришельцев захватили огромные пространства казенных земель» [29, с. 59–61].

Некритический подход к сведениям Одзнеци и других источников в итоге может в ложном свете представить отдельные моменты политической истории региона конца XVIII века. Так, авторы статьи пишут, что «из рукописи *Вардана Одзнеци* следует, что хан Карабаха Ибрагим был вассалом грузинского царя Ираклия II» (с. 81), констатируют, что «Карабахское ханство в конце XVIII в. находилось под протекторатом аварского нуцала Умма-хана» (с. 82). Но оба этих положения являются ошибочными.

Источники XVIII в. свидетельствуют о полной политической независимости карабахского Ибрагим Халил-хана (1732–1806) и его активной политической борьбе по расширению территории Карабахского ханства, сообщают о его «26-летней дружбе с царем Ираклием», называют его «самовластным и в Адребижане могущим ханом, имеющим войско до 7000... Из дагестанских владельцев имеет аварского хана и по родству и по политическим своим расчетам союзником» [3, с. 5, 8, 12–16; 24, с. 22, 25; 30; 31, с. 78; 32, с. 71–84; 33].

И именно этим обстоятельством, династийным родством, а не нахождением под мнимым протекторатом, был обусловлен переход Ибрагим-хана со «всем своим родом в Дагестан, к своему тестю хану Аварии Омару» во время опустошительного вторжения Ага Мухаммед-хана в 1795 г.

Авторы статьи констатируют, что «в 1779 г. Фатали-хан предпринимает энергичные усилия по покорению Восточного Закавказья и свержению правителей бывших ханств Ирана, которые подчинялись Ираклию II. Среди них упоминаются ханы Еревана и Гянджи» (с. 80). Но следует заметить, что правители ханств Азербайджана были бывшими беглярбеками Сефевидского государства. В турецких и российских документах XVIII в. указан г. Иреван, Риван, Реван [1, с. 306; 14, с. 32–35], тогда как форма написания «Ереван» стала официально принятой в 1936 г. (в период 1828–1936 гг. использовалась форма Эривань, см.: [Поспелов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Под ред. Р.А. Агеевой. М.: Русские словари, 1998. С. 152]), т.е.

применительно к событиям XVIII в. некорректно употребление данной формы этого топонима. Иреванское ханство в 1756–1780-х гг. оказалось в политической зависимости от Грузии. Но после принятия Грузией покровительства России оно перестало подчиняться грузинским царям [24, с. 3-4, 25-26].

Ген.-майор, картограф С.Д. Бурнашев (1743–1824) в своем труде местное население ханств называет «адребижанцами» (азербайджанцами), тем самым отличая их от персов и османских турок [24, с. 32]. Н.Н. Шавров также сообщает, что «оседлое туземное население, принадлежащее к татарскому Адзербайджанскому племени, располагалось с давних пор вдоль берегов Куры и Аракса и около Талышинских гор» [29, с. 37].

На фоне основного азербайджанского тюркского пласта население азербайджанских ханств состояло из различных этносов и субэтносов, среди которых были будухи, крызы, джеки, хиналукцы, лезгины, хапуты, ингилойцы, удины, аварцы, курды, таты, талыши [27, с. 621–624; 34, с. 33, 67, 106, 135, 167, 209, 231, 246, 286, 296, 425], потомки которых и сейчас составляют этническое многообразие Азербайджанской Республики.

А.Е. Акопян и Ш.М. Хапизов, некритически пересказывая текст Одзнеци, сообщают, что «в 1798 г. в городе Тбилиси, в Грузии и в Армении разразилась чума» (с. 81), но авторам следовало уточнить, что речь идет об Эриванском ханстве, а не Армении, историческая территория которой находилась в составе Османской Турции.

Авторы статьи, следуя источнику, также сообщают, что «*Вардан Одзнеци отмечает, что уже из завоеванной Гянджи (Гандзак), Ага-Мухаммадхан призывал Ираклия II к подчинению своей власти. К этому призывали его и армянский католикос святого Эчмиадзина, и владыка Арцаха Исраэл, поскольку от военных действий армянская церковь претерпевала множество бед и лишений*» (с.83). И здесь создается неверное представление о вхождении владыки Арцаха в иерархию Армянской церкви. Но упомянутый владыка Арцаха Исраэл не имел отношения к Армянской церкви, т.к. являлся католикосом независимого Гандзасарского католикосата в Карабахе в 1728–1763 гг., христианской паствой которого в основном были удины. В указанный период (правление Ага-Мухаммедхана Каджара приходится на 1779–1797 гг.) владыкой Арцаха, Гандзасарским католикосом был Симеон V (1794–1810) [33; 35, с. 182]. Как отмечал в XIX в. В.Л. Величко (1860-1904), «весьма интересен также вопрос о закавказской Албании, или по-армянски Агвании. Эта страна, в состав которой входили и нынешняя Елизаветпольская губерния, и части Тифлисской и Дагестана, была населена народами не армянского происхождения», «до начала XIX века существовал отдельный агванский или гандзасарский католикос, соперничащий с эчмиадзинским и по временам совершенно независимый», «в настоящее время христиане, бывшие некогда паствою агванского католикоса, считаются армянами и, перемешавшись с ними, усвоили их характер» [36, с. 66].

Приведенных выше ошибочных утверждений и неточностей относительно тех или иных политических событий, фактов и исторических лиц касательно

истории Карабахского, Нахчыванского и Иреванского (Эриванского) ханств указанного периода авторы смогли бы избежать, если бы коррелировали данные автора второй половины XIX века, епископа Вардана Одзнеци с несравненно более надежными источниками и документами XVIII–XIX вв.

На основе высказанных замечаний следует сделать вывод, что в статье А.Е. Акопяна и Ш.М. Хапизова допущены ошибочные и неточные утверждения, которыеискажают этнополитическую картину Южного Кавказа XVIII в. Это лишний раз демонстрирует необходимость критического подхода при анализе письменного источника, ответственного, беспристрастного и объективного взгляда историка на этнополитическую историю Кавказа нового времени, события которой отдаются «эхом» и на новейшей истории региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание I. Т.VII. 1723–1727. №4531. С. 306. СПб.: Типогр. II Отдел., 1830. 925 с.

2. Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими со времен Ивана Васильевича доныне / предисл., примеч. И.К. Павловой. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 232 с.

3. Бурнашев С.Д. Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния, сделанное... в Тифлисе в 1786. Курск: Типография Курского Приказа Общественного Призрения, 1793. 27 с.

4. Мамедова Ф. О некоторых вопросах исторической географии Албании I–VIII вв. // Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 7-45.

5. Велиханова Н.М. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания // Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 46-87.

6. Феодальные государства Азербайджана IX–XIII вв. в работах М.Х. Шарифли // Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М.Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 88-92.

7. Буниятов З.М. Этнополитические рубежи Азербайджана в период правления Илденизидов // Историческая география Азер-

REFERENCES

1. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiyskoy imperii]. Collection I. T.VII. 1723–1727. №4531. P. 306. SPb.: Print. II Depart., 1830:925.

2. Bronevsky SM. Historical extracts about the relations of Russia with Persia, Georgia and generally with mountain peoples, in the Caucasus, living from the time of Ivan Vasilievich to the present [Istoricheskie vipiski o snosheniyakh Rossii s Persieyu, Qruzieyu i voobshe s qorskimi narodami, na Kafkaze obitayushimi so vremen Ivana Vasilevicha donini] / Foreword, note. I.K. Pavlova. SPb.: Center “Petersburg Oriental Studies”, 1996:232.

3. Burnashev SD. Description of the Adrebizhansky regions in Persia and their political condition, made by...in Tiflis in 1786 [Opisanie oblastey Adrebijanskix v Persii i ix politicheskogo sostoyaniya, sdelannoe... v Tiflise v 1786]. Kursk: Print. Kursk Prikaz of Public Charity, 1793:27.

4. Mamedova F. About some questions of the historical geography of Albania of Ith– 8th centuries [O nekotorix voprosax istoricheskoy qeoqrafi Albani II–VIII vv.] Historical geography of Azerbaijan. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:7-45.

5. Velikhanova NM. Change in the historical geography of Azerbaijan as a result of the Arab conquest [Izmenenie istoricheskoy qeoqrafi Azerbajjana v rezultate arabskoqo zavoevaniya] Historical geography of Azerbaijan. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:46-87.

- байджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С.93-97.
8. Пиреев В.З. Об исторической географии Азербайджана XIII–начала XV вв.// Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 98-109.
9. Эфендиев О.А. Территория и границы азербайджанских государств в XV–XVI вв. // Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 110-119.
10. Эфендиев О. Карабах в составе государств Каракоюнлу, Аккоюнлу и Сефевидов (XV–XVII вв.) // Карабах. Очерки истории и культуры / Под ред. А.А. Аббасова. Баку: Чашыгоглу, 2004, с.61-70.
11. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку: Элм, 1981. 335 с.
12. Рахmani A.A. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке (1590–1700 годы). Баку: Элм, 1981. 240 с.
13. Рахmani A.A. Азербайджан: границы и административное деление в конце XVI–XVII вв.// Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятов. Баку: Элм, 1987. С. 120-128.
14. Краткий реестр Иреванской провинции (*Irevan eyaletinin Icmal Defteri*) / перевод, замеч. и допол. З.М. Буниятова и Н. Мамедова. Баку, 1996. 184 с. (на азерб. яз.).
15. Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхия Ш.А. История Грузии. Тбилиси: Из-во учебно-педагогической литературы, 1962. 254 с.
16. Мунши Ислендер-бек. «Тарих-и алем арай-и Аббас» («Украшающая мир история Аббаса») // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.II. XVI–XIX вв. / Под ред. В.В. Струве. М.-Л.: Из-во АН СССР, 1938. С. 62-102.
17. Гусейн Ф. Османо–сефевидская война 1578–1590 гг. Баку: Нурлан, 2005. 214 с.
18. Пространный реестр Гянджа-Карабахской провинции (*Gence-Karabaq eyaletinin Mufassal Defteri*) / Перевод, замеч. и допол. Н. Мамедова. Баку: Шуша, 2000; переиздание: Обзорная книга Гянджа-Карабахской провинции. Баку: Чашыгоглу, 2010, 508 с. (на азерб. яз.).
19. Краткий реестр Нахчыванского санджака 1140 г.х. (1727) (*Naxchivan sancagi*
6. The feudal states of Azerbaijan in the 9th–13th centuries in the works of M.Kh. Sharifli [Feodalnie qosudarstva Azerbaijana IX–X vv. v rabotakh M.X. Sharifli] *Historical geography of Azerbaijan*. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:88-92.
7. Buniyatov ZM. Ethno-political borders of Azerbaijan during the reign of the Ildenizids [Etnopoliticheskie rubeji Azerbaijana v period pravleniya Ildenizidov] *Historical geography of Azerbaijan*. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:93-97.
8. Piriev VZ. On the historical geography of Azerbaijan in the 13th – early 15th centuries [Ob istoricheskoy qeoqraffii Azerbaijana XIII–nachala XV vv.] *Historical geography of Azerbaijan*. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:98-109.
9. Efendiev OA. The territory and borders of the Azerbaijani states in the 15th– 16th centuries [Territoriya i qranitsi azerbaydjanskix qosudarstv v XV–XVI vv.] *Historical geography of Azerbaijan*. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:110-119.
10. Efendiev O. Karabakh as a part of the states of Karakoyunlu, Akkoyunlu and Safavids (15th–17th centuries) [Karabax v sostave qosudarstv Karakoyunlu, Akkoyunlu i Sefevidov (XV–XVII vv.)] *Karabakh. Essays on History and Culture* / Ed. AA. Abbasova. Baku: Chashigoglu, 2004:61-70.
11. Efendiyyev O. *The Azerbaijan State of the Safavids in the 16th century* [Azerbaydzhanskoje qosudarstvo Sefevidov v XVI veke]. Baku: Elm, 1981:335 p.
12. Rahmani AA. *Azerbaijan at the end of the XVI and in the XVII century (1590–1700)* [Azerbaydjan v kontse XVI i v XVII v.]. Baku: Elm, 1981:240.
13. Rahmani AA. Azerbaijan: borders and administrative divisions at the end of the 16th–17th centuries [Azerbaydjan: qranizi i administrativnoye delenie v kontse XVI–XVII vv.] *Historical geography of Azerbaijan*. Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:120-128.
14. Short register of the Irevan province (*Irevan eyaletinin Icmal Defteri*) [Kratkiy reestr Irevanskoy provintsii] / transl., comments and addit. ZM. Buniyatov and N. Mamedov. Baku, 1996:184. (in Azerbaijani).
15. Berdzenishvili NA., Dondua VD., Dumbadze MK., Melikishvili GA., Meskhia ShA.

- nin Mufassal Defteri)* / Перевод З.М. Буниятова и Н.Мамедова. Баку: Элм, 2001. 215 с. (на азерб. яз).
20. *Нахчivan. Энциклопедия* / Ред. Д.Б. Гулиев. Баку: Азерб. Национ. Академия Наук, 2002. 598 с. (на азерб. яз).
21. Алиев Ф.М. Азербайджан в XVIII в. // Историческая география Азербайджана. Глав. ред. акад. АН Азерб. ССР З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1987. С. 129-139.
22. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам / Редакция, комментарии, примечания и указатели акад. АН АзССР З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1991. 305 с.
23. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан в I половине XVIII в. Азербайджанские ханства/ Азербайджанская Национальная Энциклопедия. Азербайджан: коллект. монография / Председатель ред. совета Ильхам Гейдар оглы Алиев. Баку: «Азерб. Национ. Энциклопедия», 2012. С. 255-269.
24. Бурнашев С.Д. Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанное... в Тифлисе в 1786. Курск: Типография Курского Приказа Общественного Призрения, 1793. 38 с.
25. Мамедова Ф. Албанское этнокультурное наследие Азербайджана // Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей). Бакинский Международный Центр Мультикультурализма. Баку: Шарг-Гарб, 2019. С. 10-24.
26. Описание Карабагской провинции (составленное в 1823 г., по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, действительным статским советником Могилевым и полковником Ермоловым 2-м. Тифлис, 1866) // переиздание под ред. Т. Мустафазаде, автор предисловия З.А. Гаджиева. Баку, 2004, 415 с.
27. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005. 800 с.
28. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание II. Т. III. 1828. №1794, с. 125-130. СПб.: Типогр. II Отдел., 1830. 1648 с.
29. Шавров Н.Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб.: Русск. собрание, 1911. 78 с.
30. Адигезал-бек Мирза. Карабах-наме. Баку: АН Азерб. ССР, 1950. 152 с.
- History of Georgia [Istoriya Qruzii].* Tbilisi: pedagogical publishing house, 1962:254.
16. Munshi Iskender-bek. “Tarih-i alem arai-i Abbasi” (“The history of Abbas decorating the world”) [Ukrashayushaya mir istoriya Abbasa] *Materials on the history of Turkmen and Turkmenistan.* T. II. / Ed. VV. Struve. Moscow.-Leningrad: Publ. AS SSSR, 1938:62-102.
17. Huseyn F. *Osmano-Safavid war of 1578-1590 [Osmano-sefevidskaya voyna 1578-1590 qq.]* Baku: Nurlan, 2005:214.
18. *Detailed register of Ganja-Karabakh province (Gence-Karabağ eyaletinin Mufassal Defteri) [Prostranniy reestr Ganja-Karabakhskoy provintsiy]* / Translation from Turkish language, remarks and additions by N. Mamadov. Baku: Shusha, 2000; reprint: A Review Book of the Ganja-Karabakh province. Baku: Chashiyoglu, 2010:508 p. (in Azerbaijani).
19. *Short register of the Nakhichevan Sanjak in 1140 (1727) (Naxchivan sancaginin Mufassal Defteri) [Kratkiy reestr Naxchivanskoqo sandjaka]* / Trans. Z.M. Buniyatova and N. Mamadov. Baku: Elm, 2001. 215 p. (in Azerbaijani)
20. *Nakhchivan. Encyclopedia [Naxchivan]* / Ed. D.B. Guliev. Baku: Azerbaijan NAS, 2002:598. (in Azerbaijani)
21. Aliev FM. Azerbaijan in the 18th century [Azerbaijan v XVIII v.] *Historical geography of Azerbaijan.* Chap. ed. acad. AS Azerb. SSR Z.M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987:129-139.
22. Bakikhanov AK. *Gulistan-i Iram [Gulistan-i Iram]* / Editorial, comments, notes and pointers acad. AS AzSSR Z.M. Buniyatova. Baku: Elm, 1991:305.
23. Mustafazade TT. *Azerbaijan in the 1st half of the 18th century Azerbaijan Khanates [Azerbaijan v I polovine XVIII v. Azerbaidjanskie xanstva]* / Azerbaijan National Encyclopedia. Azerbaijan: collect. monograph / Chairman ed. Council Ilham Heydar oglu Aliyev. Baku: “Azerbaijan. National Encyclopedia”, 2012:255-269.
24. Burnashev SD. A picture of Georgia or a description of the political condition of the kingdoms of Kartalinsky and Kakhetinsky, made by... in Tiflis in 1786 [*Kartina Qruzii ili opisanie politicheskogo sostoyaniya tsarstv Kartalinskoqo i Kaxetinskogo, sdelannoe... v Tiflise v 1786*]. Kursk: print. in Kursk Order of Public Charity, 1793:38.
25. Mamedova F. Albanian ethnocultural heritage of Azerbaijan [Albanskoe etnokulturnoe nasledie Azerbaydjana] *Ethnocultural heritage of Caucasian Albania (collection of articles)*.

31. Джаваншир Мирза Джамал. История Карабаха / Перевод, предисл., примеч. Ф. Бабаева. Баку: Из-во АН Азерб. ССР, 1959. 106 с.
32. Алиев Ф. Карабахское ханство XVIII в. / Карабах. Очерки истории и культуры: коллект. монография / Под ред. А.А. Аббасова. Баку: Чашыгоглу, 2004. С. 71-84.
33. Раффи. Меликства Хамсы. «Мшак», 1882/bookdesigner@the-ebook.org 13.10.2008/
34. Джавадов Г. Малочисленные этносы и национальные меньшинства Азербайджана. Баку: Элм, 2000. 440 с. (на азерб. яз.).
35. Никоноров А. История христианства в Кавказской Албании. Баку: Нурлан, 2005. 196 с.
36. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы / Полное собрание публицистических сочинений. Т.И. СПб.: Типография Артели Печатного дела, 1904; переиздание Баку: Элм, 1990. 224 с.
37. Пространный реестр Тифлисской провинции (Казах и Борчалы. 1728 г.). (Tiflis əyalətinin mürfəssəl dəftəri (Qazax və Borçalı. 1728-ci il)). Перевод Ш.М.Мустафаева. Баку: Изд-во «Педагогика», 2001 г. (на азерб. яз.)
- Baku International Center for Multiculturalism. Baku: Sharg-Garb, 2019:10-24.
26. *Description of the Karabagh province [Opisanie Karabaxskoy provintsiy]* (compiled in 1823, by order of the Chief Executive Officer in Georgia Ermolov, Actual State Counselor Mogilev and Colonel Yermorlov 2-m. Tiflis, 1866. Reprint by T. Mustafazade, the preface Z.A. Hadjiyeva. Baku, 2004:415.
27. Mamedova F. *Caucasian Albania and Al-banians [Kavkazskaya Albaniya i albanii]*. Baku, 2005:800.
28. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Polnoe Sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii]*. Collection II. Т.III. 1828. No. 1794, p. 125-130. SPb.: Print. II Depart. 1648 p.
29. Shavrov NN. *A new threat to the Russian cause in Transcaucasia: the upcoming sale of Mugani to foreigners [Novaya ugroza russkomu delu v Zakavkazye: predstoyashaya rasprodaja Muqani inorodtsam]*. Saint Petersburg: Russian society, 1911:78.
30. Adigezal bey Mirza. *Karabakh-name [Karabax-name]*. Baku: AS Azerb. SSR, 1950:152.
31. Javanshir Mirza Jamal. *History of Karabakh [Istoriya Karabaxa]*/ Translation, foreword, notes of F. Babayev. Baku: Publ. AN Azerb. SSR, 1959:106.
32. Aliyev F. The Karabakh Khanate of the 18th century [Karabaxskoe xanstvo XVIII v.] / Karabakh. Essays on History and Culture: Collect. monograph / Ed. A.A. Abbasova. Baku: Chashigoglu, 2004:71-84.
33. Raffy. Melikstvies of Hamsa [Melikstva Xamsi]. “Mshak”, 1882 /bookdesigner@the-ebook.org 13.10.2008/
34. Javadov G. *Small ethnic groups and national minorities of Azerbaijan [Malochisennie etnosti i natsionalnie menshinstva Azerbaidjana]*. Baku: Elm, 2000:440. (in Azerbaijani)
35. Nikonorov A. *History of Christianity in Caucasian Albania [Istoriya xristianstva v Kavkazskoy Albaniy]*. Baku: Nurlan, 2005:196.
36. Velichko VL. *Caucasus. Russian business and cross-tribal issues [Kavkaz. Russkoe delo i mejduplemennie voprosi]* / Complete collection of journalistic works. T.I. SPb.: print. of the Artel of Printing, 1904; reprint of Baku: Elm, 1990:224.
37. *Detailed register of Tiflis province (Qazakh and Borchali. 1728)*. (Tiflis əyalətinin mürfəssəl dəftəri (Qazax və Borçalı. 1728-ci il)). Translated by Shahin Mustafayev. Baku: “Pedagogika”, 2001.

Рецензия поступила в редакцию 06.06.2020 г.

ХРОНИКА

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163842-853>

Алибекова Патимат Магомедовна,
к.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Россия
patimat-alibekova@yandex.ru

Тикаев Гусейн Гаджибрагимович,
к.ф.н., доцент кафедры востоковедения,
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
tikaev@mail.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО-ВОСТОКОВЕДА ГАСАНХАНА МИРЗАМАГОМЕДОВИЧА МИРЗАМАГОМЕДОВА

Аннотация. Статья посвящена научному вкладу безвременно ушедшего в сентябре 2020 г. ученого-востоковеда Гасанхана Мирзамагомедовича Мирзамагомедова (1954–2020). Г.М. Мирзамагомедов был признанным специалистом по истории Дагестана, его рукописным памятникам, эпиграфике, сфрагистике и мусульманскому праву. Ученый была разработана концепция изучения дагестанских арабоязычных рукописей. Свои исследования Г.М. Мирзамагомедов проводил на основе комплексного изучения, анализа и сопоставления дагестанских письменных источников на арабском языке. Его работы посвящены самым сложным вопросам источниковедения и археографии.

CHRONICLE

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH163842-853>

Patimat M. Alibekova,
PhD (Philology), Leading Researcher
Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Federal Researcher Center of RAS, Makhachkala, Russia
patimat-alibekova@yandex.ru

Guseyn G. Tikaev
PhD (Philology), Assistant Prof. of Department of Oriental Studies
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
tikaev@mail.ru

IN THE MEMORY OF THE SCHOLAR-ORIENTALIST GASANKHAN MIRZAMAGOMEDOVICH MIRZAMAGOMEDOV

Abstract. The article is devoted to the scientific contribution of the scientist-orientalist Hasankhan Mirzamagomedovich Mirzamagomedov (1954-2020), who passed away in September 2020. G.M. Mirzamagomedov was a recognized expert in the history of Dagestan, its manuscript monuments, epigraphy, sphragistics and Muslim law. The scholar developed a concept for the study of Dagestan Arabic-language manuscripts. G.M. Mirzamagomedov carried out on the basis of a comprehensive study, analysis and comparison of the Dagestan written sources in Arabic. His works are devoted to the most complex issues of source study and archeography.

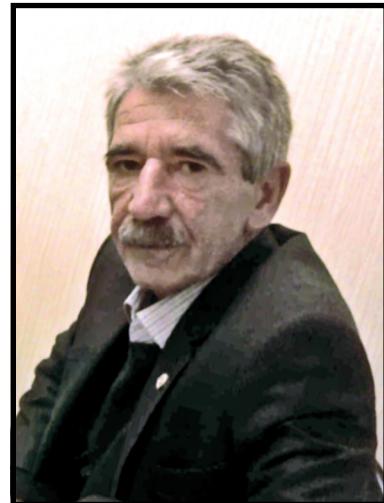
1 сентября 2020 г. ушел из жизни наш коллега Гасанхан Мирзамагомедович Мирзамагомедов.

Г.М. Мирзамагомедов родился 28 мая 1954 г. в селении Мекеги Левашинского района РД. Его родители, Мирзамагомед Мирзамагомедович Мирзамагомедов и Хасбулатова Аминат Муртузалиевна, сделали много для развития культуры и просвещения в Дагестане. В 1972 г. Гасанхан окончил среднюю школу № 13 г. Махачкалы. В 1977 г. с отличием окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета, был принят на работу в сектор востоковедения Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии Наук СССР, где поступил в аспирантуру. В период с 1986 по 1990 год находился в Сирийской Арабской Республике, где работал переводчиком в советской организации «Зарубежнефть». В 1991 г. работал переводчиком в Кувейте. В 1991 г. с открытием отделения востоковедения на историческом факультете Дагестанского государственного университета стал старшим преподавателем, а с 1995–1997 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой востоковедения. Одновременно Гасанхан Мирзамагомедович работал и в ИИЯЛ ФАН СССР. С 1997–1999 гг. находился в Ираке, был директором-представителем компании LUKOIL Mid East Operational (филиал «Лукойла»). С 1999 г. – старший преподаватель кафедры востоковедения. Совершенствуя знание языка в арабских странах, Гасанхан Мирзамагомедович повышал научную квалификацию в крупнейших востоковедных центрах России. Он прошел стажировку в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (1982 г.), в Институте стран Азии и Африки при МГУ (1996 г.). В рамках совместного гранта кафедры востоковедения исторического факультета ДГУ и МГУ с 2001–2004 г., Г.М. Мирзамагомедов стажировался в Институте стран Азии и Африки при МГУ (2001 г.).

Гасанхан Мирзамагомедович работал с такими признанными дагестанскими учеными, как М.С. Саидов, М.-Р.М. Мугумаев, А.Р. Шихсаидов, Х.А. Омаров, Г.М.-Р. Оразаев. Был активным участником археографических экспедиций, организованных ИИЯЛ ДФАН СССР, по результатам работы которых им опубликованы статьи в ставших сегодня раритетными изданиях ИИЯЛ ДФАН СССР.

Г. М. Мирзамагомедов был признанным специалистом по истории Дагестана, его рукописным памятникам, эпиграфике, сфрагистике и мусульманскому праву. В мире науки ценили его умение прочитать и расшифровать старинные тексты на арабском языке, написанные на Северном Кавказе в средневековый период. Это делалось высокопрофессионально, со знанием особенностей языковой специфики исследуемого периода.

Нам посчастливилось работать с Гасанханом Магомедовичем Мирзамагомедовым. Это был благородный, интеллигентный и светлый человек, обладавший тонким чувством юмора.

Г.М. Мирзамагомедов был наделен феноменальным аналитическим умом и мог увидеть в фактах то, что другие заметить не могли. Он разработал концепцию изучения дагестанских арабоязычных рукописей. Свои исследования Г.М. Мирзамагомедов проводил на основе комплексного изучения, анализа и сопоставления дагестанских письменных источников на арабском языке. Его работы посвящены самым сложным вопросам источниковедения и археографии. Гасанханом Мирзамагомедовичем велись исследования в нескольких научных направлениях. Ниже приводим области научных интересов Г. Мирзамагомедова, отметив некоторые из его публикаций.

История Дагестана

Сведения арабской географической литературы о государственных образованиях средневекового Дагестана (VII–X) // Научно-практическая конференция молодых ученых Дагестана «Молодежь и общественный прогресс». Часть I. Махачкала, 1978. С. 58.

Даргинские земли в VIII–X вв. (по материалам арабских средневековых авторов) // Тезисы докладов к конференции, посвященной 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Вып. XII, Махачкала, 1979. С. 88–91.

Сарир и его соседи в IX–X веках (по материалам арабских средневековых авторов) // Научно-практическая конференция молодых ученых Дагестана «Молодежь и общественный прогресс». Часть I, Махачкала, 1979. С. 264.

Тарковские Шамхалы и Акуша-Дарго в XVIII в. // Тезисы докладов III конференция молодых ученых. Махачкала, 1980. С. 35–36.

Границы территории общества Нижнее Мулебко // Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Выпуск XIII. Махачкала, 1981. С. 75–76.

Взаимоотношения владетелей Дагестана и Азербайджана во второй половине XVIII века // Тезисы докладов IV конференция молодых ученых. Махачкала, 1982. С. 58–59.

Эволюция института «ка ‘ида» в политической структуре Дагестана // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1982–1983 гг. Махачкала. 1984. С. 36–38.

К истории борьбы Дагестанцев против Надир-шаха (по дагестанским арабоязычным источникам) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986. С. 83–93.

Роль кланов и конфессиональных групп в структуре верховной власти Дагестана XVIII – нач. XIX вв. (по данным арабоязычных письменных источников) // IV всесоюзная конференция востоковедов. «Восток. Прошлое и настоящее народов». М., 1991. Т. II. С. 152–154.

Северный Азербайджан в сфере политической борьбы дагестанских владетелей // Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане (вып. XX). Махачкала, 1992. С. 134–135.

Из истории взаимоотношений владетелей Северо-Восточного Азербайджана и Дагестана во второй половине XVIII в. // Материалы республиканской научно-практической конференции. Баку, 1992. С. 28–30.

Роль и значение улемов в общественной жизни Дагестана (XVII–XVIII вв.) // XIII объединенная научная сессия кафедр арабской филологии и семитологии Московского, Санкт-Петербургского, Тбилисского и Ереванского университетов, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Б. М. Гранде. М., 1992. С. 42–43.

Новые письменные свидетельства о взаимоотношениях народов Азербайджана и Дагестана во второй половине XVIII века // Историография и источниковедение средневекового Востока; материалы международного научного симпозиума, посвященного 90-летию члена национальной академии наук Азербайджана, Героя Советского Союза Зии Муса Оглы Буниятова. Баку, 2012. С. 155–157.

Источниковедение и историография средневекового Дагестана (Арабские авторы о Дагестане). Учебно-методический комплекс для студентов 4 курса. Махачкала: Издательство ДГУ, 2015. 23 с.

Эпистолярные источники

Из официальной переписки на арабском языке в Дагестане // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. III. Ч. II. М., 1978. С. 118.

Памятники эпистолярного жанра по истории Дагестана XVIII в. // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980–1981 гг. Махачкала, 1982. С. 41–42.

Деловое письмо в Дагестане (внешнее описание) // Тезисы докладов I конференции молодых ученых ИЯЛ. Махачкала, 1985. С. 28.

Характеристика дагестанских арабоязычных памятников эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 43–67.

Письменные памятники Северного Кавказа эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. (источниковедческий анализ). Учебно-методическое пособие. Махачкала, 2002. 36 с.

Из эпистолярного наследия народов Дагестана // Мысль. № 2. Махачкала, 2009. С. 48–49.

Сравнительно-исторический анализ традицией письмоведения и их значение в стратификации средневекового мусульманского общества // VI Дзагуровские чтения «От античности к Возрождению». Махачкала, 2007. С. 76–80.

Дибир-кади Хунзахский – письмоводитель правителей Аварии // Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 270-летию со дня рождения ученого и статьи по вопросам гуманитарного наследия дореволюционного Дагестана. Махачкала, 2012. С. 20–45.

Особенности оформления арабоязычных памятников эпистолярного жанра (на примере местного документального материала) // Вестник ДГУ. Выпуск 4. 2013. С. 128–133.

Арабоязычные памятники Дагестана XVIII – нач. XIX в. (эпистолярный жанр). Учебно-методический комплекс по спецкурсу. Махачкала: Издательство ДГУ. 2013. 19 с.

Корановедение

Аяты священного Корана как убедительный аргумент принятия соответствующих решений // Сборник статей I международной научно-практической конференции «Османовские чтения». Махачкала: Издательство ДГУ, 2017. С. 179–188.

Стоянова Н.И., Мирзамагомедов Г. М. Ибн Касир – муфассир, автор «Тафсир ал-Кур’ан ал-‘азим», факих, мухаддис, историк // Кавказ и страны Востока: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. III. Махачкала, 2018. С. 50–53.

Кодикология

Итоги археографической экспедиции // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 г. Махачкала, 1980. С. 40–42 (в соавторстве с А.Р. Шихсаидовым и др.).

Методы датировки письменных памятников северного Кавказа // Тезисы докладов V конференции молодых ученых. Махачкала, 1985. С. 76–77.

Итоги историко-археографической экспедиции 1991 года // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. С. 52.

Сокращенное указание на авторство (нисба) в гlosсах дагестанских арабоязычных рукописных сочинений и текстах // Сборник статей I Международной научно-практической конференции «Османовские чтения». Махачкала, 2017. С. 69–70.

Топонимика

Местная географическая номенклатура в Дагестане // Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане между VII–VIII съездами географического общества СССР. Махачкала, 1988. С. 88–89.

Передача географических названий населенных пунктов и сельских обществ Дагестана посредством арабского письма (по материалам архивных арабоязычных документов) // XVII Дзагуровские чтения. Махачкала, 2019. С. 192–196.

Мусульманское право

Памятник обычного права начала XVIII в. // II конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1979. С. 24–25.

Документ по обычному праву даргинцев // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. С. 59.

Типичный образчик норм мусульманского права // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. № 1997. (в соавтор-

стве с Н.И. Стояновой). С. 29–33.

Анализ сочинений по мусульманскому праву в трудах дагестанских ученых арабистов // Мысль. № 2. Махачкала, 2009 . С. 11–13.

Важно отметить, что Г.М. Мирзамагомедов имел богатый опыт археографической работы. Работая в отделе востоковедения, он провел первичную обработку большого количества арабских рукописей. Одна из сложных задач в описании арабского сочинения дагестанского происхождении – определение автора многочисленных глосс на его полях, в которых часто приводится только нисба (часть имени с указанием происхождения или рода деятельности). Г. Мирзамагомедовым была написана статья «Сокращенное указание на авторство (нисба) в глоссах дагестанских арабоязычных рукописных сочинений и текстах», дающая исследователям основные ориентиры определения дагестанских авторов комментариев и супракомментариев по их нисбам [1]. Ценность этих глосс в том, что они несут информацию об оригинальных дагестанских сочинениях, среди которых имелись тексты, не сохранившиеся до наших дней.

Приоритетной темой научных исследований Г. Мирзамагомедова была дагестанская эпистолярная литература на арабском языке. Как верно подмечено автором статьи, «памятники эпистолярного жанра на арабском языке... – пока наиболее слабо изученный и разработанный раздел источниковедения истории народов Дагестана» [2, 43]. Эпистолярный источник ценен не только его содержанием, но и внешними его атрибутами, которые несут в себе сведения, позволяющие не только определить подлинность документа, но и изучить этапы развития арабской письменной традиции в Дагестане, проследить ее закономерные связи и степень влияния иных культур, показать уровень просвещения и культурного развития народов Дагестана. На основе тщательного исследования большого количества эпистолярных источников Г.М. Мирзамагомедовым написано несколько работ, среди которых «Характеристика дагестанских арабоязычных памятников эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. [2]. В ней дан обстоятельный археографический анализ эпистолярных документов XVIII – нач. XIX в. на арабском языке, исследована архитектоника текста, выделив десять постатейных его частей, приведена оценка каждой из них:

«Знание основных статей условного формуляра, наиболее употребительных формул, языковых оборотов эпистолярных письменных памятников Дагестана дает возможность наряду с применением других методов, с максимальной точностью определить подлинность и характер местного происхождения документа, ... фиксируя устойчивое воплощение языковых и канцелярских норм того времени можно, с одной стороны, воссоздать эпистолярный стиль эпохи, с другой – определить дату составления письменного документа» [2, с. 61]. Статья снабжена иллюстрациями писем Сурхай-хана Казикумухского, Умма-хана Аварского, Рустама-кади. Положения статьи разработаны им в учебно-методическом пособии для студентов-востоковедов «Письменные памятники Северного Кавказа эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. (источниковедческий анализ)» [3]. Эта работа Г. М. Мирзамагомедова была высоко оценена крупным

российским востоковедом М. С. Киктевым, который выступил ее рецензентом.

В статье «Дибир-кади Хунзахский – письмоводитель правителей Аварии» [4], написанной Г. Мирзамагомедовым совместно с востоковедом- филологом, доцентом факультета востоковедения ДГУ Н.И. Стояновой, приведены копии текстов одиннадцати подлинных письменных документов на арабском языке, хранящихся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ, дешифровку текстов писем, их переводы на русский язык, снабженные историко-филологическими комментариями. Письма представляют собой послания правителей Аварии Умма-хана Аварского (1774–1801) и Султан- Ахмад-хана (1802–1823) жителям дагестанских феодальных владений и обществ. Необходимо отметить ценность этой статьи, т.к. большая часть представленных документов вводится в научный оборот впервые. Они содержат ценный фактический материал, касающийся социально- экономической и политической жизни средневекового Дагестана. Составителем писем был Дибир-кади из Хунзаха (1741–1817), известный ученый, секретарь и доверенное лицо Умма-хана Аварского. Авторам удалось показать участие Дибир-кади из Хунзаха в политической жизни Аварии XVIII – начала XIX в. Они приходят к выводу, что эти документы «ясно демонстрируют значимость и важность личности Дибир-кади Хунзахского как незаурядного государственного деятеля, тонкого дипломата и политика» [4, с. 39].

Гасан Мирзамагомедов открывал неизученные грани арабоязычного письменного наследия, ставил новые исследовательские задачи перед дагестанским востоковедением. Доказательством тому является статья «Аяты священного Корана как убедительный аргумент принятия соответствующих решений» [5]. Г. Мирзамагомедов принимал активное участие в «Османовских чтениях», которые проводятся в Дагестанском государственном университете в память о выдающемся ученом-востоковеде Магомед-Нури Османовиче Османове. На примере одного документа – письма Умма-хана Аварского, отправленного им союзам вольных обществ Хид и Киль (Къелеб), – Г. Мирзамагомедов проанализировал аяты священного Корана, содержащиеся в послании. Он показал какие функции призваны были выполнять коранические тексты в эпистолярных источниках, какие дополнительные смысловые нагрузки вкладывал в них адресант. Письмо содержит 11 аятов из шести сур Корана, оно составлено Дибир-кади Хунзахским¹. Автор приходит к выводу о том, что « дальнейшие исследования в этом направлении, непременно, дадут новый импульс для изучения письменного наследия народов Дагестана, тем более, что письма на арабском языке составляют его самый значительный (в количественном отношении) пласт, дающий широкий простор новым научным изысканиям» [5, с. 186]. Историческую ценность представляет и содержание послания. В нем Умма-хан Аварский призывает дагестанские народы выступить в событиях 1796 г. на стороне персидского шаха Ага Мухаммад-хана. По сохранившимся записям Дибир-кади из Хунзаха известно, что Умма-хан Аварский трижды

¹ Дибир-кади Хунзахский является автором не только известных лексикографических работ, его перу принадлежат сочинения теологического содержания на аварском (аджаме) и арабском языках.

ды отправлял Дибир-кади в Дербент как своего представителя для участия в переговорах между дербентским правителем Шейхали-ханом и русскими под командованием генерала В.А. Зубова с целью склонить Шейхали-хана на сторону русских. К сожалению, послание Умма-хана Аварского, о котором говорится в статье, осталось неопубликованным, как и другие исторические документы, изученные нашим коллегой.

Г.М. Мирзамагомедов, занимаясь расшифровкой и переводом писем, изучая каждый документ с исторической, филологической и культурной точки зрения, проводил их всесторонний источниковедческий и востоковедческий анализ.

В последние годы Гасанхан Мирзамагомедович был занят исследованием названий населенных пунктов и сельских обществ Дагестана в арабоязычных документах. Передача этнонимов, микротопонимов, гидронимов арабской графикой имеют зачастую разные формы и представляют определенные трудности при их идентификации. Г.М. Мирзамагомедов планировал создать «полный список местных топонимов и этнонимов, встречающихся в арабоязычных документах с учетом различных вариантов написания в арабской графике и с соответствующим переводом их на принятый в современной картографии язык» [6, 195]. Выявлено и идентифицировано 144 наименования местностей, названия народностей и сельских обществ средневекового Дагестана. Это и сейчас значительно облегчает задачи исследователей в данной области и помогает избежать ошибок.

Г. М. Мирзамагомедов щедро делился бесценными знаниями, полученными в результате многолетней работы над арабскими письменными источниками. В его научных публикациях содержатся уникальные сведения, касающиеся кодикологии, а именно, определения авторства арабских сочинений и глосс, особенностей почерковых стилей дагестанских ученых, установления времени и места написания письменных источников и их подлинности, научного описания рукописей, сфрагистики и т.д. В научных работах он вводит читателя в святую святых – лабораторию научного исследования арабского письменного памятника.

Его работы имеют непреходящую научно-практическую значимость, отличаются глубиной содержания, лаконичностью и новизной, дают возможность исследователю, «перескочив» через встречающиеся неизбежные трудности в работе над арабским источником, сэкономив уйму времени на их преодоление, успешно достичь поставленной цели. На наш взгляд, следует издать работы Г.М. Мирзамагомедова отдельным сборником, который, несомненно, станет настольной книгой для востоковедов-арабистов.

Гасанхан Мирзамагомедович Мирзамагомедов прилагал много сил для воспитания и подготовки студентов, изучающих арабский язык, как на факультете востоковедения, так и на историческом факультете. Занятия, проводимые им, вызывали большой интерес у студентов, так как образованность и профессионализм, ораторское искусство лектора производили на них большое впечат-

ление. Гасанхан Мирзамагомедович не ограничивался материалом рабочих программ дисциплин, а старался охватить многие стороны жизни арабских народов и часто приводил примеры из личного опыта пребывания в арабских странах. Г.М. Мирзамагомедовым были разработаны обучающие учебные и методические материалы и разработки, рабочие программы множества дисциплин, которые читались им, размещены на сайте ДГУ.

Г.М. Мирзамагомедов подготовил и вел «Образовательный блог по чтению текстов по арабским источникам об истории Дагестана». На сайте Электронного университета ДГУ он организовал курсы дистанционного обучения Moodle. Несколько лет Г.М. Мирзамагомедов возглавлял студенческий научный кружок «Молодой востоковед» и уделял большое внимание привлечению студентов факультета востоковедения ДГУ к научно-исследовательской работе. Ребята проявляли большое желание работать под его руководством над курсовыми и выпускными квалификационными работами. Они хорошо запомнили его занятия по описанию арабо-дагестанских средневековых писем и рукописей, с удовольствием готовили доклады под его руководством для выступлений на конференциях различного уровня.

Для студентов факультета востоковедения Г.М. Мирзамагомедов читал курс лекций по дисциплине «Исламоведение». По инициативе ныне покойного ученого-востоковеда М.-Н. О. Османова, автора лучшего перевода с комментариями на русский язык смыслов Корана, он в 2007 г. был приглашен в Институт исламоведения при ДГУ в качестве научного сотрудника, где занимался исследованием Корана. В частности, он занимался изучением одной из сложных его проблем – трудностей перевода коранических слов, разбора ряда трудных мест для перевода на русский язык. Всего, как отмечал Г.М. Мирзамагомедов на одном из секционных заседаний Годичной сессии профессорско-преподавательского состава ДГУ, им было обработано и переведено на русский язык более 60 словосочетаний из священной книги мусульман.

Г.М. Мирзамагомедов проявлял активность и в общественной жизни. Он являлся членом редколлегии журнала «Научный мир». Его общий трудовой стаж и стаж работы по специальности превысил 43 года.

Г.М. Мирзамагомедов был инициатором научных мероприятий, проводимых кафедрой арабской филологии для сотрудников и студентов:

«Письменные памятники на арабском языке по истории и культуре Дагестана (эпиграфика, актовый материал)» (совместно с проф. Закариевым З.Ш.), круглый стол «Изучение и описание арабской рукописной книги», проведенный в марте 2017 г. в конференц-зале научной библиотеки ДГУ с участием доцента кафедры арабской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СпбГУ) Ханы Яфии Юсиф Джамиль.

Г.М. Мирзамагомедов представлял российское и дагестанское востоковедение на многочисленных международных научных конференциях и конгрессах в Махачкале, Москве, Санкт-Петербурге, Баку, Тбилиси и других научных

центрах ближнего и дальнего зарубежья. Его выступления вызывали живой интерес, он отлично владел ораторским мастерством, с удовольствием отвечал на вопросы.

Г.М. Мирзамагомедова отличала высокая культура отношений со своими коллегами. Сотрудники факультета востоковедения ДГУ, Института истории, археологии и этнографии и Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН глубоко скорбят о потере коллеги и выражают искренние соболезнования его супруге – Наталье Илиевне Стояновой, их дочерям – Амине и Бэлле, а также всем родным и близким.

Светлый образ Гасанхана Мирзамагомедовича Мирзамагомедова навсегда

останется в нашей памяти.

REFERENCES

1. Mirzamagomedov GM. Abbreviated indication of authorship (nisba) in the glosses of Dagestan Arabic-language manuscripts and texts [Sokrashchennoye ukazaniye na avtorstvo (nisba) v glossakh dagestanskikh arabyazichnykh rukopisnykh sochineniy i tekstakh *Collection of articles of the I International scientific-practical conference "Ottoman readings"* [Sbornik statey i Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Osmanovskiye chteniya»]. Makhachkala, 2017:69-70. (In Russ.)
2. Mirzamagomedov GM. Characteristics of the Dagestan Arabic-language monuments of the epistolary genre of the XVIII – early XIX centuries [Kharakteristika dagestanskikh arabyazichnykh pamyatnikov epistolyarnogo zhanra XVIII – nach. XIX vv.] *Source study of medieval Dagestan [Istochnikovedeniye srednevekovogo Dagestana]*. Makhachkala, 1986:4-7. (In Russ.)
3. Mirzamagomedov GM. *Written monuments of the North Caucasus of the epistolary genre of the XVIII – early XIX centuries (source analysis). Study guide* [Pis'mennyye pamyatniki Severnogo Kavkaza epistolyarnogo zhanra XVIII – nach. XIX vv. (istochnikovedcheskiy analiz). Uchebno-metodicheskoye posobiye]. Makhachkala, 2002. (In Russ.)
4. Mirzamagomedov GM., Stoyanova NI. Dibir-kadi Khunzakhsky – the clerk of the rulers of Avaria [Dibir-kadi Khunzakhskiy – pis'movoditel' praviteley Avarii] *Proceedings of the jubilee scientific session dedicated to the 270th anniversary of the birth of the scientist and articles on the humanitarian heritage of pre-revolutionary Dagestan [Materialy yubileynoy nauchnoy sessii, posvyashchennoy 270-letiyu*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирзамагомедов Г.М. Сокращенное указание на авторство (нисба) в гlosсах дагестанских арабоязычных рукописных сочинений и текстах // Сборник статей I Международной научно-практической конференции «Османовские чтения». Махачкала, 2017. С. 69–70.
2. Мирзамагомедов Г.М. Характеристика дагестанских арабоязычных памятников эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. С. 43–67.
3. Мирзамагомедов Г.М. Письменные памятники Северного Кавказа эпистолярного жанра XVIII – нач. XIX вв. (источниковедческий анализ). Учебно-методическое пособие. Махачкала, 2002. 36 с.
4. Мирзамагомедов Г.М., Стоянова Н.И. Дибир-кади Хунзахский – письмоводитель правителей Аварии // Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 270-летию со дня рождения ученого и статьи по вопросам гуманитарного наследия дореволюционного Дагестана. Махачкала, 2012. С. 20–45.
5. Мирзамагомедов Г.М. Аяты священного Корана как убедительный аргумент принятия соответствующих решений // Сборник материалов II Международной научной конференции «Османовские чтения». Махачкала: Издательство ДГУ, 2017. С. 179–188.
6. Мирзамагомедов Г.М. Передача географических названий населенных пунктов и сельских обществ Дагестана посредством арабского письма (по материалам архивных арабоязычных документов) // XVII Дзагуровские чтения. Махачкала, 2019. С. 192–196.
- so dnya rozhdeniya uchenogo i stat'i po voprosam gumanitarnogo naslediya dorevolyutsionnogo Dagestana]. Makhachkala, 2012:20-45. (In Russ.)
5. Mirzamagomedov GM. Ayats of the Holy Quran as a convincing argument for making appropriate decisions [Ayaty svyashchennogo Korana kak ubeditel'nyy argument prinyatiya sootvetstvuyushchikh resheniy] Collection of materials of the II International Scientific Conference "Ottoman Readings" [Sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Osmanovskiye chteniya】. Makhachkala: DSU Publishing House, 2017:179-188. (In Russ.)
6. Mirzamagomedov GM. Indication of geographical names of settlements and rural societies of Dagestan by means of Arabic writing (based on materials from archival Arabic documents) [Peredacha geograficheskikh nazvaniy naseleennykh punktov i sel'skikh obshchestv Dagestana posredstvom arabskogo pis'ma (po materialam arkhivnykh arabyazychnykh dokumentov)] XVII Dzagurovsky readings [XVII Dzagurovskiye chteniya]. Makhachkala, 2019: 192-196. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.09.2020 г.

***Редколлегия журнала
История, археология и этнография Кавказа
выражает глубокие соболезнования семье и близким
Гасанхана Мирзамагомедовича Мирзамагомедова***

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
M.P. Сефербеков

Верстка
Раджабова Саида

Подписано в печать 31.10.2020. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Georgia.